

ЛЕНА ЛЕТНЯЯ

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ПРОКЛЯТЫЙ
РЕКТОР

Мне оставалось отучиться год. Один год — и я могла получить свободу и независимость, о которых мечтала с детства. Однако внезапная и очень подозрительная смерть матери перевернула мой мир. Она оставила после себя множество вопросов, а единственный шанс найти ответы — отправиться в самый элитарный университет Республики. Я думала, что снобизм новых сокурсников станет главной моей проблемой, но ошиблась. Ответы, которые я ищу, могут стоить мне жизни, а меня почему-то теперь больше заботит жизнь местного ректора, над которым висит проклятие.

Предупреждение: "Проклятый ректор" входит в цикл "Академии за Занавесью". Это самостоятельная история, которая может читаться отдельно от предыдущих, но она содержит сюжетные спойлеры к дилогии "Магический спецкурс".

Звонкая пощечина обожгла щеку и отозвалась знакомым жаром в груди, но мои глаза остались сухи. Только гневно сверкнули на отца, которого практически трясло от злости. Не то чтобы мне не было больно, обидно или страшно. Крутой нрав отца приводил меня в трепет с самого детства, но даже в детстве я никогда не плакала. Говорят, я не делала этого даже в младенчестве. Орать, конечно, орала, как все новорожденные, но слез никогда не было. И на недавних похоронах матери, на которых я едва не задохнулась от отчаяния, тяжелым камнем придавившим грудь, мои глаза не проронили ни одной слезинки. Сейчас огонь вспыхнул где-то на уровне солнечного сплетения, но глаза даже не увлажнились.

— Я не выйду за него замуж, — чеканя каждое слово, отрезала я, держась за покрасневшую щеку и обхватив себя другой рукой, словно закрываясь от отца. — Мне плевать, что он твой друг и сосед. Я тебе не корова, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. Я твоя дочь!

Мы вели этот разговор уже не первый раз. Пятый, если говорить точно. За пять дней, прошедших со смерти мамы, мы говорили об этом уже пятый раз. И с каждым разговором отец становился все настойчивее, а его слова — все резче. Но ударил он меня впервые. За эту неделю.

— Не льсти себе, Тара, — процедил отец, тяжело дыша. Его взгляд жалил гораздо больше пощечины. — Твоя мать притащила тебя из Лекса. Я всю жизнь терпел твое присутствие только ради нее. И теперь ты либо выйдешь замуж за достойного человека, который пожелал тебя, уродку, либо можешь убираться на все четыре стороны и отныне обеспечивать себя сама. Видеть тебя в своем доме я больше не хочу.

Сказал — как чашку кипятка в лицо выплеснул. Я стояла посреди гостиной нашего небольшого, но благодаря стараниям мамы всегда уютного дома, и смотрела на него широко распахнутыми глазами. В детстве у меня часто возникало подозрение, что он меня не любит и даже с трудом терпит, но маме всегда удавалось убедить меня, что это не так.

— Он же заботится о тебе, — говорила она. — Как и обо мне. Это и есть любовь.

Я верила, потому что никакой другой любви не знала и не видела. Но вот мамы не стало — и исчезла даже такая любовь. После этих слов стало понятно почему. Он действительно никогда не любил меня, только, видимо, маму. Достаточно сильно, чтобы терпеть в своем доме побочного ребенка, но недостаточно, чтобы полюбить и его.

Отец развернулся и ушел в свой кабинет, а я еще с минуту растерянно стояла посреди комнаты, захлебываясь обидой, миллионом вопросов и страхом перед будущим, которое внезапно стало таким зыбким. Еще вчера я думала, что настойчивое желание выдать меня замуж — это просто реакция отца на горе. Мне казалось, что если я как следует объясню, почему не хочу выходить замуж за нашего соседа, который в сущности был хорошим человеком, он поймет и не станет настаивать. Теперь же я поняла, что давно ему мешаю, если не сказать — раздражаю. Он не отступится, скорее, действительно выгонит меня из

дома.

Когда первое оцепенение прошло, я почти бегом кинулась наверх, в свою комнату. Достала из шкафа сумку и принялась складывать в нее вещи, уменьшая каждую, чтобы сэкономить место и вес. Магический поток из-за всплеска эмоций подчинился плохо, приходилось плотно сжимать в кулаке маленькую подвеску — серебряный медальон, служивший мне фокусирующим артефактом, — направляя поток в заклятия. Словно я снова была маленькой девочкой, едва научившейся пользоваться магией.

К счастью, большая часть моих вещей давно перекочевала в Орту, где я училась уже третий год, а дома оставались только те, которые я носила редко. В письменном столе, в небольшом ящике за дверцей с магическим замком, и вовсе хранилась только шкатулка с небольшим количеством драгоценностей, которые мама начала дарить мне на дни рождения лет с пятнадцати. К неполным двадцати накопилась пара сережек, колечко да браслет. Шкатулка, которую мама вручила мне как первый подарок, явно была рассчитана на большее количество содержимого. Я схватила ее и засунула в сумку, не уменьшая. И тут же услышала грохот, словно на пол упало что-то тяжелое, но невидимое. Я пошарила рукой по полу и действительно наткнулась на невидимый предмет. После применения заклятия проявления оказалось, что я держу в руках еще одну шкатулку.

Эта новая шкатулка выглядела куда красивее той, что хранила мои украшения. И была немного больше. Поверхность крышки украшал витиеватый узор, сложенный из тонких серебряных нитей. Он изображал морское дно, местами общую картину дополняли крошечные ракушки и камешки. Нити сплетались в волны, водоросли и разнообразных рыбок, а по центру превращались в изящную русалку. Я коснулась пальцами узора, пробежала по шершавой поверхности ракушек, думая о том, что никогда в жизни не видела моря, но всегда хотела на него посмотреть. Мама об этом знала. Может быть, эта шкатулка — заранее подготовленный подарок на двадцатилетие? Оно только в апреле, а сейчас подходил к концу январь, но мама могла готовиться к моему совершеннолетию заранее.

Шкатулка была тяжелой сама по себе, но и внутри что-то лежало: содержимое громынуло, когда она упала. Я попыталась поднять крышку, но та не поддавалась. Ни одно известное отпирательное заклятие не помогло, поэтому я в недоумении уставилась на шкатулку. Она закрыта до моего дня рождения? Или мама наложила какое-то сложное заклятие, которое теперь никто и никогда не сможет снять? Это подарок или какая-то тайна? Учитывая странные обстоятельства ее смерти, я легко могла поверить и в первое, и во второе.

Внизу громко хлопнула дверь. Видимо, отец все еще злился и не мог усидеть на месте. Я торопливо засунула вторую шкатулку в сумку и, выпрямившись, огляделась по сторонам. Забрать с собой всю комнату я не могла, даже понимая, что, возможно, никогда сюда не вернусь. Я взяла с полки еще пару любимых книг, уменьшила их и положила в сумку к остальным вещам.

Горечь снова зажгла огонь в груди. В каком-то смысле я любила этот дом, ведь другого у меня не было. Я не знала другой жизни, и все мои воспоминания, счастливые и не очень, связаны с фермой отца... то есть человека, которого я считала своим отцом. Все рухнуло слишком стремительно: еще неделю назад я писала маме письмо, делилась планами на каникулы, спрашивала, не будет ли отец против, если мы с ней пару дней проведем в Аларии — столице Второй Республики — в честь окончания мною третьего курса Орты. И вот теперь у меня нет ни матери, ни даже отца. И единственный человек, которому я нужна, —

это наш сосед, который хочет на мне жениться. И как бы он ни был мне симпатичен раньше, как друг семьи, меня не тянуло в неполные двадцать лет выходить замуж за фермера — ровесника моих родителей.

Плохо было то, что третий курс учебы в Орте заканчивался всего через месяц. Оставалось отучиться неделю да сдать экзамены. А за четвертый год отец — то есть, муж мамы — может и не захотеть теперь платить. Да и до совершеннолетия мне еще несколько месяцев. Пусть выдавать дочерей замуж насильно в магическом мире было уже не принято, но определенное давление он все равно мог оказывать. Мне нужно было решить, что теперь со всем этим делать.

Я шагнула к двери комнаты, но на секунду задержалась у большого зеркала в пол, стоявшего у выхода, поймав в нем свое отражение. Конечно, назвав меня «уродкой» отец немного преувеличил. Я была достаточно хороша, чтобы мною соблазнился одинокий фермер сорока с небольшим лет: нормально сложена, хоть и худощава из-за тонкой кости, немного выше среднего роста, светлокожая, голубоглазая, с длинными светлыми волосами. Я знала, что многим мужчинам нравится подобная внешность.

Но увидев в отражении по-прежнему совершенно сухие глаза на бледном, слегка осунувшемся лице, я подумала, что в чем-то действительно «уродка». Неумение плакать определенно было ненормальным. И, наверное, пугало людей, которые знали об этом. На похоронах я ловила на себе неодобрительные взгляды соседей и друзей семьи, которые наверняка считали, что мне просто нет дела до смерти мамы.

Я тряхнула головой и решительно потянула на себя дверь. Надо как можно незаметнее покинуть отчий дом и поскорее вернуться в Орту. До конца триместра у меня еще есть немного времени подумать и решить, что делать.

Тот день, когда я покинула отчий дом, как мне казалось, навсегда, я почти не помню. Наверное, я что-то делала, что-то учила — ведь из-за похорон я пропустила почти неделю учебы, а мне надо было готовиться к сессии, но все мои мысли крутились вокруг слов, которые мне сказал... ну да, мой отец. Поскольку другого у меня не было, а того я привыкла считать родным, я решила, что так и буду его называть.

Я не понимала, как мама могла учиться в Лексе? Это самый древний университет в нашем мире. Его основал один из трех последних великих королей — Норд Сорроу. Еще пять веков назад последний правитель королевства Рейвен открыл в своей стране первую школу для обучения разным наукам и магии, до этого дети все постигали дома. Даже тогда Лекс предназначался исключительно для обучения знати. В него ехали из разных стран, но принимались только отпрыски знатных, древних родов. Конечно, туда могли принять и кого-то по протекции при условии соответствующей оплаты, но такие случаи были редки.

Прошло пять веков, Лекс из школы превратился в университет, но критерии отбора учеников почти не поменялись: туда по-прежнему брали исключительно богатых и знатных, представителей современной политической, деловой, магической и творческой элиты и потомков древних родов. Могла ли мама быть из подобной семьи? Я была вынуждена признать, что теоретически возможно все.

Я очень мало знала о маме, кроме того, что видела каждый день. Она никогда не говорила о прошлом или о своей семье, о родителях. С самого детства я принимала это как непреложный факт, и мне в голову не приходило задавать какие-то вопросы. Как оказалось, зря.

Мама скрывала от меня не только правду о том, кем была до брака, но и о моем настоящем отце. Не хотела его помнить, знать и видеть? Не могла быть с ним по другим причинам и предпочла не делить эту боль со мной? Я терялась в догадках.

На следующий день я отправилась в библиотеку Орты, чтобы почитать про Лекс и убедиться, что мои знания об этом месте верны. Разглядывая в книге изображение мрачного на мой вкус замка с острыми шпилями башен, темным камнем стен и узкими стеклами окон, я думала о том, как мало видела в своей жизни. Нашу ферму, маленький городок неподалеку, Аларию да Орту. А ведь мир так велик. Не говоря уже о том, что совсем рядом, по другую сторону Занавеси, существовал еще один мир, в котором жили обычные люди, не маги. Мир, из которого маги когда-то ушли, но в который не так давно некоторые начали возвращаться. Орта принимает на обучение их детей, чтобы рассказать им в рамках спецкурса о нашем мире и научить пользоваться магическим потоком, поэтому у нас расположены порталы, через которые легко можно попасть в так называемую «европейскую часть», что бы это ни значило. А я ни разу не проходила через эти порталы, хотя они совсем рядом!

Каждый вечер перед сном я крутила в руках найденную в столе шкатулку, то снова пытаясь ее открыть, то просто разглядывая утонченную отделку. Что там внутри? Ничего не значащие безделушки или что-то важное? Не зря же мама спрятала ее в моем столе да еще наложила невидимость! Прятала что-то от отца? Могло ли внутри быть что-то связанное с моим настоящим отцом?

Или внутри то, что стало причиной ее смерти?

Этот вопрос тревожил меня больше других. Я знала, что легионеры, расследовавшие случившееся, вынесли однозначный вердикт: несчастный случай. Отец на пару дней покидал ферму по делам, а когда вернулся, обнаружил маму мертвой у подножия лестницы. С помощью специального ритуала легионеры выяснили, что смерть была ненасильственной. То есть никто не помогал маме упасть, она упала сама. Это было почти невозможно: даже если бы она оступилась, инстинкт самосохранения призвал бы магический поток, и левитация остановила бы падение. Так происходило в большинстве случаев. Но легионеры получили результат своего ритуала и нашли в доме пустую бутылку вина и бокал, из которого мама пила в тот вечер. И на основании всего этого вынесли вердикт.

Я не верила в их версию. Мама, конечно, время от времени позволяла себе бокал вина, особенно когда отца не было дома, но она никогда не напивалась. Либо магию легионеров обманули, что было сложно, но возможно, либо сами легионеры солгали. Все знают, что Легион порой покрывает преступления, в которых замешаны представители элиты. Я видела это собственными глазами всего год назад.

Орта — тоже один из древних университетов. После объединения королевств в Первую Республику, Норд Сорроу, ставший ее первым и последним канцлером, поручил ее создание своим друзьям, которые ради объединения в республику тоже отказались от своих престолов — Роне Риддик и Гордону Геллерту. Он не хотел менять традиции Лекса, поэтому просто инициировал создание более демократичной школы, в которой могли бы учиться все желающие. Орта стала первой магической школой молодой Республики. Видимо, именно поэтому нынешний канцлер решил отправить своего сына учиться именно сюда, а не в элитный Лекс: чтобы показать свою близость к народу, поставить знак равенства между своей семьей и семьями других граждан Республики. Только быть равным перед законом у него смелости не хватило.

В прошлом декабре ходили упорные слухи, что его сын — Марек Кролл — напал на

одну из девушек со спецкурса и пытался изнасиловать. Обвинения предъявлены не были, его даже не допросили, но о том, что он сделал, шептались еще долго. Дело замяли, и оно больше никогда не всплыло. Даже тогда, когда та девушка со спецкурса оказалась в разы выше по статусу и самого Марека, и его отца. Впрочем, к тому времени канцлер уже отказался от сына по другим причинам и выслал его за Занавесь, в мир обычных людей, без права возвращения.

Изменения, которые происходили в Республике последние полгода, конечно, очистили Легион, но я очень сомневалась, что тот мог стать кристально чистым за такой короткий срок. И если в смерти моей мамы замешан кто-то из высшего общества, к которому она могла когда-то принадлежать, то никакого честного расследования не будет. Убийца не будет наказан.

От этой мысли у меня в груди вновь разгорался пожар. Тот самый, который появлялся каждый раз, когда другая девушка, нормальная, на моем месте расплакалась бы. Я всегда считала, что неумение плакать — это просто отклонение. Какой-то изъян, сбой в организме. Так всегда говорил мой отец, и я верила ему. Теперь же я задавалась вопросом: могло ли это быть связано с моим настоящим отцом? Какая-то наследственная черта или семейное проклятие? Меня на проклятия проверяли и ничего не нашли, но семейное проклятие, наложенное пару поколений назад, может проявляться у потомков, при этом не обнаруживаясь. Мне все чаще казалось, что если я найду родного отца, то получу ответы на многие вопросы.

А еще, чем больше я обо всем этом думала, тем больше мне хотелось найти родителей мамы, то есть своих бабушку и дедушку. Я не знала, по каким причинам мама порвала с ними связь. Может быть, те плохо восприняли ее беременность? Или она только боялась, что они плохо воспримут ее беременность? Или ее тоже вынуждали за кого-то выйти замуж? Двадцать лет назад да к тому же в высшем обществе могли и заставить.

Однако мама умерла и спросить обо всем этом мне теперь было не у кого. Мой как бы отец прямо сказал, что дальнейшее общение между нами возможно только после того, как я приму предложение руки и сердца его друга и соседа. Да и не факт, что он сам что-то знает о родных мамы или о моем настоящем отце. Где простой фермер — и где люди, обучающиеся в Лексе?

Замуж мне не хотелось. Ни за нашего соседа, ни вообще, честно говоря. Я не видела в браке ничего хорошего. Изо дня в день прислуживать чужому мужчине? Чтобы он при этом постоянно попрекал тебя куском хлеба и каждой потраченной на себя кроной? Нет уж! Я мечтала получить образование, найти работу, которая позволит оплачивать счета, и поселиться в крупном городе, где много людей, среди которых можно затеряться. И среди которых можно найти людей, близких мне по духу. Ни там, где я выросла, ни даже в Орте мне этого сделать не удалось. А в большом городе шансов больше. По крайней мере, мне так казалось.

А еще из крупного города проще попасть к морю: оттуда порталы ведут во все уголки Республики. Даже на территории низших, хотя туда я определенно не собиралась наведываться. А вот услышать живую шум волн, пройти по мелкому песку босыми ногами, окунуться в прозрачную воду — этого всего я хотела. И от всех этих возможностей — от полной свободы — меня отделял всего один учебный год. Я специализировалась в снадобьях, но Мастером становиться не собиралась — слишком долго и слишком дорого учиться. Меня устраивала перспектива стать обычным ремесленником. С таким

образованием можно найти хорошую работу при аптеке, больнице или одной из многочисленных лавок, торгующих разнообразными снадобьями. Да, я была близка к своей мечте и полной свободе.

Но теперь я хотела не только этого. Я хотела возмездия для мамы и правды для себя. То, о чем раньше я почти не задумывалась, теперь вдруг стало мне жизненно необходимо: понять, кто я и где мои корни.

Возможное решение всех проблем пришло мне в голову внезапно посреди ночи в самый разгар сессии, разбудив и заставив несколько секунд ловить ртом воздух, пока спятившее сердце не успокоится. Решение это выглядело одновременно очень просто и невероятно сложно: мне нужно попасть в Лекс. Только там я могла найти ниточки, которые привели бы меня или к родному отцу, или к родителям мамы. Даже была крошечная вероятность того, что я смогу найти убийцу. Правда, что я буду делать в таком случае, я не представляла.

Простым это решение было потому, что теоретически перевестись на четвертый год в другой университет я могла. Это не воспрещалось. Но речь шла о Лексе! А я официально была дочерью фермера без родословной, уходящей корнями во времена древних королей. Для таких, как я, дорога в Лекс всегда была закрыта, и потому это решение было невероятно сложным. И еще одна проблема: плата за обучение. К тому моменту я уже знала, что мама завещала лично мне небольшую сумму и мне даже не требовалось достигать совершеннолетия, чтобы потратить ее на что-то вроде учебы. Только этой суммы не хватило бы даже на год обучения в Орте. А в Лексе я и вовсе смогла бы оплатить только один триместр. Впрочем, образовательный кредит никто не отменял, а одного триместра мне бы хватило, чтобы получить его, если я не успею найти то, что мне нужно.

Так что глобально вопрос упирался в одно: как попасть в Лекс?

Я думала об этом целую неделю, но за все это время в голову пришел только один вариант: воспользоваться протекцией. Это была безумная идея. И мне она не нравилась, именно поэтому я целую неделю пыталась придумать другой вариант. Но его просто не существовало. Я не любила просить, как не хотела быть кому-то должной, но желание узнать правду о себе оказалось сильнее гордости. К тому же я уже все равно планировала влезть в кредитные обязательства, а потому быть должной Яну Норману выглядело уже не так страшно.

У Яна Нормана в Орте учились немногие, но знали о нем все. Мало кто рисковал проходить его курсы, потому что он преподавал дисциплины, связанные с очень непопулярной ныне темной магией. Знали его по той же причине: долгие годы он был единственным темным магом, преподававшим в Орте. До тех пор, пока прошлым летом с его магией что-то не случилось и он не перестал быть темным. Никто толком не знал, что произошло, но факт оставался фактом: в один прекрасный день он сменил черный форменный костюм на серый. Это означало, что светлым он все равно не считался.

Его заметно побаивались. Я занималась у него на втором курсе, и сама каждый раз входила в его аудиторию с замиранием сердца. При этом никто из нас не мог толком объяснить, что такого страшного мы в нем видим. Он редко повышал голос, всегда был вежлив, но что-то заставляло нас обходить его стороной. Поэтому в сплетни о его романе со студенткой спецкурса вдвое его моложе, которые упорно ходили по Орте год назад, я до последнего не верила. И, как и многие, была шокирована, когда эта история завершилась громкой свадьбой в конце августа.

Все так или иначе знали, что он носит иллюзию и прячет под ней настоящее лицо. Я слышала об этом с первого курса. Одни говорили, что иллюзию ему позволили доктора после того, как ничего не смогли сделать с последствиями какой-то травмы, уродовавшей его лицо. Другие утверждали, что он беглый преступник. Третьи — что он скрывается от какого-то скандала. И только когда та самая студентка спецкурса оказалась реинкарнацией древней королевы, которого магический мир ждал пять веков, появилась новая версия. Именно из-за нее я решила обратиться к нему за помощью.

Эта гениальная идея пришла мне в голову в ночь с субботы на воскресенье, и я очень боялась, что до понедельника передумаю, поэтому искать профессора Нормана я отправилась прямо с утра. Однако в столовой мы, очевидно, разминулись, в рабочем кабинете его, естественно, в честь выходного не было. Личный кабинет оказался заперт, и на мой стук тоже никто не ответил. После недолгого колебания я даже постучалась в его личные комнаты, но и там его не было. Оставалось всего несколько мест, где я могла его найти, если только он не покинул Орту по каким-нибудь делам.

В библиотеке мне не повезло, зато в спортивном корпусе — да. Тренажерный зал был пуст, как и всегда утром в воскресенье, но из дальнего зала иллюзий доносился какой-то шум, поэтому я решила проверить, кто там.

Иллюзия была отключена, зал выглядел обычным залом со светлыми стенами, в центре которого двое упражнялись в фехтовании. В высоком, крепком, светловолосом мужчине я без труда узнала профессора Нормана, хоть мне раньше и не доводилось видеть его в спортивном костюме. Его партнершей оказалась молодая жена, бывшая студентка спецкурса Таня Ларина.

Мне подобный способ проводить воскресное утро казался очень странным, но выглядело все так, словно это была привычная тренировка. Профессор Норман наносил удары, как мне казалось, совершенно не сдерживаясь, Таня отвечала не менее яростно, рыжеволосый «хвост» метался из стороны в сторону при каждом ее движении. Они оба двигались стремительно и при этом очень грациозно. Может быть, они так ссорятся?

Я застыла на пороге, не решаясь их прерывать и терпеливо дожидаясь, пока кто-нибудь из них обратит на меня внимание. Но они были полностью поглощены друг другом и своей схваткой.

Через пару минут Таня неожиданно перешла в более активное наступление. Ей удалось выбить меч из руки мужа. Прижав Нормана к стене, она с видом победителя остановила лезвие меча у его горла.

— Ты убит, — тяжело дыша провозгласила она и радостно добавила: — Я наконец-то победила!

— Не совсем, — он покачал головой, улыбаясь. — Может быть, я и убит, но ты тоже мертва.

Должно быть, мы с Таней одновременно посмотрели вниз, туда, где Норман направлял острие небольшого кинжала в ее грудную клетку. Лезвие было достаточно длинным, чтобы, пройдя между ребер, пробить насквозь легкое.

— Черт! — досадливо воскликнула Таня, отходя от него. — Так нечестно...

— А кто сказал, что противники должны вести себя честно? — усмехнулся Норман, отлипая от стены. — Не надо подходить так близко. Ты могла проткнуть меня с расстояния вытянутой руки, а не прижиматься ко мне.

Таня убрала меч в ножны и скрестила руки на груди, все еще выглядя раздосадованной.

— Вот возьму и последую твоему совету: весь день прижиматься не буду. Или даже неделю.

Он склонил голову набок, продолжая улыбаться, но выражение его лица стало удивленным.

— Это угроза?

Таня не ответила, демонстративно глядя в сторону, но мне почему-то казалось, что это ненастоящая обида. Норману, видимо, тоже, потому что он вдруг резким движением привлек ее к себе и принялся целовать. Обиды его жены хватило секунды на полторы, а я решила все же привлечь к себе внимание, пока дело между ними не зашло слишком далеко.

— Профессор Норман! Доброе утро, простите, что помешала. Мне очень нужно с вами поговорить.

Они резко разорвали объятия, увеличивая расстояние между собой. Таня заметно смутилась, а ее муж остался как всегда невозмутим.

— Госпожа Роук? Чем обязан?

Это было еще одной особенностью профессора Нормана: он помнил по именам всех своих студентов, даже тех, кто посещал только одну дисциплину. Возможно, потому что студентов у него было не так много, как у других преподавателей. Или же у него была хорошая память.

— Мне очень нужна ваша помощь, — без предисловий сообщила я, осторожно подходя ближе к ним.

— Если я могу вам чем-то помочь, я с удовольствием это сделаю.

Его спокойный, уверенный тон не оставлял сомнений, что так и будет. Он сцепил руки за спиной, как это часто делал, и приготовился слушать. Его совершенно не смущало то, что он в тренировочных брюках и промокшей от пота футболке с коротким рукавом вместо обычной преподавательской формы. Я очередной раз задалась вопросом, почему же мы, студенты, так его боимся?

— Я, наверное, оставлю вас, — предложила Таня, как будто заметив, что мне ужасно

неловко.

Она даже успела сделать шаг к выходу, но я остановила ее:

— Нет, Таня, пожалуйста, останьтесь. Ваша помощь нужна мне ничуть не меньше.

Ее это заметно удивило. Я запоздало подумала о том, что между студентами в Орте не было принято обращение на «вы», а ведь она с нового учебного года, насколько я знала, собиралась продолжить обучение в Орте. Но как еще я могла общаться к ней, учитывая то, кем она была? Да и в данный конкретный момент я разговаривала не со студенткой Орты, а с женой моего преподавателя. Подумав об этом, я тут же начала переживать о том, что назвала ее по имени.

— Мы вас внимательно слушаем, — голос профессора Нормана вернул меня к реальности.

Я набрала полную грудь воздуха и быстро выпалила, боясь на полуслове растерять остатки наглости и уверенности:

— Мне очень нужно перевестись в Лекс для обучения на четвертом курсе, и для этого мне нужна ваша протекция. Я прекрасно понимаю, что не имею никаких оснований просить вас об этом, а у вас нет ни малейшей причины мне помогать, но... пожалуйста.

Норман удивленно приподнял брови и переглянулся с женой, как будто хотел убедиться, что я сказала именно то, что он услышал. Однако, когда он заговорил, голос его звучал довольно нейтрально:

— Это весьма... неожиданная просьба, госпожа Роук. Надеюсь, вы позволите уточнить, с чего вдруг вам разонравилась Орта и так срочно потребовалось поступить в Лекс?

— Нет, мне нравится Орта, — заверила я его. — Просто мне очень нужно попасть в Лекс.

— Я все еще не понимаю зачем?

Я знала, что он спросит, поэтому заранее приготовила объяснение, которое отчасти было правдой, а потому могло его убедить:

— У меня недавно умерла мать, а мой отец хочет выдать меня замуж за своего друга. Полагаю, вы знаете жесткие правила Лекса. Вступать в брак во время обучения там запрещено. Это дало бы мне защиту как минимум на год.

— А ты не можешь просто сказать отцу, что не хочешь замуж? — удивилась Таня.

— Я говорила, — заверила я ее. — Не раз. Его это вывело из себя.

— Но он же не может тебя заставить...

— Заставить — нет, — кивнула я. — Но требовать будет. В Орте ничто этому не помешает. А в Лексе он даже не сможет меня навещать без предварительного согласования с их ректором.

— Мне кажется, это очень странный способ избежать неуютного замужества, — заметил Норман, нахмурившись. — Хотите, я поговорю с вашим отцом? Или просто запрещаю ему посещать Орту.

— А вы можете? — удивилась я.

— Со следующего учебного года смогу.

Я не сразу поняла, что это значит, но потом сообразила: видимо, Абрахама Реда — нашего странноватого ректора — все же снимают с должности. То, что на его место назначают Нормана, было вполне ожидаемо. Особенно учитывая то, что в главном холле портрет Гордона Геллерта заменили портретом Норда Сорроу.

Однако для меня это стало плохой новостью: моя и без того шаткая причина теперь

совсем не годилась.

— Мне кажется, тут дело совсем не в перспективе замужества, — догадалась Таня. Наверное, я слишком громко думала. — Но настоящую причину ты по каким-то причинам не хочешь называть.

Мне оставалось только смущенно кивнуть. С чего я вообще взяла, что смогу их обмануть?

— Хорошо, предположим, — кивнул Норман. — Если вам неловко ее называть, я не буду настаивать. Но с чего вы взяли, что ректор Лекса меня послушает? Кто я такой, чтобы давать подобные протекции?

Я перестала гипнотизировать взглядом пол и удивленно посмотрела на него.

— Но как же? Все ведь знают, что вы — это он.

— Кто — он?

— Норд Сорроу. Древний король и основатель Лекса, — почти шепотом сказала я. — Конечно, официально вы этого не признали, но... все ведь и так знают.

Он опять удивленно приподнял бровь, на этот раз одну, и недовольно покосился на жену. Та вновь демонстративно смотрела в сторону. Конечно, ведь именно ее намеки, которые она давала в разных интервью, привели к тому, что «все знали».

— Я боюсь, госпожа Роук, — сдержанно заметил Норман, — что неподтвержденных слухов недостаточно для протекции в Лексе.

— Но ты ведь можешь попробовать обратиться к их ректору, — вмешалась Таня, когда моя слабая надежда уже почти успела умереть. — Хотя бы как почти ректор Орты.

Норман снова недовольно посмотрел на нее, демонстрируя, что не в восторге от этой идеи. Не дожидаясь его ответа, она снова заговорила сама:

— Хорошо, тогда я к нему обращусь. Может быть, просьба ревоплощенной Роны Риддик для него что-то значит.

Моя надежда вновь ожила. Конечно, это обещание еще ничего не значило, но оно давало мне шанс.

— Спасибо вам огромное, — я постаралась вложить в эти слова всю свою благодарность. — Я буду вашей должницей.

Таня отмахнулась, а Норман вздохнул, но ни спорить, ни отговаривать жену не стал. Он только посмотрел на меня, как мне показалось, с сочувствием. Причины такого взгляда я поняла много позже.

О том, что ректор Лекса согласен встретиться со мной для собеседования, я узнала уже после начала каникул. Таня Ларина неожиданно прислала мне с феей записку, в которой приглашала зайти к ним с мужем на обед. Меня это приглашение смутило. Кто я такая, чтобы обедать с теперь уже ректором Орты и ревоплощенной королевой? Но мой отказ выглядел бы слишком вызывающе, как пренебрежение, а мне не хотелось никого обижать.

В домашней обстановке профессор — то есть, теперь уже ректор — Норман мало чем отличался от самого себя в аудитории: такой же спокойный, сдержанный и вежливый. Разве что одет был более свободно: в светлые брюки и рубашку, вместо серой преподавательской формы. Возможно, его сдержанность объяснялась моим присутствием. Мне стало любопытно, каким он бывает с женой наедине. В браке своих родителей я чаще видела холодность, отчужденность и взаимное разочарование. Я не знала, было ли так всегда или стало к тому времени, как я подросла и начала запоминать. Может быть, когда-то мой неродной отец тоже смотрел на маму с такой безграничной нежностью, а она обращалась к нему с откровенным восхищением?

Таня радостно поведала мне, что ректор Лекса — Найт Фарлаг — в своем ответном письме был очень любезен и пригласил меня на собеседование, по результатам которого примет окончательное решение. Судя по кривой усмешке ректора Нормана, которая сопровождала эти ее слова, в действительности все не было так просто. Я была благодарна Тане за то, что она преуменьшала свои заслуги: я и так не знала, как буду расплачиваться с ней за заботу.

— Ректор Фарлаг будет ждать тебя завтра в два часа дня, — пояснила она. — Ты подойди к порталам без пяти, мы тебя проводим, а на той стороне тебя встретит кто-то из сотрудников Лекса.

— Вам совершенно необязательно меня провожать, — пробормотала я, смущаясь еще больше.

Я не понимала, что за пляски вокруг меня? Впрочем, ей могло быть просто скучно. Она ведь из Покинувших — выросла в мире людей, а в мире магов у нее едва ли широкий круг общения. Королевами обычно восхищаются, а не дружат с ними.

— Полагаете, сможете самостоятельно настроить портал на Лекс? — легко уел меня Норман. Заметив мою растерянность, кивнул. — Я так и думал. Так что я там буду исключительно для этого.

— К тому же нам все равно идти к порталам, чтобы отправиться в Аларию, — весело добавила Таня. — В гости к моим родителям.

— Традиционный семейный обед, — с несколько натянутой улыбкой уточнил Норман.

— Попробуй в следующий раз сказать это с большим энтузиазмом, — поддела его Таня. Ректор Норман опустил вилку, так и не донеся ее содержимое до рта, и выразительно посмотрел на жену.

— Что за намеки? Я обожаю обедать у твоих родителей.

Даже я услышала нотки сарказма в его тоне.

— Еще скажи, что обожаешь мою маму, — хмыкнула Таня, подперев подбородок рукой и насмешливо глядя на него.

— Конечно, я обожаю твою маму, — сдержанно подтвердил Норман. — Иногда мне кажется, что я обожаю ее даже больше, чем тебя.

Мы с Таней не выдержали одновременно, только она рассмеялась в голос, а я постаралась сделать это тихо.

— Лжец, — укоризненно, но при этом очень нежно заметила Таня, глядя на мужа с широкой счастливой улыбкой.

Норман тоже тихо рассмеялся, ничуть не обидевшись на это заявление, после чего мы продолжили есть, обмениваясь преимущественно ничего не значащими фразами об Орте, учебе, погоде и последних новостях.

Под конец, когда основные блюда были съедены, Норман поинтересовался нашими мыслями насчет десерта. Я попыталась отказаться, но Таня энергично заверила меня, что у них на десерт какие-то невероятно вкусные пирожные, которые мы обязаны хотя бы попробовать. Норман взмахом руки отправил посуду в университетскую столовую, а сам поднялся из-за стола и заявил, что займется напитками лично.

— Госпожа Роук, вы будете чай? — дождавшись моего кивка он перевел взгляд на жену. — А тебе, конечно, кофе?

Она снова тепло улыбнулась ему и тоже кивнула. Он коснулся рукой ее плеча и поцеловал в макушку, прежде чем оставить нас наедине. Кажется, он просто нашел повод уйти, чувствуя, что его присутствие смущает меня.

Наблюдая за ними, я впервые подумала, что, возможно, в браке есть и какие-то плюсы.

— Тара, скажи, что на самом деле так влечет тебя в Лекс?

Вопрос застал меня врасплох. Мне не очень хотелось распространяться на эту тему, но теперь я уже не могла отказать Тане Лариной в ее любопытстве.

— После похорон мамы мой отец обмолвился о том, что он мне не родной, — глядя на свои сцепленные руки, лежащие передо мной на столе, призналась я. — И сказал, что мама привезла меня из Лекса. А я даже не знала, что она там училась. Я вообще ничего о ней не знаю, кроме того, что она моя мама.

Я больше ничего не стала говорить, полагая, что Таня достаточно умна и поймет все без моих слов.

Она действительно понимающе кивнула и вздохнула. Когда она заговорила, голос ее звучал почему-то печально, хотя до этого она все время выглядела довольно веселой.

— Я прекрасно понимаю, как важно найти себя, понять, кто ты и что тебе с этим делать. Но ты же знаешь, что в Лексе тебе придется нелегко? Ян кое-что объяснил мне про особенности этого университета и лиц, которые там учатся. И должна сказать, что целое учебное заведение, наполненное людьми вроде Марека Кролла, приводит меня в ужас. Даже не знаю, что хуже: оказаться там или в подzemелье, которое кишит низшими, — она криво усмехнулась. — Поэтому имей в виду, если вдруг станет невыносимо, ты всегда можешь вернуться. Ян заверил, что зачислит тебя обратно в любой момент.

— Разве так можно? — удивилась я.

Она улыбнулась и пожала плечами.

— Я не знаю, можно так или нет, но если Ян сказал, что примет, значит, он так сделает.

И снова в ее голосе было столько тепла и восхищения, что я отчаянно ей позавидовала. Наверное, хорошо быть настолько уверенной в мужчине.

Я не выдержала и все-таки задала вопрос, который мучал меня с того дня, как было официально объявлено об их грядущей свадьбе:

— Как вы на это решились? Я имею в виду, на отношения с ним? Разве вас не пугало, что он темный и скрывает свое лицо? И вообще... Он же... намного старше. Или все дело в том, что когда-то у вас с ним уже был роман и вы об этом знали?

Мне показалось, что она смутилась. Я этого никак не ожидала, а потому тоже почувствовала себя неловко. Мама всегда говорила, что не стоит лезть другим людям в душу, и я очень редко нарушала это правило.

— Это сложно объяснить, — после продолжительной паузы ответила Таня, глядя куда-то вдаль и одновременно в себя. — Я ни на что не решалась. Когда начинались наши отношения, я их отчаянно хотела. Не скажу, что это всегда было легко. Да и сейчас не всегда легко. Мы во многом разные. Мы выросли в разных мирах, у нас очень разный жизненный опыт и... скажем так, культурный код. Он не всегда понимает мои шутки, я не всегда понимаю его действия. Но у нас есть кое-что очень важное: мы всегда хотим понять друг друга. А то, что мы не можем понять, мы стараемся просто принять. Когда-то нас спасает его мудрость, когда-то — моя эмоциональность. Мы просто знаем, что мы разные. И знаем, что ни один из нас не стремится обидеть другого. И если так случилось, то дело в каком-то недопонимании. Это помогает.

Ее слова напомнили мне то, что часто повторяла моя мама: не обижайся на отца — он не хотел нас обидеть, умей прощать, смиряйся...

— Стоит ли все это того? — наверное, этот вопрос я задала в тот момент самой себе, но Таня все равно ответила:

— При определенных условиях необходимость понимать, принимать и прощать из угрюмого каждодневного подвига превращается в естественную потребность.

— При каких?

На ее лице снова появилась эта простая, открытая улыбка, которая делала ее такой непохожей на какую-то там королеву.

— Когда любишь.

В этом мне оставалось только поверить ей на слово, потому что я сама пока еще ни разу не любила.

Ректор Лекса Найт Фарлаг в первую очередь поразил меня своим возрастом. Я привыкла к ректору Орты Реду, которому было далеко за шестьдесят, и даже назначение ректором сорокалетнего профессора Нормана мне казалось странным. Но это легко объяснялось тем, кем он был. Возраст Найта Фарлага едва ли даже приближался к сорока, и я не представляла, кем нужно быть, чтобы в таком возрасте занять такую должность.

Во вторую очередь меня поразила его внешность. Нет, его, наверное, можно было назвать достаточно привлекательным мужчиной: высокий, подтянутый шатен с гармоничными чертами лица. Наверняка студентки влюблялись в него без памяти. Меня смутила заметная небритость, взъерошенные волосы, словно он недавно встал с постели и не подумал их расчесать, мятая рубашка и небрежная поза, в которой он восседал за своим столом. Я даже не сразу поняла, что человек, к которому меня привели, и есть ректор Лекса.

А еще он носил черный костюм. Совсем не похожий на преподавательскую форму Орты, но черный цвет сразу заставил воспринимать его как темного.

— Садитесь, — не здороваясь велел он, кивнув на кресло посетителя, стоявшее от него по другую сторону стола.

Его голос звучал глухо, но почему-то мне показалось, что он умеет быть очень громким

и... звучным, что ли. Стараясь унять сердцебиение, я осторожно опустилась в кресло, тайком окидывая взглядом кабинет. Рассмотреть что-либо оказалось непросто: узкие окна были задрапированы плотными шторами, совсем не пропускающими свет, одинокий светящийся шар висел в воздухе почти над самым креслом посетителя, поэтому меня он освещал хорошо, а все остальное тонуло в полумраке, включая моего собеседника. Это заставляло нервничать.

— Итак, — начал Фарлаг. Он подпирал голову рукой, поставив локоть на ручку кресла, и гипнотизировал взглядом темных глаз, которые из-за теней, падавших на лицо ректора, казались черными. — Объясните мне, госпожа Рок, по какой такой причине вы сочли необходимым — а главное, возможным — для себя учиться в Лексе?

— Роук, — как можно спокойнее поправила я.

— Что?

— Моя фамилия — Роук. Не Рок.

Он молчал, наверное, с полминуты. И я тоже молчала, дожидаясь его реакции. И дождалась.

— Я очень надеюсь, что это не единственный ваш аргумент в пользу права учиться в Лексе.

Насмешливый, высокомерный тон, от которого внутри вспыхнул крошечный огонек гнева. К счастью, гасить такие вспышки я хорошо умела. Я откашлялась, чтобы голос в ответственный момент не подвел, и выдала новую версию, поскольку понимала, что ректору Фарлагу точно не стоит объяснять про неуютное замужество:

— Я специализируюсь в снадобьях, хочу стать хорошим специалистом. И я слышала, что в Лексе очень сильная подготовка по этому предмету. Сильнее, чем в Орте.

На самом деле ничего такого я не слышала. Просто в Лексе традиционно каждый предмет преподавался на высшем уровне, ведь здесь собирали лучших преподавателей со всей Республики, абы кого не брали.

Глаза Фарлага заметно сузились, словно он внезапно стал плохо видеть и пытался теперь сфокусировать на мне взгляд. Я непроизвольно поерзала на месте.

— Стало быть, курс снадобий, преподаваемый в Орте, оказался недостаточно хорош для дочки фермера? — язвительно усмехнулся он.

На этот раз слова прозвучали пренебрежительно, и меня кольнула обида. Я сознательно села прямее и чуть вздернула подбородок, чтобы он не догадался о том, как меня задела его слова.

— Стремление быть лучше не зависит от родословной, — ответила я, все еще старательно контролируя голос.

— Снадобья, используемые в сельском хозяйстве и животноводстве, довольно просты, — продолжил он тем же насмешливо-пренебрежительным тоном.

— Я не планирую возвращаться на ферму... отца.

Он тихо фыркнул и едва заметно покачал головой. В этом звуке и движении мне почему-то послышалась произнесенная фраза: «Я так и думал». И наверняка подумал он совсем не то, что я имела в виду, поэтому я посчитала нужным уточнить:

— Я хотела бы найти работу в городе, желательно при аптеке или больнице. Медицинские снадобья в большинстве своем достаточно сложны, а некоторые и вовсе доступны только Мастерам. У меня нет возможности стать Мастером, но я хотела бы уметь как можно больше, чтобы иметь больше шансов найти хорошую работу.

— Похвально, — он даже издевательски поаплодировал мне.

А вот теперь в груди начало разгораться настоящее пламя, погасить которое было уже не так просто. Вдобавок грудную клетку словно обручем сдавило. Интересно, он пригласил меня сюда, только чтобы поиздеваться? Что бы я ни говорила, все вызывало у него только насмешку и презрение. После доброжелательных преподавателей Орты такое отношение казалось гадким и несправедливым. Интересно, они тут все такие? Я вспомнила слова Тани Лариной о том, что место, полное людей вроде Марека Кролла, хуже подземелья с низшими. А ведь она наверняка знала, о чем говорит: столкнулась в своей жизни и с тем, и с другим.

На мгновение у меня появилось желание встать, высказать этому снобу в лицо все, что я думаю о его манере разговора, и гордо удалиться. Вернуться в Орту, доучиться спокойно. Кредит не придется большой брать, быстрее верну. И к демону тайны моего рождения и смерти мамы!

Но я сдержала себя. По моей инициативе за меня просили этого человека. И если уж ревоплощенная королева не переломилась, делая это, то и я вполне могу потерпеть. Один триместр, три с половиной месяца. Не так уж и много.

Поэтому я промолчала, продолжая сидеть все так же прямо, хотя от этой позы уже сводило мышцы спины и шеи.

Фарлаг тоже молчал и уже даже не смотрел на меня, невидящим взглядом уставившись на поверхность письменного стола, на котором в беспорядке были разложены какие-то бумаги и мелкие канцелярские принадлежности. В конце концов он вздохнул и довольно резко заявил:

— Нет ни одной причины, по которой я должен взять вас в Лекс. Вы небогаты, ваши результаты в Орте не тянут на выдающиеся, ваш род... Да у вас просто нет никакой родословной. Вы никчемная дворняжка, которая пытается пролезть на выставку породистых собак. Вы никоим образом не подходите Лексу. Большинство студентов справедливо сочтет оскорблением для себя, если я приму вас. Надеюсь, вы понимаете, что подружиться здесь с кем-то и обеспечить себе безбедное будущее у вас не получится? Для содержанки вы недостаточно хороши собой.

Каждое его слово было словно пощечина, от которой мое сердцебиение все учащалось, дыхание становилось тяжелее, а огонь в груди горел все сильнее. Так вот, что он подумал? Что я ищу себе богатого мужа или, на худой конец, любовника? Меня снова распирало изнутри от желания сказать ему все, что я думаю по этому поводу, а он выжидающе смотрел на меня. Ждал, что я заплачу? В этом я была вынуждена его разочаровать. Говорить все, что думаю, тоже не стала, но от некоторых слов все же не удержалась, стараясь, впрочем, чтобы они не прозвучали слишком уж дерзко:

— Поверьте, безродная дворняжка в моем лице совершенно не намерена заводить здесь себе высокородных друзей... В каком-либо качестве. У меня другие цели. Я осознаю, что не подхожу Лексу из-за своего происхождения. Но хочу заметить, что вы тоже не очень-то подходите должности ректора университета из-за своего возраста. Наверняка многие преподаватели, которые старше и опытнее вас, в свое время тоже восприняли ваше назначение как оскорбление. Однако, как мне кажется, это не мешает вам справляться со своей работой. Не мешает все это и мне в учебе.

Финальная лесть вырвалась исключительно по наитию. Я не представляла, насколько Фарлаг справляется со своей работой. Но он сам наверняка считал, что справляется хорошо. У столь спесивых людей другого мнения о себе быть не может.

Он внезапно подался вперед, оперся локтями о стол. Его лицо попало под свет шара, и я смогла разглядеть, что глаза у него не черные, а карие с зелеными прожилками. Они едва заметно слезились, как от едкого дыма или запаха. Или резкого света. Он поморщился, движением руки отогнал шар подальше и тихо выплюнул всего одно слово:

— Сэр.

— Что? — не поняла я.

— В Лексе, обращаясь ко мне или кому-то из преподавателей, вы обязаны добавлять обращение по нашей должности или «сэр».

Я сглотнула, не веря в свою удачу.

— Это значит, что вы принимаете меня в Лекс? Сэр, — поспешно добавила я. Придется к этому привыкнуть.

— А вы думаете, я могу отказать ревоплещению Роны Риддик и ее мужу, который, вероятно, создал этот университет? Не знаю, почему они просили за вас, но я вынужден удовлетворить их просьбу. Только предупреждаю: в течение двух недель после начала обучения вы должны будете найти себе личного наставника из числа преподавателей. Если никто не захочет им стать, вы будете отчислены. Без возвращения оплаты за обучение. Подумайте об этом, прежде чем ее вносить.

— Что ж, в таком случае я оплачу для начала только первый триместр, — поспешно зацепилась за эту возможность я, а потом поторопилась добавить: — Сэр.

Он снова откинулся на спинку кресла и бросил в мой адрес только одно слово:

— Свободны.

Я подскочила с места, скомкано попрощалась и быстро зашагала к двери. Лишь на пороге чуть замедлилась и оглянулась через плечо на ректора.

Тот сидел все так же откинувшись на спинку кресла, ладонь одной руки прижав к лицу, а другой — сжав в кулак. Что-то в этой позе заставило меня думать, что ему больно.

Но не мог же он так страдать из-за того, что взял в Лекс дочку фермера?

Первое марта — первый день нового учебного года — выпал на пятницу. И два выходных дня, которые должны были за ним последовать, оказались единственным приятным обстоятельством.

День начался с заселения в общежитие, которое произвело на меня неизгладимое впечатление. Нет, мне нравилось в Орте, я считала, что там очень удобно. И хотя у меня за три года так и не возникло теплых доверительных отношений с соседкой, необходимость делить комнату на двоих меня не напрягала. В Лексе мне тоже предстояло жить с соседкой, но при этом делить с ней не комнату, а целые апартаменты: у каждой из нас была своя спальня, и моя оказалась больше той комнаты, в которой в Орте мы жили вдвоем. В ней же стоял и письменный стол. Делить нам предстояло просторную светлую гостиную с камином, диваном, уютными креслами и небольшим обеденным столом в углу и ванную комнату, в которой одновременно уместались и душевая, и довольно большая ванна.

Апартаменты привели меня в восторг, но он длился недолго. Ровно до тех пор, пока я не познакомилась со своей соседкой. И если с прежней у нас был вежливый нейтралитет, то с первых секунд общения с новой я поняла, что большую часть времени буду проводить в собственной спальне, а не в общей гостиной.

— Вот ты, значит, какая, — неестественно растягивая слова, протянула невысокая блондинка с такими идеальными пропорциями тела и лица, что без магии и иллюзий тут, наверное, не обошлось.

Сложив руки на груди, она окинула меня презрительным взглядом, под которым я, очевидно, должна была почувствовать себя клопом.

— Да, за что ж мне такое наказание? Почему именно мне подсунули какую-то оборванку?

Я только удивленно приподняла брови. Конечно, одета я была не по последней моде, как эта белобрысая кукла, но и на оборванку я едва ли походила. Обычная одежда среднего класса.

— Значит так, милочка, давай сразу договоримся: я сюда въехала первая и три года прожила одна. Поэтому в ванной здесь все мое, в гостиной тоже ничего не трогай. Очень надеюсь не встречаться с тобой за завтраком, обедом и ужином, — она кивнула на обеденный стол в углу, и я догадалась, что в Лексе еда подавалась в комнаты. — И вообще, чем меньше будешь отсвечивать, тем легче тебе будет жить. Усвоила?

В этот момент я очень хорошо поняла, что болезненным высокомерием страдал не только ректор Лекса, но и студенты. Впрочем, я не солгала Фарлагу: дружить ни с кем из них я не собиралась, их мнение обо мне меня тоже не интересовало и с боем отстаивать свое право на то, чтобы свободно пользоваться гостиной, я не собиралась. Поэтому только пожала плечами, спокойно улыбнулась, игнорируя легкое печение в груди, и согласно кивнула:

— Это довольно простые правила, их легко усвоить.

Кажется, кукла немного растерялась. Может быть, ожидала, что я начну спорить или подлизываться? Или думала, я сильно огорчусь? В любом случае моя реакция несколько сбила ее с толку, потому что она только повторила:

— Да, и не отвечивай!

— Я поняла это слово с первого раза, — снова кивнула я и показала на дверь своей комнаты. — Пойду, чтобы сильно не отвечивать.

— Вот и правильно, — кивнула соседка, тоже направляясь в свою спальню.

Когда она уже толкнула дверь, я все-таки спросила как можно более миролюбивым тоном:

— Как тебя зовут-то хоть?

— Реджина, — гордо вскинув подбородок, ответила она. — Реджина Морт.

— Очень приятно, — хмыкнула я, оценив, как иронично в данном контексте звучит стандартная вежливая фраза. — А меня Тара Роук.

— Мне все равно.

И она захлопнула за собой дверь, а я подавила тяжелый вздох. Это будут очень долгие три месяца.

Я быстро разобрала сумку, благо местный платяной шкаф, комод и книжные полки могли вместить втрое больше вещей, чем у меня было. В шкафу обнаружилось строгое черное платье с прямоугольным вырезом, рукавами «три четверти» и расклепленной юбкой. Я задумчиво покрутила его, прикинула к себе. Оно выглядело так, будто было мне по размеру. Учитывая то, что моя соседка три года жила в этих апартаментах одна, едва ли платье могла забыть другая студентка. Оно выглядело свежестырированным и отглаженным. Может быть, в Лексе предполагалась форма для студентов?

Я не знала, как лучше поступить. Надеть платье? Пойти в своей обычной одежде? Спросить у Реджины? Последний вариант я отмела сразу и все-таки решила надеть платье. Не зря же его сюда повесили?

Фасон оказался для меня не слишком удачным: юбка опускалась чуть ниже колен и выглядело это не очень красиво. Было бы лучше, окажись она чуть короче или, наоборот, длиннее. Но я напомнила себе, что я здесь не для того, чтобы соблазнять кого-то своим видом. У меня сегодня в расписании стояла только теория снадобий, но я все равно собрала волосы в аккуратный пучок на затылке, поскольку привыкла чтобы они не мешали. После этого я была готова отправиться на занятия.

В честь первого дня лекции сдвинули на два часа, чтобы с утра все успели заехать в комнаты, разобраться с учебной частью по всем вопросам и получить свои расписания. Я облегченно выдохнула, когда обнаружила, что остальные девушки ходят по коридорам Лекса в таких же черных платьях, как и я. Зато в ношении аксессуаров, украшений и амулетов никто себя не ограничивал. Парни носили темные костюмы одного фасона, под которыми различались только рубашки. А вот то, что среди встретившихся мне преподавателей многие тоже носили темные костюмы, меня смутило. К тому же поверх костюмов они надевали еще и черные мантии, что окончательно сбilo меня с толку.

Ориентироваться в Лексе я еще не научилась, а карты с подсказками, как в Орте, тут не выдавали. Поэтому я долго блуждала по коридорам в поисках нужной мне аудитории, думая о том, что привыкнуть к мрачности этого места будет непросто. Орту всегда наполняли свет и яркие краски из-за белого камня стен и цветных стекол витражей, закрывавших большинство окон. В Лексе окна были узкими, стены — темными, коридоры — очень холодными и плохо освещенными. Все это создавало весьма тягостную атмосферу. Я не понимала, почему этот вроде как элитный университет так печально выглядит, но спросить мне было некого, и я приняла это как данность.

Нужную мне аудиторию я нашла буквально за минуту до начала лекции, и ворвалась в нее несколько запыхавшейся. И сразу почувствовала на себе недоброжелательные взгляды тех, кто уже сидел на своих местах, даже разговоры притихли. Правда, ненадолго, потому что собравшиеся тут же принялись вполголоса обсуждать меня.

Делая вид, что ничего не замечаю, я подошла к первому ряду, собираясь сесть на свободное место с краю, но меня тут же окликнула девушка — смуглая шатенка с очень красивыми, большими карими глазами — сидевшая на том же ряду:

— Эй, фермерша, тут занято.

Подружки, сидевшие рядом с ней, довольно хихикнули, а я не стала спорить и поднялась на ряд выше. Там были свободные места в середине, но парень, сидевший с краю, тут же подвинул стул так, что я не смогла бы пройти мимо него. Я почувствовала, как задрожали руки, и сжала их в кулаки, чтобы это не бросалось в глаза.

— Здесь есть свободное место, — внезапно раздался мужской голос у меня за спиной.

За столом с другой стороны от прохода сидел довольно симпатичный блондин, рядом с которым я обнаружила мою единственную знакомую в Лексе — Реджину. Та выглядела заметно удивленной этим приглашением, а блондин выразительно кивнул на стул с другой стороны от себя, предлагая мне занять его. Для этого мне нужно было пройти мимо Реджины, но та не стала выдвигать свой стул, поэтому я наконец села.

— Спасибо, — тихо пробормотала я, торопливо выкладывая на стол тетрадь и ручку и продолжая делать вид, что меня вся эта ситуация ничуть не взволновала. К счастью, я редко краснела, как бы ни билось в груди сердце.

— Всегда пожалуйста, — с улыбкой отозвался он и повернулся к Реджине, которая тут же начала ему что-то рассказывать о своих каникулах.

А я перевела дыхание: часа на полтора можно было расслабиться, едва ли кто-то будет доставать меня во время лекции.

Однако через секунду разговоры смолкли, и я поняла, что расслабиться не получится. Дверь открылась, и в аудиторию вошел ректор Фарлаг собственной персоной. Сегодня его внешний вид был почти столь же небрежен, как и во время моего собеседования, только поверх костюма еще была накинута мантия, как у других преподавателей.

Стоило ему войти, в аудитории воцарилась мертвая тишина, такая плотная, что ее ножом можно было резать. Мне показалось, что некоторые даже дыхание затаили. Я-то уж точно затаила.

В этой давящей тишине ректор Фарлаг медленно подошел к преподавательскому столу, держа руки в карманах брюк, а потом повернулся к нам. Его взгляд в первую очередь метнулся ко мне и только потом прошелся по другим студентам.

— В этом году мы начинаем изучение влияния материалов посуды и приборов на снадобья, — без приветствий, предисловий и прочей лирики начал он, и аудитория торопливо зашуршала страницами тетрадей. — Тема сегодняшней лекции — влияние металлов ножей для нарезки ингредиентов на снадобья пятого уровня сложности.

И после этого он принялся монотонно рассказывать, а мы — спешно записывать. Меня радовало только одно: судя по напряженным спинам других студентов, наконец-то страшно было не только мне.

Найт Фарлаг оказался довольно своеобразным преподавателем. Он определенно хорошо знал тему, которую рассказывал: не сбивался, не запинаясь, не отвлекался на посторонние

рассуждения и всякую лирику, его рассказ был четко структурирован и очень постепенно вырисовывал для нас всю картину по теме от общего к частному. При этом ему как будто было ужасно скучно нам все это рассказывать. Он говорил ровно, без эмоций, не делая акцентов, с одинаковой скоростью, так что мы едва успевали записывать. Ему явно не нравилось читать лекцию, но зачем тогда он это делал? В Орте ректор не вел никаких предметов и прекрасно себя при этом чувствовал.

За всю лекцию никто ни разу не осмелился прервать Фарлага вопросом. Несколько раз он сам говорил что-то вроде:

— Здесь есть некоторые нюансы, но это вы посмотрите сами по книгам.

Я такие места помечала подчеркиваниями и восклицательными знаками, чтобы потом не потерять, а в процессе не отстать от рассказа. Через полтора часа мою руку сводило, я подозревала, что пальцы, сжимавшие перьевую ручку, никогда не разогнутся. Спина взмокла, и я искусала себе все губы.

Завершив свой рассказ ровно за пять минут до конца занятия, Фарлаг продиктовал нам довольно объемное домашнее задание, а потом, не прощаясь, вышел из аудитории. Все студенты одновременно выдохнули с облегчением. А еще через полминуты начали переговариваться и собираться.

Облегченно выдохнула и я, а светловолосый парень, пригласивший меня сесть рядом, с улыбкой заметил:

— Нелегко пришлось, да? Но ты не переживай, он у нас один такой. Остальные преподаватели вполне адекватны. Кстати, меня зовут Алек.

И он протянул мне руку. На несколько секунд я замерла, пытаюсь понять, в чем подвох. После разговора с ректором, знакомства с соседкой и поведения сокурсников перед лекцией мне казались странными его милая улыбка и доброжелательный тон.

— Тара Роук, — все же представилась я, осторожно пожимая его ладонь.

— Я знаю, — Алек улыбнулся, кажется, во все тридцать два белоснежных зуба. — Твой перевод к нам стал темой дня с самого утра. Причем вчерашнего. Так что я много о тебе знаю, но все равно буду рад, если ты расскажешь больше. Пойдем, выпьем по чашке чая? У нас сейчас продленный перерыв перед следующим занятием.

К этому моменту мы уже оба встали и вышли из-за стола, а однокурсники удивленно посматривали на нас. Реджина так вообще застыла на месте, провожая немигающим взглядом.

— С удовольствием, — я постаралась изобразить улыбку, хотя меня не отпускало ощущение, что с минуты на минуту произойдет какая-то гадость. — Если, конечно, это не противозаконно здесь.

Я бросила косой взгляд в сторону группки девушек во главе с той кареглазой шатенкой, что не дала мне сесть в первом ряду. Выходя из аудитории, они о чем-то шептались, оборачиваясь на нас. Алек только снова улыбнулся.

— Мне это легко сойдет с рук. — Он обернулся к Реджине и невинным тоном поинтересовался: — Джина, ты идешь? Или ты здесь останешься стоять?

На тот момент в аудитории остались только мы трое, остальные успели уйти. Реджина тут же заулыбалась, подхватила сумку и поторопилась к нам.

— Да, я бы тоже с удовольствием выпила чашку чая. Кстати, Тара теперь моя соседка.

И она неожиданно взяла меня под локоть, словно мы были подружками. Мне отчаянно захотелось выдернуть руку. За три года в Орте у меня ни с кем не сложилось настолько

близких отношений, чтобы ходить под руку, но сейчас я отчаянно нуждалась хоть в какой-то компании, иначе местные снобы сожрут меня живьем и не подавятся, а я так ничего и не успею узнать. Поэтому я только выдала еще одну улыбку.

— О, здорово, — отозвался Алек, глядя больше на меня, чем на Реджину. — Надеюсь, она оказала тебе теплый прием?

— Еще какой! — бодро соврала я, заметив, что улыбка соседки успела на мгновение померкнуть. — Я даже не думала, что она будет так мила. Ты знаешь, другая могла бы огорчиться, что ей на четвертом году внезапно подсунули соседку из низов, скажем так. А Джина была сама любезность и радушие.

— Молодец!

Похвала Алека прозвучала очень искренне. То ли мне удалось очень правдоподобно соврать, то ли по части скрытого сарказма он был настоящий мастер.

— По первой лекции у тебя могло сложиться впечатление, что в Лексе учатся только высокомерные придурки, — хмыкнул Алекс, пока мы все вместе шли в направлении, как я предполагала, какой-то общей столовой. — Но на самом деле мы все разные.

Я только кивнула, продолжая старательно улыбаться. Мне казалось, что еще немного — и мышцы лица сведет в этой гримасе навсегда. К счастью, в этот момент мы наконец пришли. Больше всего это место напоминало небольшое кафе, каких хватало в Аларии. Когда мы с мамой бывали в столице, мы всегда заходили в такое выпить чашку чая или какао с пирожным или легкой закуской.

От этих воспоминаний мне в одно мгновение стало так тоскливо, что я забыла про необходимость улыбаться. Поэтому, когда мы взяли за стойкой по чашке мятного чая и сели за столик, Алек спросил:

— Все в порядке?

— Да, я просто... — я попыталась побыстрее придумать причину для помрачневшего вида. — Просто задумалась: а ректор Фарлаг всегда так читает лекции?

— Когда-то было лучше, — хмыкнула Реджина, как-то очень быстро вживаясь в образ моей подружки. — На первом курсе точно.

— Мой старший брат учился у него до того, как он стал ректором. Говорит, мировой был мужик. Веселый, общительный. Объяснял все с энтузиазмом, дружил со студентами, студентки от него млели, даже когда он женился.

Мне оставалось только изобразить на лице крайнее удивление. Мне сложно было представить этого мужчину таким, как описал Алек.

— Это его новая должность так подкосила?

— А ты не знаешь? — удивился Алек.

— Его проклинали, — шепотом сообщила мне Реджина. — Об этом все знают.

— Серьезно?

Теперь я была по-настоящему шокирована. Проклятый ректор — это странно. Еще более странно, что такой ректор именно у самого привилегированного университета нашего мира. Обычно проклятые все свое время и силы посвящают поискам возможности снять проклятие или хотя бы противостоять ему. И уж тем более они редко занимают такие... публичные должности. Но теперь хотя бы понятно напряжение группы во время лекции: считается, что близкое общение с проклятыми опасно, ибо некоторые проклятия могут переползать на других людей, как вирусы. По крайней мере, так говорят.

— А кто его проклинал? И как именно?

— Вот этого никто толком не знает, хотя версий много, — грустно усмехнулся Алек, а потом посмотрел на часы. — Только расскажем мы их тебе в следующий раз. Сейчас надо поскорее допить чай, а то опоздаем на следующее занятие. А я все-таки хотел бы кое-что узнать о тебе. Ты правда выросла на ферме?

До того, как мы допили чай и добрались до следующей аудитории, я успела немного рассказать им о нашей ферме. Алек выглядел очень вдохновленным и заявил, что я обязана пригласить его в гости. Я уклончиво пообещала однажды это сделать.

У аудитории Алек неожиданно попрощался с нами: оказалось, что Сопроводительные заклęcia он не изучает, поскольку собирается специализироваться в сфере торговли, в том числе с миром людей. Он отправился на свою лекцию, а мы вошли в аудиторию, где я увидела уже много знакомых лиц. По крайней мере, в этот раз у меня не возникло проблем с тем, где сесть.

Наверное, этот перерыв с чаем и вполне обычным общением в духе Орты меня слишком расслабил. Преподаватель Сопроводительных заклятий — Родерик Арт — выглядел вполне нормальным: чуть моложе сорока, немного полноватый, с мясистыми губами. Он не производил такого угнетающего впечатления, как Найт Фарлаг, поэтому на его лекции мне было нестрашно.

И я совершила ошибку. Слушая про заклятие стазиса, которое позволяло остановить приготовление снадобья без потери качества результата, я подняла руку и, когда преподаватель удивленно посмотрел на меня, задала вопрос, как это было принято в Орте:

— Существует ли какое-то временное ограничение для этого заклятия, после которого результат приготовления снадобья все равно будет другим из-за побочного воздействия магического потока?

По шепоткам и смешкам, раздавшимся вокруг, я поняла, что что-то сделала не так. Это подтверждало и выражение лица профессора Арта, который сузил глаза и пригляделся ко мне.

— Тара Роук, если не ошибаюсь, — презрительно констатировал он. — Я понимаю, Роук, что вы выросли в хлеву и манерам вас никто не научил. Но постарайтесь уяснить: вопросы вы будете задавать после того, как я спрошу, есть ли у вас вопросы. Если они на тот момент еще останутся.

Мои сокурсники рассмеялись, даже Реджина, которой больше не нужно было поражать Алека своим дружелюбным отношением ко мне.

А я стиснула зубы, пытаясь унять бросившееся вскачь сердце и проглотить обиду, комом вставшую поперек горла. В кои-то веки я порадовалась, что не умею плакать, потому что разреветься сейчас было бы совсем стыдно. Это только усилило бы всеобщее веселье. А хорошо знакомое печение в груди никому не было видно.

Как можно ровнее я ответила:

— Прошу прощения, профессор Арт, больше не повторится.

Он криво усмехнулся и продолжил лекцию, а я решила раз и навсегда запомнить: в Лексе я должна постоянно быть настороже. Один вмняемый парень — это еще не повод считать, что здесь учатся нормальные люди. Если даже в преподавателях и ректоре было столько высокомерия, то оно здесь явно старательно культивируется.

Один триместр. Мне нужно продержаться всего один триместр. А если выясню нужную информацию раньше, то и того меньше.

Выходные я посвятила изучению замка и его окрестностей. В отличие от Орты, в Лексе мне предстояло учиться, жить, развлекаться и заниматься спортом в одном здании. Огромный замок в пять этажей имел довольно внушительную основную часть и два крыла поменьше: восточное и западное, каждое из которых насчитывало по три этажа. Несколько башен поднимались вверх гораздо выше, но туда у студентов доступа не было.

В западном крыле находились апартаменты студентов и несемейных преподавателей, в восточном — некоторые аудитории, лазарет, три бальных зала, тренировочные залы для отработки приемов боевой магии, хотя желающих изучать ее здесь было не так много, спортивные залы, в том числе залы иллюзий, и даже огромный бассейн. Основные аудитории и кабинеты преподавателей находились в центральной части замка. Местами попадались небольшие кафе, вроде того, где мы пили чай с Алеком и Реджиной, в которых студенты могли отдыхать, общаться и перекусывать между занятиями. Никакой большой общей столовой, как в Орте, не было, завтраки, обеды и ужины подавались к определенному времени прямо в наши гостиные. Реджина в пятницу даже снизошла до того, чтобы объяснить мне, как можно заказывать и блюда, и время их подачи: для этого у нас в комнате лежала специальная книга, в которую мы вписывали заказ.

— Он идет на кухню, там его принимают к исполнению. Предупреждаю сразу, могут заменять ингредиенты, так что если ты что-то категорические не переносишь, внеси этот продукт сюда, — она открыла книгу на первой странице. — Чтобы они тебе его не положили.

Я с детства привыкла есть, что дают, поэтому в первый момент растерялась, не зная, что заказать себе на следующий день. Что вообще можно заказывать? В конце концов я ограничилась стандартными блюдами, которые чаще всего подавали в Орте. И проверив время, в которое собиралась завтракать, обедать и ужинать моя соседка, сдвинула свои трапезы на час раньше, чтобы лишний раз не раздражать ее своей компанией. И не раздражаться самой. У меня не было ни времени, ни сил на противостояния и борьбу за место под солнцем.

Территория вокруг замка поражала размерами. В отличие от Орты, обнесенной стеной, Лекс искусственно не отгораживался от мира. Наверное, потому что находился в долине, окруженной горами со всех сторон, которые служили естественной защитой. В Орте я всегда чувствовала себя немного неуютно из-за ограниченности пространства, но здесь мне стало неуютно по другой причине. Я вдруг поняла, что попасть сюда можно только порталами, а если с ними что-то случится, мы окажемся отрезанными от мира.

Но сейчас порталы работали, и волноваться об этом не имело смысла, поэтому я предпочла любоваться красотой вокруг. Я никогда не видела таких гор: огромных, темных, величественных, и потому замирала от восторга, глядя на их остроконечные вершины и понимая, какая же я крошечная по сравнению с ними. Из-за горного кольца солнце освещало долину не весь день, что задерживало наступление весны, но окружавший замок сад все равно обещал в скором времени наполниться цветочными ароматами и яркими красками. Сад плавно перетекал в парк, а тот — в почти дикий лес. Гуляя в первый выходной день, я наткнулась на пруд, который чем-то напомнил мне тот, что находился недалеко от нашей

фермы. Я купалась в нем все детство. По парку то здесь, то там были разбросаны небольшие коттеджи для преподавателей с семьями.

Алека я за выходные не видела ни разу, но, к счастью, практически не пересекалась и с другими однокурсниками. Это позволяло мне облегченно выдохнуть, а одиночество я переносила прекрасно. Когда растешь на уединенной ферме без братьев и сестер и с отцом, который большую часть времени с трудом тебя терпит, быстро учишься вести себя незаметно и сама себя развлекать.

У меня не было четкого плана действий. Ближайшую неделю я собиралась потратить на изучение обстановки и поиски будущего наставника, которого следовало найти, чтобы не вылететь отсюда. В глубине души я надеялась, что среди моих преподавателей окажется кто-нибудь, кто преподавал в Лексе и двадцать лет назад и мог знать мою маму. Если бы удалось заполучить себе такого наставника, это дало бы мне шанс что-то о ней узнать. Правда, после общения с ректором Фарлагом и профессором Артом этот вариант уже не выглядел правдоподобным. Если кто-то здесь и согласится стать моим наставником, едва ли у нас сложатся доверительные отношения.

Понедельник начался неплохо: на первой лекции преподаватель вообще не обратил на меня никакого внимания, а однокурсники то ли потеряли ко мне интерес, то ли не до конца проснулись, но никто меня не трогал и не оскорблял. В моей ситуации это уже можно было считать за везение.

Однако везение закончилось неожиданно, после второй лекции. Стоило мне выйти из аудитории, как передо мной махнула крыльями крошечная фея и бросила мне сложенную пополам записку. Как и всегда, в полете записка увеличилась до нормальных размеров и аккуратно легла мне на подставленную ладонь.

«Госпожа Роук, вам надлежит немедленно явиться ко мне в кабинет».

Записка была подписана «Ректор Фарлаг», из-за чего у меня болезненно закололо в груди. А ведь день так славно начинался!

Ослушаться я, конечно, не осмелилась, поэтому поторопилась в ректорский кабинет, надеясь, что Фарлаг не задержит меня надолго и я не опоздаю на третью лекцию.

Постучавшись и дождавшись лаконичного: «Войдите», я толкнула дверь и замерла у порога, замечая, что ректор не один.

— Вы меня вызывали, сэр?

Мужчина, сидевший в кресле посетителя, которых сегодня перед столом ректора оказалось два, повернулся ко мне. Только тогда я его узнала: это был Рон Кобал, какой-то старинный знакомый мамы. Он иногда бывал у нас в гостях, я помнила его с раннего детства, но последний раз видела лет пять назад.

— Тара, дорогая! — он подскочил с кресла и обнял меня, крепко прижав к груди, насколько позволял довольно объемный живот. На его лысине сверкали капельки пота, несмотря на то, что в ректорском кабинете, как и почти везде в Лексе, было довольно прохладно.

Я смущенно отстранилась, краем глаза заметив, что Фарлаг недовольно поморщился от пронзительного восклицания и помассировал пальцами висок.

— Господин Кобал, — довольно резко окликнул он, — я пошел вам навстречу и разрешил увидеться с госпожой Роук в непредназначенное для этого время, но не надо злоупотреблять моей добротой. Госпожа Роук, сядьте.

Он взглядом показал мне на второе кресло. Я поспешно выполнила его указание, гадая,

что могло привести господина Кобала ко мне. Это могло быть только что-то очень важное, иначе ректор велел бы ему дожидаться дня, в которые обычно выдавалось разрешение на посещение Лекса.

Кобал сел на свое место, на его лице появилось печальное выражение.

— Тара, во-первых, прими мои искренние соболезнования по поводу смерти твоей мамы. К сожалению, я был за Занавесью, когда это случилось, и не знал про похороны.

Я почувствовала, что на грудь мне словно положили тяжелый камень и меня придавило им, пришлось потрудиться, чтобы сделать вдох. Так происходило постоянно, стоило мне вспомнить о маме. А еще я почувствовала внимательный взгляд ректора, но усилием воли заставила себя не поворачивать голову в его сторону.

Господину Кобалу я только кивнула в знак благодарности, и он продолжил:

— Когда-то давно твоя мама отдала мне на хранение... шкатулку, скажем так. Уж не знаю, почему она не хотела хранить это дома, я не заглядывал внутрь, как она просила. Но я подумал, что теперь... когда ее не стало, ты имеешь право получить ее.

Он взял со стола ректора сверток, который положил туда, очевидно, перед тем как я пришла, и протянул его мне. Если это была шкатулка, то довольно необычной формы: широкая и плоская. К тому же я никогда не видела, чтобы шкатулки заворачивали в плотную коричневую бумагу. Любопытство разрывало меня на части, хотелось немедленно вскрыть упаковку и посмотреть, что внутри, но мне не хотелось делать это при посторонних. Поэтому я положила сверток на колени и лаконично поблагодарила Кобала.

Тот снова горестно покивал, а потом внезапно заметил:

— Гэб очень удивлен твоим решением перевестись в Лекс. Да и я тоже. А как же свадьба? Неужели твой жених будет ждать целый год?

Я вздрогнула, физически ощущая удивление Фарлага. Его взгляд прожигал мне щеку. Пришлось с силой сцепить пальцы рук и надеяться, что ответ прозвучит спокойно и уверенно:

— Свадьбы не будет, господин Кобал. Если я когда-нибудь и выйду замуж, то только за того, кого выберу сама. А не мой отец или кто-либо еще.

Кобал вздохнул и снова активно закивал, на этот раз согласно и сочувственно, а потом торопливо поднялся на ноги.

— Что ж, не буду более задерживать тебя и господина ректора. Благодарю за возможность встретиться с Тарой, — эти слова он уже адресовал Фарлагу.

Тот в ответ только лениво опустил ресницы, я даже кивком это не смогла бы назвать. Кобал направился к двери, и я тоже встала, намереваясь последовать за ним, но ректор остановил меня:

— Роук, сядьте. Я вас не отпускал.

Я обреченно опустилась обратно в кресло, стараясь сохранять спокойствие. Когда за Кобалом закрылась дверь, Фарлаг поинтересовался:

— Я надеюсь, вы перевелись в Лекс не для того, чтобы спрятаться здесь от неугодного жениха?

— Нет, сэр, — поспешно ответила я, выдерживая его взгляд.

— Кстати, чем вам не угодил жених?

Он сверлил меня взглядом из-под полуопущенных ресниц, поглаживая пальцами небритый подбородок. Его вопрос меня удивил, потому что я не представляла, по какой причине ректору Лекса это может быть интересно. И все же мне не хотелось испытывать его

терпение, поэтому я постаралась ответить максимально лаконично и максимально честно:

— Я его не люблю, сэр.

— Считаете, что в брак надо вступать по большой любви? — презрительно хмыкнул Фарлаг.

А я только сейчас осознала, что на его руке нет обручального кольца, хотя Алек упоминал, что он женат. Или был женат? Может быть, развелся или овдовел? Жена могла бросить его после того, как он попал под проклятие.

— Честно говоря, сэр, я вообще не уверена в том, что в брак так уж необходимо вступать.

Его глаза снова немного сузились, что, как я уже поняла, у него означало смесь удивления с недоверием, а потом он махнул рукой и велел:

— Идите.

Я торопливо сорвалась с места и бросилась к двери, пока он не передумал, но все равно не успела. Его оклик настиг меня еще до того, как я коснулась блестящей позолотой ручки.

— Тара!

Сердце ухнуло куда-то вниз и забилось в животе, когда я замерла и медленно обернулась к нему. С чего ему вдруг называть меня по имени?

— Да, сэр?

— Я не знал, что у вас умерла мать, — неожиданно изрек он, глядя почему-то не на меня, а на сверток, который я прижимала к груди. — Мне... очень жаль.

Я не совсем поняла, о чем он жалеет: о том, что я осталась без матери, или о том, что он об этом не знал. Может быть, он имел в виду, что если бы знал, вел бы себя иначе во время собеседования? В любом случае я смогла ответить только одно:

— Мне тоже. Сэр.

Как бы сильно сверток ни жег мне руки, выскочив из кабинета ректора, я побежала к аудитории, где должна была проходить следующая лекция. Сверток я засунула в сумку и всю лекцию думала о нем, с трудом записывая за преподавателем, но при этом почти ничего не понимая.

Когда лекция закончилась, меня уже разрывало на части от любопытства. Сил терпеть не осталось, поэтому вместо того, чтобы идти в свою комнату, я добежала до ближайшего кафе, взяла за стойкой чашку чая и забилась в самый угол. К счастью, в зале в это время сидели только трое молодых людей, кажется, даже с моего курса. Они то ли прогуливали предыдущую лекцию, то ли у них ее вовсе не было, на меня никто из них внимания не обратил.

Достав сверток из сумки, я нетерпеливо сорвала плотную бумагу. Это была никакая не шкатулка. В моих руках оказалась жестяная плоская коробка, в какой продаются конфеты или печенье. С замиранием сердца я осторожно открыла ее, толком не понимая, почему так волнуюсь. Наверное, просто потому, что это был кусочек маминой жизни, которую я не знала. Которую она прятала.

Внутри коробки лежали карточки, какие люди обычно посылают друг другу на праздники, стопка сложенных листов, перехваченных лентой, еще какие-то бумажки, маленький засушенный букетик мелких цветов, простенькое ожерелье из крошечных стеклянных бусин похожих на застывшие капельки росы, бережно спрятанное в мешочек из мягкой ткани, обгоревший небольшой портрет и даже выцветшая обертка от шоколадки.

Я вытащила из-под ленты один сложенный вдвое листок и развернула его. Немного корявым почерком на листе было выведено:

«Моя дорогая Д! Я так соскучился! Хоть мы и видимся каждый день, меня мучает, что я не могу к тебе прикоснуться. Пожалуйста, приходи сегодня ночью к пруду. Мне так не хватает твоих губ! Твой А.»

Мою маму звали Дария, значит, эта «любовная записка», которая заставила меня поморщиться, адресовалась ей. А этот «А» был, по всей видимости...

Громкий смех и гул сразу нескольких голосов, ворвавшиеся в кафе, заставили меня вздрогнуть, быстро сложить листок и поднять взгляд на вошедшую группу девушек. Среди них была хорошо знакомая мне смуглая шатенка с моего курса. Я уже знала, что ее зовут Сара Моргеншперн и она местная звезда. К счастью, девушки набрали себе пирожных, взяли чай и уселись за большим столиком, ни разу не взглянув на меня.

Я облегченно выдохнула и вернулась к изучению содержимого коробочки. Мое внимание привлек еще один листок с оторванным краем. Даже не краем... Скорее, сам листок был «оторванным краем», потому что до целого ему не хватало примерно две трети. А на сохранившейся трети шло перечисление ингредиентов какого-то снадобья. Я не смогла определить, какого именно, да и список был неполным. Я решила, что надо будет заняться изучением ингредиентов и комбинаций по справочникам, чтобы определить, что это такое могло быть. Ведь зачем-то мама хранила этот обрывок?

Пока я отложила его и уже собиралась рассмотреть частично обгоревший портрет, когда почувствовала рядом с собой движение. Я хотела захлопнуть коробку, но было слишком поздно: один из парней выдернул ее прямо из-под моего носа. Так резко, что часть содержимого разлетелась по полу.

— Так-так-так, что у нас тут, Роук? — спросил он, призывая к себе с пола связку записок.

Я тоже торопливо пробудила магический поток и, ощутив его приятное тепло, направила в призывающее заклятие. То, что еще никто не успел поднять, сразу оказалось в моих руках, но письма и саму коробку держал другой маг, и забрать их призывом у меня не было шансов.

Парень швырнул коробку своему другу, чтобы освободить руку. Тот презрительно покрутил ее и издевательски поинтересовался:

— Это у бедных вместо шкатулок такие?

Я стиснула зубы, краем глаза замечая, что Моргеншперн взирает на все это со снисходительной ухмылкой. Кажется, ей нравилось наблюдать за моей беспомощностью. Возможно, именно ради этого взгляда парни ко мне и пристали, потому что еще пару минут назад я для них вообще не существовала.

— Отдай сюда, — как можно спокойнее потребовала я, протягивая руку за письмами. Я старалась не выказывать страха и огорчения, понимая, что именно ради этого все затевалось.

— Нет, подожди, нам интересно, что там, — усмехнулся первый парень, разворачивая одно из писем, а потом принялся читать его вслух: — Дорогая Д! Это была чудесная ночь... О, как интересно... Я думаю о тебе весь день и мечтаю снова прикоснуться к твоим губам. Твой А. — Он поднял на меня насмешливый взгляд и поинтересовался: — Почему «Д»? Это у вас какая-то игра? Прозвище? Кому ты так хорошо сделала ночью, что он думал о тебе весь день? А мне так сделаешь?

Я резко метнулась к нему, пытаюсь выхватить письма, но он проворно сделал шаг назад

и бросил первую записку на пол. Я поспешно призвала ее, но парень уже вытаскивал вторую, собираясь зачитать вслух и ее. И хотя эти записки не были адресованы мне, я испытывала странную смесь стыда и злости. Оба чувства были так сильны, что хотелось швырнуть в однокурсника каким-нибудь боевым заклятием, чтобы вырубить его. Я никогда не обучалась им специально, но несколько знала. Однако применение таких заклятий против соучеников наказывалось и в Орте. Я полагала, что здесь меня за это тоже по головке не погладят.

Парень продолжал медленно отступать назад, увеличивая расстояние между нами, пока доставал и раскладывал следующую записку, и решение родилось в моей голове молниеносно, я даже не успела его как следует обдумать.

Я направила магический поток, развязывая шнурки на его ботинках и связывая их между собой. Не успев прочитать очередное «дорогая Д», парень запнулся и повалился назад, нелепо взмахнув руками и выронив письма, которые я тут же призвала к себе.

Моргенштерн и ее подруги рассмеялись. Даже приятели парня расхохотались, а я, пользуясь тем, что они все отвлеклись, призвала к себе сумку и засунула все бумажки туда. Это можно было бы считать маленькой победой, но назревала другая проблема: мой разъяренный оппонент уже поднялся на ноги и перезавязал шнурки аналогичным заклятием. Судя по степени красноты его лица, он собирался убить меня на месте.

— Фермерская дрянь, — прорычал он, шагая ко мне, но в этот момент со стороны входа раздался грозный оклик:

— Дорн, оставь ее в покое!

Парень по имени Дорн замер и обернулся на Алека, который уверенно шел ко мне. Злость его только распалилась, но он сделал шаг назад.

— Что значит «Д» я так и не понимаю, но, кажется, стало ясно, кто такой «А», — выплюнул он, презрительно скривившись.

Алек, конечно, ничего не понял, но подошел ко мне, ободряюще улыбнулся, а потом снова посмотрел на Дорна.

— Шли бы вы, — миролюбиво предложил он.

— Как скажешь, Прайм, — сдался Дорн, но при этом бросил на меня такой взгляд, что я поняла: с этого дня в Лексе один человек уже не презирает меня, а искренне ненавидит.

Когда Дорн и его приятели ушли, я подняла с пола коробку, брошенную ими, чувствуя, что от пережитого бешено колотится сердце и слегка кружится голова. Если мне придется участвовать в таких стычках регулярно, я просто не смогу нормально учиться. Мои пальцы мелко дрожали, а для приготовления снадобий дрожащие руки — самый большой враг.

— Ты в порядке? — Алек коснулся моего плеча.

Наверное, я просто сильно перенервничала, потому что дернулась и отскочила от него, словно он меня ударил, а не коснулся. Я вообще не любила, когда меня трогают, а в таком состоянии каждое нарушение моего личного пространства казалось мне угрозой.

— Нормально все.

Жжение в районе солнечного сплетения сделало мой голос хриплым и не очень-то приветливым. По огорченному выражению на лице Алека я поняла, что моя реакция его расстроила. Поэтому я попыталась взять себя в руки и уже спокойнее поинтересовалась:

— Почему он тебя послушался?

На губах Алека появилась немного смущенная улыбка.

— Потому что я выше его по статусу. Он из новой элиты, а я из старой аристократии.

Я кивнула, сделав вид, что поняла, хотя на самом деле я не очень-то разбиралась в этом.

Относительно меня они все находились одинаково высоко, но я понимала, что между ними тоже существует своя иерархия.

— Это, наверное, тоже твое.

Алек присел, поднял с пола обгоревший портрет и протянул его мне. Я поблагодарила и посмотрела на то, что сохранилось на изображении. Молодая девушка стояла на фоне смутно знакомого дома, за плечи ее обнимал мужчина в мантии, наброшенной поверх костюма. Вот лицо мужчины не сохранилось: его уничтожил огонь. Молодой девушкой была моя мать, хоть я и не сразу ее узнала, поскольку не видела раньше ее портреты в таком возрасте. Внизу я разглядела дату: этот портрет был сделан двадцать один год назад. Очевидно, незадолго до моего зачатия.

— Кто это? — спросил Алек с интересом.

— Моя мама, — призналась я, продолжая разглядывать портрет.

— О, так она училась тут?

Я удивленно посмотрела на него. Интересно, как он это понял по портрету? Просто из-за мантии преподавателя?

Верно расценив вопросительное выражение на моем лице, Алек пояснил:

— Портрет сделан на фоне одного из домов, в каких тут живут некоторые преподаватели. Видимо, твоя мама была дружна с кем-то из них.

Я почему-то подумала про Таню Ларину, благодаря которой попала в Лекс. Про нее тоже раньше так говорили: мол, она дружна с профессором Норманом. А потом они поженились.

Вот только у профессора Нормана, «сдружившегося» со студенткой, не было обязательств перед другой женщиной, а в таких домах живут семейные преподаватели. И если моя мама «дружила» с одним из них, то вполне понятно, почему письма они писали друг другу, сокращая имена до одной буквы. И почему потом она была вынуждена с ребенком выйти замуж за фермера.

Теперь направление, в котором мне стоило искать, несколько прояснилось: выяснить, какие занятия посещала мама, и у кого из ее преподавателей имя начиналось на «А».

Задача казалась простой, но в то же время в моей ситуации была практически невыполнимой. Во-первых, я не представляла, где может храниться такая информация. Во-вторых, я едва ли смогла бы ее получить, просто спросив. Конечно, можно было попробовать прийти к ректору Фарлагу и задать ему прямой вопрос. Мне показалось, что узнав о смерти моей матери, он испытал нечто похожее на сочувствие. Возможно, это сочувствие позволило бы ему пойти мне навстречу. Если бы не одно «но». Мне пришлось бы объяснить ему, что я здесь ищу своего отца. И считаю, что это кто-то из преподавателей мамы, очевидно, имевший на тот момент семью. А как это называется? Правильно, это называется «скандал». И едва ли ректор Лекса захочет помогать мне ковыряться в этом скандале. Ему проще меня отчислить, чего он и так жаждет.

К тому же я просто его боялась. Видимо, сильнее, чем профессора Нормана, потому что к тому я не постеснялась обратиться за помощью.

И в этот раз я тоже решила, что обратиться к тем, кто уже однажды помог мне, будет проще. Во вторник утром я написала письмо Тани Лариной и поинтересовалась, где в университете может храниться интересующая меня информация. Едва ли документация Орты могла сильно отличаться от принятой в Лексе, ведь они регулировались одними и теми же законами и правилами.

Весь остальной день я потратила на изучение преподавательского состава Лекса. К счастью, этой информацией университет гордился, а потому она была общедоступной. Теперь все преподаватели, кто работал здесь больше двадцати лет, интересовали меня не только как потенциальные источники информации. От мысли о том, что один из них может оказаться моим родным отцом, у меня перехватывало дыхание.

Всего среди преподавательского состава нашлось восемь человек, преподававших здесь уже больше двадцати лет. И одна преподавательница была здесь то ли ассистентом, то ли аспирантом в то время, а потом осталась работать, но она интересовала меня меньше всего.

Больше всего меня заинтересовал Саймон Блэк, который оказался среди моих преподавателей, так как вел практические занятия по снадобьям. Это было отличной новостью, поскольку позволяло надеяться, что мне удастся с ним найти общий язык. В практических снадобьях я была достаточно хороша. По крайней мере, по меркам Орты.

Однако практические снадобья меня ждали только в четверг, а ответ от Тани пришел во вторник вечером. Она писала, что проще всего найти такую информацию, получив доступ к личному делу студента. Там должна была храниться информация по посещаемым предметам, оценкам, названиям письменных работ. В том числе там указывали и фамилии преподавателей, которые вели курсы.

«В Орте актуальная информация (за последние пять лет) хранится в кабинете ректора, — писала Таня. А все, что старше, — в архиве, в библиотеке, но попасть туда можно только в сопровождении преподавателя. Ян сказал, что еще такой архив иногда хранится в учебной части».

Проще всего мне было проверить учебную часть: я еще решала некоторые организационные моменты и часто заходила туда. В среду я нашла удачный предлог и, против обыкновения, не стояла перед столом сотрудницы, скромно потупив взгляд, а

внимательно оглядывалась по сторонам. Когда со мной закончили, а у стола сотрудницы удачно столпилось несколько студенток, кажется, с первого года обучения, я даже осмелела настолько, чтобы отойти к стеллажу, который я смогла заподозрить в том, что он является архивом. Однако, судя по табличкам, там оказалась только документация, связанная с текущим учебным процессом.

Оставались библиотека и кабинет ректора.

В четверг меня ждала возможность познакомиться с нашим преподавателем практических занятий по снадобьям. Надо сказать, что такой подход к организации рабочего процесса, когда лекции вел один преподаватель, а практические занятия — другой, меня несколько удивил. В Орте все занятия по Снадобьям вела профессор Карр, у нас вообще не было отдельных лекций, мы всегда занимались в лаборатории.

Мы собрались тем же составом, каким присутствовали в пятницу в аудитории, и впереди нас ждали четыре часа практических занятий, что всегда было сложнее. Снадобья пятого, самого высокого уровня, которые изучались на последнем курсе, требовали особенной сосредоточенности, поскольку ошибиться при их приготовлении было легко, а вот последствия это могло иметь самые тяжелые. Тем не менее в лаборатории царила довольно расслабленная атмосфера, гораздо более расслабленная, чем перед лекцией.

Или это просто я чувствовала себя спокойнее, потому что за соседним столом собирался работать Алек, а через один стол от него — Реджина, которая в его присутствии неизменно вела себя очень дружелюбно?

На этот раз при появлении преподавателя тихие шепотки и посторонние разговоры не смолкли, что меня несколько удивило. На других занятиях дисциплина в Лексе была железной. Вероятно, дело было в профессоре Блэке: он показался мне совсем пожилым, старше моего прежнего ректора, и довольно мягким. Во всяком случае, о тишине он нас ненавязчиво просил минут пять.

— Я рад приветствовать вас на своем курсе, — сообщил он, когда гомон студентов наконец улегся. — В этом году нас ждет много интересного. Вы научитесь не только изготавливать снадобья высшего порядка, но и улучшать рецептуру более простых снадобий, а также создавать собственные варианты. К вашим услугам будут самые разнообразные ингредиенты, в том числе довольно редкие. А в качестве годового проекта вы сможете выбрать практически любое существующее снадобье.

— Почему практически? — внезапно поинтересовался Алекс.

И то ли на него правило «в Лексе не задают вопросов, пока преподаватель не спросит, есть ли они» не распространялось, то ли оно просто не действовало в лаборатории профессора Блэка.

— Ну, потому что при переселении за Занавесь мы лишились многих биологических видов, вроде драконов, русалок, василисков или химер. Соответственно нам более недоступны ингредиенты вроде когтей, чешуи, зубов, слез, пота, крови, волос и прочих их частей, — улыбнулся профессор. — А стало быть снадобья, дарящие полный контроль над человеком, вечную молодость или безграничную удачу, вы не сможете взять в качестве объекта исследования. Не будет возможности выполнить практическую часть по его приготовлению.

— Ах, как жаль, — жеманно протянула Реджина, — от вечной молодости я бы не отказалась.

— Никто бы не отказался, госпожа Морт, — хмыкнул профессор, внезапно впадая в

прострацию.

Он молчал, наверное, добрых десять минут, глядя куда-то в пустоту и едва заметно раскачиваясь взад-вперед. Судя по тому, что студенты спокойно сидели на местах, разговаривали друг с другом и никто не пытался понять, что происходит, подобное происходило и раньше.

Через какое-то время преподаватель вздрогнул, словно очнулся, и, уже почти не обращая внимания на нас, сделал движение рукой в сторону доски. Там в считанные секунды появился довольно сложный рецепт снадобья, сопровождающийся к тому же не до конца понятным мне по исполнению заклятием. К теме лекции, прочитанной Фарлагом, рецепт не имел никакого отношения. И сопровождающее заклятие тоже не совпадало с тем, что мы изучали на лекции у профессора Арта.

Однако все принялись за работу, включая преподавателя. Профессор Карр редко готовила с нами. Либо она показывала нам, как это делается, тогда мы только смотрели, либо готовили мы, а она внимательно наблюдала, чтобы мы ничего не перепутали. Профессор Блэк не обращал на нас никакого внимания.

Мне ничего не оставалось, как заняться снадобьем. К счастью, с практикой у меня всегда было лучше, чем с теорией. Мама варила снадобья сама, а не заказывала у профессионалов. Я помогала ей с самого детства, и многие знания жили в моей голове как некие аксиомы, которые я сама до конца не понимала, а просто... знала. Я не всегда могла объяснить, почему я что-то делаю, но ошибалась редко.

А вот у Алека, варившего снадобье рядом, с практикой было не очень хорошо. У Реджины шансов сделать все правильно не было вообще: она так трясла над посудой своими роскошными волосами, что наверняка в основу упал уже не один и не два. Именно поэтому я всегда собирала волосы в тугую пучок на затылке.

И все же когда я дошла до заклятия, поняла, что мне с ним не справиться. Поскольку другие студенты не стесняясь переговаривались друг с другом, я повернулась к Алеку, надеясь, что он мне поможет. И тут он взял баночку со спорами красного папоротника, которые я сама положила минутой ранее, и зачерпнул ее мерной ложкой. Мерной ложкой, в которой помещалось не менее пяти, а скорее около семи грамм! Тогда как по рецепту требовалось положить один. Споры красного папоротника были очень токсичны и могли отравить пар снадобья даже в нормальном количестве, из-за чего рекомендовалось класть их в самом конце, уже после выключения горелки. Алек горелку не выключил.

— Эй, стой-стой! — воскликнула я, метнувшись к нему. — Замри!

Алек испуганно замер с мерной ложкой в руках, глядя на меня вопросительно. Реджина и еще несколько однокурсников, занимавшихся рядом, тоже повернулись к нам.

— Горелку выключить, споры отсыпать, — я ткнула указательным пальцем сначала в направлении его стола, потом — доски.

— Действительно, Прайм, — хмыкнула Моргенштерн, глядя на него через плечо. — Фермерша дело говорит. Сейчас бы наглотался дыма и еще неделю кашлял кровью. Пришлось бы обойтись без вечеринки.

— О, где были мои глаза, — Алек положил мерную ложечку и придвинул к себе весы. — Я думал, нужна одна мера, а не один грамм. Спасибо, Тара.

— Да не за что, — отозвалась я. — С заклятием этим не поможешь?

Он честно попытался, но и сам толком не знал, как его применить. Так что в итоге снадобье не получилось ни у него, ни у меня. Ни у кого. Кроме преподавателя, конечно. Тот

покачал головой и с грустью сообщил:

— Жаль... Что ж... У вас будет вторник для самостоятельных занятий. Попробуйте еще раз и принесете мне результат в следующий четверг.

И на этом он просто... ушел.

— Что все это значит? — недоумению моему не было предела.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Алек, убирая свое рабочее место. — Он у нас немного... странный. Иногда нормально, а иногда его вот так переклинит... тогда все бесполезно. Одно хорошо: ректор такие моменты как-то отслеживает, так что завтра все объяснит.

— Как-то это не очень эффективно, — пробормотала я.

— Да, наверное, — Алек улыбнулся. — Не грусти. Лучше приходи ко мне в пятницу на вечеринку.

Я почувствовала, как мои брови сами собой поползли вверх. В Орте было два вида праздников: официальные, которые отмечались всеми студентами в бальном зале, и неофициальные, которые отмечались в общих гостиных. О том, чтобы какой-то студент устраивал вечеринку, не могло быть и речи. Впрочем, у нас не было и апартаментов.

— В синем зале. В пятницу, в семь вечера. Придешь? Обе приходите, — поспешно добавил он, когда рядом со мной неожиданно оказалась Реджина, едва не взявшая меня под руку.

— Конечно, Алек, мы придем, — заверила его Реджина за нас обеих.

А я не осмелилась возразить, хотя и подозревала, что на той вечеринке мне едва ли будет весело.

Но все оказалось куда интереснее, чем я ожидала.

— Ты собралась идти в этом?

На лице Реджины отразился такой ужас, словно я надела на вечеринку к Алеку ночную рубашку, хотя я стояла перед ней в нормальном платье. В меру нарядном, в меру удобном, из простой ткани, но красивого синего оттенка, который, как говорила мама, мне очень идет.

— А что такое? — я даже не заметила, как обняла себя руками, словно пытаюсь спрятать платье от ее пылающего праведным гневом взгляда.

Сама Реджина была одета в приталенное платье красивого красного — не яркого, а несколько приглушенного — оттенка с достаточно смелым вырезом спереди, открытой спиной и без рукавов. Оно доходило ей почти до колена и подчеркивало все достоинства фигуры. Платье выглядело просто, элегантно, но при этом — безумно дорого. И, конечно, гораздо шикарнее моего.

— Слушай, мы идем на вечеринку Прайма, — с нажимом произнесла Реджина, но заметив, что эти слова не произвели на меня должного впечатления, закатила глаза. — Древние боги, как же непросто, оказывается, бывает с простолюдинками.

Острое желание никуда не ходить, а остаться в своей спальне, наверное, заметно отразилось на моем лице, потому что Реджина скомандовала:

— Стой здесь и никуда не уходи.

Она на пару минут скрылась в своей комнате и вышла оттуда с платьем в руках.

— Держи, — она кинула его мне. — Позапрошлый сезон, но тебе должно подойти. У нас с тобой размер почти одинаковый.

Да, только я была немного выше. Я смотрела на платье из мягкой ткани, но при этом

похожее на золотистую змеиную кожу, и не понимала, с чего вдруг Реджина так расщедрилась, но она властно велела переодеться, пробормотав что-то вроде:

— Буду я еще с тобой там позориться.

Похоже, на вечеринке ради одобрительного взгляда Алека Прайма она планировала время от времени изображать мою подругу, поэтому не хотела видеть меня рядом с собой в простом платье.

Я не стала спорить. Раз уж я решилась влезть в их мир ради достижения своих целей, следовало хоть немного соответствовать. Может быть, со временем они привыкнут ко мне и перестанут доставать? Я бы тогда смогла сосредоточиться и на учебе, и на поисках родных.

Платье село почти идеально. Может быть, местами несколько туже, чем было предусмотрено его создателем, и оказалось несколько короче задуманного. Реджине оно, скорее всего, прикрывало колени, а у меня поднималось немного выше, но это не портило общий вид. К счастью, верх у платья был гораздо скромнее, чем у того, в котором собиралась идти моя соседка: рукава, хоть и очень короткие, все же присутствовали, а вырез-лодочка прикрывал даже ключицы.

Когда я вышла из комнаты, Реджина одобрительно кивнула.

— Так гораздо лучше. Может, хоть волосы распустишь? Или так и будешь ходить с этим убогим пучком?

Я не считала пучок убогим, поэтому распустать волосы не стала. Лишь слегка подкрасила губы и добавила каплю духов, которые Реджине внезапно даже понравились.

— Идем уже, — проворчала она, почему-то заметно смутившись. Как будто считала для себя унижительным тот факт, что ей во мне хоть что-то понравилось.

В ее голосе и движениях чувствовалось нетерпение. Тонкие каблук туфель так резко стучали по каменным плитам полов, что у меня от этого звука заболели уши. Не знаю, как Реджина, а я в своем платье в прохладных мрачных коридорах мгновенно замерзла.

К моему удивлению, Реджина повела меня в восточное крыло, к одному из бальных залов. Только когда мы пришли, я поняла, что «синий» — это название одного из них, самого маленького. Относительно остальных. Сейчас он был украшен разноцветными светящимися шарами, которые подсвечивали синие драпировки, и многочисленными свечами, мерцающими в полутьме. С потолка лилась негромкая музыка, на небольшом танцполе уже кружились несколько пар. Вдоль стен стояли столики с закусками, а вокруг сновали... официанты, разносящие крошечные канапе, корзиночки с начинками и бокалы с напитками.

Небольшая личная вечеринка Алека Прайма в Лексе по своей шикарности многла поспорить с большим официальным праздником в Омрте. Только народу было меньше. Кажется, с четвертого года обучения были приглашены не все, зато были студенты, которых я не знала даже в лицо. Еще я заметила несколько преподавателей и даже — к собственному ужасу — ректора. Тот со своим обычным мрачным видом мелькнул в дальнем конце зала и исчез.

К нам моментально подошел Алек в костюме, который выглядел куда лучше обычного студенческого, а следом за ним приблизился официант с высокими тонкими бокалами на подносе.

— Я вас очень рад видеть, — Алек улыбнулся нам обеим, но взгляд почему-то задержал на мне. — Вы волшебным выглядите.

— Спасибо, — тут же откликнулась Реджина, улыбаясь так ослепительно, что я ей искренне позавидовала. Я так не умела. — Вечеринки Праймов — лучшее развлечение в Лексе, приходится соответствовать.

Косой взгляд на меня, очевидно, был брошен, чтобы посмотреть на мою реакцию. А я уже поняла, что была абсолютно права и испытала искреннюю благодарность Реджине. Если бы я пришла сюда в своем платье, мне бы пришлось сразу уйти, потому что с тем же успехом я могла бы прийти на этот светский раут и в ночнушке.

Алек взял с подноса два бокала игристого вина и предложил нам. Реджина с удовольствием взяла, а я отказалась. Алкоголь я впервые попробовала в Орте еще в первый год обучения на Приветственном балу и быстро поняла, что мне не стоит с ним заигрывать. Алеку пришлось оставить второй бокал себе.

Реджина какое-то время нахваливала декор, вино и прочую организацию, а потом потащила Алека танцевать, и я осталась одна. Танцевать я толком не умела, поэтому пошла бродить по залу, но очень быстро мне это надоело. Я всюду натыкалась на неодобрительные, а порой и откровенно агрессивные взгляды. Сокурсники смотрели на меня, словно оценивали, а потом демонстративно поворачивались спиной. Никто ни разу не сказал мне дурного слова, но посыл я чувствовала очень остро: тебе здесь не место. И это при том, что ни Дорн, ни Сара Моргенштерн здесь не присутствовали.

Алека я быстро потеряла из вида, а потому вскоре задалась вопросом, что я вообще здесь делаю и не стоит ли вернуться к себе. В конце концов, с Реджиной я появилась, она должна быть довольна. Алеку на глаза показалась, он тоже должен быть доволен.

На мое счастье, в дальнем конце зала нашлось небольшое помещение, отделенное от основного пространства портьерами, за которыми музыка почти стихала, словно на них было наложено приглушающее звуки заклятие. Ни свечи, ни шары это место не освещали, мрак разведали только лунный свет и тот, что проникал из зала через щель в портьерах. Главное — здесь не было неприятливых взглядов, зато почти во всю стену тянулось большое окно, через которое открывался чудесный вид на западное крыло замка, построенного полукругом. Там, в апартаментах студентов и преподавателей, в окнах горел свет, и на фоне темного камня эти теплые желтые пятна выглядели очень красиво. Я подошла к окну, любуясь этой картиной, а потом прижалась лбом к прохладному стеклу, внезапно понимая, что голова словно горит огнем.

И только через пару мгновений я почувствовала запах сигаретного дыма и заметила движение за своей спиной. Резко обернувшись, я встретилась взглядом с ректором Фарлагом, который сидел в кресле. На половину кресла — и как следствие, его лица — падал свет из зала, но его было мало. Глаза ректора снова казались почти черными. У его лица на мгновение вспыхнул красный огонек, а потом опустился к подлокотнику, остававшемуся в тени. Сразу стало понятно, откуда взялся запах сигаретного дыма. На другом подлокотнике стоял стакан с коричневой жидкостью и парой крупных кубиков льда. Ректор молча скользил по мне взглядом, я тоже испуганно молчала, прижавшись к прохладной поверхности окна спиной.

— Не нравится вечеринка? — неожиданно поинтересовался Фарлаг. Голос его прозвучал приглушенно и хрипло. — А я вас предупреждал.

Это обращение позволило мне скинуть с себя оцепенение. Я отлипла от окна, собираясь уйти.

— Простите, сэр, я не хотела вам помешать. Не знала, что здесь кто-то есть.

Я уже сделала шаг к выходу, когда он внезапно остановил меня жестом.

— Нельзя уходить сейчас, Прайм оскорбится. Раз уж пришли, придется вам потерпеть еще часа полтора как минимум. Иначе это будет выглядеть как пренебрежение. Можете прятаться здесь, вы мне не мешаете.

Я удивленно приподняла брови, делая шаг назад и скрещивая на груди руки.

— А вы тоже тут прячетесь? — зачем-то спросила я.

Он не ответил. Точнее, не сделал этого сразу, словно размышлял, а достойна ли я вообще его ответа. Сперва поднес сигарету к губам, потом выпустил дым и сделал глоток из стакана с толстым дном.

— Здесь тише, — в итоге объяснил он лаконично.

— Я не ожидала вас тут увидеть, — призналась я, не понимая, зачем вообще разговариваю с ним. Может быть, просто потому, что со мной тут мало кто разговаривал. А ректор сегодня вел себя неожиданно... нет, не дружелюбно, но нормально. Я даже подумала о том, чтобы набраться смелости и спросить его про архив. — В Орте преподаватели не ходят на студенческие вечеринки. Только на официальные балы.

Он усмехнулся, стряхивая едва тлеющие красные искорки, как мне показалось, прямо на пол.

— Вы больше не в Орте. У Лекса свои традиции. И правила. От приглашений Праймо не принято отказываться, даже если ты ректор.

— Почему? Вы тоже из новой элиты, а не из старой аристократии? — догадалась я, вспомнив объяснение Алека. Как у них тут все сложно в их высшем обществе.

Мне показалось, Фарлаг удивился.

— Я-то как раз из старой аристократии, — заметил он. — Но Праймы королевских кровей.

— Серьезно? — мне почему-то стало нехорошо. — Из великих королей?

Он едва заметно качнул головой, снова поднеся к губам стакан, в котором приглушенно звякнули льдинки.

— Нет, он потомок правителей небольшого королевства, находившегося чуть севернее Рейвена. Оно было одним из первых, присоединившихся к Республике. Но королевская кровь — это королевская кровь.

— Кровь у всех нас одинаковая, — возразила я. — Остальное предрассудки.

— Неужели? — хмыкнул он. — А ведь он единственный, кто отнесся к вам хорошо. Знаете почему?

Я отрицательно качнула головой.

— В новой элите нет благородства. Да, многие семьи относят себя к элите уже пять столетий, но они все равно черной завистью завидуют тем, в чьих родословных и тысячу лет назад были великие люди. Они очень боятся уронить себя, поэтому особенно нетерпимы к людям вроде вас. Старая аристократия в этом плане более снисходительна. Мы уверены в своем превосходстве и ничего не боимся. Но мы злимся. Злимся, что пять веков назад отчасти утратили свой статус. Злимся на нуворишей и их потомков, которых Республика сделала равными нам. И нас бесят те, кто продолжает лезть в высшее общество, не имея на то прав по рождению. А потомки королей... Они от рождения стоят так высоко, что ничего не боятся и ни на кого не злятся. Определенный кодекс чести заложен в них на генном уровне. Плюс воспитание, конечно, но кровь... Она определяет.

— Неужели вы действительно в это верите? — удивилась я.

— Это не вопрос веры, — возразил он. — Вы бы понимали это, если бы...

— Не была безродной дворняжкой?

Улыбка, скользнувшая по его губам, показалась мне удовлетворенной.

— Именно.

— Скажите, ректор Фарлаг, — неожиданно для самой себя поинтересовалась я с доброжелательной, как мне казалось, улыбкой, — а старая аристократия способна чувствовать свое превосходство, только унижая тех, кто не имеет возможности ответить?

Кажется, он очень удивился, потому что внезапно закашлялся, поперхнувшись дымом.

— Знаете, эта дрянь убьет вас, — добавила я, не дожидаясь ответа на вопрос.

— Вы думаете? — голос прозвучал немного сипло, но в нем снова слышалась насмешка.

— Это худшее, что поступает к нам из-за Занавеси, — я уверенно кивнула.

Если ректор и хотел парировать, то не успел: послышался приближающийся смех, и я едва успела отскочить к стене, скрытой во мраке, когда в наше тихое и темное укрытие ввалились хохочущие Реджина и еще одна девушка, имени которой я не знала.

— Прайм тобою очарован, Джина, — громким шепотом сообщила она.

— Наконец-то! Три года на него потратила, а тут еще эта фермерша...

— Она тебе не соперница, ты чего? Максимум он ее попользует пару раз из любопытства, но тут уже что делать, дорогая? Когда речь идет о мужьях вроде Прайма, такие вот эксперименты придется и после свадьбы терпеть.

— Да это сколько угодно, — фыркнула Реджина.

— Только ему об этом не говори! — возмущенно велела ей безымянная подруга. — Пусть чувствует себя виноватым и дарит тебе взамен украшения. Кстати, что это за благотворительность с платьем?

— Да ему сто лет, — отмахнулась Реджина. — Ты бы видела, в чем она собиралась прийти...

В этот момент в бокале ректора заметно звякнул лед и обе девушки испуганно ойкнули, едва не подпрыгнув на месте. Я была рада этому: мне не нравилось слушать, как они меня обсуждают.

— Ректор Фарлаг, сэр... — испуганно пролепетала неизвестная мне подруга Реджины.

— Простите, что побеспокоили, — более сдержанно извинилась сама Реджина.

И их обеих как ветром сдуло еще до того, как Фарлаг успел что-то ответить. Если он вообще собирался. Я услышала только его тихий смех.

Однако после случайно подслушанного разговора мне совершенно не хотелось оставаться в его компании, поэтому, выждав несколько секунд, я тоже решительно направилась обратно в зал.

— Знаете что, госпожа Роук? — внезапно подал голос ректор, когда я уже почти шагнула за портьеру.

Я замерла на месте, молча дожидаясь, пока он продолжит свою мысль.

— Вам это платье идет больше, чем госпоже Морт.

Я не поняла, было ли это настоящим комплиментом или новой издевкой, поэтому ничего не ответила и просто решительно продолжила свой путь.

Едва я снова оказалась за портьерой, как меня оглушила музыка и ослепил свет, а я сама неожиданно налетела на Алека.

— Вот ты где! Я уж думал, ты сбежала и хотел обидеться.

Он широко и добро улыбался, и пятнадцать минут назад я бы приняла это за шутку, но после разговора с ректором уже не была в этом так уверена.

— Что ты! — как можно естественнее возмутилась я. — У тебя прекрасная вечеринка. Круче официальных балов в Орте.

Ему явно польстили мои слова.

— Потанцуешь со мной? — спросил Алек, протягивая мне руку.

В этот момент звучала довольно быстрая мелодия и танец под нее предполагался быстрый, сложный и экспрессивный, а я и медленные исполняла с трудом. Учителя всегда отмечали у меня две проблемы: координацию движений и гибкость. То есть обычно они говорили, что я деревянная и неуклюжая.

— Прости, я... я не умею танцевать, — попыталась уклониться я. — Да и не люблю, если честно

— Серьезно? — удивился он. — Как можно не любить танцевать? Пойдем, я тебя научу!

Он даже попытался потащить меня к танцполу, но я удержала его. При других обстоятельствах — в более дружественной обстановке — я бы, наверное, еще и решилась. Но не здесь.

— Алек, пожалуйста, не надо. Не хотелось бы становиться посмешищем. В смысле, еще большим, — не удержалась я от горького комментария, вспомнив, как Реджина с подругой обсуждали одолженное мне платье.

Внимательно посмотрев на меня, Алек как будто что-то понял и танцевать передумал.

— Конечно, — согласно кивнул он. — Тогда пойдем перекусим.

И он потащил меня к столу. Уже там, всучив мне небольшую тарелочку с разнообразными закусками, он заметил:

— Не обращай на них внимания, Тара. Большинство здесь сильны только своим положением в обществе, которое зарабатывали не они и порой даже не их родители. А вот ты... Ты, например, хороша в приготовлении снадобий. Если бы не ты, я бы сейчас лежал в лазарете, а не веселился тут.

Он так заразительно улыбался, что мне оставалось только последовать его примеру.

— Такой навык трудно получить по наследству, — согласно кивнула я, продолжая его мысль.

— Вот именно! Представляешь, Фарлаг вызвал меня сегодня после занятий и отчитал за невнимательность. Как он только все узнает? Его ведь там даже не было, а Блэк был не в себе. Так вот, ректор меня вызвал и высказал все, что думает о моем зрении. У меня, знаешь ли, со снадобьями вообще не складывается, но моя мама Мастер, поэтому я пытаюсь научиться. Из уважения к ней. И Фарлаг, зараза такая, знает, куда бить.

— Куда? — не поняла я.

— Достал мне мамину ведомость... Она же тоже училась в Лексе. И ткнул меня носом в ее оценки. Она ни одного снадобья не сварила не на высший балл.

Я насторожилась и переспросила:

— В смысле? У него что... Все табели двадцатилетней давности хранятся?

— Конечно, — кивнул Алек. — Огромный такой стеллаж с выдвижными ящиками в кабинете стоит. Не замечала?

Я рассеяно мотнула головой, понимая, что это и есть тот самый архив, который мне нужен. А ректор несколько минут назад дал мне понять, что пробудет здесь еще не менее полутора часов. Возможно, это первый и последний раз, когда я точно знаю, что его кабинет пуст и останется таким достаточно долгое время.

Осторожное прикосновение к моему плечу вывело меня из задумчивости.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Алек.

— Да, но... — я набрала в легкие побольше воздуха и спросила: — Ты ведь на самом деле не обидишься, если я все-таки уйду? Ты отличный парень и очень мне нравишься, но я здесь чувствую себя неуютно. Может быть, если у тебя будет более... локальная вечеринка однажды...

Он улыбнулся и перебил:

— Как насчет чашки горячего шоколада со взбитыми сливками? Завтра в полдень, в том кафе, где мы пили чай в первый день. Только ты и я. Достаточно... локально?

— Да, конечно.

Сейчас я была готова пообещать что угодно, лишь бы спокойно и незаметно уйти. Алек решил, что ему этого достаточно, и проводил меня до выхода из зала и даже предложил проводить до апартаментов, но я отказалась, объяснив это тем, что негоже хозяину вечеринки покидать своих гостей.

А сама после этого устремилась к кабинету ректора.

У самых дверей я заставила себя остановиться и перевести дух, а не ломиться внутрь сразу. Я не знала, как заведено в Лексе. В Орте аудитории и рабочие кабинеты преподавателей почти никогда не запирались, возможно, ректорский тоже. Но это не значило, что на них не накладывались следящие чары.

Поэтому приведя в порядок дыхание и сосредоточившись, я в первую очередь направила магический поток в заклятие проверки, чтобы выяснить, какие охранные чары наложил на кабинет Фарлаг. При этом я отчаянно надеялась, что в Лексе не страдают какой-нибудь особой формой паранойи.

Мне повезло. Или, по крайней мере, так мне в тот момент показалось. Довольно стандартное запирающее заклятие, следящие чары, настроенные на открытие двери в отсутствие хозяина, сигнальные чары на случай проникновения с дурными намерениями.

Первое можно было нейтрализовать обычным отпирающим заклятием. Второе не представляло большой опасности, поскольку следящие чары проверялись только в том случае, если в помещении, на которое они наложены, что-то случилось. То есть что-то безнаказанно украсть из кабинета ректора я бы не смогла: заметив пропажу, он быстро бы узнал, кто входил в кабинет в его отсутствие.

А вот сигнальные чары поднимали тревогу сразу.

К счастью, у меня не было дурных намерений. Я не собиралась ничего красть или ломать. Я искала информацию о своей матери и не собиралась использовать ее кому-либо во вред. И все это я несколько раз проговорила про себя, очищая мысли и чувства от малейших намеков на желание возмездия тем, кто причинил моей маме вред, будь то ее родители, мой отец или ее... убийца.

Только после этого я применила отпирательное заклятие и осторожно ступила в кабинет. Даже без своего хозяина он казался мрачным и неприветливым. Шторы были плотно задернуты, свечи и шары погашены, поэтому мне пришлось создать свой, чтобы видеть, куда наступаю.

Времени у меня должно было быть достаточно, но я не стала медлить и сразу направилась к стеллажу. Затормозила только у полочек, на которых стояли разные безделушки. Всякие фигурки и портреты в рамках настолько не вязались у меня в голове с образом Фарлага, что я на несколько секунд замерла, разглядывая их.

На одном из портретов был изображен сам Найт Фарлаг с какой-то женщиной. Судя по тому, что его костюм по цвету совпадал с ее платьем, это был свадебный портрет. На нем Фарлаг выглядел молодым, улыбчивым и каким-то... беззаботным, что ли. Счастливым. Женщина рядом с ним буквально ослепляла своей красотой, но мне она почему-то показалась неприятной. То ли взгляд мне ее не понравился, то ли еще что-то... Я не знала, потому что не стала задерживаться и разглядывать, а поспешила к стеллажу с архивом.

На каждом ящике значился год зачисления, а я знала лишь мамин возраст и год, в который она точно была в Лексе — с того обгоревшего портрета. Но я не знала наверняка, во сколько она пришла учиться. В семнадцать, как я? Или пропустила год или два после школы? Мне предстояло проверить целых три ящика. И еще одна сложность заключалась в том, что я не знала, какая у мамы была фамилия до брака. Поэтому в каждом ящике я направляла поисковое заклятие на имя — Дария.

С первой же найденной Дарией всплыла проблема номер три: папки студентов содержали кучу информации, но не имели портретов.

— Издевательство какое-то, — простонала я, но тут же велела себе замолчать: в тишине кабинета даже шепот звучал оглушительно. Сердце мое тоже колотилось слишком громко.

В первом ящике я нашла шесть студенток с именем Дария, во втором — три, в третьем — пять. По году рождения я отсеяла семь, но еще семь мне подходили, а внимательно изучать семь папок здесь и сейчас у меня не хватило бы нервов.

Пришлось их копировать. От страха, что меня обнаружат, магический поток снова подчинился плохо. Мне часто говорили, что при внешней невозмутимости, внутренне я слишком нестабильна. Пришлось снова крепко сжимать фокусирующий артефакт.

Мне оставалось скопировать всего две папки, когда я услышала за дверью голоса и шаги. Я в ужасе оглянулась, понимая, что минимум два человека приближаются к кабинету. У меня оставалась слабая надежда на то, что кто-то просто идет мимо, но потом до меня донеслись голоса:

— Найт, держитесь, дружище, немного осталось, — торопливо говорил голос профессора Блэка. — Или давайте я вас левитирую?

— Я вам не мешок картошки, — огрызнулся голос ректора Фарлага. — Сам дойду!

И настолько злого голоса у него не было даже в день нашего собеседования. Я поняла, что мне конец, потому что незаметно выбраться из кабинета не было ни малейшей возможности.

Когда дверь кабинета открылась и профессор Блэк буквально втащил внутрь ректора Фарлага, я замерла на месте, прижимая к груди созданные копии и стараясь не дышать. Мне оставалось надеяться, что ректор, как обычно, предпочтет оставить в кабинете полутьму, и они не заметят меня. При ярком свете наверняка стало бы видно, как топорщится толстая

штора, за которой я спряталась. Ничто другое в кабинете не могло выдать моего присутствия: ящик архива я задвинула и даже успела восстановить запирающее заклятие на двери.

Происходящее в кабинете я видела через щель между шторами. Блэк усадил Фарлага в кресло посетителя, а сам с проворностью, которую трудно было заподозрить в мужчине его возраста, метнулся к невысокому шкафу со стеклянными створками, стоявшему в дальнем углу. Как я и ожидала, многочисленные шары они зажигать не стали, ограничившись несколькими свечами, которые едва разведали мрак.

Даже при этом весьма сомнительном освещении было видно, что Найту Фарлагу очень плохо. Его тело как-то странно дергалось, лицо искажала гримаса боли.

— Быстрее, Блэк, прошу вас, — почти прорычал он тихо, пока Блэк что-то делал у шкафа.

Я слышала звон стеклянной посуды, но не видела, что именно он делает. Могла только догадываться, что он смешивает из лечебных порошков какое-то экспресс-снадобье.

— Сейчас, Найт, потерпите немного. Добавлю только обезболивающий компонент.

— Не надо. Не помогает. Противосудорожного хватит, — отрывисто бросил ректор.

Звуки пропали. Блэк замер, видимо, осмысливая сказанное Фарлагом. А потом забормотал что-то себе под нос, торопливо пересекая комнату. Я услышала тихое клацанье стекла о стекло и звук льющейся воды: Блэк разбавил смесь порошков водой. Потом он подошел к ректору, на ходу взбалтывая ложечкой содержимое стакана, и заставил того выпить содержимое.

Снадобье далось Фарлагу нелегко: он все еще заметно вздрагивал, как будто его тело сводило судорогами, а порой захлебывался, словно жидкость не лезла в горло. Содержимое стакана то и дело проливалось, но в итоге ректор осушил его почти до дна и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Он тяжело дышал, и на лице его все еще отражалась гримаса боли, но дергаться он перестал.

Профессор Блэк, сжимая стакан в руках, осторожно присел на краешек ректорского письменного стола, с тревогой глядя на молодого начальника.

— Как вы, Найт? — обеспокоенно спросил он.

— Лучше, — глухо отозвался Фарлаг и после небольшой паузы добавил: — Спасибо.

— Что мне дать вам от боли?

— Ничего, — из горла Фарлага вырвался странный звук: то ли смех, то ли фыркание, то ли сдавленный стон. — Уже полгода ничего не помогает. Только перетерпеть. Хуже всего, когда болит голова. А сейчас... Переживу.

— Мне кажется, ваши приступы учащаются, — осторожно заметил Блэк, все так же не сводя взгляд с лица ректора.

— Вам не кажется.

— И вы не придумали ничего лучше, как на фоне всего этого начать курить эту дрянь? — теперь голос Блэка звучал укоризненно. — И крепкий алкоголь я бы вам не рекомендовал.

— Я проклят, а не болен, — хмыкнул Фарлаг, продолжая сидеть с закрытыми глазами.

— И что теперь? Вы не знаете наверняка, что вызывает приступы.

— Знаю. Заметное расходование магического потока. Слишком сильные негативные эмоции. Утомление.

— В любом случае вам нужны силы, чтобы справиться с этим, — тон профессора

Блэка смягчился. — А алкоголь и никотин их только забирают.

— Нотации тоже, — едко отозвался Фарлаг.

Блэк не обиделся, только улыбнулся, покачав головой. Мне было плохо видно его лицо, но почему-то казалось, что он смотрит на Фарлага с какой-то отеческой теплотой и сочувствием. Теперь в Лексе я знала двоих человек, способных на такие чувства.

— Вам надо с этим что-то делать, Найт, — все тем же мягким тоном заметил он.

— О, неужели? Думаете, мне надо найти способ снять проклятие? И почему за пять лет выворачивающих наизнанку приступов мне ни разу не пришло это в голову?

Фарлаг говорил резко, но даже я слышала в его тоне отчаяние. Блэк печально вздохнул и снова покачал головой.

— Я имел в виду другое. Если ваши приступы провоцируют негативные эмоции и усталость, вам нужно меньше огорчаться и больше отдыхать. А лучше найти поводы для радости. Так ли вам нужно тратить время и силы на ректорство в Лексе?

— Хотите от меня избавиться? — усмехнулся Фарлаг. — Не забывайте, уйду я — и следующим уйдете вы.

— Я это понимаю, — кивнул Блэк. — Но я сейчас не о себе беспокоюсь, а о вас. Мне-то что? Я свое отжил.

— Я свое, кажется, тоже, — едва слышно пробормотал Фарлаг, растирая рукой лицо.

— Вам просто плохо, поэтому вы так пессимистичны, — все с той же доброй улыбкой возразил Блэк. — Вам всего сколько? Тридцать пять?

— Будет. В этом году, — уточнил Фарлаг мрачно.

— Ну вот! Вы молодой, сильный и очень талантливый. Уверен, вы найдете снадобье противодействия.

Фарлаг как будто хотел что-то возразить, но передумал. Сел немного прямее и сделал глубокий вдох, а потом вдруг тревожно оглянулся по сторонам.

— Мне кажется, тут кто-то есть...

У меня сердце екнуло и застучало сильно-сильно. Все это время, я стояла, не шевелясь и почти не дыша, хотя у меня уже все мышцы свело от этого. Он не мог меня услышать!

— Здесь никого нет, — возразил профессор Блэк. — Найт, вам нужен отдых. Давайте я провожу вас в ваши апартаменты?

В кабинете повисла тишина. Я не знала, что происходит, потому что после замечания ректора отшатнулась от щели в занавеске, боясь, что меня все-таки заметят. Сердце колотилось так, что было больно, а от сдерживаемого дыхания грудную клетку пекло, но совсем не так, как из-за непролитых слез. Горели именно легкие, требуя больше кислорода. Незнание усиливало страх. Мне казалось, что в любой момент ректор подойдет, отдернет занавеску и обнаружит меня.

Однако через несколько секунд он только шумно выдохнул и согласился:

— Вы правы, Блэк. Но я и сам дойду.

Послышался скрип кресла, потом неясный шум, после которого Блэк мягко попросил:

— Позвольте мне все-таки пойти с вами. Просто чтобы убедиться, что вы дошли.

— Демон с вами, идемте, — выдохнул Фарлаг.

Послышались шаги, потом хлопнула дверь. Не та, через которую мы все входили, а в другом конце кабинета.

Я продолжала стоять за шторой, позволив себе только чуть-чуть расслабить руки и сделать глубокий вдох, но выходить из своего укрытия не торопилась. Вдруг кто-то из них

что-то забыл в кабинете? Или Блэк мог пойти обратно через кабинет.

Минуты шли, я слышала, как тикают настенные часы, но все не решалась выйти из-за шторы. Наверное, прошло не меньше четверти часа, прежде чем я все-таки сделала это, предварительно просунув в щель между шторами голову и убедившись, что кабинет пуст. Его все еще освещали свечи, которые Блэк и Фарлаг забыли погасить.

Меня заметно трясло от пережитого и ужасно хотелось поскорее броситься прочь, пока меня не обнаружили, но оставались еще две папки и две Дарии, каждая из которых могла оказаться той самой, что я искала. Если я не скопирую информацию о них, вся эта затея может оказаться бессмысленной!

Поэтому заставив себя успокоиться, я снова открыла нужный ящик архива и достала из него папки. Руки дрожали, а я то и дело бросала взгляд в дальний конец кабинета, сейчас тонувший во мраке. Где-то там находилась дверь, через которую ушли ректор и Блэк. Копируя листы, я прислушивалась к тишине, каждую секунду ожидая услышать скрип двери и шум шагов. Тогда мне конец.

И все же мне удалось закончить начатое и даже убрать все обратно в выдвижной ящик, а в кабинете так никто и не появился. Когда я поднялась на ноги, они дрожали так, что едва держали меня. Я заставила себя пойти обратно к двери, но снова задержалась на мгновение у полочек с портретами.

Я смотрела на молодого улыбающегося мужчину с очень теплым взглядом каре-зеленых глаз, и мне вспоминалось искаженное болью лицо, судорожно дергающееся тело. Кто и за что мог так жестоко проклясть его? Проклятия бывали разными. Одни довольно быстро сводили человека в могилу, другие просто лишали его чего-нибудь: любви, удачи, возможности иметь детей, видеть в окружающем мире хорошее. Часто проклятый даже не знал об этом. Те, что убивали, делали это в считанные дни. Остальные можно было относительно легко снять, если их обнаружить и правильно определить. Сложнее дело обстояло с темными и родовыми проклятиями.

Найт Фарлаг свое проклятие снять не мог, и оно мучило его уже пять лет. Не убивало, а именно мучило. Значит, наверняка имело компонент темной магии, светлый поток на такое просто не способен. Как сильно надо ненавидеть человека, чтобы сотворить с ним такое?

Я заставила себя оторвать взгляд от портрета и напомнила себе, что меня это не касается. Судьба ректора Фарлага — не моя забота. Хотя подслушанный разговор давал надежду, что как минимум один рычаг воздействия на ректора у меня есть. В крайнем случае к нему можно будет прибегнуть.

Осторожно применив отпирающее заклятие, я вышла в коридор, как можно тише прикрыла за собой дверь и снова заперла ее.

Теперь ничто не должно было выдать моего визита сюда.

— Тара Роук! — громкий оклик преподавательницы заставил меня вздрогнуть и быстро спрятать просматриваемые листы в тетради, в которой я должна была записывать лекцию.

Только вот последние минут пятнадцать я ничего не писала, даже не слушала толком, снова и снова просматривая общую информацию по семи Дариям, учившимся в Лексе двадцать лет назад.

Я потратила на изучение их личных дел все выходные, прерываясь только на выполнение домашних заданий. Даже попросила Реджину выпить горячего шоколада с Алеком вместо меня и сказать ему, что я приболела. Моя соседка минут пять не могла решить: разозлиться ей из-за того, что Алек позвал на чашку шоколада меня, а не ее, или обрадоваться из-за того, что я уступила это приглашение ей. В конце концов, она просто ушла, сказав, что так и быть, развлечет Прайма, пока я болею.

Я не знала, обиделся ли Алек. Перед началом лекции он только улыбнулся мне, окинув изучающим взглядом, а сидели мы сегодня на разных рядах, поэтому поговорить не успели.

Меня больше тревожило другое. Ничто в личных делах студенток не давало мне ключа к пониманию, кто из них моя мама. При более внимательном рассмотрении я нашла не только год, но и дату рождения, но ни одна из них не совпадала с днем рождения мамы. По крайней мере, с тем, который знала я. Могла ли она и его скрывать? Зачем? Прочая информация и вовсе оказалась для меня бессмысленна. Никто из них не специализировался в снадобьях, которые мама знала очень хорошо, но все посещали как минимум теорию в качестве одного из предметов.

Мне нужно было найти их лица! Но я не знала, как это сделать.

Зато сейчас передо мной замерло очень недовольное лицо профессора Лессандр, которая за время моего молчания успела подняться по проходу до ряда, на котором я сидела. Она явно чего-то от меня хотела, но я не понимала, чего именно, поскольку сам вопрос благополучно прослушала.

— Роук, я долго буду ждать? Проклятые артефакты, основные плюсы и минусы относительно обычных проклятий. Быстро!

Я судорожно пыталась вспомнить что-то на эту тему, но не могла, потому что это была тема текущей лекции. Да и артефакты никогда не интересовали меня, поскольку я не собиралась ими заниматься, а для приготовления снадобий они были не нужны. Просто Теория создания артефактов входила в образовательный минимум третьего и четвертого годов обучения.

— Прошу прощения, профессор, я не знаю, — тихо ответила я, кожей ощущая насмешливые взгляды сокурсников.

— Конечно, не знаете, — резко произнесла Лессандр, презрительно кривя тонкие губы. — Ведь когда я о них рассказывала пять минут назад, вы не слушали.

Я изобразила на лице раскаяние и виновато потупила взгляд, не зная, что сказать в свое оправдание.

— Простите, профессор, я отвлеклась.

— Поразительно, что вы позволяете себе подобное, — хмыкнула профессор, скрещивая руки на груди. Судя по всему, она не собиралась быстро возвращаться к теме лекции.

Красивая и моложавая, несмотря на то, что была даже чуть старше моей мамы, она жила в апартаментах в западном крыле и обладала весьма скверным характером. — Учитывая ваше происхождение, вы носом землю рыть должны, доказывая всем, что ректор Фарлаг не выжил из ума, приняв вас в Лекс.

— Честно говоря, я не считаю, что репутация ректора Фарлага нуждается в моей защите, — не сдержалась я. — Поэтому едва ли должна доказывать всем что-то в его пользу.

Наверное, я зря это сказала, потому что красивое лицо преподавательницы с идеальным макияжем пошло красными пятнами.

— Интересно, как с таким отношением вы собираетесь найти себе наставника, — фыркнула она, отворачиваясь и возвращаясь на кафедру. — Я вашу просьбу теперь точно не удовлетворю.

Я очень сомневалась, что она собиралась удовлетворять ее и раньше, поэтому не особенно расстроилась. Хотя у меня накопилось уже столько отказов, что в пору было испытать отчаяние. В Лексе стремительно заканчивались преподаватели, которых я еще об этом не попросила и которые не сказали бы свое твердое и бесповоротное «нет». Сегодня я собиралась направить официальные прошения всем оставшимся. Пожалуй, кроме ректора. Встретаться дополнительный раз в неделю с ним, да еще и наедине мне совершенно не хотелось.

К счастью, до конца лекции Лессандр забыла о моем существовании, но и я больше не рисковала отвлекаться, добросовестно записывая почти каждое ее слово.

После занятия, как я и ожидала, Алек перехватил меня на выходе из аудитории.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — вежливо поинтересовался он.

И вот теперь мне не пришлось изображать ни раскаяние, ни виноватый вид: я действительно почувствовала себя виноватой.

— Прости, что не пришла в субботу. Просто я...

— Испугалась? — предположил он, весело улыбаясь.

— Наверное.

— Разве я такой страшный?

— Честно говоря, вы на меня все нагоняете ужас, — не стала скрывать я, но постаралась, чтобы это прозвучало как шутка. — Особенно потомки королей.

— А, понятно, кто-то уже просветил, — недовольно откликнулся он, словно стыдился своего происхождения.

— Увы, — я решила поддержать эту манеру.

— Знаешь, мы ведь давно не короли. Очень давно. Все эти расшаркивания и попытки померяться, у кого родословная длиннее, — глупость.

— Я-то с этим согласна, — на этот раз я поддержала его с искренним энтузиазмом. — Но странно, что ты так считаешь. Я думала, вы все молитесь на свои родословные, как на древних богов. Ректор Фарлаг, говоря о своем аристократическом происхождении, разве что не лопался от гордости.

Алек рассмеялся. Как всегда искренне и весело. С каждой минутой нашего общения он нравился мне все больше, и я ничего не могла с этим поделать.

— Он имеет на это право, Фарлаги — очень достойные люди. Они много сделали для нашего мира.

— Гордиться предками — это, наверное, нормально, — согласилась я. — Но разве может это быть важнее собственных достижений?

— У него и своих достоинств хватает, — не сдавался Алек, пока мы шли по бесконечно длинному коридору к другой аудитории. — Лучший выпускник Лекса, самый молодой Мастер Снадобий, талантливый ученый, самый молодой ректор в истории не только Лекса, но и всех учебных заведений. Хотя считается, что с последним ему помог папа-министр, но он справляется. Говорят, в обществе в свое время тоже блистал и был одним из самых завидных холостяков.

— Ты его так защищаешь, словно он твой... любимый дядя, — я не придумала другого достойного родства, учитывая возраст.

— Мы все немного родственники, — со смехом признался Алек. — Но мне просто жаль его, наверное. Такое многообещающее начало, а теперь...

Он вздохнул и махнул рукой, а я почувствовала внезапный приступ любопытства. Мне так и не рассказали ни одной версии о том, кто и за что проклял Фарлага. Я уже собиралась об этом спросить, но Алек успел первым:

— Что за бумаги ты с таким любопытством изучала вместо лекции?

Я смутилась. Делиться с ним своими тайнами у меня не было желания, каким бы милым Алек ни казался, поэтому я попыталась уйти от ответа:

— Да так, кое-что по учебе...

— Правда? А было похоже на личные дела студентов.

У меня по спине пробежал холодок. Алек, конечно, сидел недалеко, но как он разглядел? Только через пару мгновений я вспомнила, что ректор показывал ему ведомости с оценками мамы. Значит, доставал ее личное дело. Алек мог просто узнать оформление страницы.

— Это как-то связано с твоей мамой?

Последние слова окончательно добили меня. Я замерла посреди коридора, посмотрев на него с подозрением. Как он догадался? И хотя я не озвучила свой вопрос, Алек словно прочитал мои мысли:

— Меня тоже прочат в лучшие выпускники Лекса, — со своей обычной очаровательной улыбкой пояснил он. — Твой внезапный перевод сюда после ее смерти, обгоревший портрет, твой внезапный побег с вечеринки после того, как я упомянул архив в кабинете ректора, теперь эти бумажки... Что ты ищешь, Тара?

Видимо, он и правда был очень умен и внимателен к деталям. Я задумалась о том, что, возможно, стоит ему довериться. В конце концов, я еще ничего плохого от него не видела за все время пребывания здесь. Наоборот, он единственный, кто отнесся ко мне хорошо. И я очень нуждалась в помощи.

— Я ищу свою маму, — призналась я. — То есть... пытаюсь понять, кем она была. До ее смерти я не знала, что она училась здесь. Я не знаю, кем она была до замужества. Ничего о ней не знаю. Я хочу найти каких-нибудь родственников. И, может быть... — в последний момент я осеклась, решив, что про отца рассказывать все же не стоит. — Может быть, ее родители еще живы и захотят со мной познакомиться. Или хотя бы они должны знать, что случилось с ней.

— Так эти личные дела студентов?..

— Личные дела студенток по имени Дария, которые учились здесь в нужный год и чей возраст совпадает с маминым, — кивнула я, доставая копии из сумки и протягивая ему. — Но дата рождения не совпадает ни у одной, а без портретов я не могу понять, кто из них моя мама.

Алек просмотрел протянутые листы, а потом выдал:

— Значит, нужно соотнести эти имена с портретами выпускников.

— Портретами выпускников? — мое сердце забилось чаще, когда я поняла, что ниточка еще не оборвалась.

— Да, создается для каждого выпуска из Лекса. По одной копии альбома остается в библиотеке. После следующей лекции могу показать тебе.

Это была, наверное, самая длинная лекция в моей жизни. Минуты тянулись бесконечно долго, я вновь старательно записывала за преподавателем, но делала это, не задумываясь и не пропуская информацию через себя. Я могла думать лишь о том, что вот-вот узнаю настоящую фамилию мамы. И тогда до поиска ее родителей останется всего один шаг.

Однако в библиотеке меня ждало жестокое разочарование. Мы с Алеком внимательно рассмотрели портреты всех Дарий, даже тех, кого я отсеяла по году рождения. Никто из них не был похож на мою маму. Тогда мы изучили портреты всех девушек подходящих нам выпусков, пользуясь тем, что третьей лекции не было ни у меня, ни у него. Мы потратили на это почти час, но ни одна выпускница Лекса не была похожа на мою маму. Ни такую, какой я ее знала, ни такую, какой она была изображена на обгоревшем портрете.

— Ерунда какая-то, — хмурился Алек. — Как такое возможно? Она могла не выпускиться?

— Она забеременела, — тихо признала я, но мне показалось, что в тишине библиотеки мои слова все равно прозвучали оглушительно. — Могла сбежать, наверное.

— Или ее могли отчислить, — хмыкнул Алек. — Особенно если беременность была внебрачная. Лекс такого не допускает. Даже замужних студенток в положении отправляют домой до родов.

— Сурово.

— Традиции.

— Опять тупик, — почти простонала я, откидываясь на спинку неудобного стула, какие тут предлагал читальный зал.

Алек задумчиво потеревил светлую челку: то ли пытался поправить ее, то ли это означало у него глубокий мыслительный процесс. Судя по тому, что через несколько секунд его лицо просветлело, второй вариант оказался ближе к истине.

— Слушай, у тебя же есть ее портрет! Можно показать его кому-то из местных преподавателей-старожилов. И спрашивать.

— Можно, только... — мне не хотелось объяснять ему про то, что каждый из них может оказаться моим настоящим отцом. — Я бы не хотела привлекать к своим поискам внимание. Появятся вопросы, а мне тут и так не рады.

Алек понимающе кивнул, снова задумавшись, но тут же опять просиял.

— Мой отец! Он будет здесь на традиционном балу в честь годовщины основания Лекса, поскольку входит в попечительский совет. Можно показать портрет ему.

В этот момент у меня зародилось нехорошее подозрение.

— А он откуда может ее знать?

— В то время он работал здесь. В качестве эдакой практики, у нас в семье так принято. Прежде чем переходить к серьезным финансовым задачам, сначала потренироваться на чем-то небольшом и простом. Он управлял финансами Лекса.

Я не стала комментировать его представления о «небольшом» и «простом». Меня гораздо больше тревожил другой факт.

— Алек, а как зовут твоего отца?

— Сет. Сет Прайм. А что?

Я облегченно выдохнула. Не на «А».

— А когда будет этот бал?

— Тридцатого марта.

С тем же успехом он мог бы быть в следующем году. Особенно если я не найду наставника.

Но прежде, чем я успела высказать вслух эти опасения, передо мной махнула крыльями маленькая фея. И швырнула мне очередную записку.

«Ко мне в кабинет. Немедленно».

Кто бы сомневался, что в подписи у послания стояло: «ректор Фарлаг».

— Да чтоб его... — досадливо проворчала я, чем вызвала у Алека смешок.

— Не проклинай ректора, — заметил он с улыбкой. — Он и так проклят.

— Вы меня вызывали, сэр? — старательно контролируя голос, поинтересовалась я, замерев у порога ректорского кабинета.

Здесь все было без изменений: легкий беспорядок на столе, наглухо зашторенные окна, кресло посетителя, сегодня только одно, полумрак по углам. Разве что солнце сегодня светило настолько ярко, что даже темные шторы из плотной ткани не могли сдержать его полностью: в кабинете было сумрачно, но не так темно, как в мои прошлые визиты. И сам ректор ждал меня не за столом, а стоя у того самого шкафа, в котором, как я теперь знала, хранились лечебные порошки. Судя по всему, он делал для себя очередную смесь. Пиджак и мантия дожидались своего хозяина на спинке кресла, а как всегда немного мятая рубашка обтягивала как оказалось довольно широкие плечи.

— Садитесь, — велел он, не оборачиваясь ко мне.

И, конечно, имея в виду кресло посетителя, но я неуверенно замерла. Сяду туда — и он окажется у меня за спиной. Не то чтобы меня волновало, насколько это вежливо. Я просто понимала, как мне будет неудобно. Однако испытывать его терпение было плохой идеей, поэтому я все же заставила себя сесть.

Я слышала, как он закончил насыпать порошки, добавил в стакан воды. Судя по тому, что он спокойно стоял, его сейчас не мучили судороги, ничего похожего на приступ, который я наблюдала. Возможно, его проклятие проявлялось по-разному.

— Объясните мне, Роук, что вы делали в моем кабинете в пятницу вечером? — спокойно спросил он, размешивая содержимое стакана: я слышала, как пару раз ложечка ударилась о стекло.

У меня сердце провалилось вниз и забилося в животе, а я сама задрожала, теперь даже радуясь тому, что он не видит моего лица. Как он мог узнать? Все же время от времени проверяет следящие чары? Или я оставила следы своего пребывания?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, сэр.

Когда не знаешь, как оправдаться — отрицай.

— Хотите сказать, что вас не было здесь в пятницу вечером?

Я не слышала его шагов, но поскольку с каждым новым словом его голос звучал все ближе, я поняла, что он возвращается к столу. Только в поле моего зрения он так и не появился. Я почувствовала, как он замер прямо за спинкой кресла и сверлит взглядом мой затылок. От этого взгляда кожу под полосами неприятно закололо.

— Нет, сэр, — выдохнула я. Голос все-таки дрогнул.

И тогда я почувствовала щекой тепло и уловила легкий запах сигаретного дыма, каким он становится после того, как впитается в одежду и волосы. Фарлаг сначала резко втянул ноздрями воздух, а потом я почувствовала жар его дыхания на своей шее.

— Не хотите или вас тут не было? — насмешливо уточнил он, ничуть не смущаясь этой не вполне приличной близости.

— Меня тут не было, сэр, — как можно увереннее пояснила я, глядя прямо перед собой и изо всех сил стараясь не отодвинуться. Я не хотела показывать, как он меня пугает.

Он разочарованно вздохнул и выпрямился.

— Почему вы мне все время врете, Роук?

Теперь он наконец вернулся за свой столик опустился в кресло. Стакана с эспрессо-снадобьем в его руках уже не было, взгляд казался злым. Он выжидающе уставился на меня и добавил:

— Меня это бесит.

— Я не понимаю вас, сэр, — упрямо повторила я, все еще не зная, как оправдаться.

Он снова подпер голову согнутой в локте рукой, как в первую нашу встречу. Указательный и средний пальцы при этом едва заметно помассировали висок.

— Когда вы пришли ко мне на собеседование, вы сказали, что хотите перевестись в Лекс, потому что желаете получить лучшее возможное образование по снадобьям. Очевидно, в тот момент вы понятия не имели, что единственный предмет, который в Лексе преподается не очень хорошо, — это как раз снадобья. Потому что их ведут полоумный старик и проклятый Мастер, который уже несколько лет не в состоянии практиковать. Если бы не это обстоятельство, ваша ложь могла бы сойти за правду. И вот теперь вы честно смотрите на меня своими прекрасными голубыми глазами и снова нагло врете.

Даже не знаю, что больше повергло меня в ступор: страх или то, что он назвал мои глаза прекрасными.

— Я не... — с трудом выдавила я, но он резко оборвал меня:

— Еще раз скажете, что не понимаете, — и я вас прокляну.

Мне пришлось замолчать. На всякий случай. Мозг старательно искал выход из положения, поэтому, наверное, невзирая на бешено колотящееся сердце, я заметила, как Фарлаг на секунду прикрыл глаза и снова помассировал висок. Похоже, мне повезло: его снова мучила головная боль. Та самая, которую, по его словам, хуже всего было терпеть. Порошки явно не помогали.

— Вы были аккуратны, — тем временем продолжил Фарлаг. — Настолько, что я не понимаю, что вы здесь делали. И мое любопытство — это единственное, что сейчас отделяет вас от отчисления и неприятного разговора с легионерами.

— В таком случае с моей стороны было бы глупостью удовлетворять его, — вырвалось у меня.

Уже знакомый прищур был мне ответом. Я с трудом сплотнула, стараясь контролировать дыхание. Еще немного — и он бы меня точно отчислил, поэтому я решила, что самое время выложить единственный козырь. Хоть я и надеялась разыграть его в другой ситуации.

— У вас болит голова, сэр?

Такой разворот разговора сбил Фарлага с толку: злость мгновенно улетучилась, уступив место удивлению. У меня сердце билось уже не в животе, а в горле, мешая дышать.

— Вы пытаетесь сменить тему?

— Я хочу предложить вам помощь.

Это было смело. Даже где-то безрассудно. Я никогда не пробовала делать это ни с кем, кроме своего неродного отца. Да и его мигрень последний раз снимала еще до того, как отправилась в Орту. Мама велела мне не распространяться об этом умении, хотя сама же меня научила. Она говорила, что это моя «компенсация» за то, что я не могу плакать.

— Ты лишена того, что умеют все, но зато можешь делать то, на что не способны другие, — говорила она.

Конечно, я не знала, сработает ли это на проклятом человеке, но это была моя единственная надежда выйти из кабинета ректора все еще студенткой Лекса.

Я медленно поднялась на ноги, переместила сумку, которая до этого лежала у меня на коленях, на сиденье кресла.

— Вы позволите?

Фарлаг был явно заинтригован и потому махнул рукой, приглашая меня делать все, что я задумала.

Я заставила себя обойти его стол и подойти ближе к креслу, в котором он сидел. Он внимательно следил за моими движениями, но молчал. Только вопросительно приподнял брови, когда я присела на краешек стола и потянулась руками к его голове.

— Сядьте прямее, пожалуйста, — попросила я и тут же поспешно добавила: — Сэр.

Он медлил пару секунд, но потом послушался, и тогда я смогла коснуться кончиками пальцев его висков.

— Хочу предупредить, что магический поток не способен справиться с этим конкретным видом боли, — насмешливо заметил Фарлаг.

— Магия в этом не участвует, сэр, — заверила я, едва заметно массируя его виски.

Не прошло и пяти секунд, как я уловила знакомые вибрации. И как обычно сначала попыталась подстроиться под них невыразительным мычанием, но еще несколько секунд спустя открыла рот, голосом создавая незатейливую мелодию. Она каждый раз звучала по-разному, ее рождали вибрации, которые я ощущала пальцами. Я сама не до конца понимала механизм происходящего, словно мной в такие моменты руководила какая-то неведомая мне сила.

Фарлаг, до этого посматривающий на меня с подозрением, закрыл глаза. Его лицо постепенно разгладилось, дыхание стало ровным и глубоким, как будто он провалился в сон.

Вибрации исчезли, и мой голос стих. Я убрала руки с висков ректора, внимательно наблюдая за его реакцией. Он открыл глаза не сразу. Какое-то время прислушивался к собственным ощущениям и только после этого взглянул на меня.

— Как вы это делаете?

Его вопрос заставил меня облегченно выдохнуть. Значит, все получилось.

— Я не знаю, — на этот раз абсолютно честно ответила я. — Мама научила в детстве. Я никогда не задумывалась о том, как это получается.

— Вы можете так снять любую боль?

— Нет, к сожалению, только головную.

Он снова какое-то время смотрел на меня снизу вверх, поглаживая пальцами небритый подбородок, а потом вдруг спросил, как ни в чем не бывало:

— Что вы делали в моем кабинете в пятницу вечером?

— С чего вы вообще взяли, что я тут была?

Его глаза вновь недобро прищурились. Кажется, избавление от головной боли не произвело на него тот эффект, на который я рассчитывала.

— Знаете, у меня прекрасное обоняние, — неожиданно сообщил он. — Я по запаху способен определить степень готовности любого снадобья. Мне даже время засекаать никогда не требовалось.

— Тем более странно, что вы начали курить, — заметила я, не понимая, куда он клонит.

Фарлаг вдруг резко встал, нависая надо мной. Даже когда я сама выпрямилась, оказалось, что он на целую голову выше меня. Теперь я смотрела на него снизу вверх, забыв, как дышать. Он же расслабленно засунул руки в карманы брюк, довольно усмехаясь. Кажется, ему понравилась моя реакция. Интересно, что больше пришлось ему по душе: испуг

или смущение?

— Ваши духи, госпожа Роук, — объяснил он, гипнотизируя меня взглядом. Я вдруг подумала, что мне его глаза тоже кажутся красивыми. — Я не сразу понял, почему мне показалось, что в кабинете кто-то есть. Только потом, когда... мне стало лучше, смог проанализировать. В кабинете был запах ваших духов. Вы не просто были тут в тот вечер. Вы были тут в тот момент, когда я вернулся. Я проверил это по следящим чарам, так что отпираться нет смысла.

Я выдержала его взгляд даже сейчас, хотя отчаянно хотелось выскользнуть из ловушки между его мрачной фигурой и столом. И как бы страшно мне ни было, я постаралась произнести спокойно:

— Если это так, то вы, конечно, обязаны отчислить меня. И, возможно, даже донести в Легион. Вы уверены, что хотите этого? Теперь.

— Не играйте со мной, Роук, — угрожающе велел он.

— И в мыслях не было, сэр, — заверила я.

За одно мгновение в нем снова что-то переменилось. Раздражение ушло, взгляд стал скорее изучающим.

— Кто же вы такая, Тара Роук? — со вздохом спросил он, с интересом разглядывая мое лицо.

— Я и сама хотела бы это знать, сэр.

Меня не отчислили. Ректор даже не стал настаивать на моих честных ответах. Я понимала, что обреченный на постоянные боли человек не станет выгонять из университета того, кто может унять хотя бы один вид его боли. И Фарлаг понимал, что я это понимаю, а потому ему нечем мне угрожать. Однако его взгляд при нашем прощании ясно давал понять, что он найдет способ выяснить правду. Это позволяло мне надеяться, что он найдет и способ оставить меня в Лексе, несмотря на то что практически все потенциальные наставники мне отказали. Некоторые пока просто не ответили. Возможно, и не собирались отвечать.

А пока я ждала крайнего срока по назначению наставника, все остальные студенты Лекса уже предвкушали бал в честь годовщины его основания. В четверг Алек предпринял еще одну попытку «социализировать» меня и взял с собой на вечерние посиделки в кафе с парой приятелей. Всего за столом оказалось шесть человек, в том числе Реджина и та самая девушка, с которой она обсуждала мою скромную персону во время вечеринки. Мне показалось, что все присутствующие, кроме меня, конечно, относятся к той самой «старой аристократии».

Девушки вовсю обсуждали платья из какого-то каталога и с энтузиазмом интересовались мнением парней. Парни отвечали им с куда меньшим энтузиазмом, но вежливый взгляд на картинки все же бросали. На меня они тоже иногда бросали взгляды, но скорее недовольные, нежели вежливые. Девушки предпочитали меня игнорировать. Со мной разговаривал только Алек, а я хоть и отвечала ему, но все равно не понимала, зачем я здесь. Готовиться к лекции по Снадобьям и то было бы интереснее. Впрочем, поддержать разговор о платьях я бы все равно не смогла: мельком разглядев несколько ценников, сразу поняла, что не могу позволить себе такое платье.

Подруга Реджины — Лиза, как я выяснила в тот день — в какой-то момент, кажется, поняла это, потому что внезапно дружелюбно улыбнулась мне и попыталась протянуть каталог:

— Тара, может быть, ты тоже хочешь что-то выбрать? Лучше заказывать платье заранее, чтобы его успели сшить по твоим меркам и доставить.

— Спасибо, я воздержусь, — как можно спокойнее ответила я, старательно изображая такую же вежливую улыбку.

— О, прости, я не подумала, — все с тем же наигранным добродушием «огорчилась» Лиза, — наверное, это слишком дорого для тебя?

Сначала я испытала неловкость. Как это ни парадоксально, но мне вдруг стало стыдно за то, что я не могу купить себе такое платье. А потом я разозлилась: почему я должна стыдиться того, что у меня нет большого количества дурных денег? Моя семья никогда не считалась бедной, просто мы не были богачами. Как и подавляющее большинство жителей Республики.

— Не для меня, — возразила я. — Это просто — слишком дорого. Честно говоря, не совсем понимаю, почему эти платья столько стоят. Если они сотканы из золота, то едва ли их удобно носить. А если они из обычной ткани, то такая цена — надувательство.

— Едва ли такие вещи стоит объяснять, — хмыкнула Реджина, на мгновение забывая, что при Алеке она изображает мою подругу. — С этим пониманием нужно родиться.

— Мне вот не удалось с ним родиться, — Алек как всегда оказался готов тут же встать на мою сторону. — Мне кажется, они столько стоят лишь потому, что мы готовы за них столько заплатить. Своего рода перераспределение богатства между людьми. Хочешь, я подарю тебе любое платье из этого каталога? — внезапно предложил он, поворачиваясь ко мне. — Просто так, потому что мне это несложно.

Пожалуй, из всего, что я когда-либо слышала от него, это было самое неприятное. Слишком похоже на благотворительность, о которой я не просила.

— Спасибо, но у меня есть платье для этого бала, — соврала я, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос.

Не знаю, понял ли Алек, как меня задело его предложение. Наверное, оно было продиктовано лучшими побуждениями, но выдало то, что в глубине души он относится ко мне не лучше остальных: как к какой-то нищенке, прибившейся к богачам, дабы урвать с их стола пару лакомых кусочков. Только остальные меня за это честно презирали, а Алек по доброте душевной готов был мне их бросить.

Лиза и Реджина обменялись выразительными взглядами, явно не поверив мне. Теперь я и сама малодушно захотела, чтобы никто из преподавателей не согласился стать моим наставником. И пусть бы меня отчислили. Зато не пришлось бы проходить через еще один вечер, полный унижений.

Однако в пятницу учебная часть уведомила меня, что моим наставником согласился стать профессор Блэк. Он был одним из тех, кто никак не ответил на мое прошение. Сотрудница учебной части выглядела удивленной.

— Вообще-то, он давно не занимается наставничеством. Но имеет право, а больше никто желания все равно не высказал, — она пожала плечами. — Вам надо будет встречаться с ним раз в неделю, во вторник, в семь вечера. По согласованию с профессором Блэком можете изменить день и время.

Поскольку до вторника профессор Блэк никак не уведомил меня об изменении, я явилась в его кабинет в назначенный день и час, однако тот оказался пуст. Я предположила, что занятие с наставником может проходить и в апартаментах преподавателя, поэтому направилась туда.

Профессор Блэк открыл мне дверь в домашних брюках и халате и удивленно уставился на меня подслеповатыми глазами.

— Чем могу быть полезен, девушка?

— У нас с вами сейчас встреча, — немного растерянно напомнила я.

— Неужели? — он нахмурился. — Да вы проходите, не стойте на пороге. А почему у нас с вами встреча?

— Потому что вы согласились быть моим личным наставником, — сообщила я, проходя за ним в гостиную.

И тут же замерла на пороге, потому что за небольшим чайным столиком в мягком кресле сидел ректор Фарлаг. Теперь кое-что начало проясняться.

— Найдите, простите меня, — профессор Блэк виновато развел руками. — Кажется, у меня сегодня занятие со студенткой. Я совершенно забыл об этом... Хотя мне кажется, я об этом даже не знал... Вы развлеките мою гостью пару минут, пока я переоденусь.

И что-то бормоча себе под нос, он скрылся за дверью, оставив меня наедине с Фарлагом. Тот молча взирал на меня со странным выражением на лице: не будь он моим ректором, я бы назвала это выражение плутоватым.

— Полагаю, я должна поблагодарить вас за содействие, — осторожно сказала я, переминаясь с ноги на ногу у порога, поскольку не знала, куда мне стоит сесть. И стоит ли.

Фарлаг только пожал плечами.

— Я сделал это не ради вас, поэтому можете оставить свои благодарности при себе. Вы пригодитесь мне здесь в следующий мой приступ. Да и профессору Блэку будет приятна ваша компания. Он довольно одинок, и, кроме меня, его никто не развлекает. Наставничество пойдет ему на пользу. Поскольку он слегка не в себе, обычные студенты Лекса к нему не идут, а вам выбирать не приходится.

— Справедливо, — кивнула я. — И очень рада, что я вам ничем не обязана.

— Вам так невыносима мысль быть чем-то мне обязанной? — удивился он. — Вы поэтому не обращаетесь ко мне за помощью?

Я не нашлась, что ответить. Он сверлил меня взглядом, под которым мне было ужасно неуютно, как всегда немного щурясь. В каком-то смысле он был прав, но мне совершенно не хотелось признавать это вслух.

— Я ведь мог бы помочь вам, — добавил он серьезно. — Если бы вы просто задали мне интересующие вас вопросы. Что вам нужно в Лексе?

Это было заманчивое предложение, но что-то во мне всюду противилось такому варианту. Наверное, дело было в снисходительных нотках тона ректора, которые явно давали понять: он, конечно, готов снизойти до моих проблем, но мне такая милость дорого будет стоить. Поскольку мне уже помогал Алек, и у нас была надежда на воспоминания его отца, я не хотела идти на такую сделку.

— Мне ничего не нужно, сэр, — я очень старалась, чтобы это прозвучало убедительно, но тон получился скорее холодно-отстраненным.

Он несколько секунд молчал, подпирая подбородок рукой и выжидающе разглядывая меня, словно предполагал, что за этими словами последует что-то еще, а потом криво усмехнулся.

— Зря. Когда вам предлагает дружбу самый влиятельный человек в конкретной части Республики, разумно принять ее.

Слова вырвались из меня быстрее, чем я успела подумать, стоит ли их говорить:

— Кажется, именно вы, сэр, сказали, что я не смогу подружиться здесь с кем-либо. Полагаю, особенно глупо с моей стороны было бы пытаться подружиться с ректором. Я не считаю возможной дружбу там, где нет равенства.

Выражение его лица моментально ужесточилось, он стремительно поднялся на ноги и шагнул ко мне, привычным жестом засовывая руки в карманы брюк. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не отступить назад, когда он оказался на расстоянии вытянутой руки. Чтобы смотреть ему в лицо, мне снова пришлось чуть запрокинуть голову назад.

— Такая гордая, да? — насмешливо поинтересовался Фарлаг. Губы его заметно кривились, но это трудно было назвать даже ухмылкой.

У меня сердце билось так, словно я только что пробежала через весь лесопарк, окружавший Лекс. Приходилось контролировать дыхание, чтобы казаться спокойнее. Реакция моего тела злила меня: чего я так боюсь? Не съест же он меня. И не отчислит, это уже понятно. А что еще он может сделать? Давить на меня своим ростом и сверлить взглядом? Сказать что-то неприятное? Едва ли я не смогу все это пережить.

— Гордость тут ни при чем, сэр, — голос все-таки немного дрожал, когда я заговорила. — Простая осторожность.

— А с Праймом дружишь.

Он умудрился произнести это так, что я все-таки покраснела и отвела взгляд в сторону. Моментально вспомнились слова Дорна: «Что значит «Д» я так и не понимаю, но, кажется, стало ясно, кто такой «А»». А заодно и нечаянно подслушанный разговор Реджины с Лизой на вечеринке Алека. И все эти намеки были во взгляде ректора, а я понимала, что оправдываться — глупо.

— Что ж, это ваш выбор, Роук.

И он просто ушел, не дожидаясь профессора Блэка и не прощаясь.

Только когда за ним захлопнулась дверь апартаментов, я почувствовала, как дрожат руки и ноги. Я подошла к креслу, в котором ректор только что сидел, и опустилась в него, стараясь выровнять дыхание и успокоить сердцебиение. Почему-то было ужасно неприятно, хотя умом я понимала, что Фарлаг никогда не был обо мне высокого мнения и мне не стоит обращать на это внимания. В конце концов, он с самого начала решил, что я мечу в содержанки, когда я совсем не давала для этого поводов. Сейчас же он просто подгонял факты под это свое первое впечатление. Такое ни на чем не основанное мнение больше говорило о нем, нежели обо мне, но... Мне все равно было неприятно, что он так думает.

— Девочка, с тобой все в порядке? — услышала я над собой взволнованный голос профессора Блэка.

— Да, все прекрасно, — я заставила себя посмотреть на него и улыбнуться.

— Найт ушел?

— Ректор Фарлаг просил с вами попрощаться за него. Он, видимо, спешил.

— Молодежь... — рассмеялся Блэк. — Вы всегда куда-то спешите. Хотите чаю? Кстати, как вас зовут?

— Тара Роук, — на этот раз улыбка получилась вполне естественной. Пожилой профессор вызывал у меня очень даже положительные эмоции, невзирая на то, что был немного не в себе. — И да, чай — это прекрасная идея.

Не знаю, какими предполагались встречи студентов с личными наставниками, но мои посиделки с профессором Блэком в тот вечер больше походили на дружеское чаепитие. Он расспрашивал меня о моей жизни до Лекса, об учебе в Орте. Иногда одни и те же вопросы задавал по два-три раза, видимо, забывая, что я на них уже отвечала. Меня это не раздражало. Мне было приятно с ним болтать, потому что в отличие от Алека профессор Блэк не снисходил до меня. Мы находились на одном уровне, как и с многими другими преподавателями в Лексе, которые никак не относились ни к аристократии, ни к элите, а просто работали тут. Только некоторые, как профессор Арт, заразились высокомерием от местных снобов, а другие, как профессор Блэк, помнили, кто они сами и откуда.

Поскольку беседа складывалась очень позитивно, я решилась спросить:

— А вы давно тут преподаете?

— Кажется, что всю жизнь, — он хрипло рассмеялся. — Лет тридцать, наверное. Я уже и забыл то время, когда не жил тут. Наверное, если однажды придется покинуть Лекс, то в тот день я и умру.

— Зачем вы так говорите? — попеняла я ему.

— Все, что я любил, осталось здесь, — Блэк грустно вздохнул. — Моя жена и дочь здесь погибли. Здесь и похоронены. Куда же мне теперь отсюда?

— О, простите, я не знала, — мне сразу стало неловко, и я поняла, что расспрашивать

дальше про события двадцатилетней давности не получится: взгляд Блэка затуманился, как во время практического занятия, и он впал в прострацию.

— Да... Пожар... До сих пор иногда кажется, что все это приснилось... В один день... Обе...

Он еще что-то бормотал, но я уже не могла разобрать его слова. Я не знала, стоит ли мне уйти или дожждаться просветления, поэтому так и замерла в нерешительности с почти пустой чашкой в руках, чувствуя, как в груди появляется знакомое жжение. Мне было ужасно жаль Блэка, и причины его странного поведения стали гораздо понятнее. Такую потерю нелегко пережить.

— Хотите покажу их вам? Они обе были красавицы!

Он пришел в чувства так же внезапно, как провалился в забытие. И не дожидаясь моего ответа, вскочил с кресла с неожиданной проворностью, прошел к каминной полке и вернулся оттуда с небольшим портретом, на котором были изображены ослепительно красивая женщина и вполне обычная девочка лет десяти. Женщина отчего-то показалась мне смутно знакомой, словно я видела ее в давнем полузабытом сне. Или она напомнила мне кого-то, но я не смогла вспомнить кого. Или это просто была особенность ее лица, что оно казалось смутно знакомым даже тем, кто видел его впервые.

— Действительно, очень красивые, — я улыбнулась профессору Блэку.

— Да, мы готовились к балу. Я был в Аларии: забирал платье для дочки и заодно решал кое-какие дела. Я отсутствовал всего одну ночь... Дочка так и не увидела платье, которое я купил... Хотите я вам его покажу?

Я не хотела, но не осмелилась это сказать, когда Блэк поманил меня за собой в ту дверь, за которой исчезал раньше, чтобы переодеться.

Платье висело в его шкафу, в чехле. Удивительно красивое и по размеру совсем не на десятилетнюю девочку, скорее на взрослую девушку. Оно казалось сотканным из тончайших серебряных нитей и в нескольких местах переливалось блеском страз, подозрительно похожих на настоящие мелкие бриллианты.

— Я хотел, чтобы на балу моя дочь выглядела не хуже местных студентов, раз уж ей разрешили присутствовать, — гордо пояснил Блэк, заметив удивление и восхищение на моем лице. — И потом рука не поднялась ни сдать платье обратно, ни выбросить его. Все ждал, что она... — он горестно вздохнул и осекся.

Но я поняла, что он хотел сказать. Когда я вернулась на неделю домой, узнав о смерти мамы, я каждую минуту ждала, что она вдруг войдет в комнату или окажется в той, куда я шла. Умом я понимала, что это невозможно, но сердце не желало это признавать.

— Примерьте его, — вдруг предложил Блэк, когда я сама, подобно ему, впала в прострацию, погрузившись в воспоминания.

— Что? Нет... Это как-то... Я не могу...

— Пожалуйста, — он посмотрел на меня с улыбкой, которой я не могла отказать. — Мне кажется, у вас с моей дочерью похожие фигуры.

И он вручил мне платье, а сам вышел.

Несколько секунд я стояла посреди его спальни в полной растерянности. Конечно, меня тянуло примерить платье. Что бы я ни говорила Реджине и Лизе, я любила красивую одежду. Обновки появлялись у меня нечасто, а в магазин, в котором могло бы продаваться такое платье, я никогда не рискнула бы даже войти, но это не значит, что я не замирала у блестящих витрин, когда мы с мамой оказывались в столице.

Но примерять платье погибшей девушки? Это было странно, если не сказать жутко. И тот факт, что она его даже увидеть не успела, мало что менял.

И все же я решилась, убедив себя, что просто хочу сделать приятное одинокому старику.

Платье мне подошло. Не скажу, что легло, словно на меня шилось, но крой у него был такой, что небольшое несоответствие размеров едва ли можно было заметить со стороны. Длинный рукав, расклешенный книзу, и должен был частично закрывать ладонь. На плечах платье держалось уверенно, скромный вырез спереди и глубокий — сзади легли на свои места. Платье оказалось немного свободным мне в талии и бедрах, но это выглядело вполне приемлемо. От колен подол расширялся и опускался на пол небольшим шлейфом. Потребовались бы туфли на достаточно высоком каблуке, чтобы не наступать на него.

— Вы просто красавица, — заявил Блэк, появляясь на пороге комнаты.

То ли я потеряла счет времени, разглядывая себя в большое зеркало, то ли он так удачно подгадал, когда следует вернуться. Он подошел ко мне сзади и сжал руками мои плечи. В отражении я видела, что его глаза полны слез.

— Я знал, что в этом платье ты будешь прекраснее всех, девочка моя... — пробормотал он, уже видя во мне свою погибшую дочь. От этого мне снова стало не по себе.

— Да, это очень красивое платье, профессор Блэк, — сказала я, надеясь своими словами вернуть его в реальность. — Ваша дочь блистала бы на том балу. Уверена, она действительно была бы прекраснее всех.

Его взгляд прояснился, и у меня отлегло от сердца. Блэк украдкой вытер уголки глаз, а потом снова посмотрел на меня через отражение в зеркале, мягко улыбаясь.

— Возьмите это платье, Тара, — попросил он. — Скоро бал. Не знаю, есть ли у вас уже, в чем идти, но такое платье все равно пригодится. Не на этот вечер, так на другой.

— Я... не могу этого сделать, — запротестовала я, смутившись. Только этого не хватало!

— Пожалуйста, — попросил он. — Уважьте старика. В свое время я потратил на него небольшое состояние, — он снова хрипло рассмеялся. — Я бы так хотел увидеть его на ком-то. Уверен, моя дочь не была бы против.

Я смотрела на свое отражение и нервно кусала губы. Это платье решило бы мою проблему с балом, избавило бы от очередного унижения. Оно, конечно, выглядело немного старомодно и было видно, что много лет провисело в шкафу, но за оставшееся время я успела бы его освежить. Немного бытовой магии — и никто ничего не заметит. А то, что оно не по последней моде... Да и демон с ним, зато смотрится необычно и ни у кого такого не будет.

Я перевела взгляд на лицо Блэка, на котором застыло вполне искреннее восхищение и надежда на мое согласие. Я снова чувствовала разницу: его предложение не было благотворительностью. Просто одинокий старик мечтал хотя бы так на мгновение вернуться в то время, когда у него еще была семья. Ему это было нужно даже больше, чем мне.

— Хорошо, профессор Блэк, — решилась я. — Спасибо.

Может быть, это было малодушием с моей стороны, но мне так хотелось, чтобы на меня хотя бы один вечер не смотрели, как на какое-то чучело.

Оставшиеся две недели до бала пролетели очень быстро. Мои отношения с сокурсниками не становились лучше, но пока, к счастью, и не ухудшались. Большую часть времени меня просто игнорировали, и меня это вполне устраивало.

Ректор за все время ни разу не вызвал к себе. Видимо, головная боль случалась с ним не так часто. На лекциях я пару раз ловила на себе его взгляд, но он ничем не отличался от тех, которыми ректор время от времени одаривал всех студентов.

На второй встрече с личным наставником мне все же удалось получить небольшую консультацию по учебной программе, хотя большую часть «занятия» мы снова пили чай и говорили о прошлом. В основном, о моем, потому что новая попытка вернуться в памяти профессора на двадцать лет назад кончилась его впадением в протрацию и воспоминания о дочери и жене. Я узнала, что его жену звали Аманда и что она тоже занималась снадобьями. Эта страсть их в свое время и объединила. Правда, если его интерес был скорее академическим, то ее — чисто практическим. Она занималась косметологическими снадобьями, помогающими сохранить молодость и преумножить красоту. Возможно, потому и была сама так красива. Однако ничто из этого не приближало меня к ответам на мои вопросы.

Задним умом я даже пожалела, что отказалась от предложения Фарлага. Это было эмоциональным решением, продиктованным моей обидой на него. А ведь он был прав: он легко мог найти интересовавшую меня информацию. И едва ли потребовал бы за это что-то непристойное, он же сам сказал, что я недостаточно хороша собой. Максимум, что его могло интересовать, — это моя помощь во время головных болей. Чего я не могла понять, так это почему он вообще вдруг предложил помощь. Я лечила бы его мигрень в любом случае, просто за то, что он позволил мне остаться в Лексе. И потому что могла. Я видела, как он страдает во время приступов. Облегчить его боль хоть немного — это естественно, каждый на моем месте поступил бы так же.

От того, чтобы пойти к нему и все же согласиться, меня удерживало только одно: я боялась. Его мой отказ явно задел, и теперь он мог просто посмеяться надо мной и сказать, мол, быстрее надо было соображать и соглашаться сразу. Но я твердо решила для себя все равно попытаться, если разговор с отцом Алека не даст результата.

В вечер бала я намеренно долго ковырялась в спальне, надеясь, что Реджина уйдет раньше. Мне не хотелось слушать ее едкие комментарии по поводу моего платья до того, как я доберусь до бального зала. Попытки убедить себя в том, что мне не нужно блистать на балу, что я иду туда с совсем другой целью, не помогали. Сколько бы я ни делала вид, что меня не трогают обидные слова, я все равно каждый раз переживала.

Однако Реджина меня дождалась. Когда я появилась в нашей общей гостиной, она поднялась с дивана с легкой ухмылкой на губах, выдававшей намерение надо мной покуражиться и предвкушение этого момента. Однако ухмылка тут же растаяла, когда она окинула меня удивленным взглядом.

— Милое платье, — вырвалось у нее, но она тут же нахмурилась и с подозрением поинтересовалась: — Откуда оно у тебя? Я такого не видела ни в одном каталоге. Да и откуда у тебя деньги на такое?

Я довольно улыбнулась. Кажется, сегодня я все-таки не буду чувствовать себя белой вороной. По крайней мере, не так сильно, как обычно. Похоже, довольно простые туфли и крошечная сумочка-мешок, в которую обычно клали платок и помаду, а я сегодня положила обгоревший портрет мамы, не сильно испортили общее впечатление.

Рассказывать о происхождении платья я не стала, только поторопила Реджину, потому что бал уже давно начался. Она предприняла еще несколько попыток расспросить меня по дороге, но я на все отвечала молчаливой улыбкой.

Самый большой бальный зал в этот вечер был восхитительно прекрасен. Стены прятались за очень реалистичными иллюзиями, воспроизводившими природу долины, в которой находился Лекс. Контуры гор и густой лес выглядели как живые, хотя реальные деревья так не сияли мелкими огнями. Основное пространство заливал разноцветный свет и наполняла музыка, от которой мурашки бежали по коже. В центре зала уже кружились красиво одетые пары, а вокруг толпилось столько народу, что тихие беседы сливались в почти оглушающий гул голосов.

Я сразу поймала на себе несколько взглядов, но как и в случае с Реджиной, они оказались скорее удивленными, чем пренебрежительными. Несколько девушек, преодолев удивление, все-таки фыркнули, но на лице Сары Моргеншперн, например, появилось даже что-то похожее на одобрение. Некоторые молодые люди, судя по всему, и вовсе меня не узнали, особенно те, кто был младше, и те, кто почти не пересекался со мной на лекциях. На лице профессора Блэка отразилась отеческая гордость, к сожалению, сменившаяся протрацией всего через несколько секунд. Он снова погрузился в мир воспоминаний. Я надеялась, что ему там хорошо. Едва заметив меня, Алек бросил небольшую компанию студентов, с которыми разговаривал, и, подойдя к нам с Реджиной, рассыпался в комплиментах, львиная доля которых предназначалась мне.

И только ректор Фарлаг, скользивший под сенью иллюзорных деревьев мрачной тенью, смотрел на меня, недовольно хмурясь. Секунд десять, потому что потом потерял ко мне интерес. А я почему-то продолжала следить взглядом за его удаляющейся фигурой, и только возглас Реджины отвлек меня от этого занятия:

— О, какая красивая мелодия! Обожаю этот танец.

Сказано это было с многозначительным взглядом на Алека, но тот не обратил на нее внимания.

— Сегодня я не приму отказа, Тара, — он с улыбкой протянул мне руку.

Танец был медленным и несложным, а я сегодня ощущала уже подзабытое чувство уверенности в себе, поэтому руку приняла и позволила отвести себя в центр зала, к другим танцующим парам, под недовольным взглядом Реджины.

— Ты невероятно красивая сегодня, — тихо повторил Алек, закружив меня под музыку.

— Ты уже это говорил, — напомнила я, немного нервничая. Мне нравилось его восхищение, но не хотелось вводить Алека в заблуждение своей реакцией на него.

— И я готов говорить тебе это весь вечер, — он улыбнулся, но не так, как обычно. Это была улыбка соблазнителя, а не друга, готового подставить плечо в трудную минуту.

— Не стоит, — я попыталась намекнуть ему, что романтические ухаживания с его стороны меня не очень интересуют. Какова бы ни была их цель. — Ты меня этим смущаешь.

— Когда ты смущаешься, ты становишься еще прекраснее. Откуда ты такая взялась?

Его рука, лежавшая на моей талии, прижала меня к нему немного сильнее. Лицо Алека стало ближе, что мне не очень понравилось. Чтобы восстановить дистанцию, мне пришлось

бы отклониться назад, а это выглядело бы не очень красиво. В очередном движении мы развернулись, и на мгновение я вновь поймала взгляд ректора Фарлага, который теперь сидел на одном из кресел для отдыха, тянувшихся по краям зала. Он наблюдал за нами с непроницаемым выражением на лице.

Еще один поворот, Алек выпустил меня из объятий, как это предполагал танец, а я так разнервничалась, что забыла, куда следует двигаться дальше, в результате чего чуть не столкнулась с другой девушкой. Алек успел вовремя подтолкнуть меня в нужную сторону. Поэтому в его объятия я вернулась с облегчением, тем более что он больше не пытался прижимать меня к себе.

До тех пор, пока танец не кончился и мы не замерли с последними тактами мелодии. Его губы вдруг потянулись к моим, но я успела сделать шаг назад.

— А твой отец здесь? — быстро спросила я. — Ты обещал, что мы сможем с ним поговорить.

Алек выглядел разочарованным моей реакцией, но довольно быстро справился с выражением лица.

— Да, конечно. Сейчас найдем его.

Сет Прайм оказался очень похож на своего сына: такой же светловолосый и голубоглазый, высокий и стройный, он выглядел довольно молодо, хотя ему должно было быть около сорока пяти. Когда Алек представил ему меня, он вежливо улыбнулся. В его взгляде я тоже не нашла ни высокомерия, ни надменности. Судя по всему, в семье Праймов культивировались другие ценности, нежели во всех остальных.

— У Тары недавно умерла мать, — Алек взялся сам объяснить отцу ситуацию. — Она хочет найти каких-нибудь родных по ее линии, но не знает, как ее звали до замужества. Только недавно она выяснила, что та училась в Лексе. Судя по всему, ты был здесь в то время, может быть, ты ее знал.

— Я знал далеко не всех студенток, — предупредил господин Прайм. — Все же я здесь не преподавал, а занимался финансами. Но если у вас есть портрет...

— Да, конечно, — я торопливо полезла в сумочку. — Он немного повредился, но маму здесь хорошо видно.

Прайм изучал портрет не больше двух секунд, когда его лицо прояснилось и на нем отразилось узнавание.

— Да, я ее знал, — сказав это, он едва заметно нахмурился. — Фамилию не вспомню, к сожалению, но точно помню, что ее звали Делла. Только она здесь не училась, а просто жила. Ее отец здесь преподавал.

Мое сердце почти замерло от этих слов, я даже не сразу нашлась, что сказать. И только звон разбитого стекла, раздавшийся совсем рядом, вывел меня из ступора. Вместе со всеми я посмотрела на профессора Арта, который смущенно ликвидировал последствия своей неуклюжести, заставляя исчезнуть разбитый бокал и разлитое вино.

Я снова перевела взгляд на Сета Прайма.

— Вы уверены? — с сомнением спросила я. — Мою маму звали Дария, а не Делла.

— Я ничего не могу сказать на этот счет, — он снова вежливо улыбнулся, — протягивая мне портрет обратно. — Эту девушку точно звали Делла. Уверен, что фамилию вам с легкостью подскажет ректор Фарлаг. Вот в чем я не уверен, так это в том, что она могла быть вашей матерью: я слышал, что она погибла. Я тогда уже покинул Лекс, поэтому не скажу наверняка, но, кажется, их коттедж сгорел.

Меня сначала обдало холодом, а потом кинуло в жар. К сожалению, кроме этих противоречивых эмоций, слова Прайма мне ничего не дали. Я не понимала, что происходит. Даже если предположить, что моя мама не училась в Лексе, а была дочкой местного преподавателя — вероятнее всего, профессора Блэка — то почему ее считали погибшей? Или все же Прайм что-то перепутал, и моя мама просто похожа на Деллу Блэк, а ее саму он не знал? Двадцать лет прошло, в конце концов. Похоже, вместо того, чтобы что-то прояснить, разговор с Праймом-старшим только еще больше все запутал.

— Простите, наверное, я вам не очень-то помог, — с сожалением заметил он, правильно истолковав выражение на моем лице. — Вам стоит поговорить об этом с ректором.

Я медленно кивнула и обернулась, ища Фарлага взглядом. Но в кресле его уже не было.

— Все равно спасибо вам, — рассеяно поблагодарила я Прайма.

Найти ректора в мельтешащей толпе при неярком, зато до головокружения разноцветном освещении оказалось нелегко, но мне повезло: я успела заметить его в тот момент, когда он уже покидал зал. Сквозь толпу я ринулась за ним.

Когда я смогла пробиться к выходу и выскочить в коридор, Фарлаг был уже в его конце и сворачивал за угол. На мой оклик он не отреагировал, поэтому, подобрав подол платья, чтобы не наступить на него, я быстро зашагала по коридору, насколько мне позволяли довольно высокие каблуки, на которых я не очень-то привыкла ходить.

— Ректор Фарлаг, постойте! — снова окликнула я, когда все же добралась до поворота и поняла, что расстояние между нами ничуть не сократилось.

На этот раз он остановился, но ко мне не обернулся. Да и стоял как-то странно: слегка пошатываясь и как будто слегка вздрагивая. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело. За это время он успел схватиться рукой за стену, не удержаться и упасть на колени.

У него начинался приступ, поэтому он так торопился уйти подальше от бального зала.

Я раздраженно скинула туфли, бросив их прямо посреди коридора, и теперь уже побежала к Фарлагу. Присела рядом, нерешительно коснулась плеча, не зная, стоит ли мне пытаться его поддержать или лучше не трогать.

— Сэр, вы как?

У него были закрыты глаза. Одной рукой он продолжал держаться за стену, другую прижимал к груди. Дышал с трудом, как будто что-то ему мешало. И мелко дрожал.

— Ректор Фарлаг, вы меня слышите? — позвала я его еще раз. — Вы можете встать?

Он снова не отреагировал. Может быть, действительно не слышал. Или не мог ничего сказать. Я поняла, что от меня одной тут мало толку. До лазарета бежать было далеко, поэтому я решила, что надо вернуться в бальный зал и позвать профессора Блэка. Тот наверняка лучше знал, что нужно делать.

— Я сейчас, потерпите немного, — пообещала я, поднимаясь на ноги.

Но не успела я сделать и шаг, как он схватил меня за запястье. Причем с такой силой, что вполне мог оставить пару синяков.

— Стой... — команда прозвучала хрипло, мне показалось, что ему стоило огромных усилий выдавить ее из себя.

— Я вернусь, — пообещала я, неверное истолковав его жест. — Только позову помощь...

— Не... надо... — так же хрипло и отрывисто велел он. — Помоги.

Я поняла, что он просит помочь ему подняться, и перекинула его руку через плечо, пытаясь послужить опорой. Встать ему удалось, только вот под его весом пошатнулась уже я. Фарлаг был высоким, крепким мужчиной и весил, наверное, раза в два больше, чем я.

— Мои... апартаменты... — снова отрывисто велел он. — Пятый... этаж.

Мог и не уточнять: я еще в ту пятницу догадалась, что его апартаменты соединены с кабинетом, а уж месторасположение того я прекрасно выучила. Это было слишком далеко, чтобы мы смогли туда дойти, учитывая состояние Фарлага.

— Сэр, я вынуждена буду вас левитировать, — призналась я, с трудом удерживая его от падения.

— Даже... не думай.

— Тогда подождите, я позову кого-то еще. Мне вас не довести: вы слишком тяжелый

для меня!

Он раздраженно выдохнул и едва заметно кивнул. Я поняла, что он согласился на левитацию, а не на то, чтобы я позвала кого-то еще.

Мне нечасто доводилось левитировать людей, поэтому я старалась особенно сильно. К счастью, этим вечером магический поток слушался меня хорошо, поэтому мне удалось ни разу не уронить Фарлага и не задеть им стену. Кроме того, что это было бы очень неловко, мне не хотелось причинять ему дополнительную боль. Судя по тому, как кривилось его лицо и вздрагивало тело, ему и так было несладко.

Я точно не знала, которая дверь ведет сразу в апартаменты, но Фарлаг оставался в сознании, поэтому смог направить меня. Не обращая внимания на возможные чары, я отперла входную дверь и после недолгого замешательства левитировала его в спальню, где осторожно опустила на кровать, только сейчас чувствуя, что от напряжения я вся взмокла.

Однако Фарлаг чувствовал себя хуже, и сейчас это было важнее.

— Что я могу для вас сделать?

— Порошки... в кабинете, — его тело все еще страшно дергалось, говорил он с трудом, сквозь зубы.

— Да, я знаю. Противосудорожное?

Он кивнул, и я моментально сорвалась с места, уже на ходу услышав:

— От дыхательных... спазмов...

Значит, нужно добавить еще и компонент от дыхательных спазмов. Это был тот момент моей жизни, когда я порадовалась, что по снадобьям всегда все учила на совесть. Экспресс-снадобья мы проходили в прошлом году, противосудорожное, если мне память не изменяла, в первом триместре, но даже в такой ситуации я помнила его состав. И знала, в какой пропорции добавлять компонент против дыхательных спазмов. Единственное, что я знала плохо, — это как попасть из спальни ректора в его кабинет. Но и с этим я справилась, как мне показалось, достаточно быстро.

Когда я вернулась в спальню, Фарлаг сидел на постели, упираясь одной рукой в мягкую перину, а другой пытаюсь расстегнуть ворот рубашки. Он страшно хрипел, силясь сделать вдох. И тогда мне стало по-настоящему страшно: что я буду делать, если он сейчас задохнется? Мне уже не влить в него снадобье, если он даже дышать не в состоянии.

Однако стоило мне подойти ближе, сесть рядом и коснуться его плеча, он как будто немного успокоился, и ему удалось сделать вдох. Он выхватил стакан, в котором я смешала снадобье, и принялся торопливо пить. Рука его дрожала, поэтому я придерживала стакан, из которого он и так пролил на себя и на постель не меньше четверти содержимого. Но высушивающее заклятие быстро справилось с этой проблемой.

Зато в считанные секунды он перестал задыхаться и конвульсивно вздрагивать, вернул мне стакан и обессиленно уронил голову на подушку, все еще болезненно морщась.

Я поставила пустой стакан на прикроватную тумбочку и успокаивающе погладила Фарлага по руке. В тот момент эти действия меня совершенно не смущали.

— Помогите снять пиджак, — его голос все еще звучал хрипло, но по крайней мере ему уже удавалось говорить целыми предложениями, а не отдельными фразами.

Сначала я помогла ему сесть, потом стянула с него пиджак. И тогда поняла, что желание снять его не было продиктовано удобством.

— У вас жар, — заметила я, левитируя пиджак в ближайшее кресло, чтобы не мешался.

— Это не страшно, — отмахнулся Фарлаг, снова ложась. Глаза он не открывал. —

Могло быть хуже.

— Неужели? — не поверила я. Он не мог идти, едва не задохнулся, а теперь весь горит. Куда хуже?

Только тогда он приподнял веки и посмотрел на меня со странной улыбкой.

— Меня могло тошнить. Думаете, судороги — это неприятно? Как бы не так!

Невзирая на ситуацию, я не сдержала улыбку.

— Хорошо, что вы сохраняете чувство юмора.

— А что мне еще остается? — вздохнул он.

Его рука снова потянулась к вороту рубашки, но пальцы не слушались, поэтому пуговицы пришлось расстегивать мне. Только тогда я заметила, как сильно дрожат мои собственные руки.

— Где у вас ванная?

Он невыразительно махнул рукой, но мне этого хватило, чтобы определить нужное направление.

Меньше минуты спустя я вернулась к кровати Фарлага с полотенцем, смоченным в холодной воде, и обтерла его лицо, шею и грудь ровно настолько, насколько позволяли расстегнутые пуговицы.

Глаза ректора снова были закрыты, но во время моих действий на губах появилась та же самая улыбка.

— М-м-м, а у вас получается лучше, чем у Блэка. Мне приятнее, во всяком случае.

Его слова смутили меня, но я постаралась не подать вида. Сложила полотенце в несколько раз и положила ему на лоб как компресс.

— Зачем вы ушли один?

— Терпеть не могу, когда мои приступы случаются на глазах у толпы народа, — он недовольно поморщился. — Даже ваше присутствие для меня унижительно. Но от вас хотя бы есть толк.

— Вы могли умереть...

— Нет, не мог, — он снова тяжело вздохнул, приоткрыл глаза и посмотрел на меня. — Эти приступы никогда меня не убивают. Я уже оставался с ними один на один. Как бы ни было плохо, я всегда остаюсь жив. К сожалению. А вы? Зачем вы пошли за мной?

— Хотела кое о чем спросить, но это терпит до завтра.

Он кивнул, давая понять, что завтра — это хорошо, и снова опустил веки.

Я сцепила руки в замок, борясь с желанием забраться на кровать с ногами: хоть в спальне у ректора лежал ковер с толстым ворсом, мои босые ноги в тонких чулках заледенели, пока я шла по каменным полам коридоров и бегала по апартаментам в кабинет и обратно.

— Голова болит? — спросила я, не зная, что еще могу для него сделать, прежде чем будет уместно уйти.

— Голова давно болит, — признался он.

Эти слова заставили меня нахмуриться.

— Почему же вы не позвали меня?

— А вы думаете, гордость есть только у вас? — его голос прозвучал насмешливо. — Я пытался перевести наши с вами отношения во взаимовыгодное сотрудничество. Но вы ведь отказались.

— О... — только и смогла выдохнуть я. — Я как-то... не подумала, что ваше

предложение было сделано с этой целью.

— Страшно представить, что вы подумали, — фыркнул он. — Надеюсь, ничего непристойного?

— Все непристойные варианты вы отменили с самого начала, когда сказали, что я недостаточно хороша собой, — не удержалась я.

Его ресницы снова дрогнули, хотя в этот раз он приоткрыл глаза совсем уж незаметно.

— Обиделась, да?

Я только дернула плечом и как можно более нейтральным тоном уточнила:

— Голову лечить будем?

— Уж будьте так любезны, раз уж вы все равно здесь.

Я потянулась к его вискам. На этот раз уловить вибрации не составило вообще никакого труда: они были настолько сильными, что оставалось только догадываться, как он живет с такой болью.

Но и ее мне удалось унять, хотя после этого горло заметно першило.

— Спасибо, — на его лице отразилось столь явное облегчение, что я испытала непривычный душевный подъем от осознания собственной полезности.

— Да не за что, мне нетрудно, — призналась я. — Никогда не стесняйтесь обращаться. Вы же не отчислили меня именно ради этого.

— Я не отчисли вас за то, что вы вылечили меня в прошлый раз. Мы квиты. Не могу же я за одну услугу взять вас в рабство.

— Вы нашли мне наставника...

— Уже сказал, что не считается, — напомнил он. — Но можем сделать вид, что это было за помощь сегодня.

— Знаете, — почему-то разозлилась я, — люди иногда могут просто помогать друг другу. Или в вашем высшем обществе такое не принято?

На этот раз он открыл глаза широко, на его лице снова появилось то самое выражение, которое мне хотелось определить про себя как плутоватое.

— А вот это уже стало бы подозрительно похоже на дружбу, от которой вы отказались.

Я не смогла придумать достойный ответ на это, поэтому только фыркнула, как это делал он, и процитировала, передразнивая его же:

— Что ж, это ваш выбор.

Он хмыкнул, а потом вдруг выгнул спину, словно ему что-то помешало лежать, но тут же снова вернулся в прежнее положение. Только полотенце упало со лба. Я хотела его поправить, но поняла, что оно уже не холодное.

— Вы весь горите, — кажется, я это уже говорила, но ситуация становилась хуже. — Давайте я смешаю вам и жаропонижающее?

— А вы большой эксперт по части экспресс-снадобий, да? — как будто даже удивился Фарлаг.

— Это вы считаете, что я вам все время вру, — я поднялась с кровати, собираясь вернуться в его кабинет. — А я действительно хочу со временем найти работу при аптеке или больнице. Там платят лучше.

Он промолчал. В тишине было слышно только его тяжелое дыхание.

Я сбегала в кабинет, смешала жаропонижающее, отметив про себя, что многие порошки уже на исходе, вернулась в спальню.

Меня не было от силы полторы минуты, но за это время Фарлагу стало заметно хуже.

Дыхание стало еще тяжелее, а сам он провалился то ли в сон, то ли в забытие. По крайней мере, на мое предложение выпить снадобье никак не отреагировал, мне пришлось тормозить его, потом поддерживать за плечи, чтобы он смог выпить содержимое очередного стакана и не захлебнуться им. Напоив его, я снова смочила полотенце, чтобы обтереть ему лицо. После недолгого колебания расстегнула рубашку до конца.

Фарлаг никак на это не прореагировал, а вот меня внезапно накрыло осознанием того, что я сижу в темной спальне постороннего мужчины. Одна, на ночь глядя. И хотя мужчина этот определенно не представлял сейчас никакой потенциальной опасности для девичьей чести, мне все равно стало не по себе. До сих пор я воспринимала Фарлага как ректора. Преподавателя. Условно бесполое существо, пусть даже объективно вполне привлекательное.

Теперь же в мозгах что-то переклинило, и я посмотрела на него иначе. Как на мужчину. Надо сказать, что к своим почти двадцати годам я имела весьма скромный опыт общения с мужчинами. В романтическом плане — вообще никакой. Отец всегда был строг на этот счет. Настолько, что даже оказавшись в Орте, я так и не смогла переступить через его запреты, хотя он больше не контролировал меня так, как раньше. Возможно, дело было в том, что я пока так и не встретила того, ради кого захотела бы ступить на запретную для меня территорию.

А сейчас вдруг нестерпимо захотелось узнать, каково это — прикоснуться к мужчине. И хотя я понимала, что это плохая идея, рука все равно сама собой потянулась к щеке Фарлага, как всегда покрытой легкой щетиной. Щека была горячей, влажной после обтирания и колючей. Прикосновение заставило мое сердце биться быстрее. Что это? Страх?

Фарлаг снова никак не прореагировал, поэтому мои пальцы скользнули ниже, к подбородку, едва задели губы.

Он вдруг резко вздохнул, снова выгибаясь. Лицо исказилось, и у него вырвался тихий стон.

Против всех законов логики я не отдернула руку, а просто замерла, затаив дыхание и чувствуя, что во рту мгновенно пересохло.

Так и не открыв глаза, Фарлаг успокоился, и я опустила руку чуть ниже, на его грудь, покрытую короткими черными волосками. Амулета из белого золота в виде неизвестного мне символа я старалась не касаться: чужие фокусирующие артефакты не принято трогать без надобности. Сердце уже выпрыгивало из груди, как в тот вечер, когда я стояла за шторой в его кабинете, каждую секунду ожидая, что меня обнаружат. Только тогда мне было страшно, а сейчас... Приятно?

Это наваждение отпустило меня так же внезапно, как ихватило. Я отдернула руку, устыдившись собственных действий.

«Пора уходить», — твердо сказала я себе.

И пошла в ванную смачивать полотенце еще раз. Я решила сначала убедиться, что жаропонижающее ему помогло. Было еще не так поздно, все еще веселились на балу, и мне хватало времени вернуться к себе.

Сквозь сон я почувствовала прикосновение к волосам: кто-то очень аккуратно пытался откинуть прядь с моего лица. Ощущение было настолько непривычным, что я вздрогнула и дернулась. И тут же замерла, потому что тело, спавшее в ужасно неудобной позе, запротестовало и отозвалось болью в затекших мышцах. Пришлось вернуться в исходную позицию и просто открыть глаза.

Я снова вздрогнула, на этот раз от того, что прямо передо мной оказалось лицо ректора Фарлага, заросшее щетиной еще больше. Расстояние между нами было таким маленьким, что я могла разглядеть потрескавшиеся губы и едва заметный отпечаток подушки на щеке. Я не могла отодвинуться, а ректор, кажется, не считал это необходимым. Он с интересом и лукавой улыбкой разглядывал меня, ничуть не смущаясь своего помятого вида и взъерошенных после сна волос. Я почувствовала острое желание пригладить торчащие вихры на его голове, но, конечно, не пошевелилась.

— Доброе утро, госпожа Роук, — такого мягкого тона я у него еще не слышала. Голос звучал немного хрипло, как это бывает после сна. — Хотя я очень сомневаюсь, что для вас оно доброе.

И он обвел выразительным взглядом кресло, в котором я уснула, скрючившись, положив голову на подлокотник.

— Доброе утро, сэр, — пробормотала я, все-таки стараясь сесть, чтобы сделать дистанцию между нами более пристойной.

С меня тут же свалился его пиджак, которым я укрылась, не имея под рукой лучших вариантов. И это добавило неловкости в и без того неловкую ситуацию. Фарлаг, казалось, наслаждался моим смущением, потому что, едва мне удалось сесть, выпрямился сам, только сейчас застегивая рубашку. И я не могу сказать, чтобы он заметно торопился, делая это.

— Не ожидал увидеть вас здесь. Сейчас.

Он оставил рубашку на выпуск, засунул руки в карманы брюк и снова посмотрел на меня, ожидая объяснений.

— У вас был жар, — затараторила я, пытаюсь привести в порядок волосы. — И я все ждала, когда же снадобье подействует, но становилось только хуже... Потом я, видимо, уснула. Простите, сэр.

— Было бы за что, — хмыкнул он.

— Я вижу, что вам уже лучше, — торопливо добавила я, с преувеличенным интересом разглядывая ковер на полу. — Так что я пойду...

— Позавтракайте со мной.

Я так удивилась, что посмотрела на него. Фарлаг выглядел абсолютно невозмутимо, как будто регулярно обнаруживал поутру в собственной спальне студентов и приглашал их на завтрак.

— Не думаю, что это будет уместно, сэр, — возразила я. — Поэтому, простите, не могу принять ваше приглашение.

— Тогда очень удачно, что это не приглашение, — он сделал рукой характерное движение, доставая сквозь пространство книжечку вроде той, что лежала у нас с Реджиной. Через нее мы заказывали еду. — Это распоряжение. Я ваш ректор, вы обязаны их выполнять.

Что вы будете?

Мне казалось, что я просто еще не проснулась и вижу какой-то дикий сон. С чего ему завтракать со мной? Что за странная фантазия?

— Тара, — позвал он со смешком, — вы уснули?

— Нет, сэр.

— Тогда, если вам не трудно, озвучьте свои пожелания по завтраку.

Я упрямо молчала, поскольку так и не знала, что эти аристократы едят на завтрак и что следует есть в их присутствии. С Реджиной мы до сих пор успешно не пересекались за столом. Мне не хотелось очередной порции насмешек.

— Мне все равно, на ваше усмотрение.

— Хорошо, значит, будете есть то же самое, что и я, — он пожал плечами и что-то коротко черкнул в книжечке, а потом бросил ее на кровать. — Полагаю, вы хотите освежиться перед завтраком. Где ванная комната, вы знаете.

Он все же сопроводил свои слова кивком головы в нужном направлении, но я не торопилась последовать его приглашению. Все-таки у него прав на эту ванную было больше, а я могла бы тихонечко улизнуть, пока он будет там.

— Вам же, наверное, тоже надо...

— Дамы вперед.

Судя по насмешливому выражению его лица, он разгадал мое намерение. Мне ничего не оставалось, как скрыться в ванной комнате, где я и провела почти десять минут. Не столько освежаясь, сколько пытаюсь успокоиться. И размышляя на тему, как я могла так влипнуть.

Когда я вышла, спальня была уже пуста, а ректор обнаружился в гостиной. Уже тоже умывшийся и — о чудо! — даже побрившийся. Рубашку он успел сменить, хотя новая все равно выглядела немного мятой. В ответ на мой удивленный взгляд он только пожал плечами и лаконично пояснил:

— У меня две ваннные комнаты.

— Зачем вам две? — удивилась я.

— Раньше была гостевая спальня, потом я переделал ее в лабораторию, а ванная осталась. Еще есть малая гостиная, библиотека, второй кабинет, которым я не пользуюсь, отдельный спортивный зал, зимний сад, гардеробная. Я все-таки ректор, — усмехнулся он, а потом сделал приглашающий жест в сторону уже накрытого стола. — Прошу.

У заказов ректора на кухне, видимо, был приоритет. Нам изменения можно было вносить только накануне, а не за десять минут до завтрака.

На столе я не обнаружила ничего необычного: омлет с зеленью и сыром, зажаренный до хруста бекон, несколько тостов, масло, джем и паштет к ним, тарелка нарезанных фруктов, прохладный сок и горячий чай. Подобный завтрак я и сама порой заказывала.

— Как прозаично, — вырвалось у меня, когда я села за стол.

— О, простите, если мои пищевые привычки не соответствуют вашим высоким стандартам, — произнес он одновременно удивленно и насмешливо, намазывая тост мягким маслом. — Я предлагал вам заказать на свой вкус.

— Нет, я не в этом смысле, сэр, — я смутилась еще больше, хотя это казалось мне невозможным. — На самом деле они... соответствуют. Это и удивляет.

— Вы думали, я ем на завтрак что-то необычное?

Я пожала плечами, все еще не решаясь притронуться к еде, в то время как Фарлаг добавлял на тост поверх слоя масла слой паштета.

— Вы же аристократ. Как и многие здесь. И вы постоянно подчеркиваете, что это делает вас лучше меня. Во всем. Поэтому я думала, что и есть вы должны... что-то другое.

— Ваша соседка тоже аристократического происхождения. Неужели вы никогда не видели, что ест она?

— Нет, она попросила меня есть отдельно.

Это был первый момент за все утро — и, пожалуй, за все время нашего знакомства — когда смутился наконец он, а не я.

— Вот как. Почему вы не едите? — Фарлаг явно решил сменить тему и сам налил мне сока, а потом и чая. — Все остынет.

Поскольку накануне я пропустила ужин, ухаживая за ним во время приступа, я была зверски голодна, хоть и почувствовала это только в тот момент, когда мы сели за стол. И после его слов и простых жестов смущение, сковывавшее меня, куда-то испарилось, и я принялась за еду.

— Полагаю, я должен вас поблагодарить за эту ночь... как бы двусмысленно это ни прозвучало, — заговорил он после того, как мы оба покончили с омлетом.

— Вы ничего мне не должны, сэр, — я покачала головой, чувствуя неприятный укол. — Особенно если вам неприятно благодарить именно меня.

Он удивленно выгнул бровь, забыв про второй тост, который намазывал джемом.

— Простите, я неверно выразился, — после недолгого молчания поправился он. — Я хочу поблагодарить вас. Мне повезло, что именно вы оказались в том коридоре. Не каждый студент Лекса так хорошо знает экспресс-снадобья.

— Пожалуйста, — я пожала плечами. — Мне было несложно.

— Не лгите, — неожиданно жестко попросил он. — Я знаю, как неприятно это все выглядит.

— Неприятно? — настала моя очередь удивленно приподнять брови. Только по одной, как у него, они не поднимались. — Нет, ректор Фарлаг, я бы сказала, что это выглядит страшно, потому что несколько раз я думала, что вы умрете. Но я бы не назвала это «неприятным».

— Вы поэтому остались? — с интересом уточнил он, снова смягчаясь. — Боялись, что я умру? Я же сказал вам, что эти приступы меня никогда не убивают. Цель проклятия не в этом.

— А в чем?

— Зачем вам это знать?

Я снова пожала плечами. Действительно, мне это знание было совершенно не нужно... и все же меня интересовал этот вопрос.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Думаете, если бы было можно, я бы не сделал? — он презрительно скривился. — Имей я возможность от него избавиться, сделал бы это не задумываясь. Чего бы это ни стоило.

— Даже если бы это стоило... жизни другого человека, например?

На этот раз его улыбка выглядела немного жутковато.

— Даже если бы это стоило жизни больше, чем одному человеку.

— Мне кажется, вы на себя наговариваете.

— Мне кажется, вы слишком плохо меня знаете, чтобы судить об этом. Из-за этого проклятия я очень многого лишился.

— Вы имеете в виду вашу жену?

Это предположение вырвалось у меня совершенно неожиданно. Я прекрасно понимала, что не должна говорить с ним о таком. Как минимум, это было не мое дело, а как максимум... Я бы назвала это верхом бестактности.

Фарлага вопрос тоже удивил, но, как оказалось, по другим причинам.

— Что?

— Ну я... — мне стало не по себе под его пристальным взглядом. — Я слышала, что вы были женаты...

— Я и сейчас женат.

В этот момент в другом конце гостиной хлопнула дверь.

— Я рада, что ты об этом помнишь, дорогой, — насмешливо произнес певучий женский голос.

Я замерла, как молнией пораженная, не смея поднять взгляд ни на ректора, ни на женщину, которая медленно приближалась к нам. Только когда она подошла ближе и остановилась за спиной Фарлага, положив руки ему на плечи, я осмелилась бросить быстрый взгляд исподлобья. Успела разглядеть недовольное выражение на лице ректора, откинувшегося на спинку стула. Кажется, он не был рад внезапному появлению супруги. В глаза госпоже Фарлаг я взглянуть не смогла, лишь скользнула взглядом по роскошным черным волосам и яркому изящному платью. И тут же снова уставилась на свою тарелку.

— Совместный завтрак, — протянула тем временем она. — Как это мило. Найт, когда ты последний раз завтракал со мной?

— Это не то, что вы подумали, — попыталась оправдаться я, но госпожа Фарлаг только рассмеялась.

— Поверь мне, девочка, я и не думала думать то, что ты подумала, я подумала. Слишком хорошо знаю своего мужа. У него и на законную супругу сил в последнее время не хватает, где ж их взять на молодых студенточек.

— Лиса, это обязательно? — недовольно спросил Фарлаг.

Его жену я знала от силы минуту, но она мне уже не нравилась. Не знаю, что у них там за отношения, если он не носит обручальное кольцо, а она не живет с ним в Лексе, но унижать собственного мужа перед студенткой я не стала бы никогда. Особенно учитывая его проклятие. Да даже и не учитывая его...

— Сэр, можно я пойду? — тихо попросила я, все еще не осмеливаясь смотреть ни на кого из них.

— Да, Роук, идите. Еще раз спасибо. Простите, что испортил вам праздник.

Я кивнула, быстро поднялась, едва не задев и не уронив стакан с остатками сока, и поторопилась к выходу. Последнее, что я услышала, когда уже закрывала за собой дверь, был удивленный возглас госпожи Фарлаг:

— А почему она босиком?

Так быстро по коридорам Лекса я еще не бегала. Я не понимала, что вызвало у меня такую бурную реакцию. Подумаешь, ректора решила навестить законная супруга. Даже то, что она обнаружила меня в его гостиной, не должно было меня тревожить. Я ни в чем не могла себя упрекнуть, ведь я просто помогла ему. Я сделала то, что должна была бы сделать она.

И все же мое сердце болезненно ныло, словно случилось что-то очень плохое, а в груди вновь разгоралось пламя. Я бежала так быстро, что на нужный этаж в своем крыле влетела, уже задыхаясь.

И тут же столкнулась с Дорном. Из всех людей в Лексе именно с ним! Это утро определенно претендовало на звание самого неудачного в моей жизни.

— О, Роук, и куда это мы так торопимся? — насмешливо спросил он, преграждая мне путь. Двое его друзей встали по краям, отсекая для меня возможность обойти его.

— Дай пройти, Дорн, — потребовала я. Страх во мне сейчас не было, только раздражение. Я даже попыталась его оттолкнуть, но он был немного выше и заметно мощнее, поэтому моя попытка не произвела на него впечатления.

— С чего же это? Нет уж, расскажи нам, где была, чем занималась? Я смотрю, ты еще не успела переодеться? Где ж ты ночевала? Кого ублажала на этот раз? Кажется, не Прайма. Так кто же наш новый счастливец? Ты у него туфли забыла?

И все трое мерзко расхохотались, а меня буквально затрясло от злости. Очень хотелось проклясть их, но внутренний голос напоминал мне, что это плохо кончится, прежде всего, для меня. Оставалось только огрызаться:

— Не твое дело, Дорн. Дай пройти!

— Что же ты, Роук, так неласкова? — он подошел ближе, пытаясь обхватить меня руками. — Недостаточно хорош для тебя? Привередливые нынче пошли фермерши, все аристократов им подавай!

Слабый ударный импульс все же сорвался с кончиков моих пальцев и ударил по нему, отбросив назад. Дорн не удержался на ногах и повалился на каменный пол. К счастью, головой он не ударился.

— Ну все, дрянь, теперь тебе конец! — выкрикнул он, поднимаясь. — Боевое заклятие против студента — это стопроцентное отчисление!

— Провались ты к демонам!

На этот раз мне удалось оттолкнуть его с пути и побежать дальше по коридору к двери наших с Реджиной апартаментов. Дорн еще что-то кричал мне вслед, но я не слышала: в ушах пульсировала кровь.

Я толкнула нашу дверь, быстро захлопнула ее за собой и прижалась лбом к гладкой прохладной поверхности, пытаясь отдышаться. Только теперь слова Дорна достигли сознания. Не грязные намеки, а угрозы отчисления. Я знала, что он не блефовал: такие же правила действовали и в Орте. Исключение составляли только случаи нападения. Я не была уверена, что поведение Дорна и приятелей будет расценено как нападение: ведь они ничего такого не успели сделать, только не давали мне пройти. Едва ли я даже смогу это доказать.

Я сдавленно застонала и повернулась, чтобы идти к себе в спальню, но тут же нос к

носу столкнулась с Реджиной. С очень злой Реджиной, которая, не говоря ни слова, залепила мне пощечину. Я ее настолько не ожидала, что даже не успела ни закрыться, ни уклониться.

— Значит так, фермерша, еще раз объясняю: не смей трогать мое! Алек Прайм — мой. Еще раз тебя рядом с ним увижу, и тебе будет очень плохо, это я тебе гарантирую.

Наверное, ее слова и действия стали последней каплей этим сумасшедшим утром, потому что против обыкновения я не смолчала.

— Твой? А Алек Прайм в курсе, что он твоя собственность? Да ему наплевать на тебя. Противно смотреть, как ты стелешься перед ним, а ему приходится быть вежливым. Если ты прицепилась к его штанине и волочишься за ним при каждом шаге — это еще не значит, что он твой. Где твоя гордость, Реджина? Ты же вроде вся из себя аристократка? Или вас не учат этому дома? Постарайся осознать печальный факт: в том, что Алеку ты неинтересна, нет моей вины. Так что встань к зеркалу и поищи причины в себе.

Ее лицо перекосило от злости, даже губы задрожали и глаза заблестели. Она снова занесла руку, собираясь ударить меня еще раз, но второй раз подряд я этого уже не позволила: перехватила ее за запястье.

— Еще раз тронешь меня, и я тебе покажу, на что способны выведенные из себя фермерши, — тихо пообещала я.

Честно говоря, я понятия не имела, чем именно угрожаю: меня из себя еще никогда не выводили и на что способна, я не знала, но выглядела, наверное, очень убедительно, потому что Реджина побледнела и отступила назад. А я наконец добралась до спасительной спальни. Здесь мне уже никто ничего не мог сделать.

Я хотела сразу переодеться, но меня так трясло, что я с трудом добралась до кровати и легла поперек, свернувшись клубочком, прямо в бальном платье. Мысли в голове смешались, кровь по-прежнему пульсировала в висках, руки дрожали, в груди полыхал огонь и дышала я сейчас не намного лучше, чем ректор Фарлаг во время приступа. Только рядом не было никого, кто мог бы смешать мне успокоительное экспресс-снадобье. Или хотя бы налить чашку чая с мятой.

Не знаю, сколько я пролежала так, зло кусая губы и сминая пальцами покрывало. Мои желания метались из стороны в сторону. Я то хотела немедленно собрать вещи и сама покинуть Лекс, чтобы никогда сюда не возвращаться, то решала, что нужно собраться и пойти напрямую к профессору Блэку, чтобы показать ему портрет и спросить, действительно ли на нем его дочь.

Постепенно дрожь унялась, дыхание выровнялось. Еще какое-то время я просто лежала, чувствуя пустоту внутри, ставшую такой привычной после смерти мамы. За окном солнце то выглядывало, то скрывалось, часы на стене тикали, а я все лежала и лежала, совершенно не чувствуя ни сил, ни желания встать и куда-то пойти.

Только когда часы пробили полдень, я наконец заставила себя подняться с кровати и все-таки переодеться.

Приведя платье в порядок с помощью заклятий бытовой магии, я собралась идти к профессору Блэку. Возвращение платья казалось хорошим предлогом для визита, но потом я обнаружила, что сумочки с маминым портретом у меня нет. Я оставила ее в спальне ректора. От осознания этого факта я едва не застонала в голос. Мысль о том, чтобы пойти к Фарлагу, я отменяла сразу. Мне совершенно не хотелось снова встречаться с его женой. Все равно он рано или поздно вызовет меня из-за инцидента с Дорном, тогда и спрошу про сумочку.

Теперь мне не с чем было идти к Блэку, я могла только спросить у него, как звали его

дочь. После недолгих колебаний, я решила начать хотя бы с этого, но сколько ни стучала в дверь его апартаментов, он мне так и не открыл. Или не услышал, или был не в себе, или куда-то ушел. Сегодня определенно был не мой день.

Сидеть в четырех стенах и чего-то ждать — возвращения Блэка, вызова к ректору или чего-то еще — я не могла и не хотела. Поэтому к себе я вернулась только для того, чтобы оставить бальное платье в шкафу и накинуть легкий плащ: в долине все еще было прохладно, особенно во второй половине дня, а я собиралась на довольно долгую прогулку. Мне хотелось найти сгоревший коттедж. Я не знала, существует ли он еще или его давно снесли, но надеялась, что хотя бы какие-то останки сохранилось. По крайней мере, на его месте едва ли стали строить новый. Плохое это дело: строить там, где кто-то погиб.

Поскольку с начала года я обошла во время своих одиноких прогулок уже почти весь сад, лесопарк и даже часть леса, оставалось не так много мест, где мог находиться сгоревший коттедж. Их я и собиралась проверить.

В коридоре я снова едва не столкнулась с Дорном. Он был достаточно далеко, но успел заметить меня. Его лицо исказилось от гнева, хотя я ожидала увидеть на нем торжество. Разбираться я не стала, предпочла юркнуть на лестницу и побежать прочь.

На улице оказалось прохладнее, чем я ожидала, особенно когда я углубилась в более глухую часть лесопарка, которая выглядела давно заброшенной. Обычно я не рисковала сюда ходить, но если где и мог стоять пострадавший от огня коттедж, то только здесь.

Место выглядело довольно жутко: заросшие, порой почти непроходимые дорожки, скрипящие на ветру старые, высохшие деревья, которые давно стоило убрать, мертвая тишина, нарушаемая лишь нервным стуком дятлов да криками каких-то неизвестных мне птиц. Чем дальше я заходила, тем тревожнее мне становилось. Даже показалось пару раз, что за мной кто-то крадется, но сколько я ни оглядывалась, видела только раскачивающиеся от порывов ветра кустарники.

Я была уже почти готова бросить свою затею, когда деревья впереди внезапно расступились, выпуская меня на открытое пространство, посреди которого стоял обгоревший коттедж. Каменные стены почернели от огня, но устояли, а крыша провалилась, уничтожив чердак. Окна обеих этажей зияли пустотой.

Я нерешительно замерла, разглядывая то, что осталось от дома профессора Блэка. От него веяло холодом, который пробирался под плащ, гнал мурашки по коже и оборачивался плотным кольцом вокруг сердца. Мне казалось, здесь до сих пор пахнет гарью и смертью.

Поборов напавшее на меня оцепенение, я осторожно приблизилась к коттеджу. Входная дверь или сгорела, или ее сняли, поэтому я беспрепятственно вошла внутрь. Все содержимое дома сгорело дотла, оставшись темными бесформенными грудями на полу. Теперь я понимала, почему профессор Блэк показывал мне портрет, на котором его дочери было лет десять: другие едва ли сохранились.

Я прошла по коридору до просторной комнаты, которая когда-то была, вероятно, гостиной, оглянулась по сторонам, с новой силой ощущая пустоту внутри. Здесь не было и не могло быть ничего интересного. Ничего, что помогло бы мне. Следовало вернуться и снова попытаться счастья с профессором Блэком.

Я вернулась в коридор и тут же вновь замерла, забыв как дышать: в другом его конце стояло самое страшное существо, которое я когда-либо видела в своей жизни. Когда-то оно было женщиной с длинными темными волосами, но сейчас его глазницы пустовали, челюсти обнажились, остатки кожи на лице пожелтели, часть черепа облысела. Одежда,

какой бы она ни была, местами истлела, местами повисла грязными лохмотьями.

С жутким, пронзительным криком существо кинулось на меня, протягивая вперед костлявые руки со скрюченными пальцами и длинными когтями.

Я попятилась назад, выставляя перед собой щит, но существо без труда прошло сквозь него и вцепилось мне в горло, опрокидывая назад. Я закричала.

Не знаю, что случилось дальше, но мир вокруг меня погрузился во тьму.

— Тара! Тара, очнитесь. Тара!

Голос, который звал меня, казался знакомым, но туман в голове был таким плотным, что мысли в нем путались. Только почувствовав, как щеки коснулась теплая рука, я наконец смогла ощутить свое тело, а вместе с ним и все остальное. Холодный пол, что-то твердое почти под самой лопаткой, пульсирующую боль в затылке, оочеченвшие конечности. Я открыла глаза и увидела над собой лицо ректора Фарлага.

— Уже второй раз за сегодня, — пробормотала я, не до конца придя в себя.

— Что? — он нахмурился. Должно быть, решил, что я брежу.

— Второй раз сегодня просыпаюсь и первым делом вижу вас, — пояснила я. Голос мой звучал хрипло, горло саднило. От крика?

Фарлаг широко улыбнулся. Ему очень шла эта искренняя, открытая улыбка.

— Я бы предложил сделать это традицией, но сомневаюсь, что в нашей ситуации это возможно. Вы встать можете?

Я прислушалась к себе, обвела взглядом обгоревший коридор, а потом вспомнила...

— Где оно? — истерично закричала я, стремительно садясь.

Настолько стремительно, что спину прошило острой болью, голова закружилась, и меня слегка затошнило.

— Тихо-тихо, не делайте резких движений! — строго потребовал ректор, сжимая мое плечо. — Где что? О чем вы говорите?

— Тут было... Такое... страшное. Оно кинулось на меня и... не знаю, — я честно попыталась объяснить, но от вернувшегося ужаса никак не могла сформулировать.

Я все озиралась по сторонам, ожидая, что в любую секунду чудовище нападет снова. А потом вдруг поняла, что в коридоре совсем темно, единственным источником света служит большой и достаточно яркий шар, созданный Фарлагом. Прошло очень много времени с тех пор, как я столкнулась в этом коридоре с монстром.

— Еще раз и давайте без эмоций, — велел Фарлаг.

Я глубоко вдохнула, прикрыла глаза, а потом снова посмотрела на него и попыталась объяснить уже более внятно:

— Здесь было существо, похожее на мертвую женщину. Как будто ее из могилы подняли, местами уже череп оголился. Она напала на меня. Я выставила щит, но она прошла сквозь него.

К моему удивлению — и немалому возмущению! — сосредоточенное выражение лица ректора сменилось насмешливым.

— Пугало. Поздравляю, Тара, кого-то из студентов Лекса вы вдохновили на почти забытую забаву.

— Забаву? — переспросила я, только сейчас понимая, что его рука все еще лежит на моем плече. Я дернула им, чтобы освободиться. Фарлаг не стал меня удерживать. — О чем вы говорите? Что здесь забавного?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Это традиционная местная шутка, что-то вроде испытания, — пояснил он и тут же уточнил: — То есть, она долгое время была традицией, но ее уже лет сорок как запретили.

Это иллюзия. Раньше у студентов было принято так пугать новичков, желавших вступить в какое-нибудь братство. Братства и сестринства упразднили раньше, а традиция продержалась еще почти целый век, прежде чем один из моих предшественников решил, что это слишком жестокая шутка. — Он окинул меня взглядом, внезапно ставшим серьезным, а потом добавил: — Пожалуй, сейчас я с ним согласен. У меня есть предположение, кто решил над вами подшутить, но сейчас узнаю точнее.

Он достал из-за ворота свитера — а сейчас я впервые видела его в свитере и темном длинном плаще — свой фокусирующий артефакт и сжал его в кулаке, как школьник. Прикрыв глаза, он поднял другую руку и коснулся раскрытой ладонью чего-то невидимого. В воздухе тут же проступили полупрозрачные черты напугавшего меня монстра. Я непроизвольно вздрогнула.

— Так я и думал, — резюмировал Фарлаг, открывая глаза и возвращая амулет на место. — Дорн. Как мальчика-то задело.

Заметив, что я все еще смотрю на то место, где под одеждой прятался фокусирующий артефакт, он пояснил:

— Приступ поражает не только тело, но и магический поток. Он становится ужасно нестабильным на какое-то время.

Я понимающе кивнула и смущенно отвела взгляд, решив сразу сменить тему:

— Это... пугало на меня натравил Дорн? Зачем?

— Он приходил сегодня на вас жаловаться, — весело поведал Фарлаг. — Сказал, вы его ни с того ни с сего угостили ударным импульсом. Требовал вас исключить.

Я вспомнила, как мне казалось, что за мной кто-то идет, как исказилось лицо Дорна, когда мы второй раз встретились в коридоре. Но ничего из этого не объяснило мне, зачем Дорну это понадобилось. Пока ректор не добавил:

— Он был очень разочарован, когда я отказал. Даже немножечко взбешен, по-моему.

— Отказали? Вы меня не исключите?

Фарлаг покачал головой.

— После всего, что вы для меня сделали, я не исключу вас, даже если вы кого-нибудь убьете. Только, пожалуйста, в таком случае сразу зовите меня, я помогу вам грамотно избавиться от тела.

Я решила, что слишком сильно ударила головой, потому что ректор не мог мне такого сказать. Не с таким серьезным выражением лица. Но потом я заметила смешинки в его глазах и поняла, что он с трудом сдерживает улыбку. И облегченно рассмеялась.

— Надо же, — каким-то странным тоном заметил Фарлаг, — вы умеете смеяться.

Конечно, я тут же замолчала, а он разочарованно вздохнул.

— Может быть, вы все-таки встанете? — предложил Фарлаг. — Холодно же на земле.

Я кивнула и попыталась встать. Ноги меня без труда удержали, а вот голова снова закружилась. Затылок ощутимо саднило, кажется, я умудрилась набить себе серьезную шишку. Фарлаг попытался снова коснуться моего плеча, чтобы поддержать, но я поспешно отстранилась. Сама не знаю почему.

— Я в порядке, — торопливо заверила я.

— Рад это слышать, но настоятельно рекомендую вам посетить лазарет. И вот вопрос, который мучает меня с каждой секундой все сильнее: как вас вообще сюда занесло? — Фарлаг обвел выгоревший коридор выразительным взглядом.

— Гуляла и забрела, — по привычке соврала я, совсем забыв, что вообще-то хотела

воспользоваться его помощью. — А что вы здесь делаете?

— Вас ищу. Вот, — он достал из кармана плаща сумочку, которую я забыла в его спальне, — нашел у себя. Полагаю, это ваше.

— Да, спасибо, — я сжала в руках мягкую ткань, ощущая сквозь нее мамин портрет.

— Если вы налюбовались этим печальным местом, я провожу вас обратно в замок.

— Я и сама могу дойти, — опять не к месту заверила я, чем вызвала очередную усмешку.

— Я не сомневаюсь. Но я хочу убедиться, что вы туда пошли, а не отправились искать новые приключения.

Мне нечего было возразить на это.

Когда мы вышли на улицу, оказалось, что уходящее за горизонт солнце еще подсвечивает небо, заметно стемнело только в долине. Мы двинулись в сторону замка, но оба, не сговариваясь, шли довольно медленно. И если свой черепаший шаг я могла объяснить иногда возникающим головокружением, то почему не торопился Фарлаг, я не имела ни малейшего понятия. Светящийся шар парил над нами, освещая наш путь.

Я по привычке обхватила себя за плечи, Фарлаг это заметил.

— Замерзла?

— Нет, все в порядке, — тут же отмахнулась я, мысленно отметив, что время от времени он переходит со мной на «ты». Я не знала, является ли это его обычной манерой общения или только я заслужила такое своим происхождением.

После его замечания я поняла, что на самом деле ужасно замерзла. Настолько сильно, что уже почти не ощущала этого. Я постаралась незаметно набросить на себя согревающее заклятие, но судя по тому, как он тихо хмыкнул и покосился на меня, он все-таки заметил.

— Я хочу извиниться перед вами, — неожиданно сказал Фарлаг.

Настолько неожиданно, что я даже запнулась и остановилась на пару секунд, удивленно глядя на него.

— За что?

— За некрасивую сцену этим утром. Моя жена время от времени любит делать вид, будто ей не все равно.

Я не знала, что сказать на это. В моей голове появилось сразу столько вопросов и каждый хотелось ему задать, но я сомневалась в их уместности.

— Мне кажется, женщине всегда не все равно, с кем завтракает ее муж. И почему, — осторожно заметила я.

— Вам это только кажется, — язвительно возразил он. — Она живет в моем столичном доме на мои деньги с другим мужчиной. Мне кажется, за это я заслужил право завтракать с кем захочу без объяснения причин.

Его признание заставило меня запнуться и остановиться во второй раз. Даже не знаю, что меня шокировало больше: то, что он мне это сказал, или то, как он это сказал. Спокойно, как-то буднично. Как будто это было нормальной практикой между супругами.

— Почему вы это позволяете?

Он пожал плечами, его шаг не сбился ни на секунду.

— У нее хватает ума и такта не афишировать это, поэтому я имею возможность делать вид, что ничего не знаю.

— Но... почему?

— А что по-вашему я должен сделать? — он снова посмотрел на меня с лукавой

улыбкой, но мне показалось, что на этот раз за ней скрывается тоска. — Развестись? А какой в этом смысл? Для человека вроде меня это означает только лишнюю шумиху и внимание светской прессы, а я не хочу ни того, ни другого. И потом... Наши отношения разладились уже давно и по моей вине.

— Из-за проклятия? — уточнила я, не сумев сдержать любопытство, хотя здравый смысл подсказывал мне, что не стоит лезть к нему с этими расспросами.

— Можно и так сказать. Она не простила мне того, что я сдался. Пока я искал способы его снять, она меня горячо поддерживала. Даже пыталась помогать, хотя в этой сфере магии не сильна. И три года назад, когда я занял пост ректора, она жила здесь со мной. А потом я сказал, что больше не хочу искать выход. Еще пару месяцев она пыталась меня переубедить, а когда не вышло, сказала, что не хочет на все это смотреть.

— На приступы?

— На то, как я умираю.

Его слова упали между нами чем-то тяжелым, гнетущим. Я поняла, что даже заклятие больше не согревает меня. И снова больше шокировал не столько сам факт признания, сколько спокойный, буднично-тон, которым оно было произнесено.

— Тогда мы считали, что все к этому идет, — пояснил Фарлаг с улыбкой. — Теперь я понимаю, что проклятие меня не убьет. Только будет мучить.

Несмотря на то, что шли мы медленно, я чувствовала, что с каждой секундой сердце бьется все быстрее и быстрее, дыхание становится неровным, тяжелым. Его внезапная откровенность шокировала и сбивала с толку. И вместе с тем создавала между нами незримую, пока почти неосознаваемую связь.

— Почему вы мне все это рассказали? — все-таки спросила я.

Он внезапно остановился и повернулся ко мне. Мне пришлось сделать то же самое. Мы уже вышли из лесной части парка и оказались на краю зацветающего сада.

— Потому что хочу откровенность за откровенность. Что на самом деле вы делали в сгоревшем доме профессора Блэка? И почему вчера на балу вы были в платье, которое он купил для своей погибшей дочери?

Какая-то часть меня все еще желала отделаться от расспросов маленькой ложью и упрямым «непониманием», но я заставила эту часть замолчать. Я ведь и сама хотела просить его о помощи, так почему же я так боюсь быть с ним откровенна?

— Вы знаете, как звали дочь профессора Блэка?

— Кажется, Делла. Она как-то связана с вами?

— Возможно, это моя мать.

На его лице отразилось непонимание, смешанное с недоверием. Он снова смотрел на меня, слегка прищурившись.

— Вы хотите сказать, что она родила вас до того, как погибла?

— Я хочу сказать, что она не погибла. То есть... теперь уже да, но не тогда.

Я открыла сумочку, которую он мне вернул, достала портрет и протянула ему.

— Вот, это моя мать. Незадолго до пожара, как я понимаю. Вы знаете, как выглядела Делла Блэк?

Фарлаг покачал головой.

— Нет, я поступил в Лекс уже после пожара, а у ее отца сохранилось всего несколько портретов, где она еще ребенок. Так вы здесь, чтобы...

— Узнать правду о своей семье. До смерти мамы я, как оказалось, ничего о ней не

знала. А потом человек, которого я считала своим отцом, сказал, что мама привезла меня из Лекса. Я решила, что она здесь училась, поэтому перевелась сюда.

— И залезли в мой кабинет, чтобы найти ее личное дело?

Я кивнула, настороженно глядя на него. Не знаю, чего я ждала. Может быть, что он разозлится или разочаруется, узнав правду. Или потеряет интерес. Но ничего из этого не произошло. Тогда я решилась признаться и в том, чего не сказала даже Алеку:

— И еще я хочу узнать, кто мой отец, почему моя мама никогда о нем не говорила и не связано ли все это как-то с ее внезапной гибелью.

Фарлаг какое-то время молча разглядывал мое лицо, и меня било мелкой дрожью то ли от его взгляда, то ли от холода, то ли от страха.

— Он был у вас всегда? — внезапно спросил Фарлаг, возвращая мне портрет.

— Нет. Я нашла его в коробке, которую мне принес господин Кобал.

— Что еще было в той коробке?

— Много разных мелочей, — я пожала плечами. — А что?

Он улыбнулся и чуть наклонился ко мне, заговорщицки понизив голос:

— Покажете? Заходите после ужина со всем, что у вас есть. Я бы пригласил вас на ужин, но не думаю, что компания Алисии будет уместна для этого разговора. Или приятна вам.

Я почувствовала странный скачок эмоций: в первый момент, когда он предложил прийти, испытала небывалый подъем, но упоминание Алисии — жены, по всей видимости, — тут же испортило мне настроение.

— Не уверена, что будет уместен мой визит к вам. Или приятен вашей жене.

— Меня не волнует, что вы думаете, — хмыкнул он. — Я ваш ректор. И я вас вызываю в свой кабинет. В девять. Не опаздывайте.

Я очень сомневалась, что он имеет право отдавать такие распоряжения, но почему-то мне не захотелось спорить.

— Вы очень пунктуальны, Тара, — сегодня ректор Фарлаг был щедр на улыбки.

Я изобразила вежливую ответную улыбку, проходя в его кабинет и собираясь, как обычно, сесть в кресло посетителя. Однако Фарлаг остановил меня, поднимаясь из своего кресла.

— Давайте пройдем в другую комнату, чтобы нам никто не мешал, — предложил он.

Встречаться с ним вечером и так было странно, а делать это не в кабинете — еще более непривычно, но я не стала спорить и послушно проследовала за ним в небольшую и довольно уютную комнату. Вероятно, это была та самая малая гостиная, которую он упоминал утром. Она походила на гостиную в наших с Реджиной апартаментах: здесь тоже был камин, небольшой диван и пара кресел, чайный столик. Последний к моему удивлению оказался сервирован на двоих. К вечернему чаю предлагалось тонкое хрустящее печенье, шоколадные конфеты и даже сырная тарелка.

Фарлаг указал мне на диван, сам сел рядом, и, хотя между нами осталась вполне приличная дистанция, мне все равно показалось это... волнительным? Даже более интимным, чем завтрак с ним. Все-таки утром между нами, как всегда, стоял стол, пусть и не письменный, а тут нас разделял только воздух.

Я торопливо выложила на диван все, что принесла с собой, хотя бы так отгораживаясь от ректора. Тот лишь покосился на шкатулку и жестяную коробку, пока разливал по чашкам чай. Только сделав пару глотков и вернув чашку на место, он принялся рассматривать предметы.

Первой его заинтересовала шкатулка.

— Очень красивая работа, — заметил он. — Она не открывается. Какие-то особые чары?

— Очевидно, — кивнула я. — Я нашла ее в своем столе, когда собирала вещи. Она стояла рядом с моей шкатулкой с украшениями, на нее была наложена невидимость, поэтому я даже не знала, что она там, пока случайно не смахнула. Перепробовала все отпирающие заклятия, но ничего не помогает. Я не представляю, что там внутри.

Фарлаг задумчиво покрутил шкатулку в руках, потом положил на ее крышку ладонь и прикрыл глаза, но тут же отдернул руку и тихо выругался. Ему пришлось положить шкатулку снова на диван, чтобы освободившейся рукой сжать фокусирующий артефакт.

— Сэр, если вы еще недостаточно восстановились, может быть, не стоит? — осторожно предложила я, за что получила удивленный и немного даже оскорбленный взгляд. Я тут же попыталась объяснить: — Просто вы говорили, что расходование магического потока может спровоцировать приступ...

Он криво усмехнулся, вспомнив, когда я могла такое услышать.

— Не бойтесь, Роук, два дня подряд у меня приступы не случаются. На неделю как минимум я от них избавлен.

Меня это не слишком утешило: переживать такое раз в неделю казалось мне ужасным. Пока ректор пытался определить тип заклятия, я задумалась о том, от чего зависит его обращение ко мне: он называл меня то по имени, то по фамилии, то добавлял вежливое «госпожа», то внезапно переходил на «ты».

— Не могу определить, — через какое-то время сдался Фарлаг, откладывая шкатулку в сторону. — Что-то очень мощное, возможно, даже темное. Мне оно не под силу.

Я не смогла сдержать разочарованный вздох, и Фарлаг снова покосился на меня... немного обиженно.

— Зато могу сказать, что внутри бумага, вероятно, письмо или какой-то документ, жидкость и что-то похожее на браслет или ожерелье.

Его слова заставили меня задуматься, и в этой задумчивости я тоже потянулась за чаем, а потом и за печеньем. Браслет или ожерелье меня мало интересовали, а вот предполагаемое письмо — очень сильно. И жидкость. Что это могла быть за жидкость?

Фарлаг тем временем взялся за жестяную коробку и первым делом снова посмотрел на обгоревший портрет моей мамы.

— Вы очень похожи.

Его слова удивили меня. Чаще люди говорили, что я совсем не похожа на мать. И на родителей вообще. Теперь я полагала, что внешностью пошла в родного отца.

— Да нет... — осторожно возразила я, боясь его снова задеть. — У нас совсем разные черты лица.

— Черты — возможно, — ничуть не смутился он. — В этом я не силен. Но у нее такие же светлые волосы и голубые глаза, выражение лица очень похоже. Вы улыбаетесь совсем как она на этом портрете.

Не знаю почему, но его тон отозвался во мне приятным теплом, которое разлилось внутри. Я даже неосознанно придвинулась ближе, словно хотела тоже взглянуть на портрет, который он держал в руках, хотя я и так знала его до мелочей.

Фарлаг отложил портрет и заглянул в мешочек, в котором хранилось ожерелье с мелкими стеклянными бусинам, вытащил их на свет и несколько секунд внимательно разглядывал.

— Симпатично, дешево, но ваша мать этим очень дорожила: я чувствую следы заклęcia стазиса, а его обычно накладывают, чтобы вещь не испортилась со временем. Странно только, что оно не развеялось после смерти вашей матери. Видимо, было использовано усиление из независимого источника — другого магического потока. Она очень дорожила этой вещью.

— Мне кажется, это подарок от любимого человека, — немного смущенно озвучила я свою догадку, на этот раз утягивая из вазочки конфету. — Возможно, это единственное, что осталось у мамы от первой любви. А может быть, и последней.

Он снова покосился на меня и тихо фыркнул.

— Ох уж эти романтические натуры.

Мне не понравился его осуждающий тон в адрес мамы, поэтому у меня против воли вырвалось:

— Сказал человек, который хранит на видном месте свадебную фотографию, хотя его жена живет с другим...

Я осеклась, но было уже поздно: на этот раз Фарлаг не просто покосился на меня, а повернулся и посмотрел в упор. Я думала, он меня выгонит, но на его лице появилось выражение, подозрительно похожее на одобрение.

— А вы кусачая, Роук. Мне это нравится. Куда больше, чем тихая, смущенная и что-то невнятно бормочущая версия вас.

— Хоть что-то вам во мне нравится, — недовольно буркнула я, но испачканные в

подтаявшем шоколаде пальцы несколько смазали впечатление от моего тона, и Фарлаг рассмеялся.

— Все переживаете, что я назвал вас недостаточно привлекательной?

Он уже убрал ожерелье на место и теперь взялся за обрывок листа с ингредиентами снадобья. А я успела облизать пальцы и сделать глоток чая, поэтому холодный и независимый тон на этот раз получился у меня гораздо лучше:

— Мне абсолютно все равно, что вы думаете о моей внешности, сэр.

— Правда? — он лукаво улыбнулся. — Жаль, а я хотел сказать вам, что вчера на балу вы были исключительно очаровательны.

Я почувствовала, как сердце вдруг забилось быстрее, а губы дрогнули, пытаюсь распознать в довольной улыбке. Я скрыла ее за чашкой, которая оказалась уже почти пустой. Ректор тем временем вздохнул.

— Ваша мать была мастерицей по части загадок. В этом списке почти не за что зацепиться. То есть с таким набором ингредиентов может быть около сотни снадобий. Не понимаю, зачем она могла его хранить?

— Сто двадцать четыре, — педантично поправила я. — Это только тех, что есть в большом справочнике.

Фарлаг наградил меня уважительным взглядом, беря вместо обрывка одну из любовных записок. Я напряженно замерла, потому что долго сомневалась, стоит ли приносить их. С одной стороны, раз уж я решилась довериться Фарлагу, мне следовало показать ему все, что у меня было. С другой — мне казалось неправильным делиться с ним личной перепиской, к тому же романтической, к тому же не моей. Мне оставалось надеяться, что он не посмеется.

— У вашей матери был роман с кем-то из детей других преподавателей. В крайнем случае, с кем-то из студентов из рядов новой элиты.

— Почему вы так думаете?

— Это точно писал не взрослый мужчина и не студент из аристократической семьи, — невозмутимо объяснил Фарлаг, читая третью записку. — Эти любовные послания ужасно пошлые и глупые.

— Можно подумать, аристократов учат правильно писать любовные записки, — фыркнула я.

— Вы не поверите, Тара, — он снова рассмеялся. — Чему нас только ни учат.

Я удивилась, но спорить не стала. Только налила себе еще чая и после недолгого колебания потянулась за новой конфетой: таких восхитительно вкусных я еще никогда не ела.

— У меня такое чувство, что мне знаком этот почерк, — тем временем добавил ректор, разглядывая очередную записку. — Вы не против, если я оставлю одну себе?

Я была не против.

— Я так понимаю, вы читали все? — уточнил он.

— Да, ничего интересного. Всегда сокращает имена до одной буквы, никакой конкретики, которая могла бы указать на то, кто пишет.

Фарлаг кивнул, отложил себе одну записку, остальные снова перетянул лентой, сложил все обратно в коробку, закрыл ее и убрал к шкапулке. Сделав несколько глотков из чашки, он повернулся ко мне уже всем корпусом, положив руку на спинку дивана, и уставился на меня хорошо знакомым изучающим взглядом, поглаживая подбородок, на котором вновь успела появиться заметная щетина.

— Объясните мне, зачем вы пошли в коттедж? Что вы хотели там найти?

На этот вопрос я и сама не знала ответа.

— Наверное, просто хотела увидеть это место. До вчерашнего вечера я была уверена, что моя мама, забеременев, сбежала из дома. А потом отец Алека сказал, что девушка на портрете — это Делла Блэк, погибшая во время пожара. Это не вязалось у меня в голове.

— Вам повезло, что я вас нашел, — заметил Фарлаг. — В этой части парка редко кто бывает. Только сам Блэк иногда навещает это место.

— А как вы меня нашли? — этот вопрос только сейчас пришел мне в голову.

— А как я узнаю, когда студенты дерутся с помощью магии? Контроль использования боевых заклятий вне занятий. Вы использовали против пугала щит. Формально это боевое заклятие, хоть и защитное.

— Но... с чего вы вдруг решили проверить следящие чары? Едва ли на простой единичный щит могли сработать сигнальные.

Фарлаг на несколько секунд замялся, но потом все же признался:

— Сначала я пытался отправить вам записку с феей, как обычно. Просто вызвать к себе. Но фея вернула записку. Такое происходит только в том случае, если получатель не найден. А найти человека они не могут только в трех случаях: он вне зоны досягаемости для них, он без сознания или он настолько крепко спит, что даже не видит снов. Да, и еще если он мертв. Покинуть долину вы не могли, для сна время было неподходящим, а учитывая ваш конфликт с Дорном и мое решение по нему... Я волновался. И как оказалось, не зря. Думаю, поэтому Дорн и напустил на вас пугало, а не устроил с вами дуэль. Пугало следящие чары не заметили. Если бы вы не попытались защититься... Я бы вас не нашел.

Почему-то из всего его объяснения в память мне больше всего врезались слова: «Я волновался».

— Вы хотите поговорить с Блэком, чтобы узнать подробности о том пожаре? — ректор вернулся к прежней теме.

— Я хочу знать, действительно ли на портрете его дочь, могла ли она выжить в ту ночь и не является ли он той самой семьей, которую я ищу, — поправила я. — И он наверняка знает, от кого моя мама могла быть беременна. Если кто-то и может что-то рассказать о том времени, то только он.

Фарлаг с сомнением покачал головой.

— Это плохая идея.

— Почему?

— Вы же знаете профессора Блэка, — Фарлаг вздохнул. — Он не в себе. Когда речь заходит о его семье — даже если просто что-то случайно напоминает ему о ней — он выпадает из реальности.

— Да, это я заметила. Иногда он просто из нее выпадает.

— Это вы так думаете, что просто, — возразил Фарлаг с печальной улыбкой, — а ему на самом деле что-то снова о них напомнило.

Теперь уже я с интересом посмотрела на него. И решилась задать вопрос, который мучил меня с первого же практического занятия по снадобьям:

— Почему вы держите в Лексе такого преподавателя? Я хочу сказать... Он ведь не соответствует местным высоким стандартам. А здесь такого не терпят.

Фарлаг какое-то время смотрел на меня с непроницаемым выражением лица, а потом очень серьезно произнес:

— Он одинокий несчастный старик, у которого не осталось ничего, кроме этой работы. Если его уволить из Лекса, он умрет. Он сейчас жив только потому, что ему есть ради чего просыпаться утром. Каждому нужна причина просыпаться утром. Я не могу его лишить ее. Это будет жестоко.

Его слова настолько удивили меня, что я не смогла этого скрыть.

— Не думала, что вы можете быть таким сострадательным, — заметила я в ответ на его молчаливый вопрос.

— А вы не очень высокого мнения обо мне, да?

Я пожала плечами и отвела взгляд в сторону. Я не знала, какого мнения о нем. Я бы назвала его противоречивым. Он то пугал меня, то вызывал сочувствие, то злил, то заставлял мое сердце биться быстрее одной своей улыбкой. После ночи, проведенной у его постели, я восхищалась его стойкостью: требовалась огромная сила воли, чтобы переносить такое постоянно и при этом вести довольно обычный образ жизни, заниматься серьезным делом, не испытывая при этом потребности в деньгах. Но порой он говорил непростительные вещи, и мне казалось, что его боли этого не оправдывают. Я многого не понимала в нем. Почему он так взъелся на меня с первой встречи, но при этом так нежно дружит с Блэком, который точно такого же происхождения, как и я? Почему он не разводится с женой, зная, что она живет с другим, не носит обручального кольца, но не убирает ее фотографии, не рад ее видеть, но ужинает с ней. Он был словно соткан из противоречий. Аристократ в вечно мятой рубашке и со взъерошенными волосами, которые давно пора постричь.

— За что вас прокляли? — тихо спросила я вместо ответа на его вопрос.

Он подпер голову рукой и снова грустно улыбнулся, хотя в этот раз в его глазах читалось что-то похожее на вызов.

— Раз прокляли, значит, было за что. Как вы думаете?

— Я думаю, что не могу представить себе преступление, соизмеримое с таким наказанием, — честно призналась я. И под влиянием момента добавила: — И мне сложно представить, чтобы вы могли совершить хоть что-то близкое к этому.

Сначала мне показалось, что он сейчас отмахнется и уйдет от ответа, но потом в его взгляде что-то изменилось.

— Это наказание за дерзость и самоуверенность. И за любовь заодно.

Я нахмурилась, не понимая, склонила голову набок, отчаянно желая, чтобы он мне пояснил, но боясь задать вопрос вслух.

— К тому моменту, как я познакомился с Алисией, я уже был наслышан о том, что ее отец — темный маг, скрывающийся от Легиона. После знакомства она не раз предупреждала меня, что он, хоть и скрывается, но пристально следит за ней и не позволит выйти замуж не за того, кого выбрал сам. Мой отец предупреждал меня, что связываться с темными опасно, младший брат умолял одуматься. Но мне было все равно. Я сделал предложение, убедил Алисию, что со всем справлюсь. Мы поженились. И меньше, чем через три месяца, ее отец нашел способ проклясть меня. Да так, что проклятие не снять.

— Почему вас, а не ее? — удивилась я. — Это ведь она нарушила его запрет. Просто потому что она его дочь?

— Просто потому что этого я смог не допустить. Его проклятие было направлено на нас обоих... — Он вдруг шумно вздохнул и резко встал, засунув по привычке руки в карманы брюк, прошелся по комнате и остановился у камина, глядя на пляшущий в нем огонь. Взял с каминной полки портсигар, достал из него сигарету. — Я ни одному человеку этого не

рассказывал с тех пор. Кроме семьи и Блэка, но ему только потому, что какое-то время он помогал искать снадобье противодействия.

— Я никому не расскажу, — заверила я, решив, что его беспокоит это.

— В этом я не сомневаюсь, потому что если расскажете, я найду способ сделать вашу жизнь еще более невыносимой, — мрачно пообещал он, продолжая смотреть на огонь и затягиваться едким дымом.

Это прозвучало грубо и разрушило хрупкую иллюзию взаимного доверия. И хотя мое заблуждение длилось так недолго, ощущение потери оказалось неожиданно болезненным.

— На что спорим, что у вас это едва ли получится, — пробормотала я, не сумев скрыть горечь.

Он не ответил, наверное, не услышал. Какое-то время молча курил, стоя ко мне спиной. Я решила, что мне пора уходить, потому что он явно ничем не мог мне помочь, а может быть, уже и не хотел. Свое любопытство он ведь удовлетворил. Я убрала шкатулку и коробку в сумку, собираясь встать, когда он, наконец, снова заговорил, выбросив окурочек в камин:

— Я постараюсь узнать больше о том пожаре. И выяснить, где я видел почерк, похожий на тот, что в записках. Предлагаю вам вместе сходить к Блэку завтра. Меня он знает гораздо дольше, возможно, мое присутствие поможет ему удержаться в реальности. Вы и так наверняка слишком сильно напоминаете ему дочь. Детям преподавателей в Лексе разрешают посещать занятия, но официально их не зачисляют, поэтому никакой документации не сохраняется. Однако неофициальные табели об успеваемости все равно ведут, я постараюсь их найти за тот период. Может быть, удастся восстановить по ним какие-то ее возможные связи... Все это зыбко, но попробовать можно.

Он говорил так спокойно и четко, что я вдруг поняла: он не просто молчал, он прикидывал план действий. Ощущение связи между нами мгновенно вернулось.

— Спасибо, сэр.

— Пока не за что...

Приглушенный шум за стеной заставил нас обоих вздрогнуть. Фарлаг нахмурился, прошел к двери и выглянул в коридор, но никого не обнаружил и вернулся обратно, бормоча себе под нос:

— Наверное, дверь кабинета не запер, но только кому я мог понадобиться в такое время?

— Может быть, это из комнат?

— Там никого нет, — он бросил взгляд на часы, — Алисия уже должна была вернуться в Аларию.

— Она не остается на ночь? — не удержалась я от вопроса.

Фарлаг одарил меня насмешливым взглядом, под которым я смутилась.

— Она никогда не остается, навещает меня только на несколько часов. Мы вместе обедаем, ужинаем, а потом она возвращается к себе. Вы же слышали ее слова, — едко добавил он, — на ночи с ней у меня нет сил.

Я смутилась еще больше и принялась пристально разглядывать собственную сумку, которую и так прекрасно знала. Обсуждать с ректором его интимную жизнь с женой — точнее, ее отсутствие — было как-то уж совсем неудобно, поэтому я спросила:

— Сэр, я пойду?

— Да, конечно, идите. Завтра после ваших занятий навестим Блэка.

Я кивнула и торопливо покинула его гостиную и через кабинет вышла в коридор. На

Фарлага я так больше и не осмелилась взглянуть.

Даже в коридоре я продолжала смотреть строго себе под ноги, поэтому профессора Арта заметила только в тот момент, когда уже столкнулась с ним.

— О, простите, сэр.

— Лучше бы тебе вернуться на ту ферму, с которой ты вылезла, — неожиданно зло прошипел он. Я так удивилась, что вскинула на него вопросительный взгляд. Его лицо было перекошено от ненависти. — Я знаю, зачем ты здесь. И имей в виду: этот номер у тебя не пройдет, деточка.

Сказав это, он развернулся и ушел, а я еще с минуту растерянно стояла посреди коридора, ничего не понимая.

Этот день вымотал меня настолько, что, возвращаясь к себе, я мечтала только о горячем душе и сне. Даже мысль о том, чтобы принять ванну, я отмела, боясь уснуть прямо в ней.

Я собиралась проскользнуть в свою спальню как можно незаметней: после утренней конфронтации нам с Реджиной удавалось весь день не пересекаться, я надеялась так его и закончить. Однако, оказавшись в нашей общей гостиной, я услышала громкие рыдания, которые доносились из спальни соседки. Дверь в ее комнату была чуть-чуть приоткрыта, поэтому я хорошо слышала, как она плачет.

Первым моим порывом было просто пройти мимо. В конце концов, мы не были подругами, причем не по моей вине, утешать ее я не обязана. Но потом я вспомнила, как сама этим утром лежала поперек собственной постели, чувствуя себя одинокой и несчастной. И как мне хотелось, чтобы нашелся хотя бы один человек, который мог бы меня пожалеть, сказать пару ободряющих слов.

Поэтому после недолгого колебания я все же подошла к ее спальне, осторожно толкнула дверь и заглянула внутрь. Реджина лежала на постели, обняв подушку, и редела так горько, что я ей позавидовала: если бы я так могла, то вся та горечь, что я испытывала, наверняка уходила бы через слезы.

— Джина? Что случилось?

— Уйди, фермерша, видеть тебя не хочу! — огрызнулась она и заплакала еще сильнее.

Я зашла в комнату, подошла к кровати. Реджина лежала спиной к двери, поэтому не заметила этого и ошутимо вздрогнула, когда я села рядом и коснулась ее плеча.

— Если ты из-за Алека, то успокойся. Он весь твой, у меня нет к нему никаких чувств и никакого желания заводить с ним отношения.

— Дура! — сквозь слезы бросила Реджина. — Какая разница, какие у тебя желания? Он уже на тебя глаз положил. Я три года на него потратила! И он был бы моим, если бы ты тут не появилась!

Она не поворачивалась ко мне, огрызалась через плечо, все ее тело сотрясалось от рыданий. И вроде бы мне следовало обидеться на ее слова, но почему-то я не испытывала к ней ничего, кроме жалости.

Я погладила ее по плечу и, как ни странно, она не попыталась сбросить мою руку.

— Чего я не понимаю, так это почему ты так убиваешься по нему? И зачем потратила на него столько времени? Ты же очень красивая. Из хорошей семьи. Половина наших сокурсников головы сворачивают, глядя тебе вслед. Выбрать могла бы любого. Может быть, я не права, но мне не показалось, что ты так уж сильно влюблена в Алека.

Рыдания Реджины чуть затихли. Она уже не вздрагивала так сильно, но продолжала

всхлипывать.

— Много ты понимаешь, фермерша, — снова огрызнулась она, но на этот раз как-то вяло. Это уже даже не казалось обидным, просто смешным.

— А еще я, знаешь, чего не понимаю? — я даже улыбнулась, когда этот вопрос внезапно пришел мне в голову. — Почему вы все говорите «фермерша» с таким выражением, словно это какое-то ругательство?

Реджина замерла и теперь перестала даже всхлипывать. Какое-то время она лежала молча, а потом едко поинтересовалась:

— А разве это не звучит обидно?

— Не для того, кто вырос на ферме, — усмехнулась я. — Это все равно, что пытаться задеть тебя, называя блондинкой. Тебе обидно?

— Ты больная? Я и есть блондинка!

— А я и есть фермерша.

Реджина шмыгнула носом, потом вдруг села, все еще обнимая подушку, и насупившись посмотрела на меня. Ее всегда такое красивое лицо сейчас было испорчено красными пятнами и припухшими глазами.

— И что, тебе совсем не обидно это слышать? — с таким искренним недоверием спросила она, что я снова не удержалась от улыбки.

— Да нет, — я пожала плечами. — Мне нравилась ферма, на которой я выросла. Там было очень красиво.

— А у вас были лошади? — после небольшой паузы поинтересовалась Реджина.

— В основном коровы, — призналась я. — У нас молочная ферма. Но несколько лошадей было.

— Коровы мерзкие, — скривилась Реджина. — А лошадей я люблю. В детстве у меня была лошадь, а потом... — она горестно вздохнула. — В каком-то смысле я тебе завидую. Ты фермерша, и от тебя никто ничего и не ждет. Гораздо хуже, когда твоя семья относится к древнему роду, бережно передает по наследству титул, но при этом находится на грани разорения.

Она посмотрела на меня с вызовом, но, видимо, так и не дождалась предполагаемой реакции и снова отвернулась.

— Тебе приходится жить на определенном уровне. Покупать одежду, посещать мероприятия. Люди моего круга обращают внимание на все: из какой коллекции твое платье, появлялась ли ты в нем раньше, сколько карат в твоих бриллиантах. А когда все имущество уже заложено-перезаложено, все фамильные драгоценности давно заменены качественными копиями и распроданы, с каждым годом соответствовать своему уровню становится все сложнее. И удачный брак становится единственным выходом. Алек Прайм — это очень удачный брак. Мне он нужен, потому что это последняя надежда моей семьи.

Я потрясенно молчала. Мне и в голову не приходило, что семья Реджины стеснена в средствах. Хотя я сомневалась, что она может иметь меньше денег, чем, например, наша. Да если продать ее платья, можно купить ферму вроде той, что принадлежит отцу. Или чуть поменьше.

— А вариант просто жить скромнее вы совсем не рассматриваете? — осторожно уточнила я.

Реджина посмотрела на меня как умалишенную, а потом презрительно скривилась.

— Тебе легко говорить, тебя твой род ни к чему не обязывает! Можешь жить, как тебе

хочется. Ни родового поместья, которое надо сохранять, ни памяти предков, которую нельзя посрамить.

Ее слова заставили меня вспомнить ректора Фарлага. Не то чтобы я успела надолго с ним забыть... Просто я вспомнила, как столкнулась с ним на вечеринке Алека. Он прятался в темноте, наложил приглушающий звуки полог. Наверняка мучился от головной боли, у него приближался очередной приступ, но он все равно сидел на глупой студенческой вечеринке, хотя он целый ректор. Просто потому что Фарлаги из старой аристократии, а Праймы — королевских кровей. И развестись он не мог, потому что боялся шумихи, которая поднимется вокруг развода «человека вроде него».

Они все здесь делали вид, что лучше меня, потому что богаче и влиятельнее, потому что их семьи древнее, потому что у них титулы и высокие посты, а на самом деле их положение порой накладывало на них больше ограничений, чем я могла себе представить.

— Так вы за это меня все ненавидите? — внезапно осенило меня. — За то, что я могу выбирать? Кем мне быть, с кем мне быть, как себя вести и как одеваться? Кому кланяться, а кому нет?

Реджина нахмурилась, попыталась изобразить надменное пренебрежение, а потом вдруг тяжело вздохнула и снова всхлипнула.

— Не знаю, может быть... Мне кажется, я сама делаю свой выбор. Ведь это я выбрала Алека. Он милый, симпатичный, благородный, не зануда, богат, влиятелен — чем плохо-то?

— Тем, что ты его не любишь?

— Так никого другого я тоже не люблю, а замуж надо.

— Если это твой осознанный выбор, то попробай сменить тактику, — предложила я, не зная, что еще можно посоветовать.

— Как именно? — Реджина недоверчиво нахмурилась.

— Сделай вид, что ты потеряла к нему интерес, — я пожалала плечами, припоминая разговоры девчонок в Орте. Из своего опыта я ей ничего не могла посоветовать. — Он привык к тому, что ты ему в рот смотришь, так удиви его. Начни смотреть в рот кому-нибудь другому. И вообще оглянись вокруг. Тут же каждый второй богат, влиятелен и в целом хорош собой.

— Ты просто хочешь прибрать его к рукам, — Реджина посмотрела на меня недоверчиво. — Поэтому и хочешь, чтобы я на кого-то другого переключилась.

— Ты же сама говорила, что у тебя с ним ничего не получается, а с моим появлением стало только хуже, — безжалостно напомнила я. — Джина, ты соблазняешь его уже четвертый год. У тебя остался последний год в Лексе. Тебе пора подумать о запасных вариантах. Хуже не будет.

Она снова вздохнула, но, по крайней мере, больше не плакала. Зато явно задумалась над моими словами. Я решила, что на этом с чистой совестью могу уйти, поэтому встала и направилась к двери. Уже выходя, я услышала очень тихое и невнятное «спасибо», которое заставило меня снова улыбнуться.

Все-таки этот день заканчивался не так плохо.

Я наконец зашла в свою спальню и обнаружила еще один сюрприз: на прикроватной тумбочке стояли... мои туфли, которые я бросила посреди коридора, помогая Фарлагу. Рядом с туфлями лежала записка.

«Несколько раз пытался застать тебя сегодня, чтобы вернуть, но мне ни разу не повезло. Пришлось воспользоваться помощью фей. Алек».

Несколько секунд я удивленно смотрела на записку, а потом перевела взгляд на туфли. И почему-то в этот момент у меня в голове родилась только одна мысль: хорошо, что ректор Фарлаг стал меня искать, а не воспользовался возможностью просто передать мне сумочку с феями.

Утро следующего дня далось мне нелегко. Во-первых, я не последовала рекомендации Фарлага и не сходила в лазарет, попыталась залечить шишку на голове сама. Получилось, судя по результату, не очень хорошо. Во-вторых, мои прогулки босиком по каменным полам и долгое лежание в сгоревшем коттедже тоже имели свои последствия: я проснулась с сильно саднящим горлом и ломотой в теле. Я знала, что было бы разумно все-таки зайти к докторам, взять хотя бы противопростудного снадобья, но я всегда не любила докторов и предпочитала обращаться к ним только в самых крайних случаях. Начинаящаяся простуда мною к таким случаям никогда не относилась. Поэтому я просто выпила с утра больше горячего чая и добавила к своему заказу на завтра горячее молоко.

Разговор, произошедший накануне, мало что изменил в наших с Реджиной отношениях, но я впервые услышала от нее пожелание доброго утра, когда мы пересеклись в ванной. Я посчитала это добрым знаком.

Зато случайная встреча с Алеком в коридоре добрых знаков в себе не несла. В понедельник у нас не было общих занятий, но обычно, если мы встречались в коридорах, он всегда улыбался и останавливался перекинуться со мной парой слов. А сегодня едва кивнул с довольно скорбным выражением лица. Мне пришлось самой остановить его и поблагодарить за туфли.

— Не за что, — все с тем же мрачным видом отозвался он. — Я просто пошел тебя искать, когда ты не вернулась в зал. Нашел только туфли.

Он избегал смотреть мне в глаза, и я не могла понять, в чем дело. Его так огорчил тот факт, что я не дала поцеловать себя после танца?

— Алек, все в порядке? — я решила спросить напрямик, чтобы не гадать. У меня в Лексе было не так много друзей, чтобы я могла себе позволить напряженные отношения с ним.

— Да, просто... — он все-таки посмотрел на меня. — Куда ты делась после разговора с моим отцом?

— Как он и рекомендовал, пошла задать несколько вопросов ректору.

— И до утра задавала?

Его вопрос прозвучал довольно резко. Меня словно ледяной водой окатило. А потом я поняла: уж если Дорн был настолько взбешен отказом ректора меня отчислить, что натравил на меня пугало, то шанс распусть обо мне грязные слухи он тоже едва ли упустил бы. И тот факт, что я возвращалась к себе утром в бальном платье, мог быть истолкован только в одном ключе. А в совокупности с тем, что ректор встал на мою сторону в нашем конфликте... Неприятная выходила картина. И особенно неприятно было то, что Алек так легко поверил в это. Хотя найденные среди коридора туфли могли сыграть в этом свою роль.

— На самом деле, мне не удалось их задать, — как можно спокойнее ответила я, стараясь не выглядеть виноватой. Мне ведь не в чем было себя винить. — У ректора случился приступ... Ну, знаешь, его проклятие и все такое. Поскольку никого другого рядом не оказалось, пришлось помогать мне. Ты когда-нибудь видел его приступы?

Алек мотнул головой, выражение его лица стало чуть веселее.

— Пару раз видел начало, но он быстро уходил. Или его уводили.

— Так вот, скажу я тебе, выглядит это ужасно. Как я понимаю, уже все говорят, что я провела ночь в его спальне? Это действительно так. Я старалась не дать ему сгореть от жара, смешивала снадобья, делала холодные компрессы, а потом уснула.

Теперь выражение лица у Алека стало виноватым.

— Прости, мне следовало спросить у тебя, как все было, прежде чем верить тому, что болтает Дорн, — признал он. — Мне просто такое в голову не пришло. Он поэтому тебя не отчислил после жалобы Дорна?

— Да. Как оказалось, он умеет быть благодарным.

— Я же говорил, что Фарлаги — достойные люди, — улыбнулся Алек. Нам обоим уже было пора бежать по своим аудиториям, но он успел предложить: — Может быть, после занятий выпьем чая? Расскажу тебе, что ты пропустила в субботу. И, может быть, ты тоже поделишься какими-нибудь новостями?

После занятий я собиралась к профессору Блэку, поэтому предложила встретиться чуть позже. Алек не возражал. Когда мы расставались, он улыбался мне, как и всегда.

К сожалению, с остальными студентами я не могла решить проблему сплетен так же просто: никто из них и не думал спрашивать мою версию событий. Я только ловила на себе многозначительные насмешливые взгляды да слышала шепот и смешки за спиной. Я повторяла себе снова и снова, что меня это не должно волновать, но все равно было неприятно. Поэтому конца занятий я ждала с нетерпением.

Только в конце последней лекции я поняла, что не знаю, где должна встретиться с ректором. У него в кабинете? У апартаментов Блэка?

Вопрос этот решился довольно быстро: ректор сам перехватил меня в коридоре. Улыбнулся, коротко поздоровался и велел идти за ним. Сегодня он был без мантии, просто в костюме. Выглядел как всегда немного помято и взъерошено. Как будто незадолго до этого спал прямо в одежде. Мне вдруг пришло в голову, что он может плохо спать по ночам и время от времени пытаться спать днем, например, в той же малой гостиной, где он принимал меня накануне. Это объяснило бы его внешний вид. Но я, конечно, не стала спрашивать.

Профессор Блэк был очень удивлен нашим визитом, но удивлен скорее приятно. Тут же пригласил нас в гостиную и предложил чай. Он тоже недавно вернулся с занятий, потому что даже не успел снять мантию. На чай Фарлаг согласился за нас обоих и сел не в кресло, а вместе со мной на диване. Мне не терпелось перейти к сути нашего визита, но он взглядом дал мне понять, чтобы я не торопилась, и начал разговор издалека.

Какое-то время Фарлаг расспрашивал Блэка о лекциях и студентах, потом ненавязчиво перешел к теме прошедшего бала.

— Вы очень рано ушли, — заметил Блэк, посмотрев на ректора с сочувствием. — Быстро устали?

— Да, вы же знаете, я не люблю суету.

— И Делла вот быстро ушла, — огорченно добавил Блэк, переведя взгляд на меня. — Я надеялся, что она побудет дольше.

— Меня зовут Тара, — машинально поправила я, неуверенно посмотрев на Фарлага.

— Простите старика, — смущенно рассмеялся Блэк. — Конечно, Тара. Но в субботу вы были так похожи на мою дочь.

— Вот и я сказал Таре, что они похожи, — спокойно заметил Фарлаг. — А она говорит:

черты лица разные. Взгляните вы.

Он выразительно посмотрел на меня, но я не сразу сообразила, что он предлагает мне показать Блэку портрет. Когда я его все-таки протянула, моя рука заметно дрожала. И судя по взгляду Фарлага, который тот на меня бросил, он это заметил.

— О, древние боги, откуда у вас этот портрет? — голос пожилого профессора тут же задрожал, глаза заблестели, когда он взглянул на изображение. — Моя девочка... Я начал забывать, какой красивой она выросла. Думал, ни одного такого портрета не сохранилось. Откуда он у вас? — он вопросительно посмотрел на меня.

А я не знала, что сказать и как сказать, чтобы не огорчить его еще больше. Фарлаг пришел мне на помощь:

— Этот портрет хранился у матери Тары. Это ее портрет. Ваша дочь не погибла в том пожаре.

Профессор Блэк удивленно посмотрел на ректора, потом перевел взгляд на меня, моргнул... В одно мгновение его взгляд изменился: расфокусировался, остекленел. Только что перед нами был пожилой и, возможно, немного забывчивый человек, а через секунду уже безумный старик, бормочущий себе под нос что-то вроде:

— Погибла... она погибла... Девочка моя... Прости меня, доченька... Должен был... Не смог... Она... Огонь... Все забрал. И ее забрал. Их обеих...

Он внезапно встал подошел ко мне, шаркая ногами, и вдруг заулыбался, коснулся моего плеча.

— Делла, девочка моя, ты пришла! Я знал, что ты вернешься ко мне. Знал, что ты простишь меня и вернешься.

Он явно хотел меня обнять, а я не знала, как реагировать. Подобное стремительное изменение меня напугало. И хотя его слова подтверждали, что моя мама была его дочерью, а он, следовательно, моим дедушкой, никаких родственных чувств у меня моментально не возникло.

И снова Фарлаг вмешался очень вовремя. Он встал, перехватил Блэка и мягко развернул его, приобняв за плечи.

— Это не Делла, Саймон, вы ошиблись.

— Нет? А где же Делла? — растерянно спросил профессор. От его огорченного тона у меня разрывалось сердце.

— Деллы тут нет, — после недолгого колебания ответил Фарлаг, мягко, но настойчиво, подталкивая Блэка к выходу из гостиной. — Идемте, Саймон, вам нужно прилечь.

— Когда же она уже вернется... Я ее все жду, жду...

В этот момент Фарлаг вывел его из гостиной, и я наконец смогла вдохнуть. Грудь снова сдавливалось железными обручами, до боли, до дрожи в руках.

Я точно не знала, сколько Фарлаг отсутствовал. Все сидела на диване, глядя перед собой, но даже не замечала чашку с чаем, так и оставшуюся нетронутой. И когда ректор вернулся, я его тоже не заметила. До тех пор, пока он не сел рядом и не коснулся моего плеча.

— Испугалась?

Я покачала головой. Обычно мне не нравились прикосновения чужих людей, но сейчас и в мыслях не было желания стряхнуть его руку.

— Просто это очень грустно, — больное горло дало о себе знать именно сейчас: мой голос прозвучал хрипло.

— По крайней мере, вы получили подтверждение, — он сам убрал руку с моего плеча, и я даже испытала некоторое разочарование по этому поводу. — Это действительно отец вашей мамы. Ваш дедушка. Хорошо бы, конечно, понять, что произошло в ночь пожара, как она выжила, почему считается погибшей и почему сбежала, бросив отца. Но мы попробуем узнать это так, чтобы больше не тревожить его, да?

Мой ответный взгляд, кажется, немного смутил его. Или просто сбил с толку. Уж не знаю, что было написано на моем лице, но от его «мы» у меня перехватило дыхание. Такое забытое ощущение: быть с кем-то частью одного «мы».

— Ты вся дрожишь, — мягко заметил Фарлаг. Он никак не мог определиться с обращением ко мне, и этот факт внезапно вызвал у меня несколько неуместную улыбку. — Думаю, нам лучше уйти отсюда. Блэк какое-то время пробудет в прострации, а потом придет в себя... И лучше, чтобы никто и ничто не напоминало ему об этом разговоре.

Я понимающе кивнула и поднялась с дивана. Мы вышли в коридор, Фарлаг запер дверь и посмотрел на меня с сочувственной улыбкой.

— Вы плохо выглядите, Тара.

У меня вырвался нервный смешок.

— Вы умеете сказать девушке приятное.

— Уверен, вы поняли, что я имею в виду. Я не хотел вас задеть.

Я кивнула. Да, в этот раз, в отличие от нашего первого разговора, он действительно сказал это не с целью обидеть.

— Просто я... Не так себе все это представляла, — призналась я чуть ли не шепотом. Мне было немного стыдно за свои чувства, но на поиски родственников меня толкнуло желание обрести какую-то опору в этой жизни. А профессор Блэк, при всей моей симпатии к нему, не мог стать опорой.

— Понимаю. Чай вы пить не стали, может быть, хотите горячего шоколада? — неожиданно предложил Фарлаг. — Я слышал, что шоколад помогает девушкам от всех печалей. Почти как алкоголь мужчинам. Для меня на кухне его делают по особому рецепту, уверен, вам понравится. И вы могли бы рассказать мне, как все это себе представляли.

Я подумала про шоколадные конфеты, которыми он угощал меня накануне. Горячий шоколад сейчас казался мне восхитительной идеей, а перспектива пить его в компании ректора Фарлага казалась почему-то даже более, чем восхитительной, но я была вынуждена отказаться.

— Простите, я уже договорилась о встрече с Алеком.

Что-то изменилось в нем почти так же стремительно, как в профессоре Блэке. Взгляд подернулся коркой льда, даже поза как будто изменилась, хотя он все так же стоял рядом, засунув руки в карманы брюк.

— Ну, конечно, Прайм... — голос тоже стал другим: таким же едким и колючим, как на собеседовании. — Что ж, в таком случае не смею вас больше задерживать, Роук.

Он даже сделал два шага прочь, но потом вдруг остановился, развернулся и уставился на меня прожигающим насквозь взглядом.

— Хотел бы предостеречь вас. Не обманывайтесь его вежливостью и демократичными взглядами. Такие как Прайм никогда не женятся на таких как вы. Как бы вам потом не пришлось, подобно вашей матери, бежать из Лекса с никому не нужным ребенком под сердцем.

И снова резко повернувшись, он стремительно зашагал прочь, оставив меня в полной

растерянности. И с изрядной долей разочарования. Только совсем не в Алеке Прайме.

Во вторник мне стало только хуже, а я даже не знала, что тому виной: усугубляющаяся простуда или последние слова, брошенные Фарлагом. Голова могла разболеться и от начавшегося кашля, и от того, что я снова и снова прокручивала в памяти наш визит к Блэку. И если причины, по которым так стремительно переменялся пожилой профессор, мне были в целом понятны, то какая муха укусила ректора, я до сих пор гадала. Что такого он мог иметь против Алека Прайма? Тот всегда отзывался о нем хорошо.

Вторник у нас предназначался для самостоятельных занятий и консультаций с наставником, и я была намерена потратить его на то, чтобы немного отлежаться и заодно наверстать выполнение домашних заданий. Выходные в этом плане у меня выпали практически полностью из-за бала и того, что за ним последовало. Попрактиковаться в лаборатории я тоже собиралась, но во второй половине дня.

Вечером мне предстоял визит к Блэку, и я все не могла решить, как лучше вести себя с ним: попытаться продолжить разговор, начатый накануне, или сделать вид, что ничего не произошло, и надеяться, что он тоже ничего не вспомнит? Я малодушно склонялась ко второму варианту. Еще слишком свежи были воспоминания о том, как он зовет меня «Деллой» и с горечью спрашивает, где его дочь и когда же она придет. Чем больше я об этом думала, тем больше не понимала, почему мама сбежала и порвала все отношения с ним. Профессор Блэк не был похож на жесткого бескомпромиссного отца, отвернувшегося от забеременевшей дочери. Едва ли она бежала от него. Но от чего тогда? Или от кого?

С Реджиной мы по-прежнему старались не пересекаться, но сегодня она задержалась с обедом, поэтому, когда я наконец заставила себя встать и пойти в лабораторию, она еще сидела за обеденным столом с чаем, читая какой-то журнал.

— Если ты идешь практиковаться в снадобьях, то разворачивайся обратно, — неожиданно сказала она, хотя обычно предпочитала игнорировать меня.

— Почему?

— Лаборатория закрыта, я уже ходила с утра. Видимо, и Блэк, и Фарлаг чем-то очень заняты и некому подпитывать чары безопасности, а без них мы не имеем права там самостоятельно заниматься. Обычно их подпитывает Блэк, ректор подхватывает, только если тот плохо себя чувствует. Но сегодня ему не до того, — она странно усмехнулась, а потом неожиданно предложила. — Лучше иди, попей чая, от твоего кашля мне уши закладывает даже в моей спальне.

Я недоверчиво посмотрела на нее, но горло заметно саднило, поэтому я решила подойти к столу. Каждую секунду ожидая какого-нибудь подвоха, села, налила чай. Реджина только подвинула мне тарелочку с кружочками лимона. Она и сама выглядела немного удивленной собственной добротой.

— А чем так занят ректор? — спросила я, просто чтобы поддержать беседу.

— С женой мирится, судя по всему, — хмыкнула Реджина, внимательно следя за выражением моего лица.

— Мирится?

— Да, иначе с чего ей навещать его снова так скоро. Раньше она появлялась не чаще одного раза в два-три месяца, обычно в дни открытых порталов. А тут вдруг вернулась через

день, как будто что-то забыла. Разве что... — она сделала выразительную паузу. — До нее какие-то слухи дошли.

Я понимала, какие слухи Реджина имеет в виду, но очень постаралась не измениться в лице.

— Я слышала, она живет с другим мужчиной. Какое ей дело до слухов про мужа?

Реджина пожалала плечами, довольно улыбаясь. Пожалуй, она была единственным человеком во всем Лексе, кто слухам про меня с Фарлагом радовался вполне искренне.

— Может быть, еще надеется сойтись с ним снова, — предположила она. — Или боится, что у него появится веская причина для развода. Тогда она потеряет статус и неиссякаемый источник финансовых средств. Может, она и не мириться приехала, а так, прощупать, насколько все серьезно.

— Тогда ей не о чем беспокоиться, — заметила я, забирая чашку с собой в комнату под многозначительным взглядом Реджины.

Ближе к семи я пожалела, что так и не дошла до лазарета: головная боль и кашель усиливались. Я решила, что после встречи с Блэком надо все же зайти за снадобьем.

У двери апартаментов профессора я стояла ровно в семь, но на мой стук никто не ответил. Я постучалась еще раз, но результат оказался тот же. Вариантов могло быть несколько: Блэк мог забыть о встрече и уйти, мог задремать или просто задуматься и не услышать. На всякий случай я повернула ручку, дверь легко поддалась.

— Профессор Блэк! — позвала я, просунув голову в щель между дверью и косяком.

И снова мне никто не ответил. Версия о том, что Блэк куда-то ушел, забыв про занятие, выглядела все более правдоподобной, но я решила убедиться, что его действительно тут нет. Вдруг ему просто нехорошо после нашей вчерашней встречи? Эта перспектива беспокоила меня больше всего.

Осторожно прикрыв за собой дверь, я позвала Блэка еще раз, проходя в гостиную. И застыла на пороге.

Он оказался там, и я сразу поняла, что все плохо. Он сидел в том самом кресле, в котором сидел каждый раз, когда я бывала тут, запрокинув голову на его спинку. Его рот и глаза были приоткрыты, одна рука лежала на подлокотнике, вторая безжизненно свисала вниз.

Сердце болезненно ударилось о ребра, горло перехватило спазмом, легкие сдавило, словно тисками. Я стояла на пороге гостиной и смотрела на безжизненное тело, будучи не в силах ни закричать, ни позвать на помощь, ни убежать, ни заплакать.

Я не знала, сколько прошло времени, прежде чем я смогла сдвинуться с места, подойти к профессору Блэку и коснуться его руки. Та оказалась ледяной.

Мысли в голове путались, я никак не могла сообразить, что же делать, кого звать. В груди с каждым тяжелым вдохом пекло все сильнее. Единственное, что пришло мне в голову, это отправить с феей записку ректору. Однако для этого мне было необходимо найти ручку и бумагу, поскольку на занятия с наставником, проходившим в виде чаепитий, я не брала даже сумку.

Ходить по апартаментам мертвеца было странно, но я уже знала, где здесь кабинет, поэтому на негнущихся ногах отправилась напрямик туда.

Письменный стол профессора был завален какими-то бумагами, раскрытыми книгами, блокнотами, тетрадями, листочками с набросками формул снадобий. Я собиралась найти ручку и вырвать чистый лист из первого попавшегося блокнота, но через несколько секунд

поймала себя на том, что закрываю и складываю стопкой книги, пытаюсь разобраться в разрозненных записках. Пришлось остановить себя, сделать глубокий вдох, прикрыв глаза, и попытаться сосредоточиться. Я призвала фею, все-таки нашла ручку и бумагу и написала лаконичное послание: «Профессор Блэк умер. Приходите скорее».

Я забыла, что стоит поставить в конце подпись. Просто сложила лист в несколько раз и подкинула его в воздух, отчетливо произнеся вслух имя ректора. Записка уменьшилась у меня на глазах, маленькая крылатая фея перехватила ее и мгновенно унеслась прочь.

Я снова осталась одна. Зачем-то бестолково выдвинула верхний ящик стола и тут же задвинула его обратно, осознав неуместность этого действия.

Не зная куда себя деть, я снова вернулась в гостиную и медленно приблизилась к креслу Блэка. Мне казалось, что в область солнечного сплетения кто-то вогнал огромный штырь и тот пробил меня насквозь. В то, что профессор умер, не верилось. И еще хуже становилось от мысли о том, что наш разговор накануне мог быть тому виной. Он очень разволновался и расстроился.

Мой взгляд зацепился за бокал с подсохшими красными каплями на доньшке и пустую бутылку вина. Меня кинуло в жар от неприятного воспоминания.

— Я нашел ее у подножия лестницы... Она потеряла равновесие и упала... Легионеры все проверили: она упала сама. Они нашли пустую бутылку вина в гостиной...

Усилим воли я оторвала взгляд от бутылки, снова переводя его на профессора Блэка. На безжизненно повисшую руку, на прикрывающий колени плед. Он всегда накрывал ноги пледом, жаловался на то, что они мерзнут. Сейчас плед заметно сполз, словно Блэк перед смертью пытался встать. Не до конца понимая, что я делаю и зачем, я наклонилась, чтобы поправить плед. Нет, умом я понимала, что профессор мертв и уже не мерзнет, но что-то все равно заставило меня сделать это.

И тогда я заметила конверт. Большой, как для официальных документов, и пухлый, словно был забит ими под завязку. Пожелтевший от времени. Он был засунут между ручкой кресла и сиденьем и прикрыт пледом, как будто Блэк пытался спрятать его.

От кого? И зачем?

Наверное, не будь я в ступоре от происходящего, я нашла бы более правильный вариант, как распорядиться конвертом. Открыть и посмотреть его содержимое, например. Оставить на месте, чтобы его изучили легионеры, которых наверняка пригласят. На худой конец, уменьшить и забрать с собой, чтобы потом посмотреть в спокойной обстановке. Но вместо всего этого я отнесла конверт в кабинет Блэка и положила в верхний ящик стола. Тот самый, который перед этим выдвигала.

Горло саднило, и голова слегка кружилась, меня начинало знобить, но я едва замечала все это. Услышав, как хлопнула дверь, поторопилась вернуться в гостиную, надеясь, что это Фарлаг.

Это действительно оказался он, только на мое появление в комнате он никак не прореагировал. Даже не услышал, как мне показалось. Я обнаружила его у кресла Блэка. Опустившись на одно колено, он стоял с плотно зажмуренными глазами, опустив голову и накрыв ладонью руку профессора, которая лежала на подлокотнике. Тяжело и глубоко дышал, словно старался удержать рвущиеся наружу слезы. Я не знала, зачем он это делает. Если бы только я могла сейчас расплакаться, я бы сделала это с огромным удовольствием. Я не раз слышала и читала о том, какое облегчение приносят слезы. И сейчас как никогда прежде хотела этого облегчения.

Но мне оно было недоступно, а он отказывался от него сознательно.

Все еще не до конца отдавая себе отчет в своих действиях, я молча подошла к Фарлагу, опустилась рядом с ним на колени и, повинувшись минутному порыву, крепко обняла его за плечи.

— Значит, вы пришли на занятие с наставником ровно в семь, на ваш стук в дверь никто не ответил, но вы вошли сами? — молоденький легионер повторил мои слова с таким серьезным видом и недоверчивым взглядом, словно уже нашел в них какую-то нестыковку.

Я только кивнула, чувствуя себя очень странно. Я сидела на кровати в спальне Блэка, где нас с Фарлагом попросили подождать, пока легионеры проводили свой осмотр. Один из них — совсем еще юный мальчик, на год или два старше меня, — записывал нашу версию событий этого вечера. Меня с каждой минутой знобило все сильнее, голова раскалывалась, но благодаря чашке горячего чая, которую мне вручил ректор, мне удавалось не кашлять, хотя горло болело ужасно.

Несмотря на озноб, я попросила открыть окно: мне не хватало воздуха. За окном давно стемнело, тревожно шумел ветер, но воздух все равно был тяжелым, или мне только так казалось. Я вслушивалась в мрачный шелест листвы окружавших замок деревьев, рассеянно отвечала на расспросы легионера и думала о том, что ночью, наверное, будет гроза. И еще о том, что так и не вернула Блэку платье. От последней мысли дышать становилось еще труднее, и я снова прислушивалась к шелесту листвы, потому что он напоминал мне о том, что воздух есть.

— Что именно вы увидели, когда вошли? — продолжал расспросы легионер.

— Она уже отвечала на этот вопрос, — вмешался Фарлаг, который не мог усидеть на месте, поэтому нервно расхаживал по спальне Блэка, засунув руки в карманы брюк.

Легионер недовольно посмотрел на него, но осадить не решился.

Я тоже посмотрела на Фарлага, с удивлением отмечая, что на его лице до сих пор хорошо видны эмоции. Боль потери, горечь, чувство вины. Я испытывала то же самое.

Фарлаг словно почувствовал, что я за ним наблюдаю, и тоже повернулся ко мне. На несколько секунд наши взгляды встретились, и я даже попыталась ему ободряюще улыбнуться, но он только нахмурился и снова отвернулся. А ведь еще час назад он вел себя совсем иначе: позволял обнимать себя целую минуту, если не дольше, потом сначала убедился, что я в порядке, и только после этого вызвал легионеров. Заказал для меня чай, открыл окно. Но потом с каждой минутой становился все более сдержанным, недовольным и далеким, словно его, как и молодого легионера, что-то смущало в моем рассказе.

— Вы что-нибудь трогали в комнате? — сердито спросил легионер, решив выместить свое недовольство вмешательством ректора на мне. — Убирали, переставляли? Возможно, на столе?

Я сначала машинально мотнула головой, реагируя на вопрос про стол: там я ничего не трогала, а потом вспомнила про конверт. Я уже хотела признаться, что унесла его в кабинет, хотя и не знала, как я это буду объяснять, но меня остановило появление другого легионера.

Он был старше того, что разговаривал с нами, высокий и сильный, с короткой аккуратной стрижкой, как у всех легионеров. На вид ему было около тридцати, может быть, чуть меньше, он едва заметно прихрамывал, что удивило меня больше всего.

— Я думаю, в этом допросе нет необходимости, Карл, — обратился он к молодому коллеге. — Смерть профессора Блэка была естественной.

Коротким кивком головы он велел молодому легионеру нас покинуть. Тот послушно вышел из спальни с таким огорченным видом, что мне даже стало его жаль. Кажется, он очень надеялся на серьезное расследование.

Когда мы снова остались вдвоем, новый легионер обратился к ректору:

— Вы, должно быть, меня не помните, господин Фарлаг. Меня зовут Дилан Мор.

— Отчего же, — со вздохом ответил ему тот. Теперь уже только немного хриплый голос выдавал в нем эмоции. — Я вас помню, вы участвовали в расследовании пять лет назад, когда... Когда меня прокляли.

Легионер был явно польщен тем, что его запомнили и узнали.

— Это сердечный приступ, — сообщил он, бросив быстрый взгляд на меня. — Все естественно, никакого постороннего вмешательства не выявлено.

— Конечно, как всегда, — не удержалась я от едкого комментария, который удивил и ректора, и легионера. Я не стала пояснять.

— У него были проблемы с сердцем, — тихо признал Фарлаг. — Конечно, он всегда бодрился и делал вид, что все не так страшно.

— Он не выглядел больным, — возразила я.

— Больное сердце не всегда заметно, — вздохнул Мор. — Но порой человека от смертной черты отделяет всего один шаг. Немного эмоций, немного вина и никого рядом, чтобы помочь, — и вот случается трагедия. Примите мои соболезнования.

Фарлаг кивнул, принимая их, а я только крепче сжала в руках полупустую чашку. Чай в ней уже почти остыл. Все это казалось мне неправильным, как и в случае с мамой, но спорить не было сил. Я чувствовала себя опустошенной. Так странно. Привязанность к профессору Блэку, как к дедушке, у меня возникнуть не успела, а потерю я все равно ощущала. Пустота, образовавшаяся в сердце после смерти мамы, как будто стала больше.

— Нам забрать тело? — осторожно уточнил Мор.

— Нет, его заберут в лазарет, — возразил ректор, — я уже распорядился. Он хотел быть похоронен здесь, рядом с семьей.

— Хорошо. Тогда больше не смею вас задерживать.

Мор вежливо поклонился и покинул спальню.

Мы с Фарлагом остались вдвоем. Какое-то время мы оба молчали, прислушиваясь к звукам, доносившимся из гостиной, но потом они тоже стихли. Теперь во всех апартаментах профессора Блэка не было никого, кроме нас.

— Вот и все, — пробормотал ректор, снова принимаясь ходить по комнате. — Не надо было нам говорить с ним.

Я сжала чашку еще крепче, тонкий фарфор мог этого уже не выдержать, поэтому я решила поставить ее на прикроватную тумбочку от греха подальше.

— Вы правда думаете, что это наш разговор довел его до сердечного приступа?

— Я не знаю, может быть, просто так совпало, — довольно резко ответил Фарлаг.

Я поймала на себе еще один его недовольный взгляд.

— Почему вы так на меня смотрите? Вы меня вините в произошедшем?

— О, нет, в том, что случилось, скорее всего, нет ни вашей, ни моей вины, — с каким-то нездоровым, нервным энтузиазмом заверил меня он. — Меня просто поражает, как я мог так ошибиться на ваш счет.

— Что?

— Я ведь поверил, — в его тоне отчетливо прозвучала горечь. — Поверил в сказочку о

бедной сиротке, которая просто ищет свою семью. Вы были так трогательны и убедительны. Хотя вчера я заподозрил неладное, но решил, что у вас просто хорошее самообладание.

Я почувствовала, что меня зазнобило сильнее, на этот раз от его колючего, ледяного тона. Я не понимала, что с ним не так. Почему он то спокойный, открытый и заботливый, то вдруг становится резким, жалящим, обвиняющим меня непонятно в чем.

— Я не понимаю вас, сэр, — мой голос прозвучал обиженно, и мне это не понравилось. Я поднялась, отчаянно желая уйти. Может быть, ему просто сейчас очень плохо и хочется на ком-то сорваться? Мне совершенно не хотелось быть его подушкой для битья.

Однако Фарлаг преградил мне путь, явно не желая отпускать так просто. Его губы скривились в презрительной усмешке, черты лица заострились, глаза горели злостью, причины которой от меня ускользали.

— Не понимаешь? Сейчас поймешь.

Он неожиданно резко схватил меня за плечо и грубо дернул в сторону. Я попыталась высвободиться, но он только перехватил меня второй рукой, развернул и подтолкнул к зеркалу в полный рост, у которого ровно две недели назад я примеряла бальное платье. В голове вновь мелькнула мысль о том, что я его так и не вернула.

Но сейчас думать надо было не об этом. Я растерянно смотрела на свое отражение, а потом перевела взгляд на отражение лица ректора. Тот стоял у меня за спиной, непривычно близко, крепко держа за плечи. Я чувствовала спиной тепло его тела, его дыхание обжигало мне ухо. Отчего-то захотелось отклониться назад, прижаться к нему, чтобы наконец согреться. И чтобы его руки скользнули по моим плечам и заключили в кольцо объятий. Я уже не помнила, когда меня последний раз обнимали.

Но его злой взгляд и плотно сжатые губы громче всяких слов говорили о том, что это плохая идея.

— Посмотри на себя, — почти прошипел он мне на ухо. — Так трогательно дрожишь, так натурально бледнеешь, голосок хрипит и даже дрожит, но игра не идеальна. Как думаешь, чего не хватает?

— Отпустите меня, — потребовала я. Он не нравился мне таким: злым, грубым, обвиняющим. Мне хотелось как можно скорее убежать отсюда и забыть эти минуты.

— Слез, — припечатал он, игнорируя мою просьбу. — Не хватает слез. Твои глаза сухи, потому что заплакать, когда на самом деле не грустно и не больно, могут далеко не все. Для этого надо быть актрисой получше, чем ты. Тебе плевать на его смерть, потому что... ты не так себе представляла семью, которую ищешь? Конечно, полоумный старик-преподаватель — это, скорее, обуза. С него ни денег, ни положения в обществе. Думаешь, с папочкой больше повезет? Даже если так, с чего ты взяла, что будешь ему нужна? Двадцать лет он тебя знать не хотел, не захочет и теперь.

С каждым его словом боль в груди становилась все сильнее и сильнее. Это уже был не огонь, и не стальные обручи, и не камень, придавливающий к земле. С тем же успехом Фарлаг мог вонзить в меня кинжал и иступленно проворачивать, пока я не истеку кровью до смерти. Я не могла оторвать взгляд от его лица в зеркальном отражении и видела, что его собственные глаза блестят все заметнее. В конце концов он ослабил хватку и просто отвернулся, отошел в противоположный конец комнаты, тяжело дыша.

А я осталась стоять у зеркала, глядя теперь уже только на свое отражение. Бледное, нездоровое, но с совершенно сухими глазами. Как всегда. Сегодня они даже болели от этой сухости, вероятно, из-за поднимающейся температуры.

Было обидно. Больно и обидно, как и всегда в такие моменты, когда люди судили о моих чувствах — точнее, об их отсутствии — по отсутствию слез. Отчаянно захотелось ему все объяснить, но я остановила себя. Зачем? Он не поверит. Он уже сделал свои выводы. Довольно банальные и предсказуемые.

— Похоже, я в вас тоже ошиблась, сэр.

Я бросилась прочь, пока была возможность сбежать. И пока он не сказал чего-нибудь еще, чего я никогда не смогу забыть.

Спать я легла рано. В том состоянии, в котором я вернулась к себе, все равно было невозможно что-либо делать. Я даже поужинать толком не смогла: кусок в горло не лез. Я ограничилась горячим молоком и хлебом, от которых боль в горле притуплялась.

Лечь я легла, а вот уснуть так и не смогла. Мне было то жарко, то холодно, то начинал мучить кашель, то в груди снова пекло, когда я прокручивала в голове наш разговор с Фарлагом, вспоминала выражение его лица в зеркале.

Около полуночи в мою спальню неожиданно вошла Реджина с чашкой горячего молока. Я и не знала, что ночью на кухне все равно можно что-то заказывать.

— Перестань уже кашлять, я из-за тебя спать не могу, — недовольным тоном заявила она, поставив чашку на прикроватную тумбочку. — Объясни мне, почему ты противопростудное не взяла в лазарете?

— Я до него не дошла, — призналась я.

Реджина смутилась. О том, что случилось с профессором Блэком, она, конечно, знала. Каким-то образом новости в Лексе разлетались в считанные минуты.

— Она не дошла, а я мучайся, — проворчала она, уходя. — Завтра хотя бы дойди, мне тут неделю из-за тебя не спать?

И она плотно закрыла дверь, лишая мою спальню света из гостиной. Я зажгла небольшой шар и принялась пить молоко маленькими глотками, стараясь растянуть удовольствие.

Реджина была права: мы сейчас обе мучились без сна из-за того, что я затянула поход в лазарет. Все думала, что само пройдет. И если для нее я могла постараться кашлять потише или приглушать звуки подушкой, то мне грозила полностью бессонная ночь, после которой я едва ли смогу пойти на занятия.

Поэтому, допив молоко, я встала и оделась. Лазарет в это время был, конечно, закрыт, но ничто не мешало мне забраться в лабораторию. То, что чары безопасности не работали, меня не смущало: противопростудное снадобье я могла сварить с закрытыми глазами, опасности оно для меня не таило.

Идти по ночным коридорам Лекса оказалось непривычно страшно. Ночью освещение становилось еще хуже, половину пути приходилось проходить чуть ли не наощупь, ориентируясь лишь по неверному свету свечей далеко впереди. Но хотя нырять в плотную темноту порой было неприятно, я успокаивала себя тем, что в столь изолированном университете мне некого бояться. Зажигать шар я малодушно опасалась: конечно, едва ли кто-то еще бродил по замку ночью, но привлечь внимание потенциального другого полуночника не хотелось.

Вскрыть лабораторию оказалось довольно просто: я даже сигнальных чар здесь не заметила. Оказавшись внутри, в привычной обстановке, я облегченно выдохнула и со спокойной совестью зажгла свет. По привычке выбрала свое обычное рабочее место. Набрала по шкафам необходимые ингредиенты, к ним в компанию выложила на стол половинку лимона, оставленную мне внезапно заботливой соседкой еще после обеда. Выдвинула высокий стул, на который можно было присаживаться во время приготовления, чтобы снять нагрузку со спины и ног. Противопростудное снадобье готовилось не так уж и

долго, но сейчас меня слегка шатало и ноги подкашивались от слабости.

Рецепт хоть и был простым и хорошо мне знакомым, а все равно требовал определенной сосредоточенности, которая вытеснила из головы мрачные мысли о ректоре, о смерти Блэка и о том, что к ней привело. Я работала, не торопясь: чистила и нарезала одни ингредиенты, взвешивала другие, смешивала и перетираала третьи. Учитывая поздний час и мое не очень хорошее состояние, я предпочла сначала подготовить все, чтобы в процессе только добавлять их в нужный момент. Это удлиняло приготовление, зато гарантировало, что я ничего не забуду и мне не придется начинать сначала.

Я уже была близка к завершению, когда услышала за дверью шаги и голоса, а потом та распахнулась, впуская в лабораторию профессора Арта и ректора Фарлага. Первый вел себя с неестественным для такого времени энтузиазмом, а второй недовольно хмурился.

— Вот, видите! Я же говорил вам! — профессор Арт с торжествующим видом ткнул в меня пальцем.

Как ни странно, я в этот момент не испытала вообще никаких эмоций: ни страха, ни досады. Ни даже злости или обиды при виде ректора. Наверное, на эмоции у меня просто не осталось сил. Я только взглянула на вошедших, а потом опустила взгляд на снадобье, продолжая его равномерно помешивать на медленном огне.

— Я вижу, — согласился ректор, вместе с Артом подходя ко мне ближе. — Студентка варит снадобье в лаборатории для приготовления снадобий. Просто вопиющее нарушение порядка.

Несмотря на то, как мы расстались, сарказм в его тоне, адресованный профессору Арту, вызвал у меня улыбку. Я бросила на преподавателя взгляд исподлобья: с него стало бы не уловить посыл ректора.

Однако тот уловил. И с важным видом уточнил:

— Ночью. Вскрыв запирающее заклятие и без сопровождения чар безопасности. Не удивлюсь, если и снадобье запрещенное. Наверняка варит себе противозачаточное. Что еще ожидать от такой, как она?

Я удивленно кашлянула и на этот раз посмотрела сначала на Арта, а потом перевела растерянный взгляд на Фарлага. Тот уже успел окинуть взглядом набор ингредиентов на моем столе, поэтому комментарий коллеги заставил его раздраженно закатить глаза и покоситься на него со смесью презрения и жалости.

— От какой — такой? — все-таки спросила я, снова посмотрев на Арта.

У того на лице появилось надменное выражение. Он уже собирался в красках рассказать мне, какая я, но Фарлаг опередил его:

— Профессор Арт, покиньте помещение, дальше я сам разберусь. И на досуге полистайте справочник распространенных снадобий, для жизни пригодится.

Арт перевел взгляд с меня на ректора, потом кивнул и без лишних споров удалился. Только у двери еще раз обернулся на нас с некоторым недоумением во взгляде.

Только когда мы с Фарлагом опять остались наедине, я почувствовала волнение. Я не хотела, чтобы он снова начал нападать на меня. Я сейчас была не в том состоянии, чтобы достойно справиться с этим.

Однако Фарлаг не торопился начинать разговор — ни плохой, ни хороший. Вместо этого он какое-то время молча наблюдал, как я помешиваю снадобье, а потом равнодушно заметил:

— Вы чем-то сильно задели профессора Арта, имейте это в виду. Судя по всему, он

наложил на вас какие-то следящие чары, чтобы знать о любых нарушениях дисциплины.

— С чего вы взяли?

— Не представляю, как еще он мог узнать, что вы здесь в этот час.

— Он моему появлению здесь рад даже меньше, чем вы. На днях посоветовал мне вернуться обратно на ферму, с которой я вылезла. Думаю, он хочет поспособствовать моему отчислению.

— Серьезно? Странно, что он вас так невзлюбил.

В его голосе я не услышала иронии, словно он говорил серьезно. Я не удержалась от выразительного взгляда в его адрес.

— Мне странно, что вам это кажется странным. Это стандартная реакция на меня здесь.

К моему удивлению, он заметно смутился и отвел взгляд в сторону. Сейчас он был так не похож на самого себя, каким я его видела всего несколько часов назад. Он выглядел уставшим, опустошенным, но спокойным. Острая фаза его скорби миновала.

Так ничего мне и не ответив, Фарлаг подошел ближе к моему столу и остановился у его торца. Когда я снова посмотрела на него, на этот раз вопросительно, он вежливо произнес:

— Не отвлекайтесь, продолжайте. Я просто понаблюдаю.

— Вы никогда не видели, как варится противостудное? — удивилась я.

— Мне интересно, что вы собрались делать с лимонной цедрой. Не знаю такого варианта рецепта, — его голос звучал непривычно мягко. Так он разговаривал со мной только во время завтрака и вечернего чая в малой гостиной.

— Просто добавлю в конце, чтобы немного смягчить вкус. Он становится не таким гадким.

— Сама придумала?

— Нет, мамина идея. Она любила улучшать вкус таких снадобий: противостудных, обезболивающих, желудочных, от пневмонии. Поэтому соседи предпочитали покупать их у нее, а не в аптеках.

— Ты поэтому варишь снадобье сама: вкус стандартных не устраивает? — по его губам скользнула улыбка. Какая-то несмелая, нерешительная, как будто он не был уверен, что она будет уместна.

Я покачала головой.

— Просто докторов не люблю, все тянула с походом в лазарет. И дождалась.

У меня вырвался красноречивый кашель, заставивший его нахмуриться.

— Когда ты успела простудиться?

— Еще в воскресенье, судя по всему. Возможностей у меня в тот день была масса.

Он недовольно поморщился, а потом бросил еще один взгляд на рабочий стол.

— Варишь по памяти? — удивился он.

— Я эти снадобья помогала варить с двенадцати лет, — теперь и я не сдержала улыбку, хотя хотела вести себя с ним более сдержанно и отстраненно. — Отец всегда жестко контролировал, на что мама тратит деньги, которые дает он. А деньги за снадобья были только ее, она тратила их по своему усмотрению. Потом стала привлекать меня и давала из заработанного мне на карманные расходы. Это очень стимулировало помогать. Мы варили от силы десятков видов снадобий, каждую неделю одни и те же. Поэтому все эти рецепты я не забуду до конца жизни.

Он кивнул, помолчал, над чем-то размышляя, а потом неожиданно поинтересовался:

— А что плохого тебе сделали доктора?

— Да ничего плохого они мне не сделали, просто меня в детстве часто к ним водили, все искали патологию или следы проклятия.

Я бросила на него быстрый взгляд, убеждаясь, что он слушает меня спокойно, внимательно. Даже заинтересованно. И тогда решилась пояснить:

— Я никогда не плачу. С самого детства. С рождения, если быть точной. Никто не знает почему. Отец... то есть муж мамы долго искал причину и способ это исправить, чтобы я... стала нормальной. Но ничего не помогло.

Фарлаг выглядел одновременно потрясенным и сомневающимся. Он слегка хмурился, но в его взгляде чувство вины стало чуть более заметно.

— Разве так бывает?

— Если не верите, можете написать моему отцу и спросить. Думаю, он подтвердит.

— И каково это? — непривычно тихо поинтересовался Фарлаг, наблюдая, как я добавляю в снадобье последние ингредиенты. — Не плакать.

— Не так здорово, как может показаться, — я позволила себе еще одну небольшую улыбку. — Когда ты не плачешь, люди думают, что тебе не бывает больно, грустно или страшно. Одни этому удивляются, другие осуждают. Кто-то, наверное, даже завидует. Но дело в том, что не грустить и не плакать — не одно и то же. Я испытываю эти эмоции, просто не могу дать им выход. Они сгорают — вот тут, — я приложила руку к груди, к тому месту, где обычно чувствовала жжение. — Говорят, что слезы помогают, что после них чувствуешь очищение. Своего рода освобождение. Я не знаю этого чувства. Мне не становится легче. Со временем мне просто перестает быть плохо. Хотя, может быть, это и похоже на то, что испытывают другие, я не знаю, не могу сравнить. Не это самое плохое.

— А что?

На несколько секунд я забыла про свое снадобье, только смотрела в глаза Фарлагу, вспоминая, как он схватил меня и поставил перед зеркалом, как обвинял в неискренности. И даже как мне хотелось в тот момент прижаться к нему, чтобы избавиться от бывшего меня озноба. Не знаю, мог ли он по моим глазам прочесть, о чем я думаю, но взгляд не отводил.

— Когда ты не плачешь, тебя не жалеют, — в конце концов ответила я. — Это самое плохое. Когда ребенок падает и бьется коленкой, все смотрят на то, выступили у него слезы или нет. Если просто закричал или захныкал, значит, всего лишь хочет внимания, а если заплакал, значит, действительно больно. Если заплакал, надо приласкать. Если нет — достаточно попенять на то, что он неуклюж. Если родители на тебя накричали, а ты накричала в ответ, то ты неблагодарная мерзавка, которая не ценит добра. А если ты расплакалась, значит, они перегнули палку и надо мириться. Если у тебя умирает мать, а ты просто стоишь на ее похоронах ни жива, ни мертва, то тебе нет до нее дела, а если падаешь на могилу и поливаешь ее слезами, то тебя надо обнять, погладить по голове и пообещать, что все будет хорошо. Слезы — это не просто выход эмоций. Слезы — это сигнал миру: люди, мне плохо, мне нужна ваша помощь. А я не могу подать этот сигнал. Даже когда хочу, все равно не могу. И вместо помощи получаю только... обвинения в бесчувственности, а то и в лицемерии.

Только на этих словах Фарлаг отвернулся, а я снова переключила свое внимание на снадобье.

— Полагаю, последнее относится к моему поведению сегодня? — после недолгой паузы уточнил он.

— Не только, — заверила я, добавляя в снадобье лимонную цедру. — Не вы первый, кто

так решил, не вы последний. Просто вы оказались... таким же, как все.

— Вы поэтому сказали, что ошиблись во мне? — неожиданно поинтересовался он. — Вы думали, я другой?

Я выключила горелку, последний раз перемешала снадобье и оставила его настаиваться и остывать, а сама снова посмотрела на ректора. Почему-то сейчас я не боялась его и не смущалась темы нашего разговора.

— Разве вам есть дело до того, что о вас думает какая-то там фермерша?

— Раз я спрашиваю, значит, есть.

Он смотрел на меня так серьезно, что я ни на секунду не усомнилась в правдивости его утверждения.

— Я думаю, что вы хороший человек.

— И все? — он заметно удивился.

— Вы хотите большего?

— Я хочу, чтобы вы пояснили. Я... был груб с вами. С самого начала, с первой нашей встречи. Вы даже дали мне понять, что считаете, будто я унижаю вас намеренно, чтобы возвыситься самому. Вы также дали понять, что мое мировоззрение кажется вам глупым. Сегодня я был более, чем груб с вами. Мое поведение было... непростительным. Кроме слов, я позволил себе и действия, за которые мне очень стыдно. Но вы говорите, что я хороший человек. Я не понимаю логики.

— Я считаю вас хорошим человеком, потому что видела вас вчера. Вы вели себя с профессором Блэком как ласковый сын, а не как надменный аристократ или ректор. И я видела вас сегодня, когда вы стояли на коленях у его тела. Мне повезло оба раза видеть вас, потому что именно там и тогда были настоящий вы. Без масок, без защитных иголок, без идиотских рассуждений о крови. Все это не ваше. Эти мысли в вашей голове, но вам их туда положили, и вы по привычке их повторяете, но сердцем вы в это не верите. Потому что верь вы в это по-настоящему, вам было бы наплевать на мое мнение о вас. И вы бы никогда не предложили мне помощь просто за то, что я смогла избавить вас от головной боли. Скорее просто сунули бы несколько крон за труды. Докторам ведь не предлагают дружбу. Им платят. Вы действительно часто бываете грубы и неприятны, потому что вам больно и вы злитесь. Злитесь на несправедливость, случившуюся с вами. Злитесь на то непоправимое, что произошло с профессором Блэком. Вы бессильны что-либо изменить. И хотя вы умеете плакать, вы мужчина и не можете себе этого позволить. Поэтому вы даете своим эмоциям другой выход. Вы срываетесь на меня, потому что вам плохо, но это не делает вас плохим человеком.

Он внимательно слушал меня, не перебивая и сохраняя невозмутимое выражение на лице. Лишь когда упомянула профессора Блэка, на несколько секунд отвел взгляд в сторону. А когда я замолчала, он попытался объяснить:

— Он был моим наставником. Мои интерес и способность к снадобьям проявились еще в школьные годы, поэтому, когда я поступил в Лекс, я сразу обратился с просьбой стать моим наставником именно к нему. Тогда он был другим. Моложе, адекватнее. Даже счастливее, как мне кажется. Вроде должно быть наоборот: боль со временем утихать, жизнь налаживаться. После пожара тогда прошло года три, все знали, что он потерял семью, но он держался молодцом. Он очень многое мне дал. Ты не подумай, у меня хороший отец, он меня любит, мной гордится, я это знаю, у нас никогда не было проблем. Просто он политик, и это накладывает определенный отпечаток на поведение. И, конечно, требует времени. Он

очень сдержанный, и даже в детстве я видел его не так часто. А с Блэком все было иначе.

Он замолчал, но того, что он сказал, хватало. Теперь я лучше понимала их отношения. Почему именно Блэк ему помогал во время приступов, почему ректор бывал у него в гостях и почему он его не увольнял. И почему он чуть не плакал несколько часов назад.

— Вот он был хорошим человеком, Тара, — добавил Фарлаг, снова посмотрев на меня.

Я не выдержала и коснулась его плеча, пытаясь как-то выразить поддержку. И к моему удивлению он неожиданно накрыл мою руку своей, на мгновение сжал, а потом выпустил. Я тут же отдернула ее, несколько смутившись.

— И все же, раз вы спросили, я должна сказать вам, сэр, — несколько неуверенно начала я, но потом, сделав глубокий вдох, выпалила: — Ваша боль объясняет ваше поведение, но не оправдывает его. И я не буду его терпеть. Вам плохо, и вы чувствуете себя несчастным? Тогда лучше плачьте, у вас, по крайней мере, есть такая возможность. Я не собираюсь входить в ваше положение и безропотно выслушивать претензии каждый раз, когда они появятся. Даже если потом вы собираетесь каждый раз извиняться. Я буду рада, если вы и дальше захотите мне помогать, потому что скажу честно: мне нужна ваша помощь. Но если вы хотите облагодетельствовать девочку, чтобы потом в удобный момент вам было кого пинать, то поищите другую. Меня и так пинают все, кому не лень.

Когда я замолчала, он смотрел на меня так, словно видел первый раз в жизни. И словно я была каким-то чудом. На его губах снова появилась усмешка.

— Потрясающе, — протянул он, — не каждый день я слышу такое от студентки... независимо от происхождения.

— Вы сами спросили, сэр, — я еще раз перемешала снадобье. Не потому, что ему это было нужно, а просто чтобы на что-то отвлечься.

— Да, и должен признаться, что с каждым новым нашим разговором ты все больше меня поражаешь, — его голос снова прозвучал мягко, почти нежно. — Ты видишь правду, но что еще важнее — ты ее говоришь. Ты умудряешься сделать так, что я, несмотря на свое положение вообще и в Лексе в частности, несмотря на родословную, уходящую корнями во времена, предшествовавшие уходу магов за Занавесь, чувствую себя рядом с тобой полным ничтожеством. В тебе столько внутреннего достоинства, сколько многим моим студентам и не снилось. Ты мне очень нравишься, — неожиданно заявил он. И тут же сам недовольно поморщился. — Прозвучало как школьное признание в любви, но все же... Ты одним своим существованием разбиваешь в пух и прах все, во что я верил. Не знаю почему, но мне это нравится.

Я была одновременно польщена и смущена его словами. Он внезапно протянул руку, коснулся на мгновение моей щеки, а потом убрал за ухо выбившуюся из пучка прядь волос. От его прикосновения у меня мурашки побежали по коже.

— Все будет хорошо, Тара. Тебя больше никто не посмеет обидеть. Ни я, ни кто-либо другой в Лексе. Я тебе обещаю.

В среду занятия я прогуливала. И не просто так, а по личному распоряжению ректора. Ночью, провожая меня к нашим с Реджиной апартаментам, он так мне и сказал:

— Узнаю, что пришла хотя бы на одну лекцию, отчислю без колебаний.

Я и без таких угроз с удовольствием воспользовалась возможностью весь день провести в постели, дрейфуя где-то на границе сна и реальности. Правда, приходилось пить снадобье каждые два часа, но это была стандартная расплата за позднее начало приема.

Свой завтрак я благополучно проспала, зато, когда наконец проснулась, неожиданно обнаружила на обеденном столе в гостиной свежесваренный чай, вазочку шоколадных конфет — точно таких же, какие я ела у ректора в воскресенье, — и лаконичную записку: «Мне показалось, что они тебе понравились. Выздоровлявай. Найт Фарлаг».

Так и стояло в подписи: Найт Фарлаг. Без ректора. Не знаю почему, но я улыбнулась. И хотя у меня все еще болели горло и голова, все тело было ватным, и меня клонило поскорее снова лечь, этот поздний завтрак из шоколадных конфет претендовал на звание лучшего в моей жизни. Я сидела за обеденным столом, подобрала под себя ноги, слушала шум дождя за окном — день выдался пасмурным — и треск огня в камине, наслаждалась сладким вкусом молочного шоколада и разглядывала записку, написанную твердым, уверенным, легко читаемым почерком. И только чувство вины перед профессором Блэком за то, что в день его похорон, на которые даже не могу пойти, я испытываю такую непривычную внутреннюю легкость, омрачало мое позднее утро.

Нет, я не питала никаких романтических иллюзий насчет ректора. И даже мурашки, вызванные его прикосновением, считала просто реакцией на непривычное событие. Я ни на секунду не забывала о разнице положений, возраста и о том, что он женат. Проклятие и вовсе делало его неподходящим объектом для девичьих грез. Мне просто нравилась его забота. Какой бы неожиданной она ни была.

К четвергу мне стало заметно лучше. Я проснулась уже без ломоты в теле и без боли в горле. Голова тоже была достаточно ясной, чтобы идея пойти на занятие по практическим снадобьям показалась мне хорошей. Я не знала, состоится ли оно. Ректор Фарлаг, по его собственным словам, последнее время был не способен практиковать, а я не представляла, кто еще мог бы вести такое занятие. Оставалось надеяться, что нам дадут возможность хотя бы попрактиковаться самостоятельно вместо вторника.

В лаборатории меня встретили странными взглядами и перешептываниями, что меня несколько удивило. Вроде бы новых поводов для сплетен я не давала, а в остальном ко мне уже привыкли. В чем дело я поняла только тогда, когда в лаборатории появился Дорн, потому что все разговоры моментально смолкли, а взгляды сначала метнулись на него, а потом на меня.

Я растерянно посмотрела на однокурсника, отмечая про себя, что Алек еще не пришел. Лицо Дорна не сулило мне ничего хорошего. Таким злым я его еще никогда не видела.

— Роук! — он практически прорычал мое имя.

Когда он двинулся на меня, я непроизвольно попятилась назад, но далеко не ушла, уткнувшись в чей-то рабочий стол. Мне казалось, что Дорн меня ударит, невзирая на многочисленных свидетелей, но он только схватил за волосы и резко дернул, растрепывая

аккуратно собранный пучок. Никто даже не шелохнулся, чтобы остановить его или как-то помочь мне. Я услышала только нерешительный голос Реджины:

— Дорн, что ты делаешь? Отпусти ее.

Но Дорн мою соседку даже не услышал. Он приблизил свое лицо к моему и зашипел:

— Ты меня достала, фермерша. Лучше бы тебе самой убраться отсюда, пока цела, потому что наше терпение вот-вот лопнет.

От неожиданности и испуга я ничего не могла ему сказать, лишь попыталась оттолкнуть его, но ничего не вышло, он снова больно дернул меня за волосы.

— Думаешь, если будешь спать с крутыми парнями, быстро поднимешься? Сначала Прайма приласкала, а теперь решила сразу в дамки сыграть с ректором? Только, знаешь, Фарлаг ведь не вездесущ и не всемогущ, а ежедневно тебе с нами общаться. Будешь со всеми спать одновременно или как-то по очереди?

Я услышала, как по аудитории прокатилось волнение, но не увидела его причину. Поняла только, когда услышала голос ректора.

— Господин Дорн, я хотел бы уточнить: вы имеете какие-то конкретные обвинения насчет моих отношений с госпожой Роук? С доказательствами?

Лицо Дорна изменилось в одну секунду: злость и угроза исчезли, он заметно побледнел. Моментально выпустил мои волосы из своей жесткой хватки и обернулся.

Ректор Фарлаг стоял на пороге лаборатории в черной мантии, накинутой поверх костюма. Сегодня он выглядел чуть менее помято, чем обычно, но так же расслабленно. Стоял, засунув руки в карманы брюк и чуть кривя губы в ухмылке. Только сегодня в ней чувствовалась затаенная угроза.

— Ректор... сэр... я... — красноречие внезапно покинуло Дорна вместе с решительным выражением лица.

— Я вас внимательно слушаю, господин Дорн, — строго повторил Фарлаг, проходя в лабораторию и подходя к нам ближе. — Вы же понимаете, что сексуальная связь ректора и студентки — серьезное нарушение правил. Поэтому я хотел бы понять, насколько обоснованы ваши обвинения в мой адрес.

— Я не... Не ваш, сэр, — слабо попытался возразить Дорн.

Я молча наблюдала за этой сценой, как и двадцать шесть других студентов, посещавших практические снадобья.

Ректор Фарлаг вздернул брови в демонстративном удивлении.

— То есть вы не осознаете, что я здесь являюсь лицом, облеченным властью, а потому в первую очередь я несу ответственность за любые неподобающие отношения? Я еще раз вас спрашиваю: вы готовы выдвинуть против меня подобные обвинения и отстоять их на дисциплинарной комиссии?

Дорн побледнел еще сильнее, хотя это казалось невозможным. Мне было ни капельки его не жаль, скорее наоборот, я испытывала чувство глубокого морального удовлетворения. В этот раз он определенно перегнул палку и, кажется, попал в ловушку собственного высокомерного поведения.

— Нет, сэр, — едва слышно выдохнул он, глядя в пол.

— Прекрасно. С этим разобрались. Теперь хочу задать другой вопрос: в какой подворотне тебя воспитывали, что научили вот так обращаться с женщиной? — на этот раз голос Фарлага прозвучал зло. Даже злее, чем в спальне Блэка, когда он обвинял меня в равнодушии к смерти профессора.

Дорн растерянно посмотрел на меня, потом испуганно — на ректора. Остальные тоже напряженно молчали. Не дождавшись ответа от Дорна, Фарлаг отступил на шаг назад и обвел взглядом всех студентов.

— Тот же вопрос могу адресовать всем вам. В первую очередь обращаюсь к представителям так называемой «старой аристократии», потому что всем известно, что «новая элита» манерами так и не обзавелась, — он презрительно фыркнул, продолжая кривить губы в усмешке, которая теперь стала пренебрежительной.

У некоторых присутствующих эти слова вызвали понимающие ухмылки.

— Знаете, во времена древних королей, о которых мы все так тоскуем, юнец, позволивший себе такое поведение, — он кивнул на Дорна, — моментально получил бы минимум пять вызовов на дуэль. Конечно, дуэли у нас давно запрещены, но это не мешает уважающему себя мужчине вступить за женщину, которую оскорбляют словом или действием. Мы все здесь кичимся своим благородным происхождением, своими великими предками, но беда в том, что мы напрочь забыли, что такое благородство. Мы забыли о главном: оно должно идти изнутри и подсказывать нам правильные поступки. Знать и помнить предков нужно не для того, чтобы считать себя априори выше других. А для того, чтобы ориентироваться на них. Спрашивать себя, как бы поступили они. Брать от них лучшее и исправлять своей жизнью их ошибки. Только тогда во всем этом есть смысл. Мы уже не те, что были раньше, но давайте хотя бы притворимся, что мы достойны тех фамилий, которые носим. Я надеюсь, что впредь вы не будете допускать подобного в моем присутствии. Не может же один Прайм быть благородным за нас всех... О, вот, кстати и он.

Ректор улыбнулся ничего не понимающему Алеку, который как раз появился на пороге лаборатории. Его явно смутило, что Фарлаг тут и что-то говорит, хотя занятие еще не началось.

— Проходите, Прайм, занимайте место. Мы скоро перейдем к практическому занятию, — пообещал ректор, подходя к рабочему столу преподавателя и присаживаясь на его краешек. — Но перед этим у меня есть обращение и к так называемой «новой элите». Я понимаю, что появление госпожи Роук в Лексе вызвало у вас нездоровое возбуждение. Наконец-то появился кто-то, кого можно безнаказанно травить, чувствуя свое превосходство. Даже тем из вас, кто выбился в элиту незадолго до поступления в Лекс. Дочка фермера, без покровительства, без связей, без денег — прекрасный объект для нападок. Но вы переступили черту. Вы задели меня. Унижая ее, вы принялись трепать мое имя, а Фарлаги такое не прощают. Поздравляю, вы меня разозлили. Господин Дорн к тому взысканию, что он уже получил за сотворение пугала, будет еще месяц каждый вечер помогать на кухне. Там всегда найдется достаточно грязная работа.

Бледное лицо Дорна неожиданно покраснело, взгляд снова стал злым. Было видно, как он стиснул челюсти, но так ничего и не сказал, а потому ректор спокойно продолжил:

— Если я узнаю, что кто-то позволяет себе распускать слухи или вести себя недостойно по отношению к госпоже Роук, если она мне пожалуется или если я хотя бы заподозрю такое, студент, позволивший себе это, будет отчислен. Без возможности когда-либо восстановиться. По крайней мере, пока я здесь ректор.

Среди части студентов — той самой элиты, как я поняла — прокатился вздох и шепотки. Кто-то самый смелый неуверенно заметил:

— Вы не имеете права...

— А вот и проверим заодно, насколько я не вездесущ и не всемогущ, — его улыбка

стала шире. — Вы всегда вольны пожаловаться в комитет по образованию или сразу министру, — он самодовольно хмыкнул. — Уверен, Раст Фарлаг с интересом выслушает ваши претензии к его старшему сыну.

Я сомневалась, что после этой речи у меня появится много друзей, но все равно была благодарна Фарлагу за нее. Можно было рассчитывать, что теперь меня хотя бы оставят в покое из страха перед ним.

— По вашим лицам и красноречивому молчанию вижу, что вы все уяснили. Теперь можем переходить к занятию. Как вы знаете, нас постигла серьезная утрата, — его голос прозвучал спокойно, но мне показалось, что это далось ему непросто. — Пока Лекс не обзаведется еще одним преподавателем снадобий, вести практические занятия буду я. И сегодня мы немножко поиграем. Сейчас вы разделитесь на две команды. Раз уж мы затронули тему аристократии и элиты, предлагаю вам поделиться по этому принципу. Вы будете готовить снадобье против пневмонии. По памяти. Вы изучали и готовили его в прошлом году. Никаких учебников и справочников. За попытку воспользоваться ими будете варить это снадобье каждый вечер, до конца триместра. Та команда, которая справится с заданием первой, получит досрочный зачет по снадобьям — теоретическим и практическим — за триместр. Конечно, это не освободит вас от посещения занятий, но сэкономит время в сессию.

— Но, сэ, мы не повторяли состав этого снадобья с прошлого года, невозможно его помнить! — осторожно возразил Алек.

— Вот сейчас и посмотрим, — Фарлаг невозмутимо пожал плечами. — Делитесь.

Студенты неуверенно переглянулись, какое-то время бестолкова топтались, но через пару минут все же сформировалось две группы: двенадцать человек «аристократов» и шестнадцать — «элиты».

А я осталась стоять в стороне.

— Сэр, а мне что делать? — неуверенно уточнила я.

— Идите к аристократам, — спокойно велел Фарлаг, даже не посмотрев на меня.

— Почему к нам? — тут же спросила Сара Моргенштерн, но без недовольства. Скорее, с интересом. Судя по выражению на ее лице, она пыталась разгадать, что задумал ректор, но у нее не получалось.

— Потому что вас меньше, — ни секунды не колеблясь объяснил Фарлаг.

Я понимала, что он задумал это все заранее. Даже если бы Дорн не устроил разборки с мной, мы бы все равно «играли» сегодня. Хотя я допускала, что и реакцию Дорна Фарлаг предугадал: он явно устроил ему взбучку за пугало в среду, когда я оставалась в постели, больше ничто не могло спровоцировать Дорна на агрессию в мой адрес. А ночью во вторник я обмолвилась, что хорошо помню несколько рецептов, в том числе снадобье против пневмонии.

Одного я не понимала: зачем он это все затеял?

— Хочу напомнить вам, что снадобье готовится около трех часов, но если вы грамотно распределите работы по подготовке, сможете управиться за два. Тогда у вас будет две попытки. И на вашем месте я бы уже начинал шевелиться.

И мы зашевелились. В аудитории мгновенно поднялся шум: обе «команды» принялись обсуждать, что же делать.

— Надо восстановить рецепт, — у нас инициативу на себя взял Алек. — Наверняка каждый из нас что-то помнит. Соберем все вместе и получим рецепт.

— Да нереально, — возразила Реджина. — Там штук тридцать ингредиентов. Одних трав с десяток. А еще пропорции.

— Точно помню, что в качестве жидкой основы используется вода, — подал голос один из тех парней, в компании которых я как-то пила чай с Алеком и Реджиной.

— Потрясающе, — фыркнула Сара. — Это нам очень поможет. Корень имбиря там был, два сантиметра на литр жидкой основы, и магический компонент. Я помню формулу заклятия, — она принялась записывать эту информацию.

Кто-то начал вспоминать названия трав из рецепта, тут же возник спор по поводу их количества.

Пока они разбирались, я вырвала из тетради лист и быстро записала рецепт. Я варила это снадобье столько раз, что помнила все пропорции до последнего грамма. И, конечно, последовательность действий.

— Вот, возьми, — я протянула исписанный лист Саре. — Здесь полный рецепт.

У самой Сары пока в списке значилось только шестнадцать ингредиентов из тридцати четырех. И лишь у половины было указано количество. Она недоверчиво пробежала мой рецепт взглядом, потом посмотрела на меня.

— Ты уверена, что все правильно помнишь?

— Мало в чем я так уверена, — отозвалась я.

Сара сличила написанное мной со своим списком и посмотрела на Алека.

— С тем, что вы вспомнили, совпадает.

— Отлично, тогда будем считать, что у нас есть рецепт, — Алек улыбнулся мне. — Молодчина. Так, тогда Сара варит, остальные подготавливают ингредиенты.

И он принялся распределять задачи между нами. Желания спорить ни у кого не возникло. Каждый коротко кивнул и отправился к шкафчикам за своими ингредиентами.

Я бросила быстрый взгляд на Фарлага. Тот с трудом сдерживал довольную улыбку.

В команде наших соперников дела шли не так хорошо. В какой-то момент они сообразили, что список ингредиентов проще подсмотреть у нас, чем восстановить самим, но пропорции и последовательность им пришлось во многом угадывать. Поэтому, когда наше снадобье весело булькало, а мы расслабленно сидели вокруг Сары, уже подготовив все ингредиенты и теперь только добавляя их в нужный момент, снадобье «элиты» внезапно... взорвалось.

Точнее, попыталось взорваться. Мы услышали характерное бурление, сменившееся шипением и чей-то нервный вскрик:

— Осторожно!

Я даже успела дернуться и обернуться, поскольку сидела к команде соперников спиной. К тому моменту разлетающееся в разные стороны неудавшееся снадобье уже было погружено Фарлагом в стазис. Капли разного размера и формы замерли во времени и пространстве. Получилось довольно красиво.

Фарлаг подошел к замершему снадобью, осторожно взял одну из замерших капель и посмотрел ее на свет. Потом покатал между пальцами и понюхал.

— Переборщили с полынью, — лаконично сообщил он и взмахом руки заставил застывшее снадобье исчезнуть. — И поторопились с магическим компонентом. У вас еще есть время на вторую попытку.

На этот раз он удостоился большего количества злых взглядов от студентов из второй команды, но никто ничего не решился сказать. Они просто после небольшой паузы начали

сначала.

Наше снадобье было готово меньше, чем через полчаса. Когда мы объявили об этом, Фарлаг подошел и сначала осторожно понюхал его, потом отлил немного в прозрачный мерный стакан и посмотрел на свет. Попросил листок с рецептом.

— Грамотно скорректирован классический вариант, — он улыбнулся мне. — Что ж, как и обещал. Вы все досрочно получаете зачет за этот триместр. И сейчас можете быть свободны. Оставшиеся два часа мы проведем с вашими менее удачливыми коллегами. Всех вас поздравляю, отличная работа. До зимы далеко, но, полагаю, порция такого хорошего снадобья лазарету пригодится.

С этими словами он вернулся на свое место, снова присев на краешек стола, словно ноги его плохо держали.

Мои товарищи по команде довольно улыбались. Кто-то высказал предложение, что досрочный зачет у самого ректора заслуживает праздничного чаепития. Присутствие самого ректора при этом заявлении никого не смутило. Тот только улыбнулся еще шире.

Обсуждая, кто какое пирожное собирается съесть, «аристократы» двинулись к выходу. Я задержалась за своим столом, убирая в сумку тетрадь, из которой вырывала лист, и ручку.

— Тара, ты идешь? — нетерпеливо позвала меня Моргенштерн почти с самого порога.

Я удивленно посмотрела на нее. Точнее, на них. Потому что они все остановились и обернулись ко мне. Алек и Реджина ободряюще улыбались, Сара многозначительно кивала, зовя к ним присоединиться, а остальные... Как ни странно, мне показалось, что никто не был против моей компании.

И только в тот момент я поняла смысл ректорского плана. Я перевела взгляд на Фарлага. Как и Сара, он кивнул в сторону ожидавшей меня группы студентов.

Я нерешительно двинулась к ним, но так, чтобы пройти мимо ректора. Позволила себе задержаться у его стола на пару секунд.

— Спасибо, сэ, — очень тихо сказала я, надеясь, что никто не услышит.

— Не за что, Роук. Это ваша личная победа. Заслуженная. Вы молодец. Из вас получится прекрасный Мастер.

Я не стала спорить. Только закрывая за нами дверь лаборатории, еще раз взглянула на него. Фарлаг все еще опирался на краешек рабочего стола преподавателя, только теперь заметно сутулился и держался руками за его край. Глаза его были прикрыты, а лицо выдавало усталость.

Даже такое практическое занятие, на котором он только наблюдал, давалось ему нелегко.

Конечно, по поводу новых «друзей» иллюзий я тоже не питала. Я понимала, что все равно никогда не смогу стать для них по-настоящему своей, но они хотя бы начали относиться ко мне как к человеку, а не как к досадному недоразумению. О большем я и не просила.

В коридоре Моргеншперн заявила, что за пирожными, конечно, можно зайти, но отмечать досрочный зачет позвала в свои апартаменты.

— У меня есть пара бутылок вина из наших домашних запасов. Ни у кого ведь сегодня больше нет занятий?

Занятий ни у кого не было.

Это были довольно милые и веселые посиделки. Наверное, случись они на неделю раньше, я была бы по-настоящему счастлива, но мысли о профессоре Блэке и чувство вины перед ним омрачали для меня и этот день. Каждый раз, когда я улыбалась, я тут же вспоминала, что так и не попрощалась с ним, и моя улыбка тут же гасла.

Алек в конце концов заметил, что мое настроение не соответствует общему, и тихо поинтересовался, в чем дело. Я призналась, что хотела бы отдать дань уважения своему недолгому наставнику.

— Сходить с тобой? — тут же предложил он.

Конечно, он знал, кем мне приходился Блэк. Мне даже не пришлось ему об этом рассказывать, он сам спросил во время нашей встречи в понедельник. Ему не составило труда сложить два и два и получить четыре. То, что семья профессора Блэка погибла во время пожара, не было тайной. Выяснить, что никакого другого пожара в то время здесь не происходило, проблемой тоже не стало. Однако Алек деликатно не рвался обсуждать со мной мои чувства по этому поводу, давая мне возможность сначала самой разобраться в них. Поэтому и сейчас я просто покачала головой, понимая, что ему не потребуется подробного объяснения отказа. Мне было достаточно сказать:

— Я хотела бы побыть там одна.

Алек понимающе кивнул и проводил меня только до двери апартаментов Сары, пока остальные были увлечены каким-то спором, пообещав, что сам объяснит им мой ранний уход. Я невольно вспомнила слова Фарлага о том, что потомки древних королей превосходят всех в благородстве. Сейчас мне казалось, что он был не так уж и неправ.

Я знала, что профессор похоронен рядом со сгоревшим коттеджем: Фарлаг сказал мне об этом еще во вторник ночью. Перед тем, как отправиться туда, я дошла до пруда. Рвать садовые цветы я не решилась: едва ли это было позволено, но по берегам, там, где деревья отступали достаточно далеко от воды, уже зацветали дикие. Букет из них получился скромным, но едва ли это имело значение.

Могилы оказались за коттеджем, поэтому в прошлый раз я их не увидела. Да и не так просто было заметить в траве каменную плиту на земле. Могила профессора Блэка была свежей, вокруг нее лежало множество цветов, поэтому сейчас она была хорошо видна издали. Другая плита находилась в паре метров от нее, была припорошена прошлогодней листвой и нанесенным ветром песком и утопала в молодой зелени.

Я положила свои цветы к другим и коснулась холодного камня, глядя на выбитый на

нем портрет профессора Блэка. На нем он выглядел бодрым и улыбочивым. Таким я успела узнать его во время наших чаепитий. Я снова подумала о том, что он не казался больным. В тот вечер, когда я залезла в кабинет ректора, он притащил его практически на себе, бегал, смешивая ему снадобья, и даже не сильно запыхался. А тут умер после волнительного разговора?

Или я просто не хотела верить, что в его смерти виновата я со своими расспросами?

Я отдернула руку и повернулась ко второй плите. Вспомнила, как ректор сказал, что профессор Блэк хотел быть похоронен рядом с семьей. Но ведь его дочери здесь нет. Кто же тогда лежит в земле вместо нее?

Я выпрямилась и подошла к соседней могиле, провела по камню рукой, очищая поверхность. Сразу стал виден портрет и надпись: «Делла Блэк, любимая дочь Саймона Блэка». И годы жизни. Я нахмурилась.

А где же Аманда — жена профессора Блэка? О ней на камне не было ни строчки. Почему?

В одно мгновение меня прошиб озноб, а потом тут же кинуло в жар и внутри что-то неприятно задрожало. Я вспомнила конверт. Тот самый, который нашла, когда поправляла плед. И который унесла в кабинет и убрала в стол. Я не помнила, почему так сделала, но именно в этот момент мне показалось, что это важно. Почему?

Я снова выпрямилась, оторвала взгляд от портрета на плите, перевела его на деревья впереди и... едва не закричала от неожиданности.

Он стоял передо мной, по другую сторону плиты. Такой настоящий, как живой, так близко, что казалось, протяни руку — и дотронешься. Его губы шевелились, но голоса я не слышала. А потом он сам протянул руку ко мне, как будто указывал на что-то за моей спиной. И лицо у него при этом было такое встревоженное.

Я непроизвольно попятилась назад. Конечно, я слышала о Явлении, которое происходило при развоплощении магического потока, но никогда не рассчитывала увидеть. Да и везде писали, что оно происходит на первые сутки после смерти человека. Со смерти профессора Блэка прошло два дня.

Когда я наткнулась на кого-то, кто стоял у меня за спиной, я все-таки нервно вскрикнула и обернулась, отшатнувшись теперь уже в противоположную сторону. Эти резкие движения едва не закончились падением, но сильные руки удержали за плечи. Ректор смотрел на меня с беспокойством.

— Ты в порядке?

Я кивнула, хотя не чувствовала себя в порядке: меня трясло крупной дрожью, сердце заходило стучком, а в груди вместо привычного жжения разливался холод. Но говорить я не могла, а потому не хотела объяснять, что случилось и что со мной не так.

Фарлаг мне не поверил, но расспрашивать не стал. Просто молча прижал к груди, обхватывая рукой за плечи, и погладил по волосам. Я замерла, ментально согреваясь в его объятиях, но совершенно забывая обо всем на свете. Сейчас он был в одном костюме, без мантии и плаща, а хотя день выдался солнечным, в долине, да к тому же почти в лесу под вечер, все еще было довольно прохладно. Значит, он не забрел сюда во время прогулки.

— Как вы здесь оказались? — его тепло не только уняло дрожь, но и вернуло мне голос.

Меня смущала его близость, но я не пыталась высвободиться из объятий, а он не торопился отпустить, все еще рассеянно поглаживая меня по голове. От его рубашки пахло мужским парфюмом, сигаретным дымом и чем-то еще, что я не смогла определить. Запах

мне нравился, как нравилось чувствовать его руки на своих плечах. Отец — то есть, отчим — убил бы меня за такое поведение, но его здесь не было, поэтому я бесстыдным образом посмела не только не вырваться, но и скользнуть руками вокруг ректора, обнимая его в ответ и прижимаясь еще сильнее. Мне показалось, что он резко втянул воздух и сжал меня в объятиях крепче.

— Тебя искал, — почему-то прошептал он. — Так и думал, что найду здесь.

— Я пришла попроситься, — зачем-то объяснила я более чем очевидную вещь. — А зачем вы меня искали?

— Хотел узнать, как ты. И насколько удался мой план. Судя по твоему состоянию, не очень. Кто-то уже успел рискнуть и обидеть тебя?

Я помотала головой, все же аккуратно отстраняясь. Он не отпустил меня совсем, его руки остались на моих плечах, но теперь я могла заглянуть в его лицо.

— План был прекрасный, — заверила я его. — Спасибо. Конечно, с вашей стороны было немного непедагогично сталкивать лбами элиту и аристократов, но мне было приятно стать героем дня хотя бы для кого-то из них. Пусть даже другие меня теперь ненавидят еще больше.

Он тихо рассмеялся.

— Они и так всегда подспудно соперничают. Я просто сделал это противостояние открытым в рамках одного занятия. Давай будем считать, что это мои извинения за все, что я наговорил и сделал.

— Извинения приняты, — я тоже улыбнулась, снова замирая под его взглядом.

Он смотрел на меня... странно. С незнакомой мне жадой и не очень понятным сомнением, которое таяло с каждой секундой, что я оставалась неподвижна. Внезапно он коснулся моей щеки, как тогда в лаборатории, как будто снова хотел убрать за ухо прядь волос, но пальцы так и остались на коже.

Я все еще смотрела на него, боясь пошевелиться, не до конца осознавая, что происходит, но виновато понимая, что мне это нравится. Наверное, своей реакцией — точнее, отсутствием сопротивления — я в каком-то смысле поощрила его, потому что секунду спустя его лицо оказалось слишком близко, и он прижался губами к моим губам. Я дернулась, но его руки мгновенно оказались на моей талии, удерживая меня. И тогда я просто снова замерла, не отвечая на поцелуй, но и не вырываясь.

Меня никогда нельзя было назвать романтической особой. Я не мечтала о большой любви и хорошем замужестве. Общение родителей, которое я наблюдала каждый день, чаще вселяло в меня суеверный ужас перед этой перспективой. Но иногда, прочитав пронзительный роман, я тоже предавалась мечтам о прекрасном, достойном мужчине, о страстной любви, о первом поцелуе, который, судя по разговорам сверстниц, в моей жизни неприлично припозднился. Я представляла, как это все могло бы быть. Но ни в одной из моих фантазий меня никогда не целовал женатый ректор у могил моих родственников. Я никогда не думала, что жесткая щетина в этот момент будет такой колючей. Что я сама не буду знать, что делать и как реагировать.

Разум твердил, что я должна остановить его, высвободиться, а еще лучше — дать пощечину. Он женат, проклят, заметно старше меня, к тому же мой ректор! Он из мира, в котором я оказалась случайно и на время, в котором я никогда не буду жить. Но пока в голове крутились эти мысли, тело вело себя совершенно неразумно. Вместо того, чтобы остановить его, я разомкнула губы, давая согласие продолжать, вместо того, чтобы

высвободиться, наоборот, потянулась к нему.

Однако пусть не сразу, но разум все-таки отчасти победил. Я отклонилась назад, и Фарлаг позволил мне отстраниться ровно настолько, чтобы наши губы больше не соприкасались. Из объятий не выпустил.

Только сейчас я заметила, что закрыла глаза, когда он меня целовал. Теперь я не решалась их открыть, боясь увидеть лицо ректора. Он тяжело дышал, мои ладони, которыми я упиралась в его грудь, ощущали быстрое и неровное биение сердца. Я и сама задыхалась, но больше от страха, чем от страсти.

— Зачем вы?.. — это все, что мне удалось произнести.

— Почему нет? — его голос все еще звучал тихо. — Не говори, что тебе не понравилось.

Я бы солгала, если бы так сказала, но от этого мне становилось только хуже. Он женат. Он ректор Лекса. Сын министра. Он Фарлаг, в конце концов, с родословной, уходящей куда-то там очень глубоко... Я снова и снова повторяла все это себе, как заклинание, но эти слова казались пустыми, никчемными, ничего не значащими.

— Тара, не думай, что это минутная блажь, — быстро и уверенно заговорил он. — Для тебя все это слишком быстро, я понимаю, но у меня нет времени на долгие ухаживания. Я тебя ничем не обижу. И все для тебя сделаю. Найду любую информацию, отца твоего из-под земли достану, если нужно будет. Я дам тебе все. Все, что смогу, и все, чего ты заслуживаешь. Ты больше ни в чем и никогда не будешь нуждаться, и никто не посмеет тебя обижать.

«Значит, такая цена у его помощи», — пронеслось у меня в голове. И это придало мне сил: я смогла отодвинуться от него на большее расстояние и набралась смелости взглянуть ему в глаза.

— Перестаньте, сэр. Вы женаты, вы не забыли?

Он не пытался удерживать меня силой, но и совсем отпускать не торопился. В опускающихся вечерних сумерках в его глазах стало меньше видно зеленый, а карий заметно потемнел.

— Мой брак ничего не значит. Он давно ничего не значит.

— Возможно, для вас, — я окончательно освободилась из его хватки. — Но не для меня.

Чувствуя, что меня снова пробирает озноб, я поторопилась прочь. Он позвал меня, но я не оглянулась, только перешла на бег. К счастью, Фарлаг не стал меня догонять.

Я так и бежала до самого замка. Лишь когда на первых ступеньках лестницы дыхание внезапно кончилось, голова закружилась и мне пришлось схватиться за перила, я остановилась, чтобы отдышаться и прийти в себя. Тогда же я поняла, что бежать нет смысла: от себя не убежишь. Мне было стыдно. За то, что допустила поцелуй, и за то, что он мне понравился. И даже за то, что я не нашла в себе душевных сил более явным образом выказать свое недовольство случившимся. Все это шло вразрез с тем, как меня воспитывали.

От бега я взмокла, но в то же время меня продолжало знобить. То ли от волнения, то ли от не до конца вылеченной простуды. Сердце колотилось слишком быстро, сколько я ни стояла на одном месте, поэтому я заставила себя медленно двинуться вперед, старательно контролируя дыхание и заставляя себя не думать о случившемся. Противоречивый ректор, которого мотает из стороны в сторону, не должен быть моей заботой. Он исчезнет из моей жизни самое позднее через два месяца. У меня осталось всего два месяца на то, чтобы узнать, есть ли мне еще кого искать или стоит навсегда смириться с положением никому не нужного ребенка.

Конверт. Я заставила себя сосредоточиться на конверте. Я не знала, что там, но почему-то мне сейчас казалось, что в нем должно быть что-то важное. Возможно, я цеплялась за соломинку, но больше было не за что.

Я поторопилась к апартаментам Блэка, но у самой двери остановилась, так и не произнеся отпирающего заклятия. Ректор никак не хотел покидать мои мысли, но на этот раз ради разнообразия он возник в них с полезным воспоминанием. Он сказал, что профессор Арт наложил на меня какие-то следящие чары, чтобы знать о любых нарушениях дисциплины. Врываться в комнату к умершему преподавателю — тоже нарушение дисциплины. И на это уже вполне можно пожаловаться в Легион. Я не знала наверняка, может ли Арт сделать это в обход ректора, но рисковать не хотелось. Мне сейчас только обвинения в попытке кражи не хватало.

Нерешительно потоптавшись у двери, я поплелась обратно к лестнице, чтобы спуститься на свой этаж, но уже на второй ступеньке силы покинули меня. Ноги подогнулись, и я едва успела схватиться за стену, чтобы не упасть, а хотя бы сесть.

По всему выходило, что конверт я могу достать только с чужой помощью, и самая безопасная помощь в данном случае — помощь ректора. А к нему после случившегося обращаться не хотелось.

Я едва не застонала в голос, коснувшись горящим лбом холодного камня стены. Мысль о том, что я зря все это затеяла, настойчиво крутилась в черепной коробке. Пока мои поиски не привели ни к чему хорошему. Только к еще одной смерти. Может быть, стоит их прекратить, пока не пострадал кто-то еще? И пока я не влезла в еще большие долги...

— Тара? — встревоженный голос Алека вывел меня из задумчивости.

Я оторвалась от стены и повернулась к нему. Он сидел на ступеньке рядом со мной, положив руку мне на плечо и изучая обеспокоенным взглядом.

— Тебе плохо?

— Да, — выдохнула я, хотя открыла рот для того, чтобы соврать. Голос прозвучал жалко. — Мне плохо. Потому что у меня ничего не получается. И потому что все хорошее в

моей жизни исчезает, не успев появиться. Только нашла деда — и он сразу умер, даже не успев осознать, кто я такая. Не успев ничего рассказать. Как теперь искать отца — непонятно. Да и нужно ли? Только вопросы, вопросы... Я пытаюсь что-то распутать, а оно только запутывается еще больше. А еще ректор... Я устала, Алек...

Он смущенно кашлянул и бросил взгляд наверх, за мою спину. И тогда же я услышала удивленный голос Реджины:

— Так ты отца тут ищешь?

— Это Блэк был твоим дедом, что ли? — второй вопрос задала Сара Моргенштерн.

Я снова едва удержалась от того, чтобы застонать. Момент для внезапной откровенности был выбран мной из рук вон плохо.

Обе девушки спустились вниз и присели на корточки передо мной. На их лицах читались искреннее любопытство и, как ни странно, желание помочь. Это удивляло и настораживало.

— Может, расскажешь, что за беда? — предложила Сара. — У меня вся семья в Легионе. Отец — судья, старший брат — обвинитель, муж сестры — государственный защитник. Уж кто-нибудь из них наверняка поможет. Кого там надо найти?

— У меня в Легионе никого нет, но помочь тоже готова, — серьезно заметила Реджина.

Алек только ободряюще улыбнулся. Я удивленно смотрела на них. Одно дело взять меня в компанию на чаепитие с вином, совсем другое — помогать. С Алеком мне все было понятно: он из природного благородства жаждал спасти девушку в беде, но зачем это Реджине и Саре?

Последний вопрос вырвался у меня вслух, потому что Сара вдруг усмехнулась и заявила:

— Я в прошлом году Фарлагу снадобья сдала с третьего раза. Во всех триместрах. И это был не предел. Те, кто попали к нему, когда он был в плохом настроении, сдавали по пять раз. А он, должна сказать, неприлично часто бывает в плохом настроении. Так что ты сэкономила нам кучу времени. Я могу немного потратить его на тебя, чтобы не оставаться в долгу.

Реджина промолчала, но после нашего разговора, когда она редела в своей комнате, ее отношение ко мне и так заметно изменилось.

Я еще раз обвела их настороженным взглядом, остановила его на Алеке. Как минимум ему я могла доверять. Он, в отличие от ректора, еще ни разу не заставил меня пожалеть о том, что я ему все рассказала и приняла помощь.

— В кабинете Блэка, в верхнем ящике стола, остался конверт. Он был при нем в момент смерти. Я зачем-то убрала его, а теперь понимаю, что он мне нужен.

— Так в чем проблема? — удивилась Сара. — Пойди да забери. Там же сейчас наверняка никаких чар нет. Смерть была естественной, наследников у Блэка нет, так что его имущество оберегать не для кого. Да и пропажу какого-то конверта никто не заметит, если там не пачки крон, конечно.

— За мной профессор Арт следит, — объяснила я. — Чем-то его мои поиски раздражают, поэтому он ждет любого повода, чтобы меня исключить отсюда.

— Исключить тебя, судя по всему, ректор не даст, — протянула Реджина.

— И все же будет лучше, если она туда не полезет, — заметил Алек. — Я сам схожу.

— Я с тобой, — тут же вызвалась Реджина. — Вдруг понадобится помощь или отвлекающий маневр.

— Тогда я провожу Тару в ваши апартаменты, — предложила Сара и насмешливо

пояснила: — Кажется, ее ноги не держат.

Она действительно проводила меня и, как ни странно, осталась ждать в гостиной возвращения Алека и Реджины.

— Мне же интересно, что в том конверте, — объяснила она, заметив мой удивленный взгляд.

Я обреченно поняла, что отныне моя тайна — уже не тайна. Слишком много человек оказались в нее посвящены. Это заставляло меня нервничать, но я убедила себя, что это может быть и к лучшему. Ведь всего несколько минут назад я была в отчаянии из-за того, что одной не получается справиться с задачей.

Я успела выпить еще одну порцию противопростудного снадобья, чтобы избавиться от озноба, когда в гостиной появились и Алек с Реджиной. Алек держал в руках тот самый конверт. Он положил его на обеденный стол передо мной, а Реджина тут же села на второй стул и нетерпеливо велела:

— Давай, открывай!

Алек тоже остался стоять рядом, хотя на его лице была написана готовность удалиться по первой моей просьбе. Зато выражение лица Сары давало понять, что ее я отсюда точно не выгоню.

Я решила просто смириться с этим. Перевела взгляд на конверт и сразу поняла, что именно могло заставить меня так странно с ним поступить. И почему сегодня я вдруг решила, что он мне нужен. На лицевой стороне сохранилась уже заметно поблекшая надпись, сделанная обычной ручкой: «Аманда и Делла». У меня задрожали руки.

Все содержимое я вытащила на стол скопом. В основном в конверте лежали какие-то документы, смысл которых я поняла не сразу. Зато Сара вникла почти мгновенно:

— Это отчеты о поисках. Но не из Легиона. Скорее, их писала какая-то частная контора.

— О поисках кого? — не поняла Реджина.

— Аманды и Деллы Блэк, — удивленно выдохнула я, вчитываясь в текст одного из отчетов.

— То есть профессор Блэк считал, что его жена и дочь не погибли в пожаре? — Алек нахмурился, забирая из рук Реджины документ, который она только что взяла.

— Как минимум, Делла точно не погибла, — заметила я. — Она меня родила и вырастила. А имени Аманды Блэк нет даже на могильном камне.

Пару минут мы молча разбирали отчеты, перемежавшиеся какими-то чеками, счетами, расписками.

— Судя по всему, профессор Блэк искал свою семью лет семь или восемь после пожара, а потом... потерял надежду? — констатировала Сара. — Здесь самому свежему отчету двенадцать лет. А это кто?

Между двумя листами отчетов она обнаружила портрет. На нем были изображены две светловолосые девушки. Обе стояли где-то среди деревьев. Одна улыбалась и покровительственно обнимала вторую за плечи. Другая девушка стояла, сцепив руки в замок, безучастно глядя перед собой. Она казалась очень бледной, какой-то болезненной. Глаза ее были такими светлыми, что выглядели прозрачными. Возможно, это автор мгновенного портрета не доработал, но у цветной радужки ее глаза словно вообще не было цвета. Я никогда раньше такого не видела.

В первой девушке я теперь уже без труда узнала свою мать в молодости. Она выглядела

почти так же, как на том обгоревшем портрете. Странно, а ведь профессор Блэк, глядя на него, воскликнул: «Я начал забывать, какой красивой она выросла. Думал, ни одного такого портрета не сохранилось». Но как он мог так думать, если у него самого все-таки сохранился портрет дочери в том же возрасте?

— Это моя мама, дочка профессора Блэка, — вслух объяснила я остальным. — А вот вторую девушку я не знаю.

— Тут еще какой-то обрывок рецепта снадобья, — сообщила Реджина, перебиравшая пачку чеков. — К чему бы это?

Я моментально забыла про портрет и выхватила у нее оборванный листок. Одного взгляда на него мне хватило, чтобы понять: это вторая половинка рецепта, который имелся у меня. Я тут же вскочила, побежала в свою спальню и в считанные секунды вернулась из нее с жестяной коробкой, в которой хранилось нехитрое мамино «наследство».

Два обрывка идеально сошлись друг с другом, и, применив заклятие восстановления, я соединила их в один лист, тут же жадно вчитываясь в рецепт. Однако с наскока узнать его не удалось: слишком много я перечитала. Смутил один из ингредиентов: русалочки слезы. Он относился к навсегда утерянным, поскольку русалки не отправились вместе с магами за Занавесь, в отличие от тех же фей. В нашем мире их не было, а в мире по ту сторону Занавеси, как считалось, они давно вымерли. Я не помнила, чтобы хоть когда-нибудь встречала этот ингредиент в каком-либо рецепте. Что же это за снадобье? И почему его обрывки бережно хранили мама и профессор Блэк?

— Каждый раз, когда мне кажется, что я близка к разгадке, жизнь просто подкидывает мне еще одну загадку, — я плюхнулась на стул, огорченно хмурясь и потирая лоб. — Опять тупик. Только вопросов прибавилось: что это за девушка, что за снадобье, кого профессор Блэк похоронил в могиле своей дочери и зачем, почему искал жену и дочь, а потом бросил и стал всем говорить, что они обе погибли в пожаре? Кажется, я от всего этого уже схожу с ума.

— Почему это? — удивился Алек.

Я немного помялась, но потом все же призналась, что видела Блэка у сгоревшего коттеджа сегодня.

— Ты хочешь сказать, что он теперь тоже Развоплощенный? — ахнула Реджина.

— Что он тебе сказал? — поинтересовалась более практичная Сара.

— Голоса я не слышала. Он только показывал на что-то за моей спиной. Губы шевелились, но беззвучно.

— А что было у тебя за спиной в тот момент? — насмешливо уточнила Сара.

В тот момент у меня за спиной стоял ректор, но мне не захотелось говорить об этом вслух. Я и так смутилась, вспомнив о нем.

— Сгоревший коттедж, — все-таки выдавила я из себя. Тот тоже находился у меня за спиной во время Явления Блэка.

— Значит, надо идти туда, — резюмировала Сара. — Может, удастся выяснить что-то про эту девушку, с которой изображена твоя мама. Мне нужно хотя бы имя, чтобы я смогла попросить родственников поискать о ней информацию.

— Но в коттедже ничего нет! Я уже была там. Нашла только пепел и головешки.

— Может, ты просто плохо искала? — предположил Алек.

— Если это там на тебя напало пугало Дорна, как говорят, то ты едва ли успела поискать хорошо, — резонно заметила Реджина.

В ее словах был смысл: я действительно едва успела войти в дом и немного по нему пройтись. Может быть, там что-то и сохранилось. Если я не сошла с ума и развоплощенный профессор Блэк действительно явился мне, чтобы указать на свой сгоревший дом, то что-то это должно значить. Ведь перед смертью он держал в руках конверт с результатами поисков жены и дочери. Значит, он понял, что мы с Фарлагом пытались ему сказать. Вот только от кого он прятал конверт?

— Тогда предлагаю завтра сходить туда после занятий, — с энтузиазмом предложила Сара.

Остальные согласно закивали, а я снова удивленно посмотрела на них.

— Вы действительно хотите разбираться в этом со мной? — все еще недоверчиво уточнила я.

— А почему нет? — удивилась Сара. — Тут что-то интересное, а ректор сегодня официально разрешил с тобой дружить. Не вижу причин не поиграть в легионеров.

Ректор. Мне снова стало тоскливо. Завтра у нас теоретические снадобья с утра. Придется с ним снова встретиться.

Но удручало меня даже не это. Меня тревожила мысль, что я с гораздо большим удовольствием отправилась бы осматривать сгоревший коттедж с ним.

Мои переживания по поводу встречи с ректором на лекции оказались напрасны: Фарлаг на занятие не явился. С пятиминутным опозданием в аудиторию вошла профессор Лессандр, что вызвало встревоженные переглядывания и шепотки среди других студентов, а у меня отозвалось холодком в сердце. Она еще не начала говорить, а я уже знала, что она собирается сказать.

— К сожалению, ректор Фарлаг не может сегодня прочесть вам лекцию, — сдержанно сообщила преподавательница, заняв свое место и положив перед собой несколько листов. — Но утром он прислал мне конспект вместе с просьбой его заменить. Поэтому лекцию прочту вам я, но все вопросы, которые у вас появятся, вам следует приберечь до следующей встречи с ним.

Я почувствовала слабое, но все же облегчение: по крайней мере, утром ректор был в достаточно хорошей форме, чтобы отправить сообщение.

Но не в достаточно хорошей, чтобы прийти? Или он просто тоже не горел желанием встречаться со мной так скоро? У него случился приступ или его заела совесть? Мне хотелось думать во второе, потому что если это был приступ, то Фарлаг на этот раз остался с ним один на один. Мысль об этом причиняла мне вполне ощутимую физически боль, несмотря на непристойное предложение, которое ректор позволил себе накануне.

Лекцию я снова записывала бездумно, не пропуская смысл слов через себя, а когда занятие закончилось и Лессандр нас отпустила, я набралась смелости подойти к ней.

— Профессор, позвольте узнать, что с ректором Фарлагом?

Она посмотрела на меня так, словно я была кухаркой, которая посмела напрямую обратиться к королеве.

— Вас это не касается, Роук, — холодно ответила она.

— Я просто волнуюсь, — попыталась объяснить я.

— Еще бы, — она смерила меня презрительным взглядом. — Я слышала, какой разгром он устроил студентам из-за вас. На вашем месте я бы тоже переживала. Его дни в Лексе сочтены, это все знают. И когда его здесь не станет, я вам не позавидую. Но на вашем месте я бы переживала за другое. У вас снова нет наставника. Ваши две недели на поиски, конечно, пошли снова, но я сомневаюсь, что вы сможете найти замену Блэку. Так что, скорее всего, вы вылетите из Лекса раньше.

И с этими словами она резко повернулась, едва не налетела на Алека, который стоял рядом в качестве моей молчаливой поддержки, и быстро вышла из аудитории, нервно стуча каблуками.

— Не обращай на нее внимания, — посоветовал Алек.

— Вот именно, та еще стерва, — поддержала его Сара. Они с Реджиной обе решили дождаться меня. — Это потому что ее замуж никто так и не взял.

— Может, и стерва, но хотела бы я в ее возрасте так выглядеть, — с заметной завистью протянула Реджина.

— Да в чем проблема, покупаешь себе иллюзию и носишь, — фыркнула Сара.

— Думаешь, она под иллюзией ходит? Разве так можно?

— Это неприлично дорого, потому что незаконно, — Сара выразительно закатила

глаза, — но возможно. Особенно если доктор знакомый есть. Он тебе справку выписывает о внезапной травме на все лицо и во имя человеколюбия создает иллюзию. Только если ты попадешь на принудительное снятие иллюзии, то он может лишиться лицензии. Поэтому платить надо столько, чтобы он мог обеспечить себе на эти деньги безбедную старость.

— И откуда у Лессандр такие деньги? — усомнилась Реджина.

— Девчонки, а вам на следующее занятие совсем не надо? — насмешливо поинтересовался Алек.

На этом обсуждение внешности Лессандр закончилось, и мы все вместе покинули аудиторию.

Тревога за состояние Фарлага не оставляла меня до конца лекций. Я даже какое-то время всерьез обдумывала возможность навестить его, но побоялась, что это будет неверно им интерпретировано. Например, как знак того, что я передумала. И совсем уж неловко получится, если он пропустил лекцию именно для того, чтобы не встречаться со мной.

После занятий, как и договаривались, мы отправились в сгоревший коттедж. Даже не знаю, от чего меня больше пробирала дрожь, когда я приближалась к почерневшему остову здания: от мыслей о загадочной трагедии, разыгравшейся здесь двадцать лет назад, от воспоминаний о Явлении Блэка или от того, что здесь я снова чувствовала колючий, но в то же время нежный поцелуй Фарлага на своих губах.

Мы все, не сговариваясь, сначала прошли мимо дома и приблизились к могиле профессора, несколько секунд молча постаяли у нее, думая каждый о своем. Ветер немного разметал и опрокинул цветы, окружавшие плиту, поэтому я поправила их, чтобы все выглядело аккуратно.

Только после этого мы вошли в коттедж.

Здесь ничего не изменилось. Все те же бесформенные кучи сгоревшей мебели, грязь и запустение. На этот раз мы прошли по всем комнатам первого этажа.

— Похоже, тут была их лаборатория, — заметила Сара, когда мы добрались до помещения, похожего на лабораторию для приготовления снадобий в Лексе: несколько рабочих столов с горелками, разнообразные емкости для хранения и приготовления, более сложное оборудования для снадобий, которым обучаются только Мастера, останки мебели.

— Интересно, почему здесь все так бросили? — задался вопросом Алек. — Все-таки дом — собственность Лекса. Здесь могли все расчистить, отремонтировать или построить дом заново.

— Ага, и кто бы в нем жил? — Реджина испуганно округлила глаза. — Там, где кто-то погиб в огне.

— Это все предрассудки, — отмахнулся Алек.

— Предрассудки — часть нашей культуры, — неожиданно заметила Сара. — Никто не стал бы тут жить хотя бы потому, что это считается неправильным.

Алек примирительно вскинул руки, признавая правоту девушек, а я тем временем остановилась у небольшой двери, которая сохранилась неожиданно хорошо. Остальные были, вероятно, деревянными, а потому сгорели. Эта же была металлической и выглядела хоть и маленькой, но... внушительной. Я потянула ее на себя и заглянула в темный провал, который открылся за ней. Узкая лестница с высокими неудобными ступенями убегала куда-то вниз и терялась во мраке.

— Там может быть вторая часть лаборатории, — предположила Сара, незаметно подошедшая ко мне сзади. — Иногда их делают под землей, если занимаются чем-то

опасным и экспериментальным.

— Чтобы локализовать возможные последствия, — кивнула я. — Знаю.

— Подвал, — пробормотала Реджина, поежившись. — Ненавижу подвалы.

— Но я бы спустился, — Алек улыбнулся нам. — Подвал — идеальное место для тайн.

— Вот ты туда и спускайся, — хмыкнула Сара. — А мы тебя тут подождем.

Алек кивнул, создал небольшой светящийся шар и осторожно ступил на лестницу. Мы остались ждать наверху, только наблюдали, как он спускается в темноту, пока он не добрался до самого низа и не исчез в глубине темного помещения.

Алек не возвращался достаточно долго. Реджина успела начать нетерпеливо притоптывать и даже грызть идеальные ногти, а я уже была готова полезть за ним. Только Сара сохраняла спокойствие и невозмутимость.

Наконец мы снова увидели свет его шара, а потом и его самого. Вот только выражение лица Алека, когда он задрал голову к нам, не сулило ничего хорошего. То ли так странно падал свет, то ли он страшно побледнел почти до серости.

— Вам лучше спуститься сюда и самим посмотреть на все это, — мрачно предложил он.

— О, рогатый демон, — прошептала Реджина обреченно.

— Можешь остаться здесь, — предложила ей Сара.

— Одна? Нет уж...

Я полезла вниз первая, осторожно держась за стены и радуясь тому, что предпочитаю обувь на невысоком, устойчивом каблуке. В самом конце, когда держаться стало не за что, Алек помог мне спуститься, подав руку.

Первое, что я увидела, — это то ли очень большой колодец, то ли очень маленький бассейн. Каменный бортик поднимался над уровнем пола примерно на метр, формируя очень правильный круг диаметром метра три. Холодная, темная вода поднималась почти до самого края. Я подошла ближе, создавая еще один светящийся шар, пока Алек помогал спуститься Саре и Реджине. Зачерпнув горсть ледяной воды, я поняла, что это не она черная, а колодец очень глубокий. Вода в нем была как раз чистой и прозрачной.

— Самое... хм, интересное дальше, — тихо сказал мне Алек и поманил за собой.

Сара и Реджина пошли с нами, удивленно и заинтересованно оглядываясь по сторонам. Подвал выглядел очень уж просторным. И сюда пожар явно не добрался.

В дальнем конце помещения с бассейном обнаружилась еще одна дверь, на этот раз вполне обычая, деревянная. Алек потянул ее на себя и сделал приглашающий жест, предлагая нам посмотреть комнату за ней. Выглядел он при этом как-то... обескураженно.

Я поняла причину этого, едва переступила порог. Комната походила на жилую: здесь стояла кровать, небольшой стол с парой стульев, даже шкаф с вещами. Еще одна дверь вела в некое подобие очень маленькой ванной. Это можно было бы назвать скромным жилищем, если бы эта комната не находилась в подвале. Здесь она больше походила на тюремную камеру.

Это впечатление усиливал вбитый в стену крепеж, от которого тянулась прочная цепь. На другом конце цепи висело замыкающееся кольцо. Достаточно широкое, чтобы сомкнуться на небольшой лодыжке. Длина цепи позволяла тому, кого на нее посадили бы, ходить по всей комнате и даже выходить к бассейну-колодцу.

— Древние боги, — ошарашенно пробормотала Сара. — Кого же здесь держали?

— Мне кажется, не мага, — предположил Алек. — Маг бы разомкнул кольцо.

— Если только на него не накладывали какое-то очень мощное запирающее

заклятие, — возразила я, вспоминая шкатулку, которую пока так и не удалось открыть. — Или у мага не забрали фокусирующий артефакт. Я вот без своего поток никогда не направлю.

— У меня та же проблема, — согласилась Реджина.

— Если бы вас держали на привязи в подвале, и от этого зависела ваша жизнь — направили бы, — не согласилась с нами Сара.

— Давайте уйдем отсюда, — несчастным голосом попросила Реджина. — Здесь холодно и страшно. И... мерзко.

— Согласен, — кивнул Алек.

Согласны оказались все. Вероятно, именно это и хотел показать мне профессор Блэк, вот только что все это значит? Кого Блэки могли тут держать? И почему? И не было ли это как-то связано с тем, что он иступленно просил прощения у дочери, когда мы с Фарлагом пришли к нему?

Когда мы снова пересекали комнату с бассейном, я старательно смотрела в другую сторону. Не знаю почему, но глубокий каменный мешок, до краев наполненный водой, пугал меня. Только по этой причине я заметила почти стершиеся линии на полу, которые не увидела раньше. Я остановилась и чуть увеличила шар, чтобы он давал больше света.

— Чего ты там застряла? — недовольно спросила Реджина, которая уже ступила на лестницу.

— Тут какая-то пентаграмма, — сообщила я остальным, вглядываясь в линии. — Уже едва различимая, но еще частично видна.

— Да брось ее! — немного истерично велела Реджина. — Идем отсюда.

— Вы поднимайтесь, — велел Алек ей и Саре. — А мы сейчас.

Видимо, Реджина действительно испугалась этого подвала, потому что предпочла оставить Алека наедине со мной.

Он подошел ко мне, доставая из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку и карандаш.

— Жаль, я пока не освоил заклятие мгновенного рисунка, — посетовал он, перерисовывая пентаграмму — точнее, то, что от нее осталось, — вручную. — Не уверен, что по такому рисунку будет легко восстановить ее предназначение, — заметил он, когда закончил, — но попробовать можно.

Я кивнула. С каждым новым открытием история, связанная с моим рождением, выглядела все более мрачной и пугающей. По крайней мере, теперь я не сомневалась: и мою маму, и моего деда убили, надеясь похоронить эту историю навсегда. И от этого осознания мне впервые в жизни стало по-настоящему страшно.

Ведь по логике теперь должны были убить и меня.

Следующие несколько дней мы вчетвером изображали из себя очень примерных студентов, потому что почти все время пропадали в библиотеке, пытаясь найти в учебниках, справочниках и прочей имевшейся в нашем распоряжении литературе совпадения по рецепту снадобья и по неполной пентаграмме.

Для меня было неожиданно и приятно, что энтузиазм Реджины и Сары не угас сразу после посещения сгоревшего коттеджа. В том, что Алек меня не бросит, я не сомневалась, а вот в их желание помочь поверила только в воскресенье, когда они и второй выходной решили потратить на изыскания в библиотеке. Реджина даже передвинула свои приемы пищи, теперь мы завтракали, обедали и ужинали вместе.

— Так будет удобнее, — сдержанно прокомментировала она свое решение.

Я даже не знала, что так обрадуюсь этому. Есть в одиночестве после Орты, где я привыкла делать это в общей столовой, было тяжело.

Конечно, мы не могли посвятить все дни только этому. Домашние задания никуда не делись, в понедельник и вовсе пришлось отправиться на занятия, а во вторник немного попрактиковаться в снадобьях в лаборатории: Фарлаг хоть и не явился на лекцию, но домашнее задание и предупреждение, что в четверг он будет ждать результатов, с Лессандр передал.

Поэтому во вторник мы собрались в библиотеке только во второй половине дня. Правда, источники, которые мы еще могли изучить, стремительно заканчивались, а вместе с ними угасала и надежда разобраться.

— Мне кажется, в университетской библиотеке мы такого не найдем, — заявила Сара, захлопывая очередной справочник. — Во всяком случае, не в открытых источниках. Сдается мне, что и снадобье, и пентаграмма пахнут чем-то грязным и запретным. Попросту говоря — темным.

— Тогда нужны совсем другие книги, — согласилась Реджина. — Только где их взять?

— У нас в домашней библиотеке всего полно, — Алек со вздохом откинулся на спинку стула, сцепив руки в замок на затылке. — Только вот до каникул не стоит и надеяться покинуть Лекс. Интересно, если я попрошу отца прислать мне пару десятков справочников с темной магией, что он мне скажет?

— Может быть, обратиться к Фарлагу? — предложила Реджина. — В конце концов, на вверенной ему территории какая-то камера пыток обнаружилась. Он имеет право знать. Пусть вызовет легионеров. Они разберутся.

— Именно вызова легионеров я и опасаясь, — призналась я. — Уже две очень подозрительные смерти моих родственников они без колебаний признали естественными. Да и двадцать лет назад, очевидно, не обошлось без их временной слепоты. Иначе как могли мою мать похоронить, если она жива.

— Если был пожар, то мог погибнуть кто-то другой, а тело оказаться неопознаваемым, — предположила Сара. — В таких случаях порой опознают по фокусирующему артефакту, например. Или как-то еще возникла путаница.

— Все равно я боюсь, что без покровительства Легиона тут не обошлось, а потому мне не хотелось бы, чтобы они лезли в это. Поэтому и к Фарлагу обращаться не хочу!

Тут я, конечно, несколько сместила акценты. К Фарлагу я не хотела обращаться совсем по другим причинам. Мне казалось, что убедить его не вызывать Легион как раз будет не сложно. Я только не хотела думать о том, чего это может стоить лично мне.

— Может, погибла та вторая девушка с портрета? — высказала еще одно предположение Сара. — Кем бы она ни была. Вдруг она тоже жила у Блэков?

— Ага, в подвале, — проворчала Реджина.

У меня от этого предположения мороз побежал по коже.

К счастью, углубиться в обсуждение этой темы мы не успели: стук каблуков рядом с нашим столом заставил нас замолкнуть, а недовольное шипение профессора Лессандр — испуганно втянуть головы в плечи:

— Это читальный зал, а не дискуссионный клуб, — резко осадил нас, оглядывая наш стол и нас самих колючим взглядом.

Мы вчетвером сидели за небольшим круглым столом в дальнем углу читального зала, разложив по нему вперемешку и учебные книги, и те, что относились к нашему тайному изысканию. Я заметила, как Алек как бы невзначай перевернул лист, вырванный из его записной книжки. Тот самый, на котором была изображена неполноценная пентаграмма. Лессандр бросила на него быстрый взгляд, но что именно он спрятал, едва ли успела разглядеть.

— Простите, профессор, мы будем вести себя тише, — пообещала Сара.

На этом инцидент должен был быть исчерпан, но Лессандр посмотрела на меня.

— Я так понимаю, Роук, у вас никакого прогресса по поиску наставника? У вас осталась неделя, но проще вам, конечно, самой уйти. Не так стыдно будет. Быть отчисленной только потому, что никто не захотел стать вашим наставником... — она довольно усмехнулась, но усмешка тут же сползла с ее лица, когда у нее за спиной раздался тихий, слегка охрипший голос Фарлага:

— Кажется, вы что-то перепутали, Лессандр.

Наверное, я побледнела ничуть не меньше преподавательницы, когда увидела подошедшего к нашему столу ректора. Он даже не посмотрел на меня, его внимание было полностью отдано Лессандр.

— У госпожи Роук есть наставник, отчисление ей не грозит.

— Неужели? — уже более сдержанно и заметно вежливее произнесла Лессандр. — И кто же?

— Я, — он пожал плечами с таким видом, словно она спросила его, какого цвета небо.

— Но вы не можете быть наставником! — снова более эмоционально возразила она. — Вы ректор!

— Я преподающий ректор, — спокойно напомнил Фарлаг. — И в настоящий момент заменяю профессора Блэка, который был наставником Тары. Соответственно, я заменяю его и в этом. Если вы хотите обсудить со мной, что я могу и чего не могу делать в Лексе, давайте назначим с вами встречу. Как вы верно заметили, это читальный зал, а не дискуссионный клуб.

Лессандр недовольно поджала губы, обвела нас обвиняющим взглядом, словно это из-за нас ректор был недостаточно вежлив с ней. Взгляд этот задержался на Алеке, потом она снова посмотрела на перевернутую им бумажку, словно гадая, что ж там такое было, а потом резко повернулась и пошла прочь, стуча каблуками даже громче, чем обычно.

Только тогда Фарлаг посмотрел на меня.

— Кстати, Роук, если вы тоже не в курсе, доведу до вашего сведения, что теперь я ваш наставник, соответственно, жду вас в семь у себя. — После небольшой паузы он добавил: — В кабинете.

Я избегала смотреть на него, но после этого все же бросила хмурый взгляд исподлобья. И на том спасибо, что не сразу в спальне.

Его лицо выглядело серьезным, немного отстраненным, но когда наши взгляды встретились, он попытался изобразить улыбку. На которую я не стала отвечать.

Фарлаг уже собирался уйти, когда его внимание привлекло название одного из справочников на нашем столе. Он тут же изучил другие, все больше хмурясь. Потом снова с подозрением посмотрел на нас.

— У вас что, какой-то особый совместный проект?

— М, да, сэр, — Алек вежливо улыбнулся.

Сара тоже кивнула, только Реджина смущенно замерла, не глядя на Фарлага. Я уткнулась в учебник, который держала в руках, лишь иногда опасливо посматривая на ректора.

— И по какому предмету?

— Сопроводительные заклятия, — быстро ответила Сара, забыв, что Алек на этом курсе не занимается.

— Теория ритуалов, — одновременно с ней сообщил Алек.

Ректор выразительно приподнял правую бровь, посмотрев на них с осуждением. Его взгляд очень красноречиво говорил: «Беретесь врать, хоть делайте это по очереди».

Алек попытался незаметно убрать лист с пентаграммой в тетрадь, но Фарлаг перехватил его руку.

— Это еще что? — строго спросил он, рассматривая незаконченный рисунок.

— Да это я так, чертил, задумавшись, — Алек предпринял еще одну отчаянную попытку выкрутиться.

К счастью, хотя бы рецепт зелья лежал в моей книге: я как раз искала в ней соответствия. Я просто закрыла ее и отложила в сторону, пряча рецепт между страницами.

— Прайм, еще раз мне соврете, отчислю, — пригрозил Фарлаг. — И вашему отцу так и скажу: за поведение, порочащее честь и достоинство бывшего королевского рода. Поэтому еще раз спрашиваю: что это такое?

Я видела, как Реджина подняла голову и даже набрала в легкие воздух, чтобы ответить ему, но в последний момент поймала предостерегающий взгляд Алека и промолчала.

Все промолчали. И как ни странно Фарлаг не разозлился, только усмехнулся.

— Сдружил на свою голову... Так, Роук, идемте-ка со мной прямо сейчас, — велел он, пряча листок с пентаграммой в карман. — Уже половина седьмого, начнем наше занятие пораньше.

Я нерешительно замерла, судорожно пытаюсь придумать любую причину не оставаться с ним наедине. Не придумала. И никто другой тоже не нашелся что сказать, поэтому мне пришлось собрать вещи в сумку и последовать к выходу из библиотеки за ректором.

Уже в коридоре он неожиданно сообщил:

— Я нашел неофициальные табели за тот год, что здесь училась твоя мать. А в них — еще одно знакомое имя. Проверил по записке: почерк совпал. Так что у нас есть кандидат на роль твоего биологического отца.

Я так удивилась, что остановилась посреди коридора, как вкопанная. Я искренне

полагала, что после моего отказа ректор и пальцем не пошевелит ради поиска ответов на мои вопросы, но ему опять удалось меня удивить.

Фарлаг заметил, что я остановилась, тоже притормозил и обернулся ко мне, вопросительно приподняв брови.

— Боишься узнать правду? — предположил он.

— Нет, просто... удивлена, что вы этим занимались, — честно призналась я.

— Я ведь обещал.

— После... после того, что произошло в четверг, я подумала, что вы не станете мне помогать.

— Вот как? Что ж, ты ошиблась. Моя помощь никак не связана с тем, что произошло в четверг.

Это заявление сбilo меня с толку еще больше. Значило ли это, что я поняла его неверно? Если его слова не были ультиматумом — или ты спишь со мной, или разбирайся со своими проблемами сама — то что они значили?

— Ты идешь или так и будешь стоять здесь и хлопать глазами? — со смесью раздражения и насмешки поинтересовался Фарлаг.

Я кивнула, хотя вопрос был разделительным, и поспешила вперед, чтобы не заставлять его больше ждать. И уже на ходу осмелилась спросить:

— Почему вас не было в пятницу на лекции?

— Ты сама знаешь ответ на этот вопрос, — недовольно проворчал он, не сбавляя шаг и глядя не на меня, а перед собой.

— У меня есть два варианта: вы не смогли из-за приступа или не захотели меня видеть.

Он неожиданно улыбнулся, так и не повернув головы, и мягко заметил:

— Я всегда рад тебя видеть, Тара. Я просто не смог прийти.

Значит, все-таки приступ. Мне снова стало не по себе от мысли, что на этот раз он был вынужден справляться сам. И если все было как в предыдущие разы, ему пришлось обойтись без снадобий от судорог и удушья. Сам бы он их себе не смог смешать.

— Мне очень жаль, что меня не было рядом, чтобы вам помочь, — вырвалось у меня против воли.

Он вздохнул, продолжая стремительно шагать вперед, и только через несколько метров признал:

— Мне тоже.

Вместо кабинета он привел меня в личную лабораторию. Снял пиджак, на мгновение заставляя меня снова напрячься, закатал рукава рубашки, а потом протянул мне какой-то листок, исписанный убористым почерком, и вместе с ним ту самую любовную записку, что оставил у себя.

— Вот, сравни. Это план лекции, написанный профессором Артом. Он тут пишет мельче, но наклон букв и некоторые завитки очень узнаваемы.

— Профессор Арт? — переспросила я, испытывая отвращение и отчаянно пытаюсь его скрыть. — Разве он был в Лексе в то время?

— Его отец тут преподавал, поэтому он, как и твоя мать, неофициально обучался в Лексе. Я проследил по табелям: они посещали вместе очень много занятий, вероятно, дружили. Или были более близки. Такие убогие любовные записки вполне в его стиле. Думаю, поэтому он до сих пор не женат.

Я посмотрела на него со смесью ужаса и нежелания верить. Когда я начинала поиски отца, я не знала точно, кого ожидаю найти, но профессор Арт! Впрочем, это объяснило бы его реакцию на меня, если он понял, чья я дочь.

В памяти возник эпизод с бала, когда он выронил и разбил бокал. Как раз тогда я показывала Сету Прайму портрет матери, а он назвал ее по имени. Все сходилось.

— Проклятье, — вырвалось у меня.

— Понимаю твои чувства, — усмехнулся ректор. — Поэтому оставляю решение за тобой: если не хочешь, мы можем не подтверждать это.

Я покачала головой. Не подтверждать значит до конца жизни мучиться в неведении. И кто знает, может быть, узнав меня лучше, профессор Арт начнет вести себя иначе?

— Как это можно подтвердить?

Фарлаг одобрительно улыбнулся и протянул мне справочник снадобий, раскрытый на странице с заголовком: «Снадобье для подтверждения отцовства».

— Тебе надо сварить вот это. Справишься? Я помогу по мере сил, но, честно говоря, мне даже находиться в помещении, где готовят снадобье, нелегко.

Я пробежала рецепт взглядом и не увидела в нем ничего сложного. Кроме не до конца понятного магического компонента, но Фарлаг пообещал помочь правильно направить магический поток в заклятие. Я не видела причин, по которым у меня могло не получиться.

Мы принялись за работу. Фарлаг помог подготовить некоторые ингредиенты. Я со стыдливым удовольствием наблюдала за его четкими, уверенными движениями, когда он что-то чистил, резал или перетирал в ступке. Мне внезапно пришло в голову, что у него очень красивые руки: сильные, ловкие, с длинными пальцами и аккуратными ногтями. Время от времени он поглядывал на то, что делаю я, и давал лаконичные советы, как лучше подготавливать тот или иной ингредиент, всегда поясняя почему. Пожалуй, это было мое первое занятие с наставником, которое действительно дало мне полезные практические знания по выбранной специализации.

Лишь когда я зажгла горелку, чтобы вскипятить воду, он отошел подальше, к окну. Присел на узкий подоконник, приоткрыл створку и закурил. Я предположила, что ему вредят пары, появляющиеся во время варки отдельных ингредиентов, но вслух уточнять это не

стала.

Неловкость между нами исчезла в первые же минуты совместной работы. Он вел себя так, словно не целовал меня никогда и не обещал осыпать благами в обмен на взаимность. От этого я испытывала одновременно облегчение и любопытство: что же вообще заставило его так себя повести в четверг?

Снадобье было закончено к семи. Фарлаг проверил его по запаху и цвету и удовлетворенно кивнул.

Оказалось, что он назначил Арту встречу в своем кабинете на половину восьмого, поэтому перед ней мы успели выпить по чашке чая все в той же малой гостиной, которая Фарлагу явно нравилась больше основной. Ставшие моими любимыми конфеты присутствовали на столике, и ректор в этот раз сел не на диван рядом со мной, а в кресло, демонстрируя намерение не нарушать мое личное пространство, поэтому чаепитие вызвало у меня только положительные эмоции. Правда, мы почти не разговаривали, и это единственное, что угнетало. Я только иногда ловила на себе его задумчивый взгляд.

Профессор Арт явился ровно в назначенное время и заметно удивился, обнаружив в кабинете ректора меня. К тому моменту мы уже успели занять каждый свое место: ректор кресло за своим столом, я одно из двух кресел для посетителей. Арту было предложено второе.

— Скажите, профессор Арт, насколько хорошо вы в юности знали Деллу Блэк? — спокойно поинтересовался ректор.

— Что? — Арт чуть не задохнулся от моментально вспыхнувшего возмущения. Его лицо заметно покраснело, и он бросил на меня злобный взгляд, выдавая тем самым, что действительно знает, чья я дочь. — Ректор Фарлаг, не знаю, какую сказочку вам рассказала эта девчонка, но все это ложь и провокация!

Фарлаг только невозмутимо приподнял брови, демонстрируя удивление.

— Я не очень понял ваш ответ. Вы утверждаете, что не были знакомы с дочерью профессора Блэка? Насколько мне известно, вы жили здесь в одно время и вместе посещали многие занятия в Лексе.

Профессор Арт сник и при этом мелко задрожал, вызывая у меня еще большее отвращение. Ректор тем временем решил его добить и положил перед ним любовную записку. В ней как раз речь шла о благодарности за чудесную ночь.

— Может, скажете, что и этого вы не писали?

— Писал... — несчастным голосом согласился Арт, а потом вдруг вскочил с кресла и, потрясая запиской в воздухе, несколько визгливо заявил: — Но она уверяла, что сама обо всем позаботится, ведь у нее была возможность сварить себе любое снадобье! Так что за любые неприятные последствия ответственности я не несу! И вообще еще не факт, что она не спала с другими!

Фарлаг брезгливо поморщился, а потом достал из верхнего ящика стола маленькую баночку с порцией сваренного мной снадобья и небольшой острый нож.

— А вот давайте проверим, — предложил он, — какова степень вашей ответственности. Предупреждаю сразу: откажетесь — можете собирать вещи и убираться из Лекса.

Арт несколько секунд колебался, краснея все сильнее, а потом обреченно плюхнулся в кресло.

— Принимаю это как ваше согласие, — решил ректор. Он снял с баночки крышку и протянул мне руку. — Тара, мне нужна капля твоей крови.

Протягивая ему руку, я недовольно отметила, что та заметно дрожит. Поморщилась, когда он проткнул кончик пальца ножом и выдавил из ранки несколько капель крови в баночку со снадобьем. Мутно-серая жидкость сразу стала неестественно бордовой.

Фарлаг провел по моему пальцу своим, моментально залечивая прокол, и на секунду сжал мою руку сильнее, ободряюще улыбнувшись, а потом выпустил.

— Теперь вы, — холодно обратился он к Арту.

С ним ректор проделал все то же самое, только менее бережно. Лечить и ободрять тоже не стал. Только сосредоточенно посмотрел на снадобье, которое после добавления крови Арта пришло в движение и через несколько секунд снова сменило цвет. Точнее, вернулось к тому мутно-серому, каким было сначала.

Ректор выдохнул и хмуро посмотрел сначала на Арта, а потом перевел взгляд на меня.

— Поздравляю тебя, Тара. Он не твой отец.

Я должна была испытать облегчение, но почувствовала только замешательство. Зато Арт обрадовался за нас двоих: его лицо просияло, он вскочил с кресла с невнятным победным кличем.

— Я же говорил! Так и знал, что ее мать была гулящей...

Я не выдержала. Вскочила со своего места и залепила ему пощечину. Мне надоело слушать гадости как в свой адрес, так и в адрес мамы. Уж точно я не могла стерпеть это от такого, как Арт.

Правда, едва поняла, что сделала, я испугалась и даже немного смутилась. Все-таки Арт — преподаватель, а я ударила его на глазах у ректора. Я отпрянула назад и отошла подальше, обхватывая себя за плечи и отворачиваясь. Чтобы не сорваться еще раз. И тут же услышала за спиной возмущенный голос профессора:

— Фарлаг, вы это так оставите? Она меня оскорбила!

— Вы получили по заслугам, — спокойно заметил ректор. — И на этом я желаю с вами проститься. Покиньте Лекс, я больше не хочу вас видеть. Вы уволены.

— Что?

Я удивилась почти так же сильно, как и Арт, и даже обернулась, чтобы посмотреть на ректора: не шутит ли он?

Он не шутил.

— Вы же обещали, что не уволите меня, если я пройду проверку!

Фарлаг удивленно вздернул брови.

— Не припомню. Я обещал уволить вас, если вы откажетесь. Я не обещал не увольнять, если вы согласитесь.

Арт зло сощурился и надменно процедил:

— На каком основании, позвольте узнать?

— На том основании, что вы мне противны, — спокойно пояснил Фарлаг.

— Вы не имеете права! — голос Арта снова сорвался на визг. — Вы не можете уволить меня из-за личной неприязни.

Фарлаг запрокинул голову, обращая раздраженный взгляд к потолку.

— Да что ж такое! Почему все вдруг стали сомневаться в моих полномочиях? Вы имеете право пожаловаться, Арт, — напомнил он, снова посмотрев на преподавателя. — В комитет или министру лично. Мне плевать.

— Конечно, вам плевать. Ничего, Фарлаг, вам здесь недолго осталось. Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Он шагнул к двери, но я, повинувшись внезапному порыву, остановила его:

— Профессор Арт! Вы знали девушку, которая дружила с моей матерью? Светловолосая, с необычными прозрачными глазами. Как ее звали?

Он смерил меня презрительным взглядом.

— С чего вы взяли, что после всего я буду отвечать на ваши вопросы?

— Рекомендательное письмо, — коротко изрек Фарлаг, молниеносно сориентировавшись. — Долго или недолго, а еще год я в Лексе продержусь. Вам где-то надо будет работать все это время.

Арт скрипнул зубами, но все же ответил:

— Да, жила с ними такая. Кажется, она была племянницей Аманды Блэк. Лилия. Лилия Тор. Но я ее не знал толком и не общался. Она придурковатая была... — он осекся, заметив угрожающий взгляд Фарлага. — В прямом смысле! Недоразвитая или сумасшедшая. Не знаю, может быть, проклятая. Она не разговаривала, вела себя странно. Я и видел-то ее всего пару раз. Ее потом сдали в какой-то приют. Видимо, все стало совсем плохо. Теперь я могу идти?

Фарлаг вопросительно посмотрел на меня, а когда я кивнула, великодушно разрешил:

— Идите, Арт. И не медлите со сборами.

Арт снова посмотрел на меня, на ректора, с подозрением прищурившись, а потом понимающе ухмыльнулся. И ухмылка эта мне очень не понравилась.

— Не беспокойтесь, ректор. Медлить я не буду, — угрожающе пообещал он и вышел, громко хлопнув дверью напоследок.

От резкого хлопка я непроизвольно вздрогнула, а ректор поморщился. Потом он посмотрел на меня со смесью сочувствия и иронии:

— Надеюсь, ты не сильно огорчилась.

— Скорее, наоборот, — призналась я. — Обрадовалась.

Я снова отвернулась к окну, которое сегодня то ли в честь пасмурного дня, то ли из-за пагубной страсти ректора к курению оказалось расшторенно. Уже сгустились сумерки и зажглись некоторые светящиеся шары во дворе, но небо оставалось достаточно светлым, чтобы горы на его фоне были отчетливо видны. Почему-то их вид меня успокаивал, в отличие от тревожно раскачивающихся на ветру деревьев лесопарка.

— Я просто не понимаю, как она могла любить... такого. Настолько сильно, чтобы хранить его письма и подарки. Это не укладывается у меня в голове.

— Не суди ее слишком строго, — голос ректора неожиданно прозвучал рядом. Я даже не заметила, когда он успел встать и подойти. Теперь он стоял со мной рядом и тоже смотрел в окно. — Она была молода. А молодые девушки часто придумывают свою любовь, наделяя выбранный объект качествами, которыми он на самом деле не обладает. Лекс — изолированное пространство, здесь не такой уж большой выбор для общения. Особенно если ты... — он осекся, но я прекрасно поняла, что он хотел сказать.

— Если ты всего лишь преподавательская дочка? Думаю, это ненамного лучше, чем дочка фермера.

Боковым зрением я видела, как он кивнул, не поворачиваясь ко мне. Словно ему было неловко со мной в этом соглашаться. Должно быть, мне просто показалось.

— Все равно не понимаю... — протянула я. — Она хранила воспоминания только об Арте. Почему не о моем отце? Я не верю, что она могла быть настолько легкомысленна, чтобы...

— Мы разберемся, — перебил меня Фарлаг, все же повернув ко мне голову. — Мы во всем разберемся. Кто бы ни был твой отец. И как бы он им ни стал.

Я удивленно посмотрела на него, смутно догадываясь, что именно означает его обещание, но думать в этом направлении мне не хотелось.

— Что это за девушка с прозрачными глазами, о которой ты его спросила? — вопрос Фарлага отвлек меня от мрачных мыслей.

Я тяжело вздохнула, понимая, что придется все рассказать. Или хотя бы частично. Повернувшись и присела на подоконник, чувствуя, что он с интересом посматривает на меня.

— Я нашла портрет мамы, на котором она изображена с этой девушкой.

— Нашла? Где?

— В столе профессора Блэка, — после небольшой паузы еле слышно призналась я.

Фарлаг только молча покачал головой, а потом вытащил из кармана пиджака листок, который забрал у Алека.

— А эту пентаграмму вы где нашли?

Я поняла, что здесь и сейчас отмолчаться не получится. Ректор смотрел на меня, нахмурившись, и в его взгляде мне чудилась тревога.

— На полу в подвале сгоревшего дома Блэка, — после недолгого колебания все-таки призналась я. — Там... там все очень подозрительно, сэр.

— И когда вы собирались мне об этом рассказать? — недовольно уточнил он. Я только молча пожала плечами. — Понятно. Я должен это увидеть. Покажешь?

— Прямо сейчас? — удивилась я. Темнело в долине стремительно.

Фарлаг глянул через плечо и сразу понял, что я имею в виду.

— Завтра, после занятий? — предложил он.

Я кивнула, а про себя подумала, что надо будет позвать остальных. Мне совершенно не хотелось снова оказаться у коттеджа с Фарлагом наедине. Хотя сейчас мы тоже были одни, и он вел себя вполне пристойно.

Я снова посмотрела на листок в его руках, на его встревоженный вид, и меня внезапно осенило:

— Сэр, вы знаете, что это такое, да?

Фарлаг хмыкнул, призвал со стола ручку и, положив листок на подоконник, уверенно дочертил недостающие линии, внутренние и внешние символы, после чего протянул рисунок мне.

— Это пентаграмма призыва. Очень мощная. Если подпитать ее темным потоком, она способна ломать границы миров, — сообщил он, сверля меня взглядом. — В мир за Занавесью, например, или в демоническое измерение. Ее не найти в университетских учебниках и справочниках. Это магия высшего порядка.

Я удивленно смотрела на него. То, что он так легко опознал подобную пентаграмму по обрывочным линиям, выглядело странно. Если это действительно магия высшего порядка, то она доступна только опытным Мастерам. Но ректор специализировался в снадобьях, а не в ритуалах с примесью темной магии.

— Откуда вы ее знаете, сэр?

— Оттуда, — фыркнул он. — Я взрослый и очень умный, и ты должна была прийти с этим, — он ткнул пальцем в листок, — ко мне. И про найденный портрет тебе стоило мне рассказать. Тара, я ведь действительно хочу помочь тебе.

В его тоне сквозила обида, от которой мне почти стало неловко. Почти — потому что я

тут же вспомнила четверг, сгоревший дом Блэка, настойчивый поцелуй и по меньшей мере двусмысленные слова Фарлага.

— Вы прекрасно понимаете, почему я не пришла к вам с этим, сэр, — тихо, но твердо произнесла я, хотя внутри меня пробирала дрожь от воспоминаний.

Он на мгновение прикрыл глаза, а потом неожиданно тоже повернулся и присел на подоконник рядом со мной. Теперь наши плечи соприкасались, и даже несмотря на слои одежды, это вызывало у меня мурашки. Дыхание заметно сбилось.

— Да, конечно, четверг... — пробормотал он, тщательно разглядывая узоры, выведенные на каменном полу. — Я напугал тебя? Обидел? Прости, если так. Предлагаю заключить сделку: ты делаешь вид, что я тебя не целовал, а я делаю вид, что тебе действительно это не понравилось.

Я едва не задохнулась. На этот раз от возмущения. Фарлаг все еще разглядывал узоры на полу, но я видела, что его губы кривятся в улыбке, хоть он и пытается ее подавить.

— Вы наглец, сэр, — не сдержалась я.

— Всю жизнь это слышу. Но ты закрыла глаза и приоткрыла губы. Бурным твой ответ не назовешь, но и на отвращение это не было похоже. Извини.

Я не нашла, что возразить. Я и сама знала, что мне понравился его поцелуй. Будь все иначе, мне бы даже хотелось его повторения. То есть мне и так хотелось, но будь все иначе, мне было бы не стыдно себе в этом признаться. В свете этих мыслей и чувств предложенная им сделка выглядела вполне приемлемой. И все же я не смогла удержаться от вопроса:

— Зачем вы вообще это сделали? Только не говорите, что влюбились в меня, сэр. Я все равно не поверю. Я молода и не так уж много общалась со взрослыми мужчинами, но я не наивная дурочка. И знаю свое место. Где вы и где я. Да и вы меня почти не знаете. Мы знакомы полтора месяца, и хорошо если виделись десяток раз...

— Мне хватило двух дней, чтобы влюбиться в мою будущую жену, — перебил он. — У нас было два разговора на людях и один ужин наедине. Говорят, достаточно минуты, чтобы заметить человека, и одного часа, чтобы его узнать. Влюбиться можно и за день, а на то, чтобы забыть, порой уходит целая жизнь.

И снова мне нечего было возразить. Я сама никогда не влюблялась и не знала, сколько на самом деле на это должно уходить времени. И как быстро можно понять, что это уже произошло.

— Но не переживай, я не влюблен в тебя, — после небольшой паузы заверил Фарлаг, снова посмотрев на меня с улыбкой. Пусть и немного натянутой. — Надеюсь, никогда не влюблюсь. И тебе такого в жизни не пожелаю.

— Почему? — меня удивили его слова.

— Потому что любовь — самая губительная и самая разрушительная сила из всех, что я знаю. После первого нашего ужина с Алиссией я понял, что пропал. Я умирал без нее. Сходил с ума. День в разлуке казался пыткой. Мне нужно было хоть что-то: разговор, мимолетный поцелуй, прикосновение или письмо. Она твердила мне про своего отца и про его гнев, а я не слышал. Не слушал. Даже если бы она сказала, что после свадьбы и первой брачной ночи мне отсекут голову, я бы все равно на ней женился, потому что жить без нее было бы невыносимо. И бессмысленно. Потом это чувство ушло. Растворилось в судорогах приступов, сгорело в огне жара. Осталось только горькое разочарование и мысли о том, что было принесено в жертву. Поэтому мой совет тебе, Тара, или пожелание, воспринимай как знаешь: не влюбляйся. Никогда. Ни в кого. Не теряй себя. Любовь проходит. Какой бы

сильной и всепоглощающей она ни казалась. А ты у себя одна. Никогда не жертвуй собой ради любви. Оно того не стоит.

Это был очень странный разговор. Услышать подобные напутствия от собственного ректора я никогда не рассчитывала. Впрочем, я и поцелуев от ректора никогда не ждала. Я не сомневалась, что Фарлаг говорит искренне. Это был один из тех моментов, в которых я видела его настоящего. Таким, каким он редко позволял себе быть. Но мне казалось, что он ошибается. То, что он описывал, не могло быть любовью. Это больше походило на одержимость, болезненную зависимость. Одурманивание любовным снадобьем, в конце концов. Но не любовь. Я не стала спорить только потому, что едва ли смогла бы аргументировать свою позицию. Я любовь видела только издалека да в книжках, а потому могла не все правильно понимать.

— Вы жалеете о том, что женились, несмотря на все предупреждения? — осторожно уточнила я.

Он вздохнул, запрокинул голову, как будто теперь искал ответ на потолке, который терялся в темноте, стремительно сгущающейся и вокруг нас: освещения в кабинете ректора было слишком мало для этого часа. Может быть, потому и разговор у нас снова получался таким... откровенным.

— Наверное, я жалею о том, что вообще ее встретил, — наконец сформулировал Фарлаг. — Потому что после того, как мы познакомились, у меня уже не было другого пути. Это стало началом моего конца.

Его слова отдались во мне глухой болью. Как будто часть меня уже заранее оплакивала его. Но ведь он сказал, что проклятие его не убивает, только мучает. С другой стороны, и Лессандр, и Арт были уверены, что ему недолго оставаться ректором Лекса.

— Началом конца? — переспросила я. — Это проклятие... все-таки смертельно?

— Не совсем, — он покачал головой. — Оно не заберет мою жизнь... в прямом смысле этого слова. Не убьет меня. Но оно с каждым годом забирает у меня все больше. Мою профессию, мой брак, мое будущее, которого у меня теперь просто нет. Рано или поздно мне придется уйти из Лекса. Ты сама видишь, я не всегда справляюсь со своими обязанностями. И чем дальше, тем больше. Мое назначение на должность ректора устроил отец. Чтобы дать мне какое-то занятие, причину просыпаться по утрам. Каждому нужна такая причина... Но даже его влияния однажды станет недостаточно.

— И что же вы будете делать тогда? — с замиранием сердца, почти не дыша, спросила я. — Для чего просыпаться по утрам?

— Почему тебя это волнует? — он с интересом посмотрел на меня. — Не все ли тебе равно, что будет со мной?

Я отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Я просто вам сочувствую.

— То есть жалеешь меня?

— Наверное...

— Звучит удручающе.

Я снова повернулась к нему, собираясь сказать, что не хотела его обидеть, но он улыбался, и слова так и умерли у меня на губах произнесенными.

— Какой-то грустный разговор у нас с тобой получился, — заметил он уже более бодрым тоном после небольшой паузы. — Я бы предложил тебе реабилитационную чашку горячего шоколада, но подозреваю, что тебя опять с этой целью где-то ждет Алек Прайм.

— Алек Прайм меня нигде и ни с какой целью не ждет, — возразила я. — Не знаю, что вы там себе вообразили, но он мне просто друг.

— Правда? А он об этом знает? — в его тоне снова появились лукавые, насмешливые нотки. Они сглаживали тягостное впечатление, возникшее после разговора. — Ладно, можешь не отвечать, просто подумай на эту тему на досуге. Я тебя больше не задерживаю. Завтра после твоих занятий навестим коттедж Блэка.

Я торопливо кивнула, поспешила взять с кресла оставленную там сумку и, пробормотав прощание, быстрым шагом направилась к двери.

И все же закрывая ее за собой, я не смогла не кинуть последний прощальный взгляд на ректора. Он так и сидел на подоконнике, только уже повернулся к окончательно потемневшему окну и достал, но пока не зажег новую сигарету. Острое, почти непреодолимое желание подойти к нему, обнять, как-то ободрить и пообещать, что все будет хорошо, так меня напугало, что я поспешно захлопнула дверь.

Всю дорогу до нашего с Реджиной апартамента в голове у меня крутился навязчивый вопрос: а не опоздал ли ректор со своим советом?

Тому факту, что я все-таки рассказала ректору про подвал, остальные очень удивились. Еще больше они удивились, когда узнали, что Фарлаг уволил Арта из-за меня. К счастью, мне удалось избежать более настойчивых вопросов, переключив их внимание на новую информацию о значении пентаграммы и о том, кем была девушка с портрета. Узнав, что ректор хочет сам взглянуть на подвал, Сара и Алек тут же вызвались составить нам компанию. Реджине ничего не оставалось, кроме как изъяснить аналогичное желание, хотя я видела, что ей этого на самом деле не хочется.

На этот раз первым в подвал спустился Фарлаг. Когда туда вслед за Алеком спустилась я, ректор уже внимательно изучал пентаграмму на полу. К бассейну близко подходить не стал, вместо этого осмотрел комнату с цепью. Все это время он не переставал хмуриться и выглядел очень встревоженным.

— Когда вы все это обнаружили?

— В пятницу, после занятий, — на этот раз Алек и не подумал увиливать. — Как вы думаете, кого тут могли держать? И зачем здесь этот колодец или бассейн... не знаю даже, как это правильнее назвать?

— Вы сказали, что это пентаграмма призыва, которая способна ломать границы миров, — припомнила я, прежде чем ректор успел высказать какое-то предположение. — А кого она призывает?

— Кого угодно, — Фарлаг пожал плечами. — Зависит от символа, помещенного в центр. Единственный, который я не заполнил, потому что он может быть практически любым.

— А русалку так можно призвать? Из-за Занавеси? — Сара сказала вслух то, что так и не решилась озвучить я, посмотрев на мрачный бассейн.

— Русалку? — переспросил Фарлаг напряженно и перевел взгляд с Сары на меня. — Почему именно русалку? Что еще ты мне не сказала?

— У профессора Блэка мы также нашли вторую часть рецепта снадобья, — призналась я, вытащила из сумки сложенный пополам листок и протянула его ректору. — Что это за снадобье, я так и не поняла, но один из ингредиентов — русалочьи слезы. А здесь бассейн, поэтому...

Какое-то время Фарлаг сосредоточенно изучал рецепт, меряя шагами просторное помещение с бассейном, но не забывая держаться от него на расстоянии. В конце концов он изрек:

— Теоретически здесь могли пытаться призвать русалку. Только я сомневаюсь, что это удалось.

— Почему? — заинтересовалась Сара.

— Русалки вымерли, — уверенно заявил Фарлаг. — Все ингредиенты, связанные с ними, утеряны.

— Почему вы так уверены в этом? — у меня его безапелляционный тон вызывал сомнение, смешанное с недоверием.

— Потому что снадобья — это вообще-то моя специализация, — немного раздраженно ответил он, бросив на меня недовольный взгляд. — И о них я многое знаю. Ингредиенты

бывают доступными и дешевыми, бывают редкими и дорогими. Одни непристойно дорогие, другие можно достать только нелегально. А бывают те, которые не достать. Ни за деньги, ни в обход закона — никак. Они просто больше не существуют.

С каждым словом его тон становился все более взвинченным, что напугало меня и вызвало недоумение у других. Когда ректор замолчал, в подвале на какое-то время повисла неловкая тишина, которую прервал Алек:

— А вы знаете, что это за снадобье?

Фарлаг вздохнул и снова посмотрел на листок с рецептом, покачал головой.

— Такого рецепта я никогда не видел. Но могу предположить, что это снадобье противодействия.

— Для снятия проклятия? — уточнила я.

Мне уже несколько раз доводилось слышать от него упоминание этого термина, когда он говорил о своем проклятии. Но сколько я ни пыталась найти об этом более подробную информацию, у меня не получалось. В университетскую программу снадобья противодействия не входили.

Фарлаг кивнул, а Алек удивленно нахмурился:

— Разве снадобья могут снимать проклятия?

— Только они и могут снимать проклятия, наложенные через снадобья, — мрачно пояснил Фарлаг.

— Никогда о таком не слышала, — заметила Сара.

— Это очень сложная область магии. Ею мало кто занимается, потому что она находится на стыке снадобий и проклятий, которые в свою очередь вне закона. Ими рискуют заниматься только артефакторы. Все помнят плюсы и минусы проклятых артефактов относительно прямых проклятий?

Он обвел нас своим преподавательским взглядом, а я поняла, что со мной это уже было. В начале года Лессандр поймала меня именно на этом вопросе, когда я изучала личные дела студенток вместо того, чтобы записывать лекцию. Потом я, конечно, изучила этот вопрос, а потому хорошо запомнила.

— Если проклятие накладывается через артефакт, сложнее отследить того, кто его наложил. Проклятие не творится непосредственно в том месте, где накладывается, а потому не оставляет магического следа, — выпалила я, словно меня снова спросили об этом на лекции.

— А какой минус? — с улыбкой уточнил Фарлаг.

— Его становится легче снять, потому что предмет-передатчик хранит на себе отпечаток направлений магического потока, использованного при проклятии. Повернуть их вспять становится проще.

— Молодец, Тара, — похвалил Фарлаг. — Так вот, проклятие через снадобье — это более продвинутая версия проклятия через артефакт. Его точно так же невозможно отследить, но при этом очень сложно снять. Сделать это может только снадобье противодействия. А чтобы его изготовить, нужно сначала определить каждый ингредиент, который использовался в снадобье-передатчике, определить направления потока при его проклятии и изменения этих направлений при приготовлении. После этого найти контр-ингредиенты, повернуть на них проклятие вспять и сотворить из них снадобье, в котором они бы друг друга не заглушили. Такая работа может занять годы, и способны ее выполнить единицы.

— Откуда вы все это знаете? — с искренним восхищением в голосе удивилась Реджина. — Я даже не поняла половину.

Фарлаг криво усмехнулся. Было видно, что слова Реджины ему польстили, но выглядел он при этом очень подавленно.

— Мне пришлось изучить эту область магии, — со вздохом пояснил он. — Потому что именно так прокляли меня. Два года своей жизни я потратил на то, чтобы вывести рецепт снадобья противодействия.

На этот раз тишина в подвале висела дольше и ощущалась тяжелее. Я снова боролась с непонятным мне желанием обнять Фарлага, думая о том, как же сильно нужно разозлиться на дочь, чтобы так напрячься ради проклятия ее мужа. При этом создать проклятие, которое не убивает, а только мучает, то есть растянуть агонию на годы. Ради чего?

— Сэр, а почему вы думаете, что это, — Сара кивнула на листок с рецептом, — именно снадобье противодействия?

— Арт упомянул, что племянница Аманды Блэк была то ли сумасшедшей, то ли проклятой, — Фарлаг пожал плечами. — Вполне возможно, что снадобье предназначалось для нее.

— Подождите, — возразил Алек, — кто стал бы проклинать так сложно обычную девчонку? Кому она могла так насолить?

Фарлаг снова прошелся по подвалу, на ходу вернув мне рецепт снадобья. Какое-то время он размышлял над вопросом Алека, а потом предположил:

— Возможно, не она. Я ничего не знаю о семье Аманды Блэк. Даже не знаю ее фамилию до замужества. Лилия Тор была ее племянницей, но жила с ней. Почему? Возможно, потому что ее родителей прокляли. Они могли умереть или стать недееспособными. Так что такое сложное проклятие могло быть направлено против них. Проблема в том, что снадобье-передатчик обычно подмешивается в еду или напиток. В моем случае это было вино, например. И моя жена едва не была проклята вместе со мной. Я успел понять, в чем дело, и выбить бокал из ее руки до того, как она сделала глоток. Лилии Тор могло просто не повезти, и она была проклята за компанию.

— То есть по вашей версии Аманда Блэк взяла в свой дом проклятую племянницу и искала для нее снадобье противодействия. Для снадобья потребовались русалочьи слезы, и она, понимая, что в нашем мире их не достать, призвала... или попыталась призвать русалку из-за Занавеси? — резюмировала я. — И тогда этот бассейн для русалки, а комната?..

— Для племянницы, — тихо закончила Сара.

Фарлаг кивнул.

— Арт сказал, что в какой-то момент Лилию отправили в приют, — напомнил он. — Но ее могли и запереть в подвале. Если все стало совсем плохо.

Версия казалась правдоподобной, но вызывала во мне какой-то внутренний протест. Многое в ней не вязалось с известными мне фактами.

— Но причем здесь моя мать? Пожар? То, что она жила под другим именем? Что случилось с Амандой? Почему Блэк сначала искал ее и дочь, а потом вдруг бросил? Почему его и мою маму убили?

— Этого я пока не знаю, — Фарлаг вздохнул. — И версий у меня нет. Но... — он как-то странно посмотрел на меня. — Тара, я подозреваю, что твоя мать... не Делла Блэк. И не Дария Роук.

Смысл его слов не сразу дошел до меня. Наверное, некоторое время я выглядела как

глупая кукла, хлопающая глазами. Я физически ощущала на себе взгляды своих новых друзей, но сама смотрела только на Фарлага. Он подошел ближе и спокойно пояснил:

— Когда ты вчера ушла, я еще какое-то время думал обо всем этом, а потом кое-что проверил. У тебя же совершеннолетие скоро, да? В апреле тебе исполняется двадцать.

— Да, — выдохнула я, не понимая, к чему он клонит.

— Дело в том, что пожар произошел двадцать лет назад. В августе. Тебе было уже почти четыре месяца.

Это открытие стало для меня неожиданностью. Все это время я не воспринимала слова отца о том, что мама привезла меня из Лекса, буквально. Я полагала, что она была беременна. Но она могла родить и тут.

— И что? Это не значит, что я не ее дочь.

— Значит, если она училась тут незадолго до пожара, — подал голос Алек. — Беременным не разрешают учиться в Лексе. Даже официально замужние студентки на время беременности прерывают обучение.

Мне показалось, что у меня из-под ног выбили почву и в тот же момент с силой ударили в грудь. Я пошатнулась, понимая, что не могу сделать вдох. Фарлаг стоял ко мне ближе других, поэтом именно он и удержал меня от падения, обхватив за плечи одной рукой и подав вторую в качестве опоры. Я вцепилась в нее с такой силой, что он поморщился.

— Тебе нужно на воздух, — решил он. — Хватит с тебя этого подвала.

Он подтолкнул меня к лестнице, но я совершенно не чувствовала собственных ног и не могла их переставлять. Они были словно ватные и не держали меня. Наверное, у меня в организме накопился какой-то критический уровень шока. Тогда Фарлаг просто подхватил меня на руки и понес сам.

Я ощущала себя так, словно на меня накинули полупрозрачную ткань. Все было приглушено: цвета, звуки, ощущения. Реальным и осязаемым остался только ректор, его руки, которые меня держали, тяжелое дыхание, когда он пытался подняться со мной по неудобной узкой лестнице, тихий голос, обещавший мне, что все будет хорошо.

Только когда мы оказались в коридоре сгоревшего коттеджа, я по-настоящему осознала, что происходит.

— Зачем вы несете меня сами? Можно же левитировать, — напомнила я ему. — Так удобнее.

— Ты же знаешь, как я отношусь к левитации, — улыбнулся он.

К тому моменту, как мы оказались на улице, я окончательно пришла в себя и попросила его опустить меня на землю. Он выполнил мою просьбу незамедлительно, но первые секунды придерживал за плечи. Лишь когда убедился, что я нормально стою сама, отпустил.

— Рецепт, — вдруг вспомнила я, посмотрев на свои пустые руки. — Кажется, я его обронила.

Фарлаг оглянулся на пустой дверной проем. Алек и девочки где-то задержались. Возможно, впали в ступор, когда ректор взял меня на руки, поэтому заметно отстали.

— Если ты уже твердо стоишь на своих двоих, я пойду посмотрю, где он.

— Стою, — заверила я его, хотя меня еще немного штурмило после его заявления про маму.

Фарлаг напоследок коснулся моего плеча и шагнул обратно к дому. Он уже почти скрылся в дверном проеме, когда я вдруг вспомнила, что потеряла не только рецепт.

— И сумку!

Он рассмеялся и обернулся. Наверняка, чтобы сказать что-то ироничное, судя по выражению лица. Но не успел. Улыбка мгновенно исчезла, уступив место испугу. Он дернулся в обратную сторону, успев выкрикнуть:

— Тара, берегись!

Я лишь успела понять, что он смотрит на что-то за моей спиной, но вот обернуться — нет. Что-то обхватило меня, облепило со всех сторон от плеч до колен, словно обернуло в кокон. Пронзительная боль воткнулась в тело миллионом острых ядовитых жал. Я не успела ни подумать, ни осознать произошедшее. За ослепительной вспышкой боли последовала блаженная темнота беспомощности.

Мне снилось, что я тону. В том самом широком колодце-бассейне в подвале сгоревшего дома Блэков. Мое тело сковал холод, он колол кожу тонкими иголками, я не могла вдохнуть. Только погружалась все глубже и глубже, глядя на светящийся шар, который висел под потолком подвала. Но чем ниже я опускалась, тем более тусклым казался его свет. Потом я коснулась ногами дна, а над колодцем в то же мгновение склонилась женщина. Я не могла разглядеть ее сквозь толщу воды, она осталась для меня светлым пятном лица на фоне темных локонов.

— Лучше тебе самой уйти...

Я не знала, кто сказал эти слова. Если та женщина, то как я их услышала? Ведь я была под водой. Да и со мной в колодце никого не было. И в любом случае вода заливала мне уши. Как бы я могла что-то слышать так отчетливо?

От этого несоответствия я и проснулась, жадно втянув в легкие воздух, торопливо сев и обхватив голову руками. Потом потерла ладонями лицо, прогоняя остатки кошмара, откинула назад волосы, успокаиваясь.

Успокоилась я, правда, ненадолго. Стоило окончательно проснуться, как я поняла, что в спальне темнее, чем обычно. Я никогда не задергивала шторы, чтобы луна могла освещать комнату. Да и кровать подо мной была чужой: мягче, чем я привыкла. А еще она была шире. Моя кровать в Лексе и так была гораздо шире, чем в Орте, но та, в которой я лежала сейчас, была в два раза больше. Здесь при желании могли спать четверо. Таковую огромную я видела только один раз: в ту ночь, когда помогала ректору во время приступа.

У меня внутри все похолодело. По крайней мере, лежала я тут одна: вторая половина кровати выглядела непотревоженной.

Я попыталась встать. Запуталась в одеяле, потому что руки и ноги плохо слушались, но через какое-то время все же опустила босые ноги на пол. Они тут же утонули в высоком ворсе ковра. А я осознала, что из одежды на мне только рубашка. Мужская рубашка.

— О, древние боги, — вырвалось у меня. — Что происходит?

Тело почему-то по-прежнему плохо слушалось. Мышцы болели, кожа неприятно зудела, и в целом я чувствовала себя побитой. Но я все равно заставила себя встать и найти выход из комнаты, хотя в обступавшем меня мраке едва были видны очертания предметов.

Из спальни я попала в большую гостиную, в которой шторы были не такими плотными, а потому и темнота — не такой всепоглощающей. Теперь я не сомневалась, что нахожусь в апартаментах ректора. И тот, насколько я видела, спал здесь, в гостиной, на диване. Мысленно помянув рогатого демона, я постаралась как можно тише пересечь комнату. Я уже почти добралась до двери, когда спокойный и совершенно не сонный голос ректора заставил меня остановиться:

— И куда ты собралась, позволь узнать?

Я едва не подпрыгнула на месте, когда разом зажглись свечи и даже два небольших световых шара. Обернувшись, я встретилась взглядом с очень недовольным Фарлагом, который уже не лежал, а сидел на диване, отбросив в сторону плед.

— К себе, сэр, — тихо ответила я, пытаюсь одернуть рубашку. Она прикрывала бедра едва ли на треть, и я видела, как взгляд ректора скользнул по моим обнаженным ногам,

прежде чем он посмотрел мне в лицо. От этого взгляда меня пробрала дрожь.

— В таком виде? Босиком? Давно не простужалась? — насмешливо поинтересовался он.

Я только закусила губу, признавая его правоту: идти в таком виде через весь замок было не самой гениальной моей идеей.

Весь вопрос упирался в то, почему я в таком виде в его апартаментах?

— На мне ваша рубашка, сэр, — я собиралась уточнить это, но фраза прозвучала как утверждение. Конечно, ведь я прекрасно понимала, чья на мне рубашка.

— Я вижу, — согласился он.

— Только ваша рубашка, — чуть дрогнувшим от страха голосом добавила я.

Он поднялся, заставив меня инстинктивно попятиться назад. Мне показалось, что моя реакция его огорчила.

— Да, — согласился он. — Об этом факте мне тоже известно.

— И я спала в вашей постели, — последние слова я почти прошептала, испуганно глядя на него.

Он засунул руки в карманы брюк и медленно шагнул ко мне. Я бы попятилась еще, но за моей спиной уже была закрытая дверь.

— Давай теперь я поиграю в «Назови три очевидных факта», — насмешливо предложил Фарлаг, неторопливо приближаясь. — На мне тоже есть рубашка и тоже, как ни странно, моя. А еще брюки, что весьма кстати, учитывая общую неловкость ситуации. И я сплю на диване в гостиной. Четвертый очевидный факт: мне нужен другой диван, от этого спина болит ужасно, — ворчливо добавил он, выразительно потирая поясницу. — В совокупности эти факты должны бы тебя успокоить. Но ты, к сожалению, все равно испуганно дрожишь. Неужели всего за неделю я так сильно упал в твоих глазах? В чем ты меня подозреваешь?

С этими словами он подошел ко мне вплотную. Я неловко переступала с ноги на ногу, обхватывая себя руками и продолжая нервно одергивать край рубашки. Его последние слова заставили меня смутиться еще больше.

— Ни в чем, сэр, — заверила я, опуская взгляд в пол. — Я просто не понимаю, что происходит. Последнее, что я помню, — это ваш предупреждающий окрик... Что случилось?

— Тебя прокляли, Тара. Даже я бы сказал: пытались убить проклятым артефактом.

Я снова удивленно вскинула на него взгляд и открыла рот, но так и не нашла подходящих слов. А он протянул ко мне руку, осторожно взял за запястье и чуть сдвинул край рукава, демонстрируя мне мое же предплечье. По всей коже виднелись как довольно крупные синяки, так и совсем мелкие точки, выдававшие лопнувшие мелкие сосуды.

— Проклятие пыталось разрушить твою кровеносную систему, чтобы ты истекла кровью изнутри, — мрачно сообщил Фарлаг, осторожно скользя кончиками пальцев по моей коже. Хорошо, что я задержался и успел увидеть, как на тебя напал... палантин.

— Палантин? — удивленно переспросила я, вспоминая ощущение кокона.

— Да, для большей поверхности соприкосновения, — пояснил Фарлаг. — К сожалению, нападавшего я не увидел, а к тому времени, как вспомнил о том, что надо проверить магический след, он развеялся. Заклятие левитации слишком слабое.

Я испуганно смотрела на свое предплечье, которое он продолжал поддерживать одной рукой и задумчиво поглаживать другой. Как ни странно, высвободиться мне не хотелось, но он отпустил меня сам.

— Тебе стоит вернуться в постель, — заметил он сдержанно. — Проклятие я обратил,

но оно успело причинить вред. И пока готовилась укрепляющая мазь, часть сосудов успела пострадать. К счастью, только мелких. Но все равно лучше намазать тебя еще раз. Идем.

И он первым отправился обратно в спальню, мне оставалось только последовать за ним, недоумевая на ходу:

— Вы сами обратили проклятие? И мазь тоже вы варили? Вам же нельзя...

— А что я должен был сделать? Бросить тебя умирать? — едким тоном поинтересовался он в ответ, зажигая светящиеся шары и в спальне. — Не было времени нести тебя в лазарет, а мазь все равно пришлось бы готовить. Стандартная не рассчитана на такие повреждения. Пришлось делать более концентрированную, — объясняя все это, он взял с прикроватной тумбочки плоскую широкую баночку, снял с нее крышку и повернулся ко мне. — Снимай рубашку.

— Что? Нет, — возмутилась я, снова вцепившись в свою единственную одежду. Как ему вообще пришло в голову такое потребовать?

Фарлаг только раздраженно закатил глаза и покачал головой.

— Тара, я это не ради своего удовольствия прошу. Это исключительно в медицинских целях. Ты видела свою руку? Все остальное выглядит так же. И да, я знаю это, потому что видел. А видел, потому что уже намазывал тебя этой мазью. И не один раз. Поверь, для нормального мужчины, не страдающего отклонениями, женское тело в синяках и кровоподтеках — это не самое приятное зрелище. Поэтому, пожалуйста, перестань дрожать иними уже эту проклятую рубашку. Я очень устал сегодня и хочу спать.

Из всей его раздраженной тирады я уловила только то, что он видел меня совсем без одежды. Это оказалось... неприятно. Значит, он раздевал меня, касался... везде, пока я была без сознания. Пожалуй, если бы я умела плакать, я бы разревелась, а так у меня только разгорелось внутри удушливое пламя.

— Я долго буду ждать?

— Просто оставьте мне эту мазь, я сама справлюсь, — контролируя голос, чтобы не дрожал, потребовала я, не глядя на него. — Я уже в сознании.

— Прекрасно, — недовольно процедил он, с громким стуком поставив мазь обратно на тумбочку. — Не смею мешать. Не забудь спину, иначе утром не встанешь.

И он стремительно вышел из спальни, хлопнув дверью напоследок. От этого резкого звука я вздрогнула и сипло втянула в себя воздух: на грудь снова что-то давило, мешая дышать. Невыносимый человек!

Сев на кровать, я зачерпнула пальцами мазь, посмотрела на ноги и тихо охнула. Выглядело это действительно довольно жутко, словно меня методично избивали. Кто же мог это сделать? Такое проклятие, в моем понимании, выходило за пределы травли неугодного новичка. Разве что... это была расплата за оскорбление? Конечно, формально Дорна оскорбил ректор, но сделал он это из-за меня. А Дорн не такой дурак, чтобы связываться с Найтом Фарлагом.

Закончив с ногами, я с трудом расстегнула пуговицы рубашки: пальцы мелко дрожали и плохо слушались. Не снимая рубашку, я покрыла приличным слоем мази живот и грудь, уже не рассматривая себя. И как я ни старалась об этом не думать, все равно постоянно представляла, как то же самое какое-то время назад делал Фарлаг. Эти мысли одновременно ужасали и в какой-то степени возбуждали, заставляя сердце биться быстрее.

Чтобы намазать плечи и руки, рубашку все-таки пришлось стянуть. А вот когда дело дошло до спины, я закусила губу от досады. Тело было болезненным и непослушным, а я и в

лучшие дни не отличалась гибкостью, поэтому обработать себе спину никак не могла.

— Проклятье... — выдохнула я, размышляя, насколько страшно оставить спину, как есть. Вероятно, завтра она превратится в один большой кровоподтек. Но это же, наверное, не смертельно?

— Просто ложись на живот и прикройся одеялом, если так переживаешь, — раздался со стороны двери тихий голос. Я и не заметила, когда та снова открылась, поскольку сидела лицом в другую сторону. — Я помогу.

Я дернулась, пытаясь торопливо натянуть на себя рубашку, но, обернувшись через плечо, увидела, что ректор стоит в дверном проеме спиной ко мне, привалившись к дверному косяку плечом.

— Я не смотрю, — добавил он, правильно расценив мое молчание.

Немного поколебавшись, я все-таки сделала, как он предложил, нервно вцепившись пальцами в подушку и закрыв глаза. Только через несколько секунд сообразила сообщить:

— Я готова.

Он довольно громко и тяжело вздохнул, подошел к кровати и сел на край. Через пару мгновений я почувствовала кожей холод мази и тепло руки ректора. Противоречивые ощущения заставили меня вздрогнуть.

— Неужели настолько неприятны мои прикосновения? — с насмешкой, за которой все же очень хорошо слышалось искреннее огорчение, спросил Фарлаг.

Я сжала подушку сильнее, не зная, что сказать. Проблема была в другом. В прямо противоположном: мне очень нравились его прикосновения. Непростительно нравились. Они рождали внутри незнакомое, тягостно-приятное ощущение и желание почувствовать его руки и на других частях тела. Внутренний голос, подозрительно похожий на голос неродного отца, ругал меня за эти мысли последними словами, требуя устыдиться их, но стыд я так и не ощутила. Только наслаждение. И сожаление, когда Фарлаг в считанные мгновения закончил с моей спиной и убрал руку.

После этого он не встал и не ушел. Я не сразу поняла, что он ждет ответ на заданный вопрос. Отвечать было страшно: я сомневалась, что голос не выдаст меня. Откашлявшись, я тихо пояснила, не открывая глаз:

— Дело не в этом, сэр. Просто неприятно, что я была без сознания. Как будто вы... — я осеклась, не зная, как сформулировать так, чтобы его не задеть. В конце концов, обижаться, когда тебе спасли жизнь, очень глупо. Что бы для этого с тобой ни делали.

— Как будто я воспользовался ситуацией? — насмешливо уточнил Фарлаг.

— Да.

Я почувствовала, как он уперся руками в кровать по обе стороны от меня и наклонился к моему уху. Воздух вышел из легких, но вдохнуть снова я уже не смогла, чувствуя обнаженной спиной тепло его тела. Он не касался меня, но его дыхание обжигало мне ухо.

— Но ты ведь тоже однажды воспользовалась ситуацией, — прошептал он. — В ночь бала.

Меня окатило холодом. Я едва не прокусила себе губу, отчаянно желая провалиться куда-нибудь, лучше сразу в измерение демонов.

— Вы не спали? — мой голос был похож на писк. На смену холодной волне ужаса пришла горячая волна стыда.

— Скажем так, я был в сознании достаточно, чтобы чувствовать твои прикосновения, но недостаточно, чтобы реагировать.

— Простите, я... я просто...

Подходящих слов опять не удалось найти. Я и сама не знала, почему повела себя так в тот вечер.

Фарлаг тихо рассмеялся. Я почувствовала, как он коснулся губами кожи за ухом, а потом прижался лбом к моей голове.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Все хорошо, Тара, не переживай. Мне не стыдно признаться в том, что твои прикосновения были мне приятны. И даже в том, что в тот момент они оказались очень кстати. Мне очень нужно было что-то такое. Чтобы снова почувствовать желание дожить до утра. С твоим появлением в Лексе это желание неожиданно вернулось в мою жизнь, поэтому ты так нужна мне. Ты даешь мне пусть слабую, но надежду на то, что меня еще ждет что-то хорошее, светлое и радостное. Я не хочу, чтобы ты боялась меня, поэтому поверь: я никогда не сделаю ничего против твоей воли. Ни к чему не собираюсь тебя принуждать. Просто сегодня я очень испугался за тебя. Поэтому хочу, чтобы ты знала: я теперь просыпаюсь ради тебя. Береги себя.

Он поцеловал меня еще раз и отстранился, одновременно возвращая мне возможность дышать и вызывая чувство острого сожаления. Я слышала, как он встал и снова направился к двери, но открыть глаза или что-то сказать так и не решилась. Меня обуревали противоречивые эмоции, в голове толпились сотни вопросов, но все мое внимание было сосредоточено на маленьком кусочке кожи за ухом, где только что были его губы.

— Спи, Тара, — мягко велел Фарлаг, прежде чем закрыть дверь. — Спи и ни о чем не беспокойся. Завтра будем беспокоиться. А сейчас просто отдыхай. Здесь ты в безопасности.

И он закрыл за собой дверь. Только тогда я нашла в себе силы подняться, надеть обратно рубашку и с трудом застегнуть пуговицы. Погасив свет, я легла и натянула одеяло до самого подбородка, чувствуя, что меня трясет то ли от холода, то ли от волнения.

Кому я пыталась врать? Себе не стоило, а ему не имело смысла. Это умом я понимала, что Найт Фарлаг не для меня. По очень многим причинам. Но все остальное во мне тянулось к нему: губы хотели его колючих поцелуев, тело — прикосновений. И больше всего меня дурманила и соблазняла мысль о том, что я нужна ему. Она заставляла мое сердце радостно биться в груди и наполняла меня приятным теплом.

Потому что за всю свою жизнь я ни разу не чувствовала себя кому-то по-настоящему нужной.

Когда я проснулась в следующий раз, в комнате было не намного светлее. Плотные шторы почти не пропускали свет с улицы, к тому же я отчетливо слышала, как по стеклам барабанил дождь, а значит, солнце могло еще вообще не выглядывать. Я чувствовала себя выпавшейся, но тело все еще неприятно ныло, когда я повернулась с одного бока на другой.

Остатки утренней сонливости с меня тут же слетели, потому что на этот раз на второй половине кровати как ни в чем не бывало спал ректор Фарлаг. Он лежал поверх одеяла, укрывшись пледом и обняв руками подушку. На нем все еще была рубашка, и я надеялась, что брюки тоже. Непослушный вихор опять смешно топорщился на голове, и на этот раз я не удержалась: протянула руку и попыталась его пригладить.

Чем, конечно, тут же разбудила Фарлага. Я сразу испуганно отдернула руку, но к тому моменту карие с зеленым глаза уже насмешливо смотрели на меня.

— Второй раз просыпаюсь утром и вижу тебя в своей спальне. Могу и привыкнуть, — хриплым со сна голосом произнес ректор, улыбаясь.

Я продолжала смотреть на него настороженно, прижимая к груди одеяло, и улыбка постепенно сошла с его лица, уступив место виноватому выражению.

— Прости, этот диван — натуральное орудие пыток, а мне очень нужно было поспать хотя бы несколько часов. Я был уверен, что смогу проснуться первым.

— Не стоит извиняться, — сказала я, удивив этим саму себя. — Это ваша спальня, ваша кровать и у вас куда больше прав находиться в ней, чем у меня. И доброе утро, сэр, — на этих словах я почувствовала, что губы сами собой растягиваются в улыбке, а напряжение отпускает.

— Доброе, — он тоже снова улыбнулся, когда понял, что я не в ужасе от того, как мы проснулись. — Как себя чувствуешь?

Я пожалала плечами, насколько это было возможно сделать, лежа на боку.

— Нормально. А вы? Снятие проклятия — серьезная нагрузка на магический поток, а если вы еще и мазь потом варили...

— Ее варили твои друзья, — перебил он, переворачиваясь на спину и потирая рукой лоб. — Я только присматривал за ними. А поток... После последнего приступа я очень осторожно его расходовал, что оказалось очень кстати. Голова, конечно, раскалывается, но я спал часа три от силы.

— С головой я помогу, главное, чтобы не было нового приступа.

— Он будет, — Фарлаг вздохнул. — Думаю, сегодня днем или ближе к ночи. Но не переживай об этом. Одним больше, одним меньше... С меня не убудет. Напротив, не так обидно, как когда он случается из-за ерунды. Главное, что ты в порядке. И не надо лечить головную боль. Тебе самой сначала надо восстановиться.

Я хотела возразить, что мне это совсем несложно, но он не дал мне ничего сказать, добавив:

— Позавтракай со мной.

— Это еще одно распоряжение ректора?

Он покачал головой, глядя не на меня, а в потолок.

— Нет. Просто просьба. Позавтракай со мной, пожалуйста.

Я вспомнила слова, которые он сказал мне ночью. О том, что я даю ему надежду на что-то хорошее и светлое в жизни. Если завтрак со мной входил в его представления о хорошем и светлом, то кто я была такая, чтобы отказывать?

— С удовольствием. Хотя мне бы очень хотелось надеть на себя что-то более приличное, чем ваша рубашка.

— Тебе не нравится моя рубашка? — он повернул ко мне голову, весьма комично изображая обиду.

— Мне не нравится, что она такая короткая. Если ваша жена снова решит вас навестить, может получиться еще более неловко, чем в прошлый раз.

Он внезапно рассмеялся, видимо, представив себе эту сцену. И я неожиданно для самой себя рассмеялась тоже. Не знаю почему, но я почти не испытывала смущения, проснувшись этим утром рядом с ним. Несмотря на то, на чем ночью закончилось наше общение. А может быть, и благодаря этому.

— Тогда была годовщина основания, порталы были открыты из-за гостей, — пояснил Фарлаг отсмеявшись. — Сегодня порталы закрыты, Алисия не сможет появиться внезапно. Но там на кресле лежит какая-то одежда. Реджина вчера принесла ее, понимая, что все, в чем ты была, пришлось сжечь. Так что сможешь нормально одеться. Рекомендую принять душ: эта мазь остается на коже неприятной пленкой, из-за которой может появляться зуд. Я пока сделаю заказ для тебя. Что бы ты хотела на завтрак?

— Я буду то же, что и вы, — быстро ответила я, поскольку вообще не ощущала голода. Но прежде чем Фарлаг успел встать, чтобы оставить меня одну, я вспомнила кое-что и торопливо добавила: — И горячий шоколад! Вы говорили, что для вас его готовят как-то особенному.

Он радостно кивнул, как будто своей просьбой я сделала его утро чуть более солнечным, и все же оставил спальню в моем полном распоряжении.

Предложением принять душ я решила обязательно воспользоваться, потому что кожа действительно ощутимо зудела, и я даже чувствовала неприятную тонкую корочку, которую оставила после себя мазь.

В ванной я потратила какое-то время на изучение своего внешнего вида, с удовольствием отметив, что синяков почти не осталось. Во всяком случае на тех участках кожи, которые оставались видны после надевания ученического платья. Тот факт, что Реджина передала мне именно его, заставил меня недовольно поморщиться. Я так и не смогла привыкнуть к тому, как выгляжу в нем, а этим утром я определенно предпочла бы что-то, что идет мне больше.

Когда я вышла в гостиную, стол уже был накрыт к завтраку, но Фарлаг ждал меня, сидя на диване. Как и я, он успел переодеться, хотя это было заметно только по тому, что новая одежда выглядела почти не мятой. Волосы его казались немного влажными, зато больше не топорщились. И, кажется, это был второй раз в жизни, когда я видела его гладко выбритым. Словно он брился только тогда, когда завтракал со мной. Огорчало только то, что ждал он меня, сидя с закрытыми глазами и болезненно морщась. На маленьком столике рядом с диваном стоял стакан, в котором он, вероятно, смешивал себе обезболивающее снадобье.

Однако стоило ему меня заметить, как он тут же сделал вид, что все хорошо.

Этим утром в меню у ректора были пышные оладьи, полдюжины вариантов соусов к ним, молодой сыр и фрукты. Сок и чай нам тоже подали, а горячий шоколад, как объяснил Фарлаг, должны были подать в конце завтрака в качестве десерта.

— Чтобы не остыл.

Этот завтрак мог бы поспорить с предыдущим кандидатом на звание лучшего в моей жизни, если бы над нами не висела масса очень неприятных вопросов.

— Вы правда считаете, что моя мама... не была моей мамой? — спросила я, когда первые две оладьи исчезли с моей тарелки подозрительно быстро, если учесть, что я не чувствовала себя голодной.

Фарлаг сосредоточенно кивнул, зачерпывая ложечкой мятный сливочный соус.

— Только так можно объяснить то, что Делла Блэк посещала занятия до самого пожара.

— Значит, отца я пока не нашла, а маму уже потеряла, — пробормотала я, глядя в тарелку.

— Если Делла Блэк заботилась о тебе всю жизнь, то она все равно твоя мама, — мягко заметил Фарлаг. — Просто не она тебя родила.

— А кто же тогда? — я оторвалась от созерцания тарелки и подняла взгляд на ректора. — Лилия Тор?

Других вариантов просто не приходило мне в голову. Чьего еще ребенка Делла могла увезти с собой?

— Ты кажется говорила, что у нее на портрете прозрачные глаза?

— Да, очень необычно, — кивнула я. — То ли такие светлые, то ли...

— То ли это было внешним проявлением проклятия. А ты не можешь плакать. Это может быть связано. Ты ведь понимаешь, что проклятие родителя всегда каким-то образом сказывается на ребенке? Причем как правило непредсказуемым образом.

Я снова кивнула, а потом с интересом посмотрела на него. Вопрос родился у меня в голове мгновенно, но озвучить его я не решилась. Однако Фарлаг поймал мой взгляд, и сам его озвучил:

— Хочешь спросить, есть ли дети у меня? Нет, детей мы завести не успели. Я получил свое проклятие через три месяца после свадьбы. А рожать детей с моим проклятием по меньшей мере жестоко по отношению к ним.

Наверное, это было нехорошо с моей стороны и совершенно неуместно, но я испытала облегчение.

— Как вообще все это произошло? — осторожно поинтересовалась я, не зная, как он воспримет такое любопытство. — Вы сказали, проклятым снадобьем вам отравили вино?

— Да. Мой... тесть, как ты понимаешь, на нашей с Алисией свадьбе не присутствовал, хотя я и опасался, что он явится и попытается ее сорвать. Даже специально пригласил несколько людей из Легиона, которых почти не знал. Возможно, их он и испугался. Ни поздравления, ни благословения мы, конечно, тоже не получили. Лишь через три месяца пришло сдержанное письмо, в котором он давал понять, что принимает выбор дочери. К письму прилагалось три бутылки очень хорошего вина, одну из которых мы и открыли к ужину. Алисия... выглядела очень обрадованной тем фактом, что отец все-таки не сердился на нее. Я же в глубине души был уверен, что он со временем так решит, потому что не видел, по какой причине чей-то отец может быть против меня. Поэтому тоже не увидел подвоха.

— И вы не почувствовали, что с вином что-то не так? — удивилась я. — Посторонний запах, например?

— Это были вина с очень насыщенным букетом, — он печально улыбнулся. — Довольно редкие, а потому мне незнакомые. Я понял, в чем дело, только когда выпил полбокала. Хорошо, что Алисия еще не успела его даже пригубить.

— Значит, свою дочь он хотел обречь на такие же муки, как и вас... Он точно ей родной отец?

— Чего не знаю, того не знаю. Я его даже никогда не видел. Алисия и сама не видела его с тех пор, как он ударился в бега.

Он сказал это спокойно, поливая оладьи очередным вариантом соуса, кажется, на этот раз карамельным, но у меня его признание вызвало смутную тревогу. Я даже не сразу поняла, почему оно вообще меня зацепило.

— А кто-нибудь другой его видел? — вырвалось у меня.

Фарлаг нахмурился и даже положил обратно наколотый на вилку кусочек, который собирался съесть.

— Кто-нибудь наверняка видел, — уверенно ответил он. — Просто я никого из этих людей не знаю лично. Почему ты спросила?

— Просто это прозвучало странно, — я пожала плечами. — Получается, о том, что он был против вашего брака вы знаете... только со слов вашей жены? Которая с ним долгое время не общалась. Вы уверены, что ее отец вообще существует?

— Конечно, он существует, — недовольно процедил ректор. — Иначе кто прислал мне отравленное вино?

— Тогда почему вы не знаете никого, кто знал бы его лично? — не сдавалась я, хотя видела, что Фарлаг раздражается от этих вопросов.

— Потому что он беглый темный маг, который годами скрывается от Легиона.

— А до этого? Кто-то же из ваших знакомых должен был знать его до того, как он начал скрываться от Легиона!

Фарлаг поставил локти на стол, сцепил руки в замок и подпер ими подбородок, сверля меня взглядом.

— В те времена никто из моих знакомых его не знал, потому что ни Алисия, ни ее отец никогда не принадлежали моему кругу. Я встретил ее на вечеринке, куда ее пригласили... как некую диковинку именно из-за таинственной истории с отцом.

— То есть вас уже тогда тянуло к простолюдинкам? — удивилась я. Еще больше меня удивила собственная наглость.

Фарлаг прищурил глаза. На этот раз — совсем недобро. Я почувствовала, что сердце забилось сильнее, но не ощутила страха, хотя в другой день наверняка испугалась бы. Но, кажется, признание ректора в том, что он просыпается по утрам ради меня, что-то необратимо изменило в наших отношениях.

— Мне всегда нравились необычные женщины, — признал Фарлаг, с трудом сдерживаясь. — Но я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Разве вы не видите того, как странно и подозрительно это все? Вы встречаете женщину, о которой никто ничего толком не знает, она окружена только какими-то слухами. Вы разговариваете с ней два раза и один раз ужинаете и после этого сходите от нее с ума. Настолько, чтобы предложить ей замужество, несмотря на то, чем вам это грозит. А грозит оно от загадочного отца, которого никто никогда в глаза не видел...

— Перестань! — повысив голос и хлопнув ладонью по столу, потребовал Фарлаг. Его терпение лопнуло. — Ты ничего о ней не знаешь! Так что не смей судить!

Я впервые слышала, чтобы он так кричал. И впервые видела, чтобы он так злился. Даже во время нашего собеседования и когда я залезла в его кабинет, он злился более... сдержанно.

Мне оставалось только снова уткнуться взглядом в тарелку, нервно крутя вилку в руках. Есть расхотелось окончательно, и утро перестало казаться таким приятным. Мне хотелось уйти, но я осталась сидеть. Не хотелось выглядеть психованной истеричкой. Вспышка Фарлага только укрепила меня в моих подозрениях: одурманенные любовным снадобьем крайне болезненно реагируют на любые негативные слова в адрес объекта страсти.

Пока я молчала, глядя в тарелку, Фарлаг успокоился, шумно выдохнул и потер лицо руками. Все как по учебнику, даже страшно немного стало. Я решила, что лучше оставить эту тему: если он действительно одурманен, то толку от этого не будет.

— Прости, не хотел на тебя кричать, не знаю, что на меня нашло, — примирительно сказал он.

Я кивнула, давая понять, что извинения приняты, но продолжала молчать и смотреть в тарелку. Последняя оладья так и осталась одиноко лежать на ней, но я есть больше не собиралась, а потому отложила в сторону приборы.

Фарлаг, судя по всему, тоже потерял аппетит. С минуту он почти неподвижно и безмолвно сидел напротив меня, а потом сдержанно сообщил:

— Как бы ни было жаль, я вынужден тебя покинуть. Тебя я от практических занятий по снадобьям сегодня освобождаю, а сам вынужден на них отправиться. А потом у меня лекция у третьего года обучения.

Мою обиду как рукой сняло, я посмотрела на него с тревогой. Он и так ждал нового приступа сегодня, а тут еще практическое занятие! Вчерашний день выдался непростым, ночью он почти не спал, мучился от головной боли... Я не могла его так отпустить. Поэтому когда он поднялся из-за стола, я сделала то же самое и перехватила его за руку, не давая уйти.

— Сэр, позвольте мне помочь вам хотя бы с головной болью. Мне это несложно, правда.

Он удивленно посмотрел на мои пальцы сомкнувшиеся вокруг его запястья. Пожалуй, тут было чему удивиться: за это утро я уже дважды сама его коснулась, хотя до этого ни разу не позволяла себе таких вольностей. Потом он снова поднял взгляд и кивнул, поворачиваясь ко мне и разводя руки в стороны.

— Хорошо, если ты уверена, что тебе это не повредит, я весь твой.

— Очень опрометчивое заявление, — не удержалась я, в который раз за утро поражаясь собственной смелости.

— А главное, абсолютно искреннее, — заверил он, не отрывая взгляда от моего лица, пока я пыталась поймать вибрации.

Это сбивало меня с настрое, поэтому я закрыла глаза. Только тогда мне удалось наконец «настроиться» на волну его боли и выдать голосом нужную мелодию.

Когда вибрации — а вместе с ними и мой голос — смолкли, я разомкнула веки и посмотрела на него. Как и в прошлые разы, Фарлаг выглядел спокойным и безмятежным, словно погрузился в сон. Он не торопился открывать глаза, а я — убирать руки с его висков. Я разглядывала его лицо, такое молодое и красивое, скользила взглядом по двум глубоким скорбным складкам, образовавшимся вокруг рта, по обветренным губам и вспоминала его слова о том, что проклятие с каждым годом забирает у него все больше. Он искренне верил, что у него нет будущего. И все же сказал, что со мной в его жизни появилась слабая надежда на то, что какая-то радость его еще ждет.

Почему он сдался? На чем застряли его поиски снадобья противодействия? Можно ли как-то помочь сдвинуть дело с мертвой точки? Или хотя бы вернуть ему желание бороться за

свое будущее?

Эти вопросы крутились у меня в голове, полностью вытеснив те, что еще вчера волновали меня куда сильнее. Почему? Неужели из-за простых слов: «Я просыпаюсь ради тебя»? Это ведь даже не признание в любви.

Фарлаг открыл глаза, снова встретившись со мной взглядом. Мои ладони сами собой скользнули чуть ниже и легли по краям его лица. Он удивленно нахмурился и даже открыл рот, чтобы что-то сказать, но я его остановила, на этот раз поцеловав первой.

Я выпала из времени и пространства, абсолютно забыв о том, кто я и где. Все вопросы, страхи и сомнения, все сожаления, вся горечь и боль последних дней, а может быть и месяцев отступили в тень, приглушились и были мною забыты. Я чувствовала только его поцелуи — сегодня не колючие, просто нежные — на губах, пальцы, запутавшиеся у меня в волосах, теплую ладонь на затылке и руку на талии, прижимающую к нему все сильнее и сильнее. Я слышала наше неровное дыхание, тихое тиканье настенных часов и шорох дождя за окном.

Мне было бы сложно сказать, сколько длился этот поцелуй. Когда Фарлаг немного отстранился, у меня уже болели губы, но в то же время мне было мало и хотелось еще. Он тяжело сглотнул и едва слышно прошептал:

— Это было совершенно неожиданно, но безумно приятно. Чем я заслужил? Неужели своим отвратительным поведением за завтраком? Знал бы, давно накричал на тебя...

Я нервно рассмеялась, обнимая его за шею и прижимаясь лбом к его лбу. Учитывая разницу в росте, мне пришлось привстать для этого на носочки. Меня слегка трясло от волнения, но я с удивлением поняла, что в тот момент, когда я по доброй воле потянулась к его губам, что-то безвозвратно изменилось во мне. Словно я открыла какую-то дверь, к которой еще вчера боялась приближаться. Я не знала, что именно заставило меня это сделать. Я не знала, к чему меня это приведет. Но в тот момент, когда я позволила себе обнять Фарлага, я была рада собственной неожиданной смелости.

Вот только как объяснить ее, не знала.

— Вы хороший человек, ректор Фарлаг, — прошептала я в ответ, боясь, что голос подведет. — В вашей жизни должно быть что-то хорошее. Если только я правильно поняла ваши слова ночью...

— О, это даже больше, чем я рассчитывал получить, — признал он, перебирая мои волосы. — Ради такого определенно стоило проснуться этим утром.

— Я буду целовать вас каждый день, если это вам как-то поможет, — вырвалось у меня. — Только, пожалуйста, перестаньте себя хоронить.

Я почувствовала легкий укол совести. Это прозвучало так, словно я собиралась делать ему одолжение. Мне, конечно, хотелось ему этим помочь, но его поцелуи стали бы приятными минутами дня и для меня. Наверное, стоило об этом тоже сказать, но я не успела.

Он отстранился чуть сильнее, чтобы видеть мое лицо, и лукаво уточнил:

— Только целовать?

Этот вопрос заставил меня наконец смутиться. Я даже попыталась отодвинуться от Фарлага, но он удержал меня в своих объятиях, пытливо вглядываясь в мое лицо и дожидаясь ответа.

— М... если вам это очень нужно... я не знаю... наверное, я бы могла... не только... со

временем, — сбивчиво ответила я, внутренне ужаснувшись тому, что говорю. И поражаясь тому, что действительно могла бы.

Этот возмутительный человек имел наглость рассмеяться! Он снова прижал меня к себе. На этот раз я уткнулась лицом ему в плечо, чувствуя, что щеки против обыкновения начинают гореть.

— Это невероятно мило, Тара, — заметил он, отсмеявшись. — Но боюсь, что так не смогу я. Секс из жалости — это, конечно, все равно секс, но я никогда не был с женщиной, которая не хотела бы меня так же сильно, как я ее. Наверное, не стоит сейчас начинать. Так что я подожду. Подожду пока ты сама созреешь и захочешь этого. И помни, что я тебе говорил: никогда не жертвуй собой. Даже ради любви.

— А кто говорит о любви? — проворчала я, задетая его реакцией и словами. Впрочем, это не помешало мне удобнее устроить голову у него на плече и наслаждаться этим мгновением и его теплом. — Обычное милосердие. Вы велели не влюбляться...

— Правильно, — спокойно и немного грустно подтвердил он, целуя меня в лоб. — Особенно не смей влюбляться в меня. Ничем хорошим это не закончится.

Я погладила его по плечу, замороженно слушая, как быстро и неровно бьется сердце в его груди. Отвечать не стала. Я и сама все понимала. Отношения с женатыми мужчинами крайне редко заканчиваются хорошо. Конечно, у меня было маловато собственного жизненного опыта, но на понимание этого моих мозгов хватало. Какими бы ни были причины нежелания разводиться — дети, боязнь скандала, финансовая выгода, любовное снадобье или что-то еще — вариантов у той, что встретила на жизненном пути второй, не так уж много. Или навсегда отказаться от своих чувств, или согласиться на положение любовницы и навсегда отказаться от самой себя. Я не знала пока, какой из этих вариантов смогла бы выбрать, но уже понимала, что однажды выбрать придется. Потому что со своим советом ректор Фарлаг все-таки безнадежно опоздал.

— Горячий шоколад подали, — неожиданно сообщил он, но даже не дернулся, чтобы разорвать объятия.

— Угу, — невнятно промычала я в ответ, уже совершенно забыв, зачем мне вообще был нужен какой-то там шоколад. Будь он хоть самым вкусным лакомством на земле, ничто не могло сравниться с теми ощущениями, которые я испытывала сейчас.

— Я хочу попросить тебя кое о чем, — снова заговорил он через какое-то время. — Останься сегодня здесь. Полежи, отдохни, поспи или почитай что-нибудь. Мои апартаменты в твоём полном распоряжении. Только, пожалуйста, не выходи отсюда.

На этот раз я чуть отстранилась, чтобы вопросительно заглянуть ему в лицо.

— Мы не знаем, кто пытался тебя убить, — объяснил Фарлаг. — И почему. Я не могу гарантировать, что этот человек не попытается сделать это снова. Единственное место, где я могу за тебя не бояться, — это мои комнаты. Во-первых, никто не станет тебя здесь искать. Во-вторых, я большую часть времени буду рядом. В-третьих, на них наложены охранные заклятия.

— Я не уверена, что это уместно, сэр...

— Мне так будет спокойнее, — он хитро улыбнулся. — А ты ведь понимаешь, что мне нельзя волноваться?

Я не смогла сдержать улыбку.

— Это шантаж, сэр?

— Он самый, — без тени смущения признал он. — Но так действительно будет лучше. Я

не могу допустить, чтобы ты снова пострадала. И у меня есть еще одна просьба, — после этих слов его лицо стало по-настоящему серьезным, даже немного мрачным.

Я немного напряглась, но когда он заговорил, едва удержалась от того, чтобы стукнуть его:

— Перестань называть меня «сэр».

— Не могу, сэр, — в тон ему ответила я. — Традиции Лекса, сэр. Так что без вариантов, сэр.

Он покачал головой, глядя на меня с плохо скрываемым восхищением.

— Я так и знал, что с тобой будет непросто. Но тем интереснее.

Часы пробили девять, извещая нас о том, что занятия уже начались. Фарлаг сокрушенно покачал головой.

— Мне пора идти, я уже опоздал.

Вопреки словам, его руки сжали меня только крепче. Я снова обняла его за шею и прошептала:

— И шоколад, наверное, скоро совсем остынет.

— Да, надо идти...

И вместо того, чтобы куда-то пойти, он поцеловал меня еще раз. А мне и не хотелось отпускать его на занятие, после которого ему наверняка станет плохо.

И все же через какое-то время Фарлаг ушел, напомнив мне, чтобы я никуда не выходила. Я и не рвалась. Во-первых, я уже испытывала желание лечь: все-таки смертельные проклятия, даже быстро обращенные, не проходят для организма бесследно. Во-вторых, я совершенно не чувствовала себя героиней, способной в одиночку справиться с таинственным убийцей. Вдруг это тот же человек, по чьей вине погибли... мама и профессор Блэк? А в-третьих, мне срочно нужно было узнать как можно больше про любовные снадобья. И я не сомневалась, что в апартаментах Мастера Снадобий я смогу найти подходящую литературу.

Я не ошиблась: в личном кабинете, которым Фарлаг, как он сказал, не пользовался, обнаружилась достаточно внушительная библиотека. Среди прочего я нашла и книгу, посвященную снадобьям страсти, как они правильно назывались. С этой книгой и чашкой горячего шоколада я и вернулась в спальню ректора.

Первым делом, расшторила окна, но из-за пасмурной погоды пришлось все же зажигать шары, иначе света для чтения не хватало. В уже заправленную постель я залезать не стала, легла поверх одеяла и укрылась пледом, под которым спал Фарлаг.

Горячий шоколад, который уже перестал быть горячим, действительно оказался невероятно вкусным, но я допила его, почти не заметив. Слишком увлеклась чтением. Меня тревожила одна нестыковка, которая выбивалась из моей теории с одурманиванием ректора любовным снадобьем. Мужчину под действием такого снадобья не интересовали другие женщины. Совсем. Вплоть до физического отвращения к прикосновениям, поцелуям и всему остальному. Чего-чего, а отвращения в Фарлаге я ни сегодня, ни в злополучный четверг, когда он поцеловал меня первый раз, не заметила. Остальное все было как по написанному, только это выбивалось. И это было мне непонятно.

Едва ли я могла быть настолько неотразима, чтобы чувства ко мне заглушили воздействие дурмана.

— Тара...

Тихий голос и прикосновение к волосам заставили меня распахнуть глаза, и только в тот момент я осознала, что уснула в обнимку с книгой. Разбудил меня Фарлаг, его лицо оказалось на одном уровне с моим. Довольно близко, но меня это почти не смутило. Он снова выглядел немного растрепанным и смертельно уставшим: под воспаленными глазами залегли тени, лицо заметно осунулось. Казалось, с нашего расставания прошла пара дней, в которые он не спал и не ел. Тем не менее Фарлаг улыбался, а потому я улыбнулась ему в ответ, сонно пробормотав:

— Вы уже вернулись?

— Да, но сейчас снова уйду. Занятий у меня больше нет, но остались дела. Я просто хотел посмотреть, как ты, и сказать, что к тебе пришли друзья. Они ждут тебя в малой гостиной. Я попросил их принести тебе больше вещей, тетради, учебники. Я хочу, чтобы ты оставалась здесь до тех пор, пока мы не разберемся с тем, кто на тебя напал. Я уже отправил сообщение в Легион, они должны прислать следователя.

Я моргнула, пытаясь осознать услышанное, и села на кровати. Книга, которую я читала, упала на пол. Фарлаг поднял ее, прочитал название и перевел вопросительный взгляд на меня. Мне снова стало неловко.

— Зачем тебе это? — спросил он, садясь на кровать рядом со мной. — Кого собираешься одурманить?

— Никого, — заверила я, не глядя на него. — Просто захотелось почитать.

Он покрутил книгу в руках, а потом вдруг усмехнулся, видимо, поняв причину моего интереса.

— И ты туда же... Думаешь, Алисия меня опоила снадобьем страсти? Думаешь, ты первая, кому это пришло в голову? Как и всем остальным, я задам тебе один простой вопрос: зачем?

Я пожалала плечами. С ее мотивами я так и не определилась. Если она сделала это ради его имени и состояния, то было бы логично потом наложить на него смертельное проклятие. Или не накладывать его вообще, а просто жить и наслаждаться красивым молодым богатым мужем.

Он помолчал какое-то время, рассеянно листая книгу, а потом вдруг сказал:

— Тара, поверь, все чувства к Алисии, которые у меня были, давно прошли. Не надо искать для них причину. Ты единственная, кто сейчас занимает мои мысли.

— Но вы не разводитесь, — напомнила я, с преувеличенным интересом разглядывая бахромку пледа, которую нервно перебиралась и теребила. — И упрямо игнорируете подозрительные моменты...

— Тара!..

Он снова начал злиться, поэтому я торопливо перебила его, все-таки осмелившись посмотреть в глаза:

— Зачем она регулярно навещает вас? Почему вы, такой гордый и высокомерный аристократ, позволяете какой-то безродной дворняжке жить с любовником на ваши деньги в вашем доме? Не врите мне, что она делает это незаметно, а вы просто не хотите скандала. Не

может такого быть, чтобы про это не знали. И я представляю, как для вас это должно быть унижительно. Не потому ли вы прячетесь в Лексе?

— Хватит! — резко велел он, вскакивая с места и швыряя книгу в угол. — Тара, я Мастер Снадобий! Я уже говорил тебе, что у меня прекрасное обоняние. Ты правда думаешь, что кто-то может годами поить меня снадобьем страсти так, чтобы я не заметил? Вот это действительно было бы унижительно!

— Но снадобье, которым вас прокляли, вы не почувствовали, — безжалостно напомнила я.

Наверное, это было жестоко с моей стороны, но он хотя бы оказался настолько ошарашен моим выпадом, что перестал злиться. Правда, появившаяся во взгляде горечь заставила меня устыдиться вырвавшихся слов.

— Это было уникальное снадобье, — словно оправдываясь, сказал он. — Созданное специально для разового проклятия. У меня не было шансов его распознать. А снадобья страсти прекрасно известны.

Я поднялась с кровати, виновато глядя на него, подошла ближе и неловко коснулась плеча, безмолвно прося прощения.

— Сэр, вы не можете знать все. На каждого хорошего Мастера есть чужая хитрость или более опытный Мастер. Вы не знали, что в снадобье против простуды можно добавлять лимонную цедру для улучшения вкуса. Не потому что вы плохой специалист, просто это не приходило вам в голову. Снадобья — сложная наука, и в то же время — искусство. Да, устоявшиеся рецепты вы наверняка знаете лучше, чем кто-либо. Я в этом ни на секунду не сомневаюсь. Как не сомневаюсь в том, что при желании вы способны создать абсолютно новое снадобье по заданным характеристикам. И если бы я решила одурманить Мастера Снадобий, я бы определенно озадачилась вопросом, как сделать это так, чтобы он не заметил. Как изменить снадобье страсти так, чтобы его вкус и запах не был им опознан.

Я боялась, что он снова разозлится, но вместо этого его губы дрогнули в едва заметной улыбке, а я моментально оказалась в его объятиях. Он легонько коснулся моих губ своими и едва слышно заметил:

— Плохо представляю тебя планирующей подобное, но... Ты ведь не подмешивала мне снадобье страсти? Нет?

— Я говорила умозрительно, — заверила его я, испытывая нечто похожее на отчаяние. Почему он отказывается воспринимать мои аргументы всерьез?

— Даже если так. Алисия ничего не смыслит в снадобьях. За время наших совместных поисков она пару раз случайно натолкнула меня на несколько удачных мыслей, но сама не владеет материалом даже на уровне школьной программы.

Я неожиданно для себя обнаружила, что в кольце его рук мне трудно сосредоточиться. И с каждой секундой становится все труднее и труднее. Я теребила пуговицу на его рубашке, сосредоточив все свое внимание на ней, и испытывала огромное желание не спорить, просто согласиться и потратить имевшееся у нас время на что-то более приятное. Тем не менее после небольшой паузы я возразила:

— Знаете, я тоже была уверена, что моя мама ничего не знает о темных заклятиях. Но ее шкатулка закрыта с помощью одного из них. Либо она заплатила за это специалисту, либо сама умела больше, чем я думала. Изобразить, что ты чего-то не знаешь, не так уж сложно.

Фарлаг погладил меня по щеке, а потом взял за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. Я все ждала, когда же он снова выйдет из себя, но он только улыбался, глядя на меня

с непривычной нежностью.

— По твоей версии Алисия просто коварнейшая из женщин. С чего вдруг? Неужели это ревность?

Я снова смутилась. Хотела возразить, но не смогла. Да, наверное, я ревновала. И сильно. Потому что Алисии он предложил стать его женой, а мне — только любовницей. И если поначалу я думала, что дело в моем происхождении, то теперь точно знала, что это не так. Я даже сама усомнилась в причинах своих подозрений. Что если я действительно просто ищу удобоваримую причину, по которой он не хочет рвать эти отношения? А все на самом деле проще: она ему по-настоящему дорога, несмотря на разрыв, а я лишь мимолетное увлечение?

— Никогда не думал, что это так приятно, когда тебя ревнуют, — прошептал он, прежде чем снова поцеловать меня.

На этот раз поцелуй длился дольше, и я почти успела забыть обо всем, что меня тревожило. Оторвавшись от моих губ, Фарлаг прошептал:

— Но ты же наверняка прочитала в этой умной книжке, что одурманенный снадобьем не может делать так. И вот так тоже...

С этими словами он наклонился ниже, целуя меня в шею, там, где бился пульс, а потом еще ниже — почти к самой впадинке под горлом, делая мне щекотно и заставляя покрыться мурашками. Я судорожно выдохнула, разрываясь между желанием остановить его и умолять не останавливаться. К его чести, он не стал мучить меня дальше, отстранившись. Я испытала искреннюю благодарность за то, что он давал мне время привыкнуть и к нему самому, и к внезапно проснувшимся во мне желаниям.

— Да, это единственное, чего я не понимаю, — призналась я, справляясь с дрожью. — Вот и хотела узнать, при каких условиях такое возможно.

— Ни при каких, — уверенно заявил он, но тут же поправился: — Если только ты не использовала какую-то ворожбу. Никакое, даже самое сильное естественное чувство, не может противиться магическому воздействию.

В том, что я ничего такого не делала, я не сомневалась, но меня это все равно не убедило. Я даже осмелилась уточнить:

— А в эти два года, что вы были не вместе, у вас... Вы... кхм... У вас были другие... увлечения?

Он тихо рассмеялся, наверняка, опять надо мной. Мне снова захотелось его стукнуть, но я, конечно, сдержалась.

— Никого не было, — отсмеявшись, признался он. — Может быть, потому с тобой все так... пронзительно... стремительно, не знаю, как это еще назвать. Кажется, с тех пор, как ты лечила меня в первый раз, как ты коснулась меня в первый раз, я не могу перестать о тебе думать. Безумие какое-то, сам от себя не ожидал... Был уверен, что все во мне умерло еще тогда, когда Алисия ушла.

«Безумие, опять безумие, — подумалось мне. — И про свою жену он так говорил: я умирал и сходил с ума».

Возможно, по-другому Найт Фарлаг просто не умеет?

— Тебя заждались друзья, — напомнил он, с сожалением выпуская меня из объятий. — А меня дела. Я распорядюсь, чтобы ваши обеды подали в малую гостиную, но имей в виду, что ужинаешь ты сегодня со мной.

Я не стала спорить. Собрала волосы в привычный пучок, пока он поднимал брошенную им же книгу, потом принялась сворачивать плед. И только тогда до меня дошло то, что он

сказал в самом начале.

— Подождите... Вы хотите, чтобы я жила тут? У вас? Где я буду спать?

— Чем тебе не нравится то место, где ты спала сегодня? — насмешливо поинтересовался он, подходя ко мне ближе и кладя книгу на прикроватную тумбочку.

— Тем, что на диване вы не можете уснуть, — напомнила я. — И у вас болит спина.

— Значит, я выгоню спать на диван тебя, — не растерялся он, обнимая одной рукой за плечи и быстро целуя в макушку. А потом добавил уже серьезнее: — Разберемся, Тара. Я уже сказал: ничего против твоей воли между нами никогда не произойдет. Мое желание оставить тебя тут продиктовано исключительно беспокойством о твоей безопасности.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр, — заверила его я.

— Знаешь, у меня ведь есть имя, — неожиданно заявил Фарлаг. — Попробуй называть меня Найт. Вдруг тебе понравится? Хотя бы подумай об этом. И не забудь, что тебя ждут друзья.

С этими словами он вышел из спальни, оставив меня одну. После недолгого колебания я все же попробовала. Шепотом. Это мне определенно понравилось: произносить его имя было почти так же приятно, как целовать его самого, но я сомневалась, что мне стоит начинать называть его по имени. Вдруг я однажды забудусь и сделаю это при посторонних?

— Ты бы видела, как он психанул, — доверительным шепотом делилась со мной Реджина, когда мы благополучно расправились с обедом и на столе перед нами остались только чашки с чаем да тарелка с пирожными.

Друзья уже рассказали, что я пропустила по учебе, а потому с чистой совестью принялись обсуждать нападение на меня. Но только Реджина осмелилась обсуждать реакцию ректора в его гостиной, находившейся рядом с кабинетом, в котором он сейчас должен был работать.

— Мы еще в коридоре слышали, как он тебе кричал, — продолжала она, несмотря на недовольный взгляд Алека. — А когда на улицу вышли, тебя уже в эту тряпку завернуло.

— В палантин, — меланхолично поправила Сара.

— Там и ткань ужасная, и цвет, — скривив губы пояснила Реджина. — Обычная дешевая тряпка. Так вот... Я Фарлага в таком ужасе за три года ни разу не видела. Алек хотел тебя в лазарет левитировать, а он как начал орать, что до лазарета разве что труп доберется. В общем, сам заклятие обратил...

— И посерел на глазах, — вставила Сара, глядя на меня с преувеличенным любопытством. — Я думала, он прям там хлопнется в обморок. Или еще хуже, у него припадок этот случится. Но нет, обошлось.

— Только даже после снятия проклятия в лазарет тебя не разрешил левитировать, велел помочь ему тебя сюда доставить.

— Сказал, что иначе ему придется ночевать в лазарете, — словно извиняясь, добавил Алек. — Якобы он понятия не имеет, кто напал на тебя, а потому не знает, кому еще может доверить тебя охранять. Мы предложили дежурить посменно, но он почему-то не согласился.

— Потому что мы тоже студенты, — тоном скучающей старшей сестры, объясняющей что-то неразумному младшему брату, протянула Сара. — Какой от нас толк? Мы же в Лексе учимся, а не в Академии Легиона. Ему бы потом просто пришлось отвечать за два трупа.

— В общем, надеюсь, тебе понравилось у него ночевать, — Реджина одарила меня выразительным взглядом. — Кстати, ты знаешь, что он тебя мазью намазывал? Мы сварили, а он нас потом выгнал. Сказал, что дальше справится сам.

Они многозначительно переглянулись с Сарой, а Алек нахмурился еще больше. Мне оставалось надеяться, что я не покраснела.

— Знаю, — лаконично отозвалась я, делая вид, что мне срочно понадобилось что-то найти в вещах, которые для меня захватила Реджина. Для этого я призвала принесенную ими сумку, которая до этого стояла у дивана.

На мое счастье, Реджина упаковала для меня не только все учебники и тетради, но и пару платьев в компанию к ученическому. Хотя бы за ужином я буду выглядеть не так ужасно.

— Я там еще твои шкатулки захватила и конверт из кабинета Блэка, — сообщила мне Реджина, решив, что я ищу что-то из этого. — В общем, просто все из твоего стола вытряхнула и уменьшила. Не знаю, что тебе понадобится.

— Спасибо, — поблагодарила я, вытаскивая все, что относилось к моему

расследованию.

— Значит, теперь мы начинаем поиски твоих родителей с нуля? — спросил Алек. — А еще ищем того, кто пытался тебя убить?

— Мы с ректором решили, что моей настоящей мамой была Лилия Тор, это самое логичное предположение. Только теперь совсем непонятно, как искать моего отца, если мы даже о ней ничего не знаем.

— Я написала отцу, — сообщила Сара, — с просьбой узнать что-нибудь про нее и ее семью. Он удивился, конечно, но обещал выяснить по своим каналам в Легионе.

— А за что тебя могут хотеть убить? — задалась вопросом Реджина. — Даже если в том подвале происходило что-то страшное, ты была младенцем. Какой смысл тебя убивать?

— Не знаю, — я покачала головой, вытряхивая из конверта все бумаги и документы. К тем, что там хранились, я добавила и те, что собрала до этого. — Я думала, что дело в сокрытии какой-то тайны. Но теперь не знаю... Может быть, это месть? Если принять версию Фарлага, то за что-то же родителей Лилии должны были проклясть? А что если ее зацепили не случайно, а намеренно? И потом пытались добить, когда она жила у тетки? И пожар возник из-за этого. Может быть, Аманда исчезла, чтобы спастись, а Делла тоже что-то знала об этом, поэтому забрала меня и спрятала... Правда, я не представляю, как бы сама на такое решилась, а ведь она была примерно моего возраста тогда.

— То есть ты предполагаешь, что родственники Аманды Блэк — кто там у нее был, брат или сестра? — что-то кому-то сделали и их прокляли, — принялась перечислять Реджина. — Их дочь тоже надеялись... убить проклятием, например, но она получила недостаточно проклятого зелья. Ее забирает к себе тетка... Пытается с мужем найти зелье противодействия, создает рецепт, но все упирается в слезы русалки. Она пытается призвать русалку. Мы не знаем, удалось ли ей это, смогла ли она приготовить снадобье, но знаем, что Лилия от кого-то беременеет... И вот вам непонятный момент номер один: от кого могла забеременеть странная проклятая девочка?

— Арт сказал, что она была... не в себе, — припомнила я. — Не разговаривала и была... как будто сумасшедшей или недоразвитой.

— Сам он недоразвитый, — фыркнула Сара. — В его устах это ничего не значит.

— Неважно! Кто мог в Лексе крутить роман со странной девочкой из семьи преподавателя? — с нажимом повторила Реджина.

— Может быть, это был не роман? — Алек смущенно смотрел на свои сцепленные в замок руки. — Мы все понимаем, что мог сделать с такой девушкой негодяй вроде Дорна.

— Дорн трусливый слизняк, — раздраженно возразила Сара, а я вспомнила, с чего начались мои проблемы с этим парнем: с того, что он начал меня задирать на потеху ей. — Но я согласна. И среди наших, и среди этой новоявленной элиты встречаются совершенно беспринципные экземпляры.

— Хорошо, предположим, — кивнула Реджина, бросив на меня сочувствующий взгляд. — Второй вопрос: почему тот, кто проклял родителей Лилии, все это время ничего не предпринимал? Она же жила здесь достаточно долго, по всей видимости.

— Не может ее найти? — предположил Алек.

— Не может до нее добраться, — поправила Сара. — Лекс — закрытая территория, сюда не так легко попасть.

— Как он тогда попал сюда в ночь пожара? — тут же задался вопросом Алек.

— Блэк говорил, что он в тот день был в Аларии по делам, — припомнила я. — Остался

там на ночь, вернулся на следующий. Значит, порталы в те дни были открыты.

— Хорошо, — с серьезным видом продолжила Реджина, удивляя меня все больше и больше. Я почему-то привыкла думать о ней как о капризной и не очень умной красотке, хотя и знала, что у нее очень хорошие оценки. — Поджог, в огне Лилия Тор погибает, а Делла Блэк сбегает с ее трехмесячной дочкой, то есть тобой. Аманда тоже сбегает. Они обе прячутся. При этом Лилию Тор хоронят как Деллу. Почему? Почему Делла и Аманда Блэки так больше никогда и не возвращаются домой? Почему не пытаются связаться с профессором Блэком, хотя тот ищет их? Почему он перестает их искать? Почему двадцать лет спустя кто-то убивает сначала Деллу, а потом и самого Блэка? Возможно, этот кто-то и до Аманды добрался...

— Вот это мне совсем непонятно, — возразил Алек. — Если это какая-то месть семье Лилии Тор, то причем тут Блэки?

— Слишком много вопросов и мест, в которых мы только догадываемся, а не знаем наверняка, — я покачала головой. — Мы слишком многого не знаем... И не знаем, у кого спросить.

Я потерла руками лицо, да так и оставила ладони, прижатыми к щекам, а глаза — закрытыми, поэтому не увидела, как Сара дотянулась до обоих портретов, что я нашла в процессе своих поисков. Обгоревший портрет с Деллой Блэк и, как я теперь понимала, ее отцом больше привлек ее внимание.

— Знаешь, что странно? — неожиданно сказала она. Только тогда я открыла глаза и посмотрела на нее. — Странно то, что на этом портрете, взятом на память, как я понимаю, совершенно не виден мужчина. Если Делла взяла этот портрет на память об отце, то она выбрала не лучший вариант.

— Я не думаю, что в пожаре приходится выбирать, — заметил Алек. — Хватаешь первое, что под руку попало.

— И она схватила жестяную коробку со своими «любовными сокровищами», младенца и горящий портрет? — усомнилась Сара. — Как-то это странно. Почему только портрет с отцом, где портрет с матерью?

На эти вопросы я тоже не знала ответов, могла лишь предполагать, но это было абсолютно бессмысленно.

— Нам нужен кто-то, кто был или мог быть достаточно близок Блэкам в то время, — поняла я. — Я ведь составляла список тех, кто работал в Лексе в то время. Когда думала, что моим отцом может быть кто-то из преподавателей.

Я принялась судорожно перебирать бумажки, в поисках составленного когда-то списка. К счастью, я не успела его потерять.

— Вот! Тут профессор Блэк и еще семеро мужчин, не знаю, кто из них мог быть достаточно дружен с ним, чтобы... — я осеклась, дойдя взглядом до зачеркнутой фамилии. — Лессандр...

— Что? — удивилась Сара. — А она тут причем?

— Она тоже была здесь двадцать лет назад, — объяснила я, продолжая зачарованно смотреть на список. Очень уж меня удивило то, что она в нем оказалась. Я про это совсем забыла. — Она была в то время чьим-то ассистентом.

— Если бы вдруг оказалось, что она была ассистентом Блэка, это бы нам очень помогло, — заметил Алек.

— Да, только сомневаюсь, что она станет разговаривать с нами, если мы ее спросим, —

хмыкнула Реджина.

— А мы не будем у нее спрашивать, — я улыбнулась. — Есть человек, который наверняка знает, где посмотреть, чьим ассистентом она была. И если нам повезет, ректор Фарлаг сам ее обо всем расспросит. С ним она точно разговаривать станет.

Я нетерпеливо поднялась из-за стола и направилась к кабинету ректора. Мои друзья, конечно, последовали за мной.

Новый след так будоражил мое воображение, что я и не подумала о том, что ректор может быть в кабинете не один. Поэтому я без колебаний открыла внутреннюю дверь, которая вела в кабинет из его апартаментов, уже набрав в легкие воздух, чтобы изложить свою просьбу.

Но так и замерла, не заговорив и не выдохнув. В кабинете с ректором была его жена.

Они стояли у окна, сегодня в честь пасмурной погоды вновь расшторенного. Фарлаг привалился плечом к стене и по обыкновению спрятал руки в карманы брюк. За те полтора часа, что мы не виделись, хуже он выглядеть не стал, что пусть немного, но успокаивало. Его жена стояла к нему почти вплотную, положив ладонь ему на грудь и, как мне показалось, собираясь придвинуться еще ближе. То ли чтобы поцеловать, то ли чтобы обнять. Это не имело принципиального значения, меня все равно резануло ревностью как острым ножом.

Алек, Реджина и Сара замерли за моей спиной, тоже осознав, что вламываться в кабинет ректора подобным образом было не лучшей идеей. Фарлаг, услышав шум, оторвался от рассматривания лица жены и поднял взгляд на нас. В его глазах мне почудилось мимолетное смущение. Он тут же сделал шаг в сторону, отходя от супруги.

— Тара? Что случилось?

Я не ответила, потому что госпожа Фарлаг в этот момент обернулась к нам, и ее взгляд, скользнув по моим друзьям, остановился на мне.

— Тара? — переспросила она, улыбаясь. — А я вас знаю. Уже как-то встречала вас в гостиной моего мужа. Вы меня помните?

— Конечно, госпожа Фарлаг, — я сама не знала, как моему голосу удалось не дрогнуть. Он прозвучал хоть и тихо, но твердо.

В этот раз я не стесняясь смотрела в ее красивое лицо. Госпожа Фарлаг ярко красила глаза и губы, но умудрялась при этом выглядеть эффектно, а не вульгарно. Темные волосы идеальными локонами обрамляли ее лицо и падали на плечи, как на картинке. Вся она была сама элегантность, так и не скажешь, что не из элиты. Казалось, она никак не изменилась за пять лет, прошедших со дня ее свадьбы с ректором, разве что еще похорошела. Хотя я могла и ошибаться: свадебный портрет я рассматривала всего один раз и то в полутьме. Я лишь помнила, что уже тогда что-то в ее взгляде мне не понравилось. Вот и сейчас она улыбалась, но ее глаза прожигали меня совершенно неприкрытой ненавистью, смешанной с презрением. Я старалась выглядеть спокойной и уверенной, хотя мне отчего-то стало по-настоящему страшно. Настолько, что все мысли разбежались из головы. Даже какая-то смутная догадка лишь мелькнула — и растворилась, я так и не успела поймать ее за хвост.

— Сэр, простите, что помешали вам, — пришел мне на помощь Алек. — У нас просто появились кое-какие идеи по... проекту, который вы курируете. Так захотелось спросить вашего совета, что мы совсем забыли о приличиях. Мы зайдем позже.

Алек взял меня под локоть и потянул назад, но Фарлаг остановил его жестом.

— Оставайтесь, я уже освободился, — заверил он и повернулся к жене. — Мы закончили,

Алисия. Детали обсудим позже.

— Что ж, если ты так говоришь, — она попыталась улыбнуться, но получился невнятный оскал. — Может, пообедаем вместе?

— Я уже пообедал. И потом, ты же видишь, — он полуобернулся и показал на нас, — я нужен студентам.

— Поужинаем? — тут же предложила Алисия, ничуть не смутившись его отказом.

Я затаила дыхание. Ее настойчивое желание разделить с ним трапезу только больше уверило меня в том, что она навещала его исключительно ради возможности вновь подлить в еду снадобье страсти. И если ей удастся, кто знает, каким станет Фарлаг после этого.

Ректор обернулся и бросил на меня быстрый взгляд, чуть нахмурившись. Я мысленно умоляла его отказаться, но вслух ничего не решилась сказать: я уже изложила ему все имевшиеся подозрения, новых аргументов у меня не появилось.

— Извини, у меня уже есть договоренность на ужин. Да и мне не хотелось бы задерживать тебя здесь.

Кажется, я не смогла сдержать вздох облегчения, за что удостоилась косога взгляда от Алека. Госпожа Фарлаг тоже посмотрела на меня, недобро сощурившись. Впрочем, это длилось не дольше секунды, ее лицо тут же снова стало сдержанно-доброжелательным.

— Хорошо, значит, увидимся в другой день.

Она подошла к нему, ничуть нас не смущаясь, поцеловала в щеку, после чего неторопливо вышла, бросив на меня еще один прощальный взгляд от двери.

— Так что у вас там случилось такого срочного? — поинтересовался Фарлаг, когда дверь за его женой закрылась.

— Профессор Лессандр, сэр, — первой заговорила Сара, потому что я еще пыталась привести в норму дыхание и сердцебиение после переглядываний с женой ректора, а Алек с подозрением наблюдал за мной. — Оказывается, двадцать лет назад она уже была в Лексе, работала чьим-то ассистентом. Вы можете посмотреть, чьим именно? Вдруг она работала с Блэком и может что-то рассказать о том, что происходило в его доме?

Фарлаг кивнул и, помедлив лишь пару секунд, шагнул к стеллажу с документами. Не тому, в котором искала информацию я, когда влезла к нему, а к другому. Тому, что стоял у стены за его столом. Немного порывшись в папках, он достал личное дело Лессандр и повернулся к нам, сосредоточенно вчитываясь в записи.

Мы не удержались и подошли ближе. И если мои друзья почтительно остановились у стола со стороны, предназначенной для посетителей, то я обошла его и заглянула в содержимое папки вместе с Фарлагом.

— Похоже, сегодня ваш день, — пробормотал ректор, пробежав глазами по строчкам. — Лессандр работала с женой Блэка, но, полагаю, это не имеет принципиального значения. Она все равно была вхожа в их дом. Хм, а вот это еще интереснее, — добавил он, перелистнув страницу. — Она носит иллюзию...

— Я так и знала! — победно воскликнула Сара, перебив Фарлага. — Я же говорила! — она возбужденно повернулась к Реджине, но та под недовольным взглядом ректора только ткнула Сару в бок локтем.

— Если вы не против, госпожа Моргенштерн, я продолжу, — язвительно предложил Фарлаг. — Она носит иллюзию из-за серьезной травмы, полученной во время... пожара.

Он выразительно посмотрел на меня, а я только ахнула. Возможно ли, чтобы она была в доме Блэков в ночь пожара? Тогда она должна знать, что там произошло! У меня даже руки

задрожали от осознания того, что человек, который может рассказать мне всю правду, все это время был так близко. Я сжала пальцы в кулаки, чтобы унять дрожь, и велела себе не радоваться раньше времени. Это могло оказаться разочаровывающим совпадением.

— Вы поговорите с ней, сэр? — осторожно спросила я.

— Конечно, — Фарлаг кивнул, — я сейчас...

Договорить он не смог, вдруг дернувшись и сложившись пополам со сдавленным стоном. Папка выпала из его рук, и чтобы не упасть, он вцепился в спинку своего кресла. Я же вцепилась в его плечо.

— Что с вами? Приступ? — мой голос прозвучал испуганно и, наверное, чересчур взволнованно, но мне сейчас не было до этого дела.

Фарлаг только сильнее стиснул зубы и сжал пальцы, лежавшие на спинке кресла. Мне показалось, он даже дышать перестал.

Из моих друзей первым очнулся Алек. Он тоже обогнул стол, подошел к нам и помог мне усадить Фарлага в кресло.

— Ректор, скажите что-нибудь, — попросила я. — Какое снадобье нужно?

Он только покачал головой и резко втянул воздух ртом через стиснутые зубы. После этого его напряженная поза немного расслабилась.

— Сэр, скажите, что нужно, — почти прошептала я, неосознанно сжимая его ладонь, которая теперь лежала на ручке кресла.

— Ничего, все в порядке, — прохрипел он.

— Не убедительно, сэр! — почти разозлилась я на такую откровенную ложь. — Попробуйте еще раз.

Он рассмеялся, запрокинув голову на спинку кресла. Напряжение уходило из него на глазах. Даже ладонь в моей руке как будто стала более расслабленной.

— Все в порядке, — с нажимом повторил он. — Это не приступ, просто спазм. Случается постоянно, проходит быстро. Так что не волнуйся.

Я недоверчиво посмотрела на него, потом заметила удивленный взгляд Алека и многозначительные ухмылки Реджины и Сары. Это заставило меня смутиться. Мне не стоило проявлять такое серьезное беспокойство на счет ректора в присутствии других.

Я выпрямилась и даже сделала шаг назад, пробормотав извинения. Фарлаг ободряюще мне улыбнулся, а потом повернулся к своему столу и на маленьком листочке написал записку для Лессандр с просьбой немедленно зайти к нему в кабинет. Отправив записку с феей, он посмотрел на моих друзей.

— Я думаю, вам стоит уйти. Не будем пугать профессора Лессандр такой толпой. Я поговорю с ней только в присутствии Тары.

На их лицах отразилось заметное разочарование, но спорить с ректором они не стали. Лишь вернулись в гостиную, чтобы забрать сумки, и после этого ушли. Мы снова остались с Фарлагом наедине. И он воспользовался этим, чтобы поймать мою ладонь и слегка сжать.

— Ты сама-то как?

Я пожалала плечами. Меня слегка мутило то ли от волнения, то ли от не до конца прошедших последствий проклятия, но волновать его этим не хотелось. Он и так выглядел скверно.

Только почему-то понимание этого факта не удержало меня от вопроса:

— Зачем она вас навещала?

Фарлаг сдержанно улыбнулся и выпустил мою руку.

— Тара, она моя жена, у нас есть общие дела. Отдельные вопросы. Это сугубо деловые отношения.

Я кивнула, отвернувшись, все еще мысленно видя, как Алисия стоит к нему вплотную, касается его и явно планирует поцеловать. Сугубо деловые отношения. Конечно. Жаль, она про это пока не знает.

Позади скрипнуло кресло. Фарлаг неожиданно обнял меня и поцеловал сначала в шею, а потом в висок. Не будь я так огорчена визитом госпожи Фарлаг, наверняка растаяла бы от этого внезапного объятия, но сейчас лишь шевельнула плечами, чтобы высвободиться.

— Профессор Лессандр может прийти в любую секунду, — напомнила ему я.

Он вздохнул и отпустил меня. Обернувшись, я заметила укоризненный взгляд, но сделала вид, что не понимаю его причин. Мне казалось, наши изменяющиеся — по его инициативе, между прочим, — отношения дают мне право быть недовольной. Может быть, я не чувствовала себя сейчас в праве требовать, чтобы он немедленно развелся, но и притворяться, что меня его брак совершенно не смущает, я не собиралась.

И все же я была благодарна ему за то, что он отказался с ней ужинать, хотя и не верил в мою версию с любовным снадобьем.

Он вернулся в свое кресло, я села в кресло посетителя, но ни через пять минут, ни через десять профессор Лессандр по вызову так и не явилась. А когда Фарлаг отправил ей повторное приглашение, фея вернула его обратно. Это значило, что найти Лессандр она уже не смогла.

Когда Фарлаг так и не смог обнаружить Лессандр, он велел мне возвращаться в его личные комнаты. Я видела, что он крайне встревожен, да и сама была, откровенно говоря, напугана. Получалось, что тот, кто напал на меня, добрался до Лессандр раньше нас. Покидать Лекс ей не было смысла, тем более так внезапно. А что еще могло произойти за пятнадцать минут между первой и второй запиской ректора? Только самое плохое.

Предполагалось, что я буду заниматься, пока ректор продолжает поиски Лессандр и повторно связывается с Легионом, который, к слову, не торопился присылать следователя. Фарлаг даже предложил мне поработать в свое удовольствие в его личной лаборатории, но я могла только бестолково накручивать круги по его гостиной, маясь в ожидании хоть каких-нибудь новостей и грызя ногти от досады. Почему я так поздно обратила внимание на Лессандр? Она ведь все это время была рядом, я могла давно у нее все узнать! Как так получалось каждый раз, что таинственный злоумышленник оказывался на шаг впереди?

В голову приходил только один ответ: он в Лексе и следит за мной. Но кто это мог быть? И как он мог так быстро узнать, что мы заинтересовались Лессандр?

Вопросы, вопросы, вопросы... Вокруг меня были одни только вопросы и оборвавшиеся ниточки. И умирающие люди. А еще ректор с внезапно вспыхнувшей страстью и проклятием, которое как-то внезапно тоже стало моей проблемой. От всех этих мыслей и переживаний голова шла кругом.

Я остановилась посреди гостиной и сжала пальцами виски. Так и на меня могла внезапно свалиться жестокая мигрень. А кто будет лечить меня?

Чтобы как-то отвлечься, я снова достала из сумки все, что касалось моего расследования, и разложила на обеденном столе. Вдруг я пропустила еще что-то важное, как пропустила Лессандр? Но сколько я ни скользила взглядом по документам, письмам, портретам, листу с рецептом снадобья и прочим мелочам, новых мыслей не появлялось. Я ходила по одному и тому же кругу вопросов. Разве что к ним добавился еще и вопрос, озвученный Сарой: почему Делла взяла с собой только портрет отца да и то тот, на котором его лицо сгорело?

За окном почти стемнело, а я почти решила сама отправиться к ректору, когда перед моим лицом махнула крыльями фея. Я подставила руки, с нетерпением ловя записку, и торопливо ее развернула.

«Зайди ко мне в кабинет, пожалуйста. Только пройди через коридор, а не через комнаты».

Я удивленно уставилась на текст и перечитала его дважды, пытаюсь понять, что Фарлаг имеет в виду. Зачем мне идти через коридор, если сквозь апартаменты будет и быстрее, и безопаснее?

Однако послушаться я не решила и сделала, как он велел.

Лишь открыв дверь в его кабинет, поняла причину такого распоряжения: Фарлаг был не один, в кресле посетителя сидел уже знакомый мне легионер. Дилан Мор, кажется. Выглядел он очень напряженным, как и сам Фарлаг, поэтому я заранее приготовилась к плохим новостям.

— Профессор Лессандр мертва? — даже не поздоровавшись, спросила я.

Брови легионера удивленно взметнулись вверх, а ректор недовольно поморщился.

— Господин Мор здесь не по поводу профессора Лессандр, — пояснил Фарлаг. — Как ни странно, он здесь даже не по поводу нападения на вас, госпожа Роук.

— Это не совсем так, — поправил его Мор. — Этим я тоже уполномочен заняться, как только разберусь с первой причиной своего визита. Пожалуйста, госпожа Роук, садитесь.

Он указал мне на второе гостевое кресло. Я бросила на ректора недоумевающий взгляд, но приглашению последовала. Мор внимательно наблюдал за мной, пока я подходила ближе, а когда села, повернулся к Фарлагу.

— Я вынужден попросить вас удалиться на время моего разговора с госпожой Роук.

— Вы хотите выгнать меня из моего же кабинета? — хмуро уточнил Фарлаг, почему-то стараясь не смотреть на меня.

— Вы же понимаете, что я не могу расспрашивать госпожу Роук при вас, учитывая характер расспросов, — ничуть не смутился Мор.

— Что здесь происходит? — недоумевая, я переводила взгляд с ректора на легионера и обратно. — Какие расспросы? Почему ректор не может при них присутствовать?

— Они получили донос, — объяснил мне Фарлаг.

— Господин ректор! — попытался остановить его Мор, но ему не удалось.

— О том, что я сплю с вами, госпожа Роук.

— Что? — я на мгновение задохнулась от ужаса, надеясь, что это выглядело как возмущение.

— Угадайте с трех раз, кто его написал, — губы Фарлага скривились в презрительной усмешке.

— Господин ректор, я вынужден повторить свою просьбу... — Мор начал заметно раздражаться.

Фарлаг поднялся на ноги, но не сделал ни шага в сторону, просто наклонился вперед и уперся руками в поверхность стола, угрожающе нависая над ним.

— А я вынужден задать вам вопрос: какого демона Легион игнорирует мои обращения, связанные с угрозой жизни людей, за которых я отвечаю, но моментально инициирует разбирательство из-за гнусной сплетни?

— Господин Фарлаг, — Мор тоже поднялся со своего места, — вы сами тормозите мою работу! Я займусь вашими обращениями сразу, как только переговорю с госпожой Роук. Наедине!

— А моих ответов вам было недостаточно? — заметно оскорбился ректор.

— Хватит! — не выдержала я, тоже вскочив с кресла. Крик получился чересчур пронзительным, мне самой стало неловко и неприятно, поэтому второй раз я повторила уже сдержаннее: — Пожалуйста, хватит. Давайте сделаем это по-быстрому. Между мной и ректором Фарлагом не существует никаких неуместных отношений. Ректор очень достойный человек, который проявил неподдельную заботу обо мне. Особенно когда на меня было совершенно нападение, — последние два слова я выделила, чтобы дать понять легионеру, что эта проблема волнует меня куда больше. — Если для того, чтобы помочь мне, вам так важно убедиться сначала, что ректор не нарушил закон, просто пригласите из лазарета доктора.

— Доктора? — переспросил Мор, нахмурившись.

Они с ректором переглянулись, словно спрашивая друг друга, как в этой ситуации может помочь доктор, но потом на их лицах одновременно отразилось понимание. А в

следующее мгновение — почему-то смущение.

— О, ясно, — Мор первым опустил в кресло. — Прошу прощения, госпожа Роук, вы же понимаете, что я должен был все выяснить. Мы обязаны реагировать на подобные обращения.

— Так вы удовлетворены или мне все же отправить сообщение в лазарет? — каким-то чужим голосом уточнил ректор, тоже садясь обратно в кресло.

Я снова бросила на него быстрый взгляд, но он смотрел только на Мора. Зато сам Мор смотрел как раз на меня. Так пристально, словно пытался залезть мне в голову.

— Полагаю, в этом нет необходимости, — после паузы заключил он. — Я не вижу причин не верить госпоже Роук. Теперь я готов выслушать ваш рассказ об обстоятельствах нападения. И что там случилось с вашим профессором?

Фарлаг покачал головой и раздраженно закатил глаза. Он выглядел еще хуже, чем днем, поэтому я взялась рассказывать о случившемся сама, ректор лишь иногда вставлял комментарии.

Когда я закончила рассказ, Мор спросил, может ли он взглянуть на проклятый палантин. Оказалось, Фарлаг сохранил его. Не касаясь ткани, Мор считал проклятие и попросил отвести его в апартаменты Лессандр.

— А я могу пойти с вами? — жалобно уточнила я, но не у легионера, а у ректора. Мысль о том, чтобы снова сидеть в гостиной, грызть ногти и ждать новостей, была невыносима.

К счастью, Фарлаг был только за, кажется, ему не хотелось оставлять меня одну даже в собственных комнатах. Мор тоже не возражал.

Апартаменты Лессандр выглядели не так шикарно, как у ректора, но лучше, чем у профессора Блэка. Мы с Фарлагом молча наблюдали за Мором, который с серьезным видом ходил из комнаты в комнату и прощупывал магический след. При этом сколько бы раз я ни пыталась поймать взгляд Фарлага, мне это так и не удалось.

Примерно полчаса спустя Мор закончил осмотр и подошел к нам. Лицо его выглядело мрачно.

— Во-первых, профессор Лессандр жива, — заверил он. — Но раз феи ее найти не могут, я предполагаю, что она покинула Лекс. Во-вторых, проклятие на тот палантин, что вы мне показали, было наложено здесь. След почти развеялся, но я уловил несколько характерных элементов.

— То есть вы хотите сказать, что на меня напала профессор Лессандр? — недоверчиво уточнила я.

— Я всего лишь хочу сказать, что она создала проклятый артефакт, который использовался при нападении, — педантично поправил Мор. — Она, скорее всего, сбежала, понимая, что это обнаружится.

— Но как она могла сбежать? — возразил Фарлаг. — Порталы в Лексе закрыты.

— Вы открыли один для меня, — заметил Мор. — Помните, может быть, кто-то еще приходил или уходил сегодня?

— Ваша жена, сэр, — напомнила я сдержанно. — Вы открывали портал минимум дважды: чтобы впустить ее и чтобы выпустить. Кстати, примерно тогда же Лессандр сначала не пришла по вашему приглашению, а потом и вовсе пропала.

— Если она получила ваш вызов и подумала, что вы как-то узнали о ее причастности к нападению, она могла воспользоваться тем, что портал открыт для вашей жены, — резюмировал Мор. — Полагаю, госпожа Фарлаг не стала бы возражать, если бы кто-то из

профессоров попросил пройти через портал с ней?

— С чего ей возражать? — Фарлаг поморщился.

— Я, конечно, еще переговорю с вашей женой об этом, уточню, — заверил Мор. — И мы объявим Лессандр в розыск. Пока это все, что мы можем сделать.

Ректор кивнул и наконец покосился на меня, но тут же снова сфокусировал свое внимание на легионере.

— Пожалуйста, держите меня в курсе. Семья Фарлаг будет вам за это очень благодарна. Мы не останемся в долгу.

— Я не понимаю, зачем Лессандр могла пытаться меня убить...

Судя по выражению лица Фарлага, который стоял у уже полыхающего камина с книгой заказов для кухни в руках, он ждал от меня совсем других слов. А я, едва мы вернулись в его гостиную, сразу снова уткнулась носом в разложенные на столе бумаги.

— Единственное, что приходит в голову, — это то, что она не просто была в коттедже во время пожара, а каким-то образом причастна к его возникновению, — предположил Фарлаг. — Если она как-то узнала, что ты пытаешься разобраться в той истории, могла решить тебя устранить. Так у тебя нет пожеланий по ужину?

— Разве она не понимала, что это выяснится? — продолжала недоумевать я, игнорируя его вопрос.

— Если бы она не сбежала, мы бы этого не выяснили, — возразил он, нетерпеливо постукивая ручкой по странице книги. — Никому бы в голову не пришло искать следы проклятия в ее апартаментах. А с такой расторопностью Легиона следствие могло и не начаться до того, как след развеется. Не знаю, что у них за бардак там творится... Я так понимаю, ты опять будешь блюдо под названием «То же, что и вы»?

Я против воли улыбнулась его комичному тону, который он умудрился изобразить невзирая на все события этого дня и тот факт, что сам уже едва держался на ногах.

— Нет, я хочу рыбу, — заявила я неожиданно для самой себя.

— Рыбу? Уже хорошо, — он удовлетворенно кивнул. — Какую?

— Морскую, — после небольшой паузы решила я. — Любую вкусную.

Он снова кивнул и быстро сделал запись в книге, после чего вернул ее на каминную полку, а сам подошел ко мне и опустился на соседний стул, глядя на меня с неприкрытым интересом.

— Всего за один день я узнал о тебе так много: оказывается, ты любишь морскую рыбу и у тебя никогда не было серьезных отношений.

Наверное, еще два дня назад и такой взгляд, и комментарий заставили бы меня смутиться, но сейчас я только снова улыбнулась и покачала головой.

— Вы знаете обо мне больше, чем кто-либо другой, ректор Фарлаг. Но рыбу морскую я не люблю. Я ее не пробовала, мне просто интересно. Там, где я выросла, не было моря, только реки и озера, поэтому и рыба была преимущественно пресноводная. Морская продавалась, конечно, но стоила дороже. А мой неродной отец не любил бросать деньги на ветер и не понимал смысла покупать рыбу в два раза дороже.

Я намеренно проигнорировала его комментарий про отношения с мужчинами: не видела смысла это обсуждать. Меня удивляло только то, что он до сих пор считал иначе. Но едва ли это могло что-то изменить в наших отношениях в худшую сторону.

— У нас с тобой была такая разная жизнь, — заметил он неожиданно, продолжая меня разглядывать. — Мне в голову не могло прийти, что можно не есть морскую рыбу из-за того, что она стоит дороже.

— Не то чтобы мы не могли себе этого позволить, — торопливо добавила я, чтобы он не подумал, будто я голодала в детстве. — Просто отец не видел в этом смысла.

Фарлаг кивнул, демонстрируя понимание, а потом подпер подбородок ладонью и

поинтересовался:

— А чего еще не было в твоей жизни из того, что тебе всегда хотелось? Я, конечно, имею в виду вещи более существенные, чем рыба.

Я неловко пожалала плечами, теперь все же смутившись. Мне казалось странным говорить о таком. Раньше я делилась мечтами и желаниями только с мамой и то нечасто, потому что она во время таких разговоров впадала то в тоску, то в раздражение. Теперь я понимала почему: ее мечты, какими бы они ни были, так и не сбылись.

— Наверное, путешествия, — неуверенно призналась я, испытывая совершенно иррациональное желание все-таки поделиться с ним этим. — Я почти нигде не была. Даже то же море никогда не видела своими глазами. Еще, наверное, шумной компании друзей, в которой можно отмечать дни рождения или другие праздники. Я тяжело схожусь с людьми. Из тех, что меня до сих пор окружали, я почти ни с кем не могла найти общий язык. Отец говорил, что я бука и сама виновата в этом, но мне кажется, я просто не встречала тех, с кем мне было бы по-настоящему комфортно. Кому я по-настоящему нравилась бы и была интересна. Моим единственным другом всегда была мама.

Воспоминание об этом вновь зажгло в груди огонь, но уже не такой сильный, как раньше. Хорошо это или плохо, но я постепенно привыкала к мысли о том, что ее больше нет.

— И, наверное, свободы, — продолжила я, немного успокоившись. — Возможности говорить, что думаю, не оглядываясь на то, как это воспримут и какие будут последствия. Делать то, что нравится. Наверное, будь у меня свобода, остальное приложилось бы. И путешествия, и гастрономические излишества, и друзья. Поэтому я начала специализироваться в снадобьях. Они для меня всегда ассоциировались с возможностью получить свободу. Я с детства запомнила это: мама варила их, получала за это деньги и могла себе позволить что-то, чего не позволял отец. Когда она стала привлекать меня и делиться со мной частью этих денег, я почувствовала это еще острее. Так и появилась моя мечта: выучиться сложным снадобьям, найти хорошее место, поселиться в большом городе и ни в чем себе не отказывать. Отправляться в места, которые захочу увидеть, пробовать то, что захочу попробовать, общаться с интересными мне людьми...

Я осеклась, заметив, как он на меня смотрит, и смутилась еще больше. Не стоило так откровенничать. Я подумала, что ему должно быть смешно такое слышать, но он не смеялся. Скорее впал в странную задумчивость, словно мои слова отозвались в нем тоскливыми мыслями или воспоминаниями.

— Знаешь, что забавно? — спросил Фарлаг, когда я замолчала. — Я всегда мог позволить себе все это, но не чувствовал себя свободным. Всю жизнь слышал от отца фразы вроде: «Положение обязывает». Оно постоянно обязывало нас что-то делать: где-то присутствовать, чем-то заниматься, кому-то кланяться, с кем-то, наоборот, не разговаривать. Я не выбирал свой круг общения, мне его выбрало мое положение. Зато снадобьями я занимался не ради дохода. Я могу позволить себе не работать вообще. Капиталы моей семьи успешно вкладываются и способны обеспечить мне безбедную жизнь. Но опять же, положение обязывает меня заниматься каким-то делом, иначе я буду выглядеть праздным кутилой, а это неприлично. Ты мечтаешь увидеть море однажды, а у меня дом на берегу моря, но я там не бываю.

— Я думала, у вас дом в столице.

— У меня четыре дома, — признался Фарлаг с таким видом, словно это было чем-то

постыдным. — И даже ферма есть, представляешь? Но там арендаторы живут.

Он вдруг потянулся ко мне, едва ощутимо коснулся щеки, провел большим пальцем по губам, а потом взял за руку и погладил тыльную сторону ладони. И снова такие простые прикосновения заставили мою кожу покрыться мурашками, а меня саму — неосознанно придвинуться ближе вместе со стулом.

— Знаешь, у меня в какой-то момент появился сумасшедший план, — продолжил Фарлаг, поглаживая мою руку и не глядя в глаза. — Отец всегда говорил, что я слишком импульсивен и поспешен в решениях. Выражал надежду, что со временем это пройдет, но это свойство моего характера только усугубилось. Мне казалось, что будет здорово с тобой сбежать отсюда. Я не знал тогда, что ты мечтала о путешествиях, но был уверен, что смогу найти, чем тебя соблазнить. Чтобы несколько месяцев просто наслаждаться жизнью и друг другом, ни о чем не думая. А сегодня я понял, что этого не будет. И вообще все это была плохая идея. Эгоистичная прихоть человека, привыкшего получать желаемое.

Он наконец посмотрел на меня, и во взгляде его мне почудилась такая тоска, что у меня самой на душе стало так тяжело, как не было со дня известия о смерти мамы. Я еще не понимала, к чему он клонит, но сжала его руку крепче, заранее боясь, что придется ее отпустить.

— Не то чтобы я не видел раньше, что ты не из тех девушек, которых можно поманить лаской и щедростью, осыпать благами в обмен на страсть, а потом расстаться в нужный момент без взаимных претензий. Я видел, но не хотел этого замечать.

— Я не понимаю вас, сэр, — наверное, я сейчас, как и он, тоже все прекрасно понимала, но не хотела себе в этом признаваться.

— На таких, как ты, надо жениться, — он грустно улыбнулся. — Чтобы всю жизнь холить и лелеять, растить вместе детей, хранить верность и делать все прочее, что входит в общепринятые понятия о семейном счастье.

— Судя по вашему тону, такое развитие отношений вами с самого начала не предполагалось? — уточнила я не дрогнувшим голосом, хотя в этот момент тепло, которым меня наполняло его присутствие, сменилось пробирающим до костей холодом.

— А ты бы вышла за меня? — неожиданно спросил Фарлаг. — Вот представь на мгновение: я развожусь и делаю тебе предложение. Прямо завтра или даже сейчас. Ты бы согласилась выйти замуж за проклятого, с которым никогда не сможешь иметь здоровых детей, но которому зато нужно постоянно лечить головную боль, а раз в неделю — сидеть у его постели с порошками для экспресс-снадобий наготове?

Я инстинктивно отпрянула назад, высвобождая руку. И даже не потому, что меня смущало его проклятие. Я все еще верила, что с ним как-то можно бороться. У любого проклятия была возможность для обращения. Такова природа магии. Просто иногда решение слишком сложно или времени слишком мало. Меня смущало другое: всю свою жизнь, наблюдая за родителями, я воспринимала брак как нечто тягостное. Я понимала, что бывает и иначе, но страх ошибиться и угодить в безвыходную и безрадостную ситуацию рос вместе со мной.

— Вы слишком торопитесь, сэр, — попыталась объяснить я. — Дело не в вашем проклятии, а в том, что мы почти не знаем друг друга. Нужно время...

— Проблема в том, что у тебя есть это время, — мягко возразил он, перебив меня. — А у меня его нет. Мое проклятие не смертельно, но не статично. Приступы становятся все чаще, лекарства постепенно перестают помогать. Я не знаю, сколько еще пройдет времени,

прежде чем вся моя жизнь превратится в один постоянный приступ. И на каком этапе я наконец решусь все это прекратить.

Я открыла рот, чтобы что-то возразить, но слова так и застряли у меня в горле, когда до меня дошел весь ужасный смысл сказанного им. На несколько секунд он парализовал меня. Кажется, я даже дышать перестала. Ничего не изменилось, ректор продолжал сидеть напротив меня, но я ощутила такое острое чувство потери, что в этот момент поняла: если бы он сделал мне предложение сейчас, я бы согласилась. Причем согласилась бы, даже если бы это было предложение не руки и сердца, а совместного побега. До того момента я не знала, что так бывает. Что можно после нескольких поцелуев и пары разговоров так прорасти в человека. Как он там сказал? Влюбиться можно за день? Наверное, сегодня был именно тот день. Безумно длинный и насыщенный, добавивший в мою копилку много новых поводов для беспокойств и страхов, совсем не романтичный и не радостный, но тем не менее приведший меня к такому неожиданному открытию.

— Сэр, тогда объясните мне почему? Почему вы бросили работу над снадобьем противодействия? Что заставило вас отказаться от борьбы? Если на кону не качество жизни, а сама жизнь? Разве за нее не надо бороться до последнего?

Он вздохнул, поднялся на ноги и, засунув руки в карманы брюк, сделал несколько шагов в сторону камина. То ли он решал, стоит ли мне объяснять эти причины, то ли тема была для него настолько болезненна, что ему требовалось время справиться с эмоциями.

— Несуществующий ингредиент, — после недолго молчания признался он, глядя на пляску огня в камине. — По странной иронии судьбы, все те же пресловутые русалочки слезы, что фигурируют в том снадобье, рецепт которого хранила твоя мать. Два года у меня ушло на то, чтобы по растворенному в вине снадобью воссоздать его рецепт и направления потока при проклятии, а потом вывести снадобье противодействия. Мне это удалось, но все уперлось в один единственный ингредиент. Сначала я искал способ его раздобыть, а потом — заменить.

— Такое возможно? — удивилась я.

— Некоторые утерянные ингредиенты удалось заменить сочетаниями других. Я даже создал одно такое сочетание, за это и стал Мастером раньше, чем положено. Но как и большинство великих открытий, то была случайность. Я пытался сделать совершенно другое. Моя ошибка обернулась успехом, а все попытки сделать то же самое осознанно провалились. Много раз мне казалось, что я близок к нужному результату, но каждое сочетание оказывалось не идеальным. Недостаточно хорошим. Наверное, в какой-то момент я просто устал испытывать разочарование по этому поводу. Да и идеи у меня кончились.

— А если мы попробуем вместе? Конечно, я не Мастер, но я уверена, что вы еще не все перепробовали. Просто вы устали... — я посмотрела на него с надеждой, но он даже не повернулся ко мне, только покачал головой.

— Я больше не могу, как раньше, проводить долгие часы в лаборатории, экспериментируя. Когда я... отчаялся, а Алисия ушла, сказав, что не хочет наблюдать за моим угасанием, мое состояние резко ухудшилось. Приступы начали учащаться, боли стали сильнее. Ты сама видела, стоит снадобью начать вариться — и мне сразу становится плохо.

— Так ведь я могу делать это за вас! — я тоже возбужденно подскочила на ноги и подошла к Фарлагу. — Вы можете только высчитывать формулы и создавать рецепты, а я возьму на себя всю практическую часть. Я достаточно хороша для этого, вы же сами видели...

Он наконец повернулся ко мне, глядя с удивленной улыбкой и уже знакомой теплотой во взгляде, а потом вдруг порывисто обнял, крепко прижал к себе, у меня даже на мгновение снова перехватило дыхание.

— Знаешь, у меня еще никогда не было такого, — тихо признался он. — Твоя забота заставляет меня чувствовать себя счастливым, но вместе с тем пугает. Потому что я вижу, как ты привязываешься ко мне. Вот уже готова забыть обо всех своих планах и мечтах и похоронить себя в моей лаборатории...

— Вообще-то я рассчитывала на хорошую оплату, потому что вы в отчаянии и неприлично богаты, — фыркнула я, крепко обнимая его в ответ.

Он рассмеялся и поцеловал меня в макушку, все так же тихо признавшись:

— Я тебя обожаю.

Это было уже значительно ближе к признанию в любви. Я почувствовала, как тепло вернулось, хоть к нему и примешивались горечь и тревога.

— Как бы мне ни хотелось стоять так и дальше, — заметил Фарлаг через какое-то время, — нужно убрать со стола твои бумаги. С минуты на минуту подадут ужин. Хотелось бы съесть его до того, как у меня начнется приступ.

— Может быть, его не будет сегодня? — высказала я осторожную надежду, убирая все со стола.

— Сомневаюсь. Я и так удивлен, что он не начался до сих пор. День выдался нервный.

Я задумалась над его словами. Он сказал, что состояние ухудшилось, когда он отчаялся найти решение, а жена ушла, чтобы жить отдельно. В тот момент он был серьезно подавлен и проклятие стало сказываться сильнее. А пока он искал решение и надеялся на него, пока любимая женщина была рядом и поддерживала, все было не так страшно. Так могли ли сегодня те минуты, что мы провели вместе, наши поцелуи и объятия давать ему силы для сопротивления?

Естественно, я тут же поделилась своей догадкой с Фарлагом, а он в свойственной ему игривой манере тут же снова притянул меня к себе.

— Тогда мне нужно больше поцелуев, — прошептал он, наклоняясь к моим губам.

Когда ужин наконец подали, мы еще продолжали целоваться под тихий треск огня в камине, но, к сожалению, это не помогло. Приступ начался еще до того, как мы успели перейти к десерту.

Это была тяжелая ночь. Словно кто-то невидимый и неведомый, но очень могущественный задался целью напомнить, из чего будет состоять моя жизнь, если я свяжу ее с жизнью Найта Фарлага. На этот раз судороги не унялись после первой порции снадобья, а приступы удушья повторялись трижды с перерывами в два-три часа. Между ними ректора мучил жар, но, к счастью, большую часть времени он находился или совсем без сознания, или в пограничном состоянии. Мне казалось, что так он должен страдать меньше.

Уснуть мне удалось только под утро. В этот раз я даже не пыталась устроиться на неудобном кресле, а сразу легла на второй половине кровати, когда самое плохое, как мне показалось, осталось позади. Но все порошки для снадобий я оставила под рукой.

Во сне меня преследовали все те же вопросы, только уже в виде знакомых образов. Я видела то подвал дома Блэка, то россыпь любовных писем, то строчки рецепта неизвестного снадобья. Мне снились колодец и женщина, смотревшая на меня сквозь толщу воды, а потом я искала запертую шкатулку, но никак не могла ее найти. Во сне я слышала голос Реджины, который спрашивал меня, зачем она мне, если я все равно не могу ее открыть, а я только повторяла и повторяла, что она мне нужна. Все никак не могла найти и боялась, что она снова стала невидимой. Я даже начала объяснять Реджине, почему так важно найти шкатулку, но сон вдруг прервался.

Не знаю, что меня разбудило. Когда сознание прояснилось, я поняла, что Фарлаг уже проснулся и пытается укрыть меня краем одеяла, поверх которого я лежала. Ректора я накрыла одеялом еще ночью, но самой залезать под него показалось неправильным. Сил призвать плед на тот момент у меня уже не осталось, я уснула, едва голова коснулась подушки.

— Мне показалось, ты замерзла, — словно оправдываясь, пояснил Фарлаг, заметив, что я открыла глаза.

Выглядел он лучше, чем ночью и даже вечером, но хуже, чем в обычный день. В спальне как всегда было довольно сумрачно, хотя за окном уже рассвело. Я попыталась разглядеть циферблат часов: оказалось, что еще только начало восьмого. Я проспала не больше двух с половиной часов. Наверное, поэтому у меня так раскалывалась голова.

— Еще очень рано, — заметила я, с удовольствием кутаясь в одеяло, поскольку действительно успела замерзнуть.

— Да, ты спи, я не хотел тебя будить. Только укрыть.

Веки опускались сами собой, глаза нещадно саднило, как будто в них насыпали песка, поэтому я с удовольствием их закрыла, моментально снова погружаясь в полусон. Сквозь дрему я почувствовала осторожное прикосновение к волосам, а потом — руку на своем плече. Матрас под нами шевельнулся, когда Фарлаг попытался придвинуться ближе. Расстояние между нами сократилось, но все еще оставалось ощутимым, как будто он не решился приблизиться больше. Я не сдержала улыбку, а Фарлаг — тяжелый вздох. Его рука скользнула ниже и легла мне на талию.

— Вы пытаетесь меня соблазнить, сэр? — поддела я его, давая понять, что пока не уснула.

— Ты мне льстишь, — хмыкнул он. — Утро после приступа — не то время, когда я в

состоянии соблазнять.

Это признание не помешало ему поцеловать меня сначала в лоб, а потом — в висок.

— Тогда что вы делаете? — я приоткрыла один глаз и посмотрела на него.

— Борюсь со своими демонами, — мрачно признал он, изобразив на лице нечто отдаленно напоминающее раскаяние. — Моя темная сторона хочет тебя обнять и зацеловать, а светлая напоминает, что тебе это может не понравиться. В конце концов, оба раза, что ты спала со мной в этой постели, ты делала это не по своей воле, а по воле случая.

— Только никогда не повторяйте этого при том легионере... — сонно пробормотала я, неосознанно тоже придвигаясь к нему ближе.

Однако в следующую секунду меня словно подкинуло: я резко приподнялась на локте, моментально проснувшись и едва не столкнувшись с Фарлагом головами. Мысли, преследовавшие меня всю ночь в виде образов и снов, наконец оформились в идею, от которой яростно заколотилось сердце.

— Тара, что с тобой? — голос Фарлага прозвучал встревоженно.

Он сам тоже приподнялся на локте, вопросительно глядя на меня. Я же смотрела на него широко раскрытыми глазами, боясь поверить в то, что моя догадка может подтвердиться, и в то же время отчаянно желая этого.

— Я знаю, что нам нужно сделать, — почти прошептала я. — Нам нужно открыть шкатулку! Они там!

— Что там? — Фарлаг продолжал хмуриться, ничего не понимая.

— Несуществующий ингредиент. Слезы русалки. Нет, подождите! — остановила я его, когда он, закатив глаза, собирался возразить. — Подумайте сами. Мы все видели пентаграмму и бассейн, а также рецепт. Мы сошлись на том, что это снадобье противодействия против проклятия Лилии Тор. Я не знаю, что случилось в ночь пожара и почему Делла бежала со мной из дома, но она прихватила с собой часть рецепта. Она ведь тоже понимала, что я унаследую проклятие матери в том или ином виде. Не знаю, почему рецепт порвался, но я почти уверена, что Делла взяла его для меня. Чтобы в случае, если проклятие проявится на мне так же, как на Лилии, она смогла мне помочь. И тогда ей логично было прихватить с собой и русалочьи слезы, как самый сложный для получения ингредиент...

— Если он у них был, — все же смог перебить Фарлаг, когда у меня кончилось дыхание. — Но я уже говорил тебе: они не могли призвать русалку.

— Ну как вы можете быть в этом уверены? — разозлилась я.

— Потому что я пытался это сделать! — чуть ли не прорычал он, а потом обессилено опустил голову обратно на подушку и перевернулся на спину.

Его слова меня удивили, хотя и не должны были. Если задуматься, то только так и можно было объяснить его уверенность в невозможности сделать это.

— Поэтому вы сразу узнали ту пентаграмму, — догадалась я. — Вы ее использовали.

— Да, — признал он, прикрыв глаза. — Отец получил для меня разрешение на использование темного потока ради этого. Это был худший день в моей жизни. Да что там день? После этого я неделю провел в постели.

— Может, стоило пригласить темного ради такого ритуала? — осторожно предположила я. — Они лучше управляют с темным потоком.

— Учитывая, что меня проклинал один из них, у меня как-то не заладились отношения с темными, — едко заметил Фарлаг. — И потом, я все сделал правильно, граница миров была

пробита, портал открылся. Но ничего, кроме скелета давно погибшей русалки, через него не прошло. Они все давно вымерли.

Я села, неосознанно пригладила волосы, размышляя над этой новой информацией, а потом уверенно тряхнула головой.

— Это ничего не доказывает. Русалок могло не остаться к тому времени, как вы проводили свой ритуал. Это не значит, что их не было и за двадцать лет до этого. Ведь не просто же так на моей шкатулке изображена русалка! Это не может быть случайным совпадением.

— Какая же ты упрямая, — усмехнулся он, тоже садясь.

Рубашка, в которой он так и спал, выглядела более помятой, чем когда-либо. Я подумала, что мое платье, скорее всего, выглядит так же. И только теперь поняла, что ужинала с Фарлагом в отвратительном ученическом платье, хотя Реджина принесла мне другую одежду. Вечером мне ни разу не пришлось в голову переодеться. Наверное, потому что Фарлаг все время смотрел на меня так, словно самое красивое на свете платье уже на мне.

— Хорошо, предположим, — продолжил он, возвращая меня в реальность, — что жидкость, которую я почувствовал внутри шкатулки, это те самые слезы. Как ты предлагаешь ее открыть? И ты пробовала, и я пробовал, но ничего не вышло.

Тут он был прав. От досады я принялась кусать губы. Голова работала плохо, мигрень растекалась по черепной коробке, парализуя остатки мыслительного процесса, но я настойчиво задавала себе вопрос: как открыть шкатулку? Если у нас не получилось, надо попросить чьей-то помощи. Я была почти уверена, что мама сделала так же. Не могла она сама использовать темное заклятие! Скорее всего, обратилась к официальному или подпольно практикующему темному магу, оплатила его работу из личных средств. Следовательно, нужно поступить так же.

Я покосилась на Фарлага, который терпеливо ждал моего ответа. Выражение лица у него при этом было такое, словно он готовился забраковать любую мою идею. Отчасти я понимала его: я не так давно искала ответы на свои вопросы, а уже пару раз успела отчаяться, а каково было ему целый год работать и получать на выходе только отрицательный результат? И с тех пор проклятие разъедало его изнутри, все больше погружая в пучину отчаяния. Наверное, в таком состоянии очень страшно снова поверить в возможность спасения. Разочарование в случае неудачи может окончательно лишить желания жить.

Но я-то пока не погрузилась в эту бездну, а значит, мне предстояло надеяться за двоих. Единственное, что мне могло помешать, — его сопротивление. Значит, предлагать найти темного мага, способного нам помочь, не стоило. Нужно найти кого-то, кто достаточно хорошо разбирается в темной магии, но при этом не темный...

— Профессор Норман, — пробормотала я, отвечая скорее на собственные мысли, чем на вопрос Фарлага.

— Что?

— Профессор... то есть, теперь уже ректор Норман наверняка сможет нам помочь, — уже увереннее заявила я. — Он очень сильный маг, прекрасно разбирается в темной магии, но сейчас уже не темный, а значит, вы не сможете придумать отговорку, по которой мы не можем к нему обратиться.

Я торжествующе улыбнулась, но оказалось, что я недооценила Фарлага. Тот скептически прищурился и многозначительным тоном уточнил:

— Ты хочешь, чтобы я обратился за помощью к предполагаемому древнему королю?

Я вздохнула и раздраженно закатила глаза.

— Мне это не помешало. Он хороший человек, очень отзывчивый. Совсем не такой заносчивый, как некоторые бывшие аристократы. Не будем показывать пальцем... И я вас предупреждаю, ректор Фарлаг, если этого не сделаете вы, то это сделаю я. Я ему уже все равно обязана.

Если Фарлаг и хотел что-то возразить на это, то воздержался. Только покачал головой, глядя на меня со странной улыбкой. В ней причудливым образом сочеталась нежность влюбленного, какую я замечала у того же Нормана, когда он смотрел на жену, и гордость, почти граничащая с отцовской, какой я ее себе представляла.

— Хорошо, — сдался он. — Я ему напишу и попрошу о помощи. Ты мне лучше скажи: ты на мою лекцию пойдешь или поспишь еще? И что ты будешь на завтрак?

На занятия я в тот день пошла, но толку от этого было мало. Сам Фарлаг лекцию у четвертого года обучения тоже провел с трудом. Нет, рассказывал он все так же четко и последовательно, как и всегда, словно зазубрил текст наизусть, но говорил при этом так монотонно, что засыпала не только я.

Поскольку ректор еще не успел взять кого-то на место поспешно выгнанного профессора Арта, Сопроводительные заклęcia подменял случайный профессор, поэтому лекция тоже вышла до зевоты скучная. Я слышала недовольные шепотки среди студентов, которым не нравилось такое положение вещей. Внезапное исчезновение Лессандр грозило усугубить их недовольство. Вероятно, у Фарлага, невзирая на влиятельного отца, вполне могли начаться проблемы, если он не заткнет дыры в преподавательском составе в ближайшее время.

Фарлаг написал Норману сразу после завтрака, и, как я и предсказывала, тот откликнулся на нашу просьбу моментально. О том, что он навестит Лекс в субботу с утра, ректор сообщил мне уже за ужином. Я была искренне рада это слышать, хотя в тот момент меня больше волновал другой вопрос: имеет ли мне смысл оставаться в апартаментах Фарлага, если на меня напала профессор Лессандр, которая сбежала. Мне казалось, что раз это она пыталась меня убить, то теперь мне ничего не грозит, а лишних сплетен не хотелось.

— Возможно, в этом и нет смысла, — признал Фарлаг, без особого энтузиазма ковыряя содержимое своей тарелки. Он и накануне приступа ел мало, что тоже меня тревожило. Откуда возьмутся силы на борьбу с проклятием, если он толком не ест? — Но я наложу на твой фокусирующий артефакт следящие чары. Чтобы знать, если тебе понадобится помощь.

— Это не опасно для вас? — тут же напряглась я. — Это ведь требует расходования магического потока.

— Тара, поверь, если с тобой что-то случится, мне будет гораздо хуже.

— Иногда вы говорите так, словно все-таки влюблены, — поддела я его, не удержавшись.

Он только слабо улыбнулся в ответ, но ни спорить, ни язвить не стал.

Сразу после ужина я вернулась в свою комнату. Реджина была удивлена, но неожиданно... рада.

— Я успела привыкнуть к тому, что ты все время тут шуршишь, — фыркнула она в ответ на мое изумление.

И даже открыла по этому поводу припрятанную бутылку вина. При виде темно-бордовой жидкости, льющейся в бокал, я испытала смутную тревогу, которая так и не потрудилась облечь себя в законченную мысль, поэтому я все же выпила с Реджиной, а потом пошла спать.

Так крепко и так долго я еще никогда не спала. Фее, явившейся ко мне в одиннадцать утра с запиской от Фарлага, пришлось меня будить.

Когда я добралась до кабинета ректора с шкатулкой в руках, Норман уже ждал в кресле посетителя. Он был в серой преподавательской форме, хотя как ректор, имел право ее больше не носить. Сидел, как всегда, прямо, выглядел спокойно. Когда я вошла, он поприветствовал меня сдержанной улыбкой и легким кивком. Я пожелала ему доброго утра,

хотя для него, наверное, уже давно начался день, и села во второе кресло, незаметно пытаюсь отдышаться.

— Так чем я могу быть вам полезен? — Норман перевел вопросительный взгляд с меня на Фарлага и обратно. — В вашем письме речь шла об этой шкатулке?

Фарлаг согласно кивнул, а я протянула шкатулку Норману.

— Мы не можем ее открыть, — пояснила я. — Ректор Фарлаг считает, что на нее наложено какое-то серьезное темное заклятие.

Норман покрутил шкатулку в руках, потом положил на крышку ладонь и прикрыл глаза, считывая магический след. Мы с Фарлагом терпеливо ждали его вердикта. Я так вообще непроизвольно затаила дыхание.

— Открыть эту шкатулку будет очень проблематично, — резюмировал Норман через какое-то время, убирая руку. — Это действительно темное заклятие. Оно закрывает смертью и на смерть.

— Что это значит? — не поняла я. Судя по хмурому выражению лица Фарлага, он тоже не был знаком с таким заклятием.

— Это значит, что шкатулка закрылась после того, как кто-то умер. Это не обязательно было ритуальное убийство, хотя могло быть. Но также смерть могла быть обещана в процессе наложения заклятия, а произойти позже по естественным причинам. Или неестественным. Это не принципиально. Важно то, что шкатулку теперь не открыть, пока не произойдет другая смерть.

— Чья? — я снова бросила тревожный взгляд на Фарлага. Тот с каждым словом Нормана мрачнел все больше.

— Этого я не могу сказать, — с сожалением признал Норман. — Обычно такое заклятие использует тот, кто хочет защитить некий предмет от какого-то другого человека. Конкретного человека. Он... или она делает свою смерть условием для запечатывания, например, шкатулки. А условием распечатывания ставит смерть того, от кого он охранял этот предмет. Это дает гарантию, что предмет ему не достанется. А иногда люди пишут признание в преступлении, в котором они принимали участие или которому были свидетелями. Признаются во всем для очистки совести, но при этом не дают письму быть обнародованным до тех пор, пока не умрет другой человек, замешанный в преступлении. Чтобы не компрометировать его.

— Можно ли как-то узнать, на чью смерть закрыта эта шкатулка? — сдержанно поинтересовался Фарлаг.

— Искать следует среди ближайшего окружения того, кто шкатулку закрыл. Это должен быть либо кровный родственник, либо тот, чью каплю крови можно было достать для ритуала. Не уверен, что я как-то вам помог, — добавил он, заметив выражение наших лиц. — В шкатулке что-то очень ценное?

— Мы точно не знаем, — отмахнулся Фарлаг.

— Возможно, там один очень важный ингредиент для снадобья, — честно призналась я. — И это снадобье может спасти ректору жизнь.

— О, — Норман нахмурился и сочувственно посмотрел на Фарлага. — Мне очень жаль, я слышал о вашем проклятии. А что, этот ингредиент настолько редкий?

— Настолько, что больше не существует, — проворчал Фарлаг. Я видела, как потух его взгляд. Значит, он все-таки позволил себе понадеяться на содержимое шкатулки.

— Русалочьи слезы, — уточнила я, решив, что за свою готовность помочь Норман

заслужил более откровенных ответов.

— Ах, русалки, — Норман почему-то улыбнулся. — Да, сложная ситуация, в которой не поможет даже темная инверсия.

— Что такое темная инверсия? — тут же зацепилась я, поскольку не слышала этого термина раньше.

А вот судя по реакции Фарлага, он о ней слышал. Что было логично: все-таки в плане теоретических знаний он был далеко впереди меня. И почему-то ему эта темная инверсия была неприятна. Неужели только потому, что это темная магия?

— Темная инверсия — это замена одного редкого ингредиента другим с применением темной магии, — пояснил Норман, невзирая не заметное недовольство Фарлага. — Например, слезы русалок настолько редки, что их почти невозможно было достать даже тогда, когда мы жили с ними в одном мире. Русалки — оборотни. Они могут жить и в воде, и на суше, но предпочитают глубины океана, поскольку они для них... комфортнее, скажем так. Если русалка заплачет, находясь в воде, ее слезы тут же с ней смешаются, их будет не отделить. Значит, русалку надо либо убедить жить на земле, либо пленить. Но в отличие от обычных женщин, в стрессовых ситуациях русалки не начинают реветь в три ручья. У них несколько иная физиология, другой гормональный фон. Сложно предсказать, что именно способно вызвать у них слезы. Поэтому порой их приходилось ждать очень долго, а терпения хватало не у всех. Одним таким нетерпеливым Мастером было обнаружено, что не только слезы русалки способны давать нужный эффект, но и кровь.

— То есть вместо того, чтобы ждать слез, можно пустить русалке кровь? — от осознания этого факта у меня по спине побежали мурашки, но совсем не такие, как от прикосновений Фарлага. От этих неприятно покалывало кожу и в животе завязывался тугий холодный узел.

Норман как будто смутился, неловко посмотрел на Фарлага. Тот ответил ему хмурым взглядом исподлобья. Мне стало еще тревожнее, хотя я и не до конца понимала почему.

— Все, что касается темной магии, требует от того, кто ее практикует, определенной жертвы, — издали начал Норман, словно выступал сейчас на лекции. — В снадобьях это менее выражено, потому что темный поток, который мы черпаем из демонического измерения, редко используется в качестве магического компонента. Тем не менее собственный поток тоже может... скажем так, окрашиваться в темные оттенки при определенных эмоциональных состояниях. Так и возникает темная инверсия. Вместо слез, которые трудно получить, ты берешь кровь, которую можно взять силой... Но компенсируешь кажущуюся простоту этого действия убийством. Это должна быть кровь мертвой русалки, собственноручно убитой тем, кто готовит снадобье. И снадобье должно быть сварено сразу, пока убийца еще на эмоциях после совершенного. В тот момент его собственный поток наполнен... злом, скажем так.

Меня замутило от этого рассказа. Интересно, знали ли о такой возможности Блэки и были ли они готовы так поступить, когда призывали русалку в наш мир?

Знал ли об этом Фарлаг, когда сам пытался сделать это?

Я посмотрела на него, но он внимательно разглядывал собственные руки, как будто пытался найти на них ответы на все самые важные в его жизни вопросы.

— Это отвратительно, — вырвалось у меня со вздохом.

— Так работает магия, — Норман развел руками, как будто извиняясь. — Всегда есть ограничения, всегда есть какая-то цена. Порой вот такая. К тому же снадобья, изготовленные

с помощью темной инверсии, имеют некоторые побочные эффекты. Они меняют того, кто их принимает. Я имею в виду, прежде всего, внутреннюю суть, но внутреннее рано или поздно всегда сказывается на внешнем...

— Что ж, господин Норман, благодарим вас за попытку помочь, — хрипло перебил Фарлаг, — и за увлекательную лекцию по темной инверсии.

— Мне жаль, что я ничего не могу для вас сделать, — искренне ответил на это Норман, поднимаясь из кресла.

Он уже сделал шаг в сторону двери, но остановился и снова посмотрел на меня.

— А как ваши дела, госпожа Роук? — вежливо поинтересовался он.

Я попыталась изобразить улыбку, но после разговоров об убийствах русалок это получалось плохо.

— Все хорошо, профессор Норман. Спасибо, сэр.

По его лицу скользнуло мгновенное удивление, но потом он, видимо, вспомнил об особенностях обращения студентов к преподавателям в Лексе.

— Знаете, Таня часто вспоминает вас. Гадает, как у вас тут все сложилось. Если у вас будет время и возможность, навестите нас во время каникул. Она будет рада возможности пообедать с вами. У нее... не такой уж широкий круг общения. Боюсь, в основном по моей вине. Хотя ее положение тоже играет в этом существенную роль.

Я пообещала навестить их при первой же возможности, после чего Норман едва заметно поклонился нам обоим и покинул кабинет ректора Лекса.

— Вы знали об этом? — спросила я, когда мы с Фарлагом остались вдвоем.

Я не решалась в этот момент смотреть на него, предпочитая разглядывать поверхность крышки запертой шкатулки. Пальцы сами собой поглаживали изображение русалки в центре.

— Конечно, знал.

Он поднялся на ноги и обошел стол. На несколько секунд задержался у моего кресла, но так ничего не сказав и не сделав, прошел дальше. Я осторожно покосилась на него, увидела, как он взъерошил волосы, а потом прижал к лицу ладонь.

— Я рассматривал все варианты. И, предупреждая твой вопрос, да, был готов убить русалку и взять ее кровь, если потребуется.

От этого признания у меня внутри все похолодело. Он уже говорил мне подобное. В самом начале. Заверил, что сделал бы что угодно для избавления от проклятия. Даже если бы для этого потребовалось отнять жизнь у другого человека. Я не поверила ему тогда, я не верила и сейчас.

— Вы бы не смогли...

Он принужденно рассмеялся, повернулся ко мне, глядя на меня с сожалением.

— Ты недооцениваешь желание человека жить. Когда на чаши весов ложатся две жизни, одна из которых твоя... Выбор очевиден. Любой человек выберет свою.

Я покачала головой, теперь уже не глядя на него.

— Не любой.

— Неужели? — насмешливо усомнился он. Его голос звучал нервно и при этом совершенно незнакомо. — А вот представь на секунду, что эта шкатулка закрыта на твою смерть. И либо умираешь ты, а я получаю недостающий ингредиент, готовлю себе снадобье и живу дальше, либо ты живешь, а я через какое-то время все же прекращаю свои мучения. Два варианта, две жизни, две чаши весов. Что бы ты выбрала?

У меня задрожали руки, и я сильнее стиснула ими шкатулку, чтобы унять дрожь, но она лишь охватила меня всю.

— Если бы моя смерть могла спасти кому-то жизнь, особенно дорогому мне человеку, я бы умерла, не задумываясь, — с трудом выговорила я.

— Ну и дура! — прикрикнул он. — Твоя жизнь для тебя — единственное, что должно иметь смысл и ценность!

— Хотите сказать, что знай вы наверняка, что в шкатулке — нужные вам слезы, а заперта она на мою смерть, вы бы меня убили?

Я вопросительно посмотрела на него, но мой взгляд отчего-то не мог сфокусироваться, словно я видела все через какую-то пелену. Я моргнула, и только тогда взгляд прояснился.

Фарлаг резко выдохнул и отвернулся, заметно злясь. Я ждала его ответа почти целую минуту, тяжело дыша и вслушиваясь в мерное тиканье настенных часов.

— А зачем мне было бы тебя убивать? — наконец холодно ответил он. — Ты бы ведь и сама умерла. Не задумываясь.

Мне хотелось запустить в него шкатулкой. Прямо в голову. Но я удержалась: если там все-таки лежит столь ценный ингредиент, нельзя рисковать флаконом.

Поэтому я просто молча встала и вышла из кабинета. Ни останавливать меня, ни догонять Фарлаг не стал.

Мы перестали видеться. Вообще. Фарлаг всего за пару дней нашел замену и Блэку, и Арту, и даже Лессандр. Новый преподаватель снадобий взял на себя и практику, и теорию. Он был немного старше самого Фарлага, совершенно адекватен и работоспособен. С первого же занятия объявил, что мы сильно отстали, поэтому будем идти в быстром темпе, чтобы все нагнать к зачету в конце триместра. Правда, он признал, что выданный Фарлагом досрочный зачет части нашей группы остается действителен. Заодно он объявил мне, что теперь он мой наставник, так что по вторникам я стала ходить заниматься к нему.

К себе Фарлаг меня не вызывал. Ни ради разговора, ни ради лечения головной боли. Я ни разу не столкнулась с ним в коридоре или где-нибудь еще. Другие тоже время от времени замечали, что ректора совсем не видно.

Мне казалось, что моя жизнь замерла. Я ходила на лекции, посещала практические занятия, готовила рефераты и зубрила предметы, но после череды напряженных событий все это словно проходило мимо меня. Казалось глупым и никчемным, как утомительный сон, от которого я никак не могла очнуться.

О Лессандр не было никаких вестей, и я подозревала, что ее никогда не найдут. Если вообще ищут.

Единственная новая информация, которую удалось добыть, пришла от отца Сары и касалась Лилии Тор. В своем письме он сообщал, что девичья фамилия Аманды Блэк действительно была Тор и что у нее есть старший брат. Он служил в Легионе мелким клерком в отделе расследования смертей, был женат и вырастил двух сыновей. Ничего экстраординарного ни с ним, ни с его женой не происходило, дочери Лилии у него никогда не было. Он и сейчас был жив, но уже вышел на пенсию, оставил прежний дом старшему сыну и его жене, а сам переехал куда-то в деревню. В Легионе не знали, куда именно. Конечно, найти его при желании было возможно, но просить об этом отца Сары мы не могли, а сами не имели права покидать Лекс до каникул. На этом наше расследование зашло в тупик.

Мы все еще не знали ответа ни на один вопрос. Кем была девушка, жившая с Блэками под именем Лилии Тор? Почему они выдавали ее за свою родственницу? Была ли она моей настоящей матерью? Для нее ли было снадобье со слезами русалки? Удалось ли Блэкам призвать русалку? Стали ли они ждать ее слез или просто убили и взяли кровь? Норман сказал, что в случае темной инверсии снадобье обретает побочные действия. Меняет внутреннюю суть человека, но внутреннее рано или поздно сказывается на внешнем. Могло ли снадобье, изготовленное из крови русалки, изменить внешность Лилии — ее глаза? И как именно оно изменило ее внутренне? Не из-за этих ли изменений ее заперли в подвале и посадили на цепь? Могла ли я из-за этого родиться такой, какой я родилась? И что еще я могла унаследовать от своей матери?

Я составила для самой себя список людей, на смерть которых могла быть закрыта моя шкатулка. В него входили Аманда Блэк, участь которой я пока не знала, ее брат, мой неродной отец, я сама и мой родной отец под знаком вопроса. Аманда и ее брат были единственными известными мне кровными родственниками моей приемной матери. А я была уверена, что именно Делла с помощью темного мага наложила заклятие на шкатулку.

Ее смерть стала условием для запечатывания шкатулки. Я и мой неродной отец были в этом списке только потому, что каплю нашей крови она могла получить без проблем. На ферме хватало возможностей пораниться. Про родного отца я ничего не знала, поэтому пока сомневалась, могла ли у мамы быть капля его крови.

Каждый раз пробегая глазами список, я вспоминала последний разговор с Фарлагом. В тот момент я была на эмоциях, мысль о том, чтобы убить кого-то ради спасения своей жизни казалась мне отвратительной. Но теперь я немного успокоилась и смотрела на все под другим углом. Я мысленно клала на чаши весов жизнь Фарлага и, например, моего неродного отца. Будь выбор за мной, кому из них я скорее дала бы умереть? А если положить на вторую чашу весов совсем неизвестного мне старика — брата Аманды? Или саму Аманду, которая сейчас тоже должна была быть совсем пожилой, если только она еще жива? Внезапно я поняла, что отдала бы за Фарлага не только свою жизнь. Сложись так ситуация, я взяла бы и чужую. И жизнь неизвестной мне русалки наверняка тоже. От этого осознания у меня снова начинали дрожать руки, а внутренности болезненно перекручивало.

В один из дней я все-таки решила пойти к нему. Как минимум убедиться, что он в порядке, а лучше — нормально поговорить и расставить все точки над «і». Однако с присутствием мне «везением» едва не столкнулась у двери кабинета с его женой. Она шла, мило беседуя с девушкой с моего года обучения, которую я плохо знала, поскольку она принадлежала к новой элите. Те демонстративно игнорировали мое существование. Судя по тому, что девушка эта, заметив меня, смутилась и ретировалась, госпожа Фарлаг расспрашивала ее обо мне.

Сама жена ректора совершенно не смутилась, заметив меня, только приторно сладко улыбнулась и радостно воскликнула:

— О, Тара! Ты к Найту? Прости, дорогая, у меня уже назначена с ним встреча. И я пока еще все-таки его жена, так что у меня двойной приоритет.

Я не нашла, что ответить. Оправдываться было бы глупо, спорить — тем более, поэтому я просто повернулась и пошла прочь, чувствуя на себе ее взгляд.

Друзья причины моего подавленного состояния понимали не до конца. Алек пытался меня подбадривать. Уверял, что Мор вот-вот найдет Лессандр, а она сможет дать ответы на все вопросы. Я кивала и улыбалась, но не верила в это. Реджина продолжала мило со мной общаться, и даже Сара с удовольствием садилась рядом на лекциях, но оказалось, что кроме моего расследования, других общих тем у нас не было.

Мой день рождения прошел незаметно. Последний четверг апреля ничем не отличался от других дней. Единственное поздравление, которое я получила, было подписано Норманами. Конечно, ректор Орты видел мое личное дело и знал, когда у меня день рождения. Мне было одновременно неловко, приятно и очень грустно. Неродной отец, судя по всему, решил окончательно вычеркнуть меня из своей жизни. Фарлаг продолжал игнорировать мое существование. Алек и остальные просто ничего не знали.

Сюрпризы начались в пятницу. Я зашла в учебную часть по мелкому вопросу, а сотрудница огорошила меня известием о том, что мою оплату за два грядущих триместра они получили. Заметив мое недоумение, она напомнила, что до этого у меня был оплачен только первый триместр, а теперь — все обучение до конца года. Я прекрасно знала про один оплаченный триместр, но точно не оплачивала два оставшихся, у меня не было на это денег. Те три банка, в которые я обратилась за образовательным кредитом, отказали, а в другие я пока не писала. Когда я спросила, кто оплатил обучение, женщина только пожалала

плечами.

— Откуда мне знать? Очевидно, ваши родители.

Для меня это не было столь очевидно, но, конечно, я не стала объяснять это сотруднице учебной части. Мог ли неродной отец оплатить обучение в качестве подарка на день рождения? Едва ли. Все подарки от него, полученные мною за всю жизнь, вместе не стоили и одного триместра обучения в Лексе. Но я не представляла, кто еще мог это сделать.

Второй сюрприз ожидал меня после лекции по снадобьям. Алек вдруг заявил мне и Реджине, что ему надоела скучная студенческая жизнь, поэтому он решил устроить еще одну вечеринку.

— А что за повод? — удивилась Реджина.

— Да без повода, — отмахнулся он. — Так что можно обойтись без коктейльных платьев. Это будет вечеринка на скорую руку. Без официантов и всего этого официоза. Просто потанцуем, повеселимся.

Мне не очень хотелось веселиться, но Алек заявил, что я обязана прийти. И честно говоря, за всю поддержку, что он мне оказал с самого начала, я действительно чувствовала себя обязанной.

Хоть Алек и сказал, что мы обойдемся без коктейльных платьев, Реджина все же предложила мне заглянуть в ее шкаф. Я отказалась. Оказаться снова в ситуации, в которой все будут знать, что на мне чужое платье, я не хотела. Лучше уж пойти в своем, пусть даже оно не будет таким великолепным, как те, в которых ходят богатые студентки. Я не хотела превращаться в Реджину, которая вместе со всей семьей из кожи лезла вон, чтобы одеваться и жить на уровне высшего общества.

Я выбрала то самое платье, в котором собиралась пойти на первую вечеринку Алека: чуть выше колена, с расклешенной юбкой, рукавами «три четверти» и скромным вырезом, красивого синего оттенка. Мама купила его мне не так давно и говорила, что оно мне очень идет. Может быть, это платье не очень подходило местным вечеринкам, но оно было моим. И если кто-то будет надо мной смеяться, то хотя бы не за то, что я пытаюсь быть кем-то другим. А той, кто я есть, я больше не собиралась стесняться.

Когда я вышла из своей спальни в нашу общую гостиную, Реджина сидела на диване с чашкой чая и увлеченно читала какой-то журнал. Как ни странно, сегодня на ней тоже было довольно простое платье. Оно наверняка стоило в разы больше моего, но его можно было назвать скорее повседневным, нежели вечерним. Может быть, не так уж сильно я сегодня буду выделяться, раз вечеринка планируется «на скорую руку»?

— Ты уже готова? — осторожно уточнила я. Вдруг Реджина просто так увлеклась светскими сплетнями, что не успела переодеться.

— Да, сейчас пойдем, — отозвалась она, не отрываясь от журнала. — Только дочитаю статью. Ты не видела?

— Я не читаю светскую прессу, — напомнила я. — Я в ней никого не знаю.

— А зря, — она подняла на меня взгляд и загадочно улыбнулась. — Героев этой истории ты знаешь. Представляешь, Фарлаг развелся.

Я подумала, что ослышалась, но все равно пораженно застыла в двух шагах от дивана, глупо приоткрыв рот. А Реджина тем временем продолжила:

— Впрочем, ты к нему... хорошо относишься, может, тебе и не стоит этого читать. Автор статьи, подлец, потрошит его как рыбу. Видимо, информацию о разводе получил от его бывшей жены. Эта мадам тут просто само благородство и невинность, а он — коварный

соблазнитель, разбивающий женские сердца. Она, видите ли, пять лет стойко терпела рядом проклятого мужа, во всем ему помогала, а он взял и бросил ее ради студентки. Интересно, кого они имеют в виду? Ты случайно не в курсе?

Она многозначительно покосилась на меня, но я уже почти не слушала ее. В ушах пульсировала кровь, а в голове осталась только одна мысль: он развелся. После всех своих заявлений о том, что не хочет скандала и грязи в светской прессе, что не влюблен меня и не собирается влюбляться, ибо любовь — зло, что он в любом случае не стал бы на мне жениться, потому что не может дать мне того, что должен давать брак, а потому рассчитывал только на короткий роман со мной. После всего этого он развелся. Умудрился сделать это так, что об этом узнали только по факту.

Не потому ли его жена стала навещать его так часто? Может, они согласовывали условия? Не потому ли она смотрела на меня, как на личного врага? Предполагала, что он разводится с ней из-за меня?

Я вдруг поняла, что ничего не понимаю. Почти две недели он вообще не разговаривал со мной, но все равно развелся. Почему? Сделал ли он это ради меня или по каким-то своим причинам?

— Эй, не впадай в прострацию, — Реджина потрясла меня за плечи. — Радоваться надо, если между вами действительно что-то есть. Теперь он свободен. Едва ли он долго проживет, конечно, но если он на тебе женится, ты получишь его фамилию и наследство, — она криво усмехнулась. — Станешь богаче и влиятельнее меня.

Я посмотрела на нее, как на сумасшедшую. Какое наследство? Какая фамилия? Чего я точно не хотела от Найта Фарлага, так это наследства. Он был нужен мне живым. А еще лучше — здоровым, свободным от проклятия. Улыбающимся так, как на том свадебном портрете, что я однажды видела.

Желание идти на вечеринку пропало окончательно. Мне хотелось пойти к Фарлагу, чтобы спросить у него, что происходит, глядя ему в глаза. Наверное, мне стоило сделать это еще десять дней назад, когда я осознала, что он меня избегает. Да, мы поссорились. Да, он говорил отвратительные вещи, но нам стоило поговорить об этом еще раз, в уже более спокойной обстановке.

— Даже не думай! — вдруг резко возмутилась Реджина, когда я сказала ей, что не пойду на вечеринку. — Алек обидится. Хотя бы ненадолго зайти надо.

Ее реакция показалась мне странной. Хоть Реджина и стала лучше ко мне относиться, она все равно предпочитала находиться в компании Алека без меня. А сейчас она так вцепилась мне в руку, словно собиралась дотащить до места вечеринки насильно.

Конечно, ей не пришлось этого делать: мне и самой не хотелось обижать Алека. Но смысл ее поведения открылся мне только в тот момент, когда мы вошли в Синий зал.

Музыка мгновенно смолкла, а взгляды всех присутствующих обратились ко мне. Людей было немного: только наши одногодки, только так называемая «старая аристократия», которая после памятного занятия у Фарлага полностью приняла меня. И как ни странно, все сегодня были одеты так же скромно, как и мы с Реджиной.

И вот сейчас все эти люди повернулись ко мне и с улыбками на лицах дружно прокричали:

— С днем рождения!

Откуда-то появился Алек с букетом цветов. Вручив его мне, он быстро поцеловал меня в щеку и тихо повторил за остальными:

— С днем рожденья, Тара. Прости, что с опозданием на один день, но вечеринки разрешают устраивать только по пятницам. Хотелось сделать сюрприз.

— Вам удалось, — дрогнувшим от переполняющих меня эмоций голосом заверила его я.

Мои губы сами собой расплывались в улыбке, а сердце отчаянно колотилось. Такой многочисленной вечеринки в честь моего рождения у меня не было никогда. Пусть даже друзьями я могла назвать здесь от силы трех человек, но остальные тоже доброжелательно мне улыбались. И как я выяснила спустя пару минут, каждый явился сюда с небольшим подарком для меня. Их сложили на отдельном столе. Такого количества подарков я тоже не получала никогда.

— Неужели это все для меня? — почти шепотом спросила я Алека, когда снова заиграла музыка, чрезмерное внимание к моей персоне прекратилось и я смогла выдохнуть. — У меня никогда такого не было.

— Когда-то надо начинать, — улыбнулся он и потащил меня туда, где несколько пар кружились под музыку. — И сегодня я снова не позволю тебе отказаться от танца.

Я и не стала отказываться. Слишком меня впечатлило то, что он для меня сделал.

Но все же, кружась с Алеком Праймом под медленную мелодию, я искала взглядом в толпе ректора Фарлага. Ведь в прошлый раз он был на вечеринке Прайма. Не мог же он не прийти на мой день рождения?

Однако сколько я ни скользила взглядом по лицам, Фарлага нигде не было видно.

От такого количества уделенного мне внимания голова шла кругом. За меня поднимались бокалы, мне желали разных благ, меня по очереди приглашали на танец разные кавалеры, а потом я при всех разворачивала подарки. К счастью, среди них не оказалось ничего слишком дорогого, что поставило бы меня в неловкое положение. Я и так была в ужасе от мысли, что мне придется потом что-то дарить каждому из гостей вечеринки. Но все, что происходило этим вечером, происходило умеренно и заставляло меня только радоваться и лишь немного смущаться. Как будто все эти люди действительно хотели сделать мне приятное, а потому поздравляли меня со всей возможной деликатностью. Я подозревала, что в этом заслуга Алека.

Однако через пару часов я устала и от внимания, и от праздника. Наверное, отец был прав, называя меня буквой. Даже во всем великолепии этого вечера я умудрилась найти повод потосковать. И таким поводом стало отсутствие ректора. Конечно, мы поссорились и не общались, а пересказанная мне публикация о его разводе делала наше общение в неформальной обстановке крайне нежелательным, но это не мешало мне хотеть его видеть.

Едва внимание ко мне ослабло, я скользнула в ту самую нишу, в которой на первой вечеринке Алека столкнулась с Фарлагом. В этот раз полог тишины пришлось накладывать самой, поскольку сегодня ниша была пуста.

Я подошла к окну, которое тянулось во всю стену, и прижалась горячим лбом к холодному стеклу. Прикрыла глаза, вспоминая тот первый вечер. Свое смущение и напряжение, когда я заметила ректора. Наш разговор. Сравнила все это с тем, что чувствовала сейчас. А сейчас мне отчаянно хотелось, чтобы он оказался здесь. Чтобы мы поговорили еще раз и извинились друг перед другом. Я за то, что осудила его за одно только намерение, не разобравшись в мотивах. Он за то, что накричал на меня. Именно сейчас я поняла слова, сказанные мне Таней накануне перевода в Лекс. О том, что они с Норманом не всегда способны понять друг друга, но всегда хотят понять. Мне очень хотелось, чтобы мы с Фарлагом смогли понять друг друга и вернуться к тем отношениям, что были до визита Нормана.

— Мы тебя уже утомили? — раздался за спиной голос Алека.

Я непроизвольно вздрогнула и обернулась. Он подошел ко мне ближе, неловко улыбаясь, и встал рядом, глядя не на меня, а в окно. На улице почти сгустились сумерки, зажглись световые шары в саду. Снова начинался дождь: первые крупные капли уже упали на стекло и скатывались по нему вниз, как слезы. Такой дождливой весны я давно не видела. И там, где я выросла, и в Орте к апрелю чаще всего устанавливалась теплая и солнечная погода, дожди случались редко.

— Нет, что ты, — поспешно заверила я. — В этот раз вечеринка мне по-настоящему нравится. Просто мне потребовалась минутка тишины.

— Понимаю, — Алек кивнул и оглянулся на стоящее в углу кресло. В царившей в нише полутьме его было почти не видно. — Кажется, это любимое место ректора. Он всегда проводит здесь все время, когда вынужден присутствовать на моих официальных вечерах. По мне, так лучше бы он не приходил совсем, но он приверженец традиций.

— Но сегодня он не пришел, — не удержалась я от комментария, переводя взгляд на

тонущее в сумерках соседнее крыло замка за окном.

— Это не официальная вечеринка Прайма, — пояснил Алек. — Это твоя вечеринка. А ты хотела, чтобы он пришел?

Я скорее почувствовала, чем увидела, как он повернул голову и посмотрел на меня. И поняла, что его вопрос гораздо глубже, чем казалось на первый взгляд. Алек спрашивал совсем не о моем желании видеть ректора этим вечером. И я не стала увильнуть.

— Да, мне его очень не хватает.

Алек понимающе хмыкнул. Я подсознательно ждала какого-нибудь едкого комментария. Был бы на его месте Фарлаг, я бы его точно услышала. Но Алек только помолчал недолго, а потом вздохнул.

— Так в чем проблема, Тара? Ты ведь знаешь, где он живет. Мы тебя уже поздравили, все тебе подарили. Ты не обязана оставаться тут до тех пор, пока гости не разойдутся. Это твой праздник. Ты имеешь право быть с тем, с кем хотела бы быть.

От его слов у меня в груди разлилось незнакомое, щемящее, но очень теплое чувство. Благодарность и облегчение, смешанные с грустью. Теперь Алек знал, что я сделала свой выбор, и сделал свой. И я была рада, что он предпочел остаться моим другом, а не занять позицию обиженного отверженного влюбленного.

— Я не уверена, что он хочет меня видеть, — призналась я тихо. — Мы не очень хорошо расстались в последний раз, и с тех пор он избегает меня.

— А я вот уверен, что хочет, — огорошил меня Алек. — Потому что, вынужден признаться, весь этот праздник для тебя организовал он. Моими руками, но он вызвал меня вчера к себе, спросил, не хотим ли мы устроить вечеринку в честь твоего дня рождения. А я даже не знал, что у тебя день рождения, хотя ты и упоминала, что он скоро. Ну а дальше он уже все сказал, как делать и как организовать. И как оправдаться за позднее поздравление. Сказал, ты будешь очень рада. Мне даже показалось, что... Впрочем, неважно, что мне показалось. Теперь я вижу, что это не так.

Я молча смотрела в окно, чувствуя, как неровно бьется сердце и как тяжело становится дышать. Я вспомнила вечер, когда рассказывала Фарлагу о том, чего мне не хватает в жизни. Праздник в окружении шумной компании друзей входил в перечень. И он мне его подарил, оставшись при этом в тени.

И мое обучение тоже наверняка оплатил он. Кроме него, никто не мог даже знать о том, что оно оплачено не до конца. Этим он дарил мне мою вторую мечту: с дипломом Лекса я могла претендовать на любую престижную и хорошо оплачиваемую позицию.

— Кстати, ты слышала, что он развелся?

Я кивнула. Во мне бушевало столько эмоций, что я совсем не могла говорить.

— Саре, оказывается, сестра еще два дня назад писала и по секрету это рассказала. Только та мочала, пока это в прессе не появилось. Судя по всему, он еще в начале апреля на развод подал. И это был рекордно быстрый развод. Конечно, совершенно для него невыгодный. Так что бывшая госпожа Фарлаг теперь очень богатая женщина, зато он совершенно свободный мужчина.

Я прикрыла глаза и потерла ладонью лоб, пытаясь привести в порядок мысли. Фарлаг первый раз поцеловал меня четвертого апреля, мне хорошо запомнился тот день... Еще бы он мне не запомнился! Значит, примерно тогда же он начал разводиться. Зачем, если он все равно не собирался жениться на мне? Только потому, что для меня его брак имел значение?

— Только не забывай, что он проклят, Тара, — осторожно добавил Алек. — И едва ли

проживет долго. Если ты влюбишься в него по-настоящему, это разобьет тебе сердце. Но если ты уже влюблена, то не трать ваше время зря. Потом будешь жалеть, но уже ничего не сможешь сделать. Неважно, что он там сказал. Суди о его отношении к тебе по поступкам.

Я открыла глаза и наконец снова повернулась к Алеку, улыбнулась. Может быть, королевская кровь все-таки действительно была какой-то другой или Алеку Прайму просто очень повезло с родителями, которые воспитали его таким. А может быть, он вырос таким сам. Наверное, если бы я не влюбилась в Фарлага, я бы определенно со временем влюбилась в него.

Я поцеловала его в щеку.

— Спасибо.

Это единственное, что я смогла выдать из себя. Он улыбнулся мне своей красивой, открытой улыбкой и кивнул.

— Удачи. Я скажу девчонкам, что тебе было пора идти.

К счастью, по дороге к выходу из Синего зала меня никто не перехватил, и всего несколько секунд спустя я уже оказалась в пустом, как всегда плохо освещенном коридоре. Я так спешила поскорее добраться до комнат ректора, что не сразу заметила другие шаги, преследовавшие меня почти от дверей бального зала. Обратила внимание на них только тогда, когда половина коридора осталась позади. Я замерла, прислушиваясь, но мой преследователь тоже остановился. Резко обернувшись, я увидела мужскую фигуру, прятавшуюся в тени у стены.

— Кто там? — я старалась, чтобы мой голос прозвучал грозно, но он предательски дрогнул, выдавая мой страх. — Что вам нужно?

Тень шевельнулась, мужчина приблизился к границе света, падавшего от ближайшего к нему шара.

— Дорн? — удивилась я, когда наконец узнала того, кто меня преследовал. — Чего ты хочешь?

— Я смотрю, ты круто поднялась, Роук, — едким тоном заметил тот, делая еще один шаг ко мне.

Я попятилась назад, не позволяя ему приблизиться. На расстоянии меньше вытянутой руки трудно поставить щит в случае необходимости. А мне почему-то казалось, что такая необходимость может возникнуть. От Дорна веяло угрозой.

— Боишься меня? Правильно делаешь. Ректор ведь не всегда будет у тебя под рукой, чтобы защитить.

— Почему ты не можешь просто оставить меня в покое? Я тебя не трогаю, и ты меня не трогай. И тогда все будут счастливы.

— О, это вряд ли, — он покачал головой и снова шагнул ко мне. — Ты мне еще должна ответить за унижение, через которое мне пришлось пройти по твоей милости.

— Ты сам на него напросился, — напомнила я, продолжая отступать назад и выставляя вперед руку. Магический поток начал фокусироваться. — Сделаешь еще шаг и пожалеешь об этом, — предупредила я. — Ты уже знаешь, что мне за это ничего не будет.

— О, да, и с любовником твоим я еще тоже посчитаюсь, будь он хоть трижды ректор и четырежды Фарлаг. Кстати, — Дорн больше не приближался, а просто наклонился ко мне, — а ты уверена, что здесь все еще есть кому тебя прикрывать?

Мне хотелось верить, что он блефует, но в его гадкой ухмылке было столько предвкушения, что не получалось. Возможно, слова Дорна просто попали на плодородную

почву моих страхов, но сердце неожиданно екнуло в груди. Ощущение, что вот-вот произойдет что-то очень плохое — если уже не произошло — затопило меня удушливой волной. Мозг отказывался принять тот факт, что Дорн реально может чем-то угрожать Фарлагу, но ноги уже понесли меня прочь. За спиной я слышала неестественный смех Дорна и его подначивания:

— Беги-беги, фермерша. Может быть, еще успеешь.

Я так и бежала до самого кабинета ректора, едва не умерев от остановки сердца под конец неприлично длинной лестницы. Дверь оказалась заперта, и я запоздало сообразила, что вечер пятницы — не то время, когда ректора стоит искать в кабинете. К счастью, я уже достаточно хорошо знала, где находится дверь, ведущая напрямик в большую гостиную.

На мой истеричный стук в дверь никто не ответил, зато сама дверь послушно открылась, стоило только повернуть ручку. Похоже, Фарлаг так и не убрал разрешение для меня на свободное передвижение по его комнатам.

Гостиная была пуста. В камине, как обычно, весело горел огонь, все светящиеся шары были зажжены, но самого Фарлага здесь не было. Мое внимание привлекла только открытая бутылка вина, стоящая на столике рядом с диваном. Было видно, что она уже наполовину пуста.

У меня похолодели руки, словно я снова стояла на пороге гостиной профессора Блэка. Тогда я сначала увидела его, а потом заметила бутылку. Сейчас же вид бутылки уже вызывал у меня приступ тошноты, а ноги приросли к полу.

— Только не это, — выдохнула я, непроизвольно мотая головой. — Все, что угодно, но только не это.

Оторвав взгляд от бутылки, я перевела его на лист бумаги, валяющийся рядом со столом, словно порыв ветра скинул его на пол. Плохо соображая, я подошла ближе и подняла его.

Это было письмо.

«Дорогой Найт! Я был очень огорчен, получив твое послание, но, конечно, мы найдем тебе замену на посту ректора Лекса. Я только умоляю тебя: не делай глупостей! Открой мне портал в Лекс, я навещу тебя, и мы поговорим. Или приходи сам, я всегда готов выделить для тебя время. К тому же я ничего не понял ни про завещание, ни про девушку. Если хочешь, приходи сразу с ней, заодно нас познакомишь. Не знаю, кто она, но если она важна для тебя, она мне уже нравится. Пожалуйста, не надо поспешных решений! Особенно непоправимых. Я знаю, что тебе тяжело, но хотя бы найди в себе силы попрощаться со своей семьей лично. Люблю тебя. Папа».

Я сжала пальцы, сминая бумагу, чувствуя жжение в груди и в то же время — резкую боль в глазах, совершенно мне незнакомую.

В этот момент в спальне послышался какой-то шум. Он словно сбросил с меня оцепенение, и я рванула с места, впервые вслух зовя Фарлага по имени.

— Найт!

Я вбежала в спальню и почти сразу остановилась как вкопанная.

Фарлаг стоял у раскрытого окна, подставив лицо весеннему ветру, который в это время суток был довольно прохладным. Зато он пах дождем и цветами, я почувствовала это даже у порога. Или мне так только показалось.

Сначала мне было страшно как-то обозначить свое присутствие, даже просто вдохнуть слишком громко. Мое воображение рисовало страшные картины того, как Фарлаг «ныряет» в пропасть за окном, и я судорожно пыталась сообразить, удержит ли его заклятие призыва или нужно какое-то другое.

А потом я все-таки позволила себе еще раз тихо выдохнуть его имя. На этот раз он услышал и оглянулся, удивленно уставился на меня. Только тогда я заметила в его руке сигарету. Еще не зажженную, но ведь не стал бы он доставать сигарету, чтобы выброситься из окна!

Он открыл его, просто чтобы покурить.

Я облегченно выдохнула, чувствуя две вещи: как слабеют колени и что я дура. Пальцы, сведенные словно судорогой, разжались, смятое письмо упало на пол. И я планировала последовать его примеру, но Фарлаг вовремя оказался рядом и сжал мои плечи, что дало мне возможность устоять.

— Тара, что с тобой? И что ты здесь делаешь?

Он смотрел на меня строго, но при этом... выжидающе. Как будто хотел услышать в ответ что-то определенное. Потом он заметил лист бумаги, который я уронила, и наклонился за ним.

— Это же мое письмо, — удивленно констатировал он, выпрямляясь. — Тара, это моя личная почта, зачем ты это читала?

Я прижала холодные руки к горящим щекам и закрыла глаза, которые постепенно перестали болеть. Кровь все еще стучала в висках, но уже тише.

— Я не хотела... Просто там было это вино... И это письмо... Я подумала... Древние боги, сама не знаю, что я подумала... — сбивчиво попыталась объяснить я, но потом заставила себя открыть глаза, посмотреть на него и опустить руки. — Я испугалась.

— Что я выброшусь в окно? — иронично уточнил он, уже едва заметно улыбаясь. — Тара, я все-таки Мастер Снадобий. У меня для прекращения моего утомительного существования заготовлено снадобье вечного сна. Гораздо проще и эффективнее. Однажды я просто усну и больше не проснусь. Никаких мучений.

— Но вы же не собираетесь делать это сейчас? — несчастным тоном уточнила я.

— В ближайшее время нет, — заверил он. — Я обещал тебе помочь найти отца и все выяснить. К тому же, мой отец только начал искать мне замену, я не могу бросить Лекс на произвол судьбы.

Дышать стало еще немного легче. По крайней мере, об этом можно было пока не волноваться.

— Это все Дорн, — попыталась объяснить я. — Он наговорил мне какой-то ерунды, а вас уже две недели никто не видел. Вы бросили преподавание, вы бросили... — у меня

вырвался какой-то странный звук, за который мне стало неловко, но я все же договорила: — вы меня бросили.

Я уже не смотрела на него. На верхние, расстегнутые пуговицы как всегда немного мятой рубашки — да, но не на него. Комкала руками подол платья и неловко переминалась с ноги на ногу.

Он неторопливо сложил письмо и спрятал его в кармане брюк, потом шагнул ближе, снова сжимая мои плечи, коснулся губами лба, потом виска, скулы и наконец добрался до губ, но прижался к ним лишь на мгновение. Снова отстранившись, тихо пообещал:

— Я никогда тебя не брошу. Так или иначе, я буду рядом. Пока смогу.

— Но вы уходите из Лекса, — возразила я, недоверчиво глядя на него. — Я же видела письмо. И вы оплатили мое обучение до конца года.

— Все верно, — кивнул он, осторожно улыбаясь.

— Значит, вы решили все-таки сбежать, но без меня? — вопрос прозвучал как обвинение.

Продолжая улыбаться, он покачал головой. У меня появилось подозрение, что он посмеивается надо мной, но я пока не понимала почему. И меня это нервировало.

— Тогда почему вы уходите? — нетерпеливо спросила я.

— По той же причине, по которой все-таки расторг свой брак.

Я нахмурилась, все еще ничего не понимая, а он только покачал головой и закатил глаза.

— Тара, пока я ректор Лекса, а ты студентка, я не могу сделать тебе предложение, — с довольным видом заявил он. — Тебе учиться еще почти целый год, а я не знаю, что будет со мной даже через полгода.

Второй раз за этот день я поймала себя на том, что стою с глупо открытым ртом и смотрю на собеседника, не веря в то, что он говорит. Его заявление никак не укладывалось у меня в голове. И никак не вязалось ни с тем, что он говорил раньше, ни с тем, что он две недели избегал меня.

— Но если вы перестанете быть ректором, вам придется покинуть Лекс. А мне надс будет остаться учиться.

— Ты меня недооцениваешь, Тара, — он улыбнулся шире. — Семейные коттеджи в Лексе продаются. Их редко покупают, потому что это бессмысленное вложение в недвижимость, но Блэк, например, свой выкупил еще на второй год работы здесь. Так что я купил себе один. И останусь тут жить. Это произойдет независимо от твоего решения.

Я все еще не знала, что сказать, поэтому только растерянно хлопала ресницами. Улыбка Фарлага заметно померкла, он нахмурился. Его руки скользнули вниз и сжали мои ладони.

— Тара, послушай, я помню все, что говорил. И я помню, как ты отреагировала на перспективу выйти за меня замуж. Я понимаю, что для тебя все это слишком быстро и ты наверняка не планировала выходить замуж так рано. Но это же не навсегда. Я не знаю, сколько активной жизни мне осталось — полгода, год — я не успею слишком сильно тебе надоест. К тому же ты продолжишь учиться, просто будешь жить не с Реджиной, а со мной. Но ты станешь Фарлаг, частью моей семьи. Когда я объясню отцу, что ты для меня значишь, он полюбит тебя. И он никогда тебя не оставит. Поверь, это дорогого стоит. Он чудесный человек.

— Вы мне предлагаете стать вашей женой, но почему-то расписываете прелести положения вашей вдовы, — вырвалось у меня. — Как-то это неправильно...

Он погрузился еще заметнее и сжал мои ладони еще сильнее.

— Я хотел бы предложить тебе то, что предлагают в нормальных ситуациях. Детей, которые будут похожи на нас, быть тебе опорой во всем и всегда, стареть вместе и прочее, но не могу. И мне сначала казалось, что это ставит крест на всех возможностях для нас, пока я не понял кое-что важное. Я люблю тебя. И мне есть, что тебе предложить. Я могу осуществить все твои мечты. Ты закончишь Лекс, ты сможешь стать Мастером, объехать весь мир, оба мира! Ты сможешь попробовать все, что захочешь. И всегда будешь сама выбирать, с кем водить дружбу, а с кем нет. И у тебя будет отец, который будет любить тебя как родную. У тебя будет все. Даже дом у моря. Я уверен, ты полюбишь море, — он тихо рассмеялся каким-то своим мыслям и покачал головой. — Хочу, чтобы ты понимала: все это будет у тебя, даже если ты не выйдешь за меня замуж. Я изменил завещание, оно теперь полностью в твою пользу. Алисия не сможет его оспорить, мои отец и брат не станут, об этом я позабочусь. От того, что ты решишь, будет зависеть только то, как мы проведем следующий год. Может быть, два. Тебе не обязательно давать ответ сейчас, все равно мы не сможем пожениться, пока мне не найдут замену. А мне надо будет убедить отца в том, что я не собираюсь покончить с собой, чтобы он сделал это поскорее. Ты можешь пока подумать. Но если ты была готова отдать за меня целую жизнь, значит, я тебе не безразличен? Тара, умоляю, скажи, хоть что-нибудь. Хотя бы моргни, если слышишь меня...

Я рассмеялась, сбрасывая с себя оцепенение. Высвободила руки, но только для того, чтобы обнять его.

— Скажи это еще раз, — попросила я, понимая, что перестать улыбаться смогу теперь не скоро.

— Все? — с притворным ужасом уточнил он.

Я покачала головой.

— Нет. Там было кое-что важное.

Он наконец улыбнулся снова и с готовностью повторил:

— Я люблю тебя.

— Тебе достаточно было сказать только это, чтобы я согласилась.

Я поразились тому, как спокойно и уверенно прозвучали мои слова. Ни спокойствия, ни уверенности в тот момент я не испытывала. Меня внутренне колотило. От волнения? От страха? От предвкушения? Я не знала. Но я знала, что его улыбка стоила моего согласия. Если он будет счастлив оставшееся ему время, если это поможет ему дольше бороться с проклятием — это стоит моего согласия. Уходя со своей вечеринки, я, наверное, еще сомневалась, действительно ли люблю его, но за ту страшную минуту, что я провела в его гостиной, глядя на откупоренную бутылку вина и читая письмо, я убедилась в этом.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня. Отросшая щетина вновь кололась и царапалась, делая его поцелуй сладко-больным. Но если задуматься, такими были и наши отношения с самого начала. Сладкое предвкушение первой любви переплеталось в них с горечью любви последней.

— Чуть не забыл: с днем рождения, — прошептал он, ненадолго прерывая поцелуй.

— Спасибо, — так же тихо прошептала я в ответ, а мои руки, которыми до этого я обнимала его за шею, сами собой скользнули сначала на плечи, а потом — по его груди.

Все еще холодные после пережитого испуга ладони чувствовали жар его тела даже сквозь ткань рубашки. Это рождало в голове воспоминания о ночи после бала, когда я первый раз помогала ему. Тогда я чувствовала его кожу своей, никаких препятствий между

нами не было. Я поняла, что хотела бы испытать это снова, но рубашка мешала. Рубашка очень мешала.

Пара верхних пуговиц была расстегнута, но это открывало доступ лишь к небольшому кусочку кожи, поэтому я коснулась его не рукой, а губами. Фарлаг шумно вдохнул.

— Осторожно, Тара, — прошептал он мне на ухо. Его дыхание обжигало и щекотало одновременно, как той ночью, когда уже он спасал меня от проклятия. — Я не железный. И не настолько проклят.

— Тебе не понравилось? — нервно поддела я, понимая, что соблазнительница из меня получается так себе.

— Боюсь, мне слишком сильно это нравится. Настолько, что держать себя в руках становится почти невозможно.

— Так не держи...

И снова шумное дыхание, глубокий поцелуй, обжигающе горячие ладони на моих щеках. Я отвечала, прижимаясь к нему сильнее и давая понять, что мои слова значили именно то, что он услышал.

Я даже не поняла, когда он успел расстегнуть молнию у меня на спине. Заметила это, только почувствовав, что между моей спиной и его рукой преград уже не осталось.

— Уверена, что действительно хочешь этого? А не опять «если очень надо, то я могу»? — насмешливо поинтересовался он, скользя подушечками пальцев вдоль моего позвоночника, едва касаясь и снова вызывая мурашки.

Я на мгновение отстранилась от него. Успела заметить, как во взгляде промелькнуло огорчение. Как у ребенка, которого поманили конфетой, а потом ее спрятали. Я не смогла сдержать улыбку. А потом решительно стянула платье с плеч, и оно упало к моим ногам.

Стало вдруг холодно и немного страшно. Внушаемые мне годами истины — о том, что это стыдно, — на мгновение подняли голову. Я испытала почти непреодолимое желание прикрыться, вернуть платье на место. И только то, что в спальне царил полумрак, позволило мне удержать себя.

Мне показалось, его глаза стали еще темнее. А когда он снова прикоснулся ко мне, жадно целуя, поняла, что черта пройдена и возврата назад уже не будет.

Но я и не хотела никуда возвращаться. Мне нравилось чувствовать себя желанной. Нравилось ощущать его прикосновения. Нравилось прикасаться к нему. Нравилось, что он смотрит на меня. И еще больше нравилось смотреть на него. Ощущать дрожь во всем теле от прикосновений губ в самых неожиданных местах, задышаться от острого, незнакомого наслаждения, разгоняющего сердце и кровь до невыносимых скоростей, и до боли закусывать губу, чтобы удержать стон, но все равно терпеть в этом поражение.

Где-то там, посреди вихря незнакомых ощущений и сводящих с ума эмоций, были и момент пронизывающей боли, и момент заслоняющего собой все экстаза. Все смешалось, и мне было трудно отделить одно от другого: сладость от боли, горечь от счастья, себя от него.

Да и не хотелось.

— Тебе не холодно?

Голос Фарлага вывел меня из состояния дремы. Моя голова лежала у него на груди, поэтому я хорошо слышала ровный, спокойный стук его сердца, и этот умиротворяющий звук убаюкал меня.

Окно так и осталось открыто, никому из нас просто в голову не пришло его закрыть, а на улице продолжало холодать. У меня волосы оставались еще немного влажными после душа — я не любила высушивать их до конца, они от этого заметно портились — но холода я не чувствовала. Фарлаг одолжил мне свой банный халат, очень теплый и слишком большой для меня. Я закуталась в него, как в кокон. Свежий уличный воздух казался мне скорее приятным.

— Нет, мне нормально, но если ты замерз, то окно лучше закрыть, — я погладила его по обнаженному плечу, но кожа под моей ладонью показалась теплой.

Фарлаг взмахом руки все же закрыл створки, а я сонно потянулась и переместилась так, чтобы моя голова оказалась на подушке рядом с его. Не то чтобы мне не нравилась прежняя поза, но так я могла видеть его улыбку.

— Ты успела уснуть? — он удивился. — Прости, что разбудил.

— Нет, я... Может быть, немного, — я смущенно улыбнулась в ответ. — День был волнительный, я немного вымоталась.

Он повернулся на бок, чтобы лучше меня видеть, коснулся пальцами моей щеки. Я не удержалась и, прикрыв глаза, потерлась щекой о его руку, немного удивляясь тому, что мне это нравится. Ведь в обычной жизни я не очень любила чужие прикосновения. А его ласки мне все время было мало.

— Я не понял, что тебя так испугало? — он нахмурился. — Это все из-за упоминания завещания в письме? Оно у меня давно составлено.

Я смутилась еще больше и неловко пожала плечами.

— Это стало последней каплей. Все началось с Дорна.

— Он опять приставал к тебе? — глаза Фарлага недобро сузились.

— Да нет, не то чтобы... Скорее, он пытался меня напугать. Обещал поквитаться за унижение. И с тобой, кстати, тоже.

— Какой он смелый, — пренебрежительно фыркнул Фарлаг. — Что ж он мне не пришел об этом сказать?

— Наверное, он просто болтал, — я через силу улыбнулась. — Но все-таки немного странно. Он спросил, уверена ли я, что еще есть кому меня прикрывать. Как будто знал, что ты собираешься покинуть пост ректора.

— Это возможно, — Фарлаг спокойно кивнул. — Кажется, кто-то из его родственников работает с моим отцом. То ли дядя, то ли кузен. Я написал отцу пару дней назад с просьбой найти мне замену. Если распоряжение уже отдано, Дорну могли об этом рассказать. Только он немного поторопился. Едва ли меня освободят от должности до конца триместра. Что ж, ему же хуже.

Судя по выражению лица, он уже выбирал способ наказать Дорна за то, что тот напугал меня. От осознания этого у меня появилось очень странное и непривычное ощущение.

Раньше, если меня кто-то обижал, я в лучшем случае могла рассказать об этом маме. Та иногда меня утешала, но чаще просто советовала не обращать внимания. Никто никогда не заступался за меня и не наказывал моих обидчиков. Неродному отцу не было дела до нанесенных мне обид. Поэтому я всегда старалась избегать лишних конфликтов, понимая, что разбираться с последствиями придется самой. И вот теперь все менялось. Это было непривычно, но приятно.

Однако заострять внимание на конфликте с Дорном мне не хотелось, поэтому я продолжила объяснять:

— А потом я пришла сюда и увидела эту бутылку вина. Наверное, это глупо, я теперь это понимаю, но, когда погибла мама, она пила вино. Так сказали легионеры. Что она выпила больше обычного, оступилась и упала с лестницы. И потом, когда я обнаружила профессора Блэка, на столе тоже стояла бутылка вина... И все это так свежо в моей памяти...

Фарлаг погладил меня по плечу, потом его рука скользнула ниже и сжала мою ладонь.

— Иногда бутылка вина — это просто бутылка вина, — мягко заметил он. — Для меня это не такая уж и редкость. Когда нет приступа, я люблю выпить бокал вина за ужином или после. Тем более мне было что отпраздновать. И вообще я просто люблю красное вино. Наверное, поэтому меня через него и прокляли.

— Да, я понимаю... Но это странно, согласишься? Моя мама, ее отец. Это вино не дает мне покоя. Обе смерти кажутся мне подозрительными, оба раза вино появляется как некий катализатор. То несчастного случая, то сердечного приступа. И никаких указаний на то, что смерть насильственная.

— Может быть, это потому, что она не насильственная? — осторожно предположил Фарлаг, явно опасаясь меня задеть.

Я приподнялась на локте, почему-то считая, что так мои слова станут казаться чуть весомее.

— Найт, допусти на секунду, что я права. Пожалуйста, просто подумай, если это действительно что-то в вине, то что это может быть?

Он тоже приподнялся на локте, снова счастливо улыбаясь.

— Не могу тебе отказать, когда ты наконец называешь меня по имени. Если думать с этой точки зрения, то в вине твоей мамы могло быть какое-то снадобье, нарушающее координацию движений. Формально это не яд. Если бы она выпила и просто легла спать или пила в компании и кто-то ей помог, заметив неладное, она бы не погибла. Это известный способ обойти проверку легионеров: если у человека оставался шанс не погибнуть, то их ритуал не показывает убийство.

— Тогда легионерам стоит иначе подходить к расследованию смертей, — я нахмурилась. — Слишком просто их обмануть. Неужели они не должны были проверить наличие такого снадобья в вине?

— А оно осталось?

— Нет, — вынуждена была признать я. — Они нашли пустую бутылку. Что тоже странно: мама никогда не выпивала целую бутылку одна. Значит...

— Снадобье должны были подлить в уже начатую бутылку... Либо в вино дополнительно подмешали снадобье, которое снимает внутренние ограничения. В итоге человек не в состоянии остановиться сам: ест, пока все не съест, пьет, пока все не выпьет. Правда, два снадобья в одном вине — это трудно не почувствовать. Даже одно не так просто

спрятать. Особенно, если вино знакомо человеку.

— Как мы знаем, способы маскировать вкус снадобий существуют.

— Но это обычно используется в снадобьях, скажем так, домашнего приготовления. Либо это был человек, хорошо в них разбирающийся, либо у него на примете есть хороший Мастер.

Мы смотрели друг на друга, больше не улыбаясь, а сосредоточенно хмурясь. Уже давно появившаяся, но пока ни разу не озвученная мною догадка, жгла мне язык и просилась наружу, но я боялась касаться болезненной для него темы. Не хотелось портить эту ночь новой ссорой.

И все же желание высказаться оказалось сильнее.

— И еще я не могу перестать думать о том, что и в твоей истории, и в моей фигурирует отравленное снадобьем вино.

Как я и ожидала, он изменился в лице, но резкого протеста я так и не услышала, поэтому осмелилась продолжить:

— И есть еще одно странное совпадение: слезы русалки. Такой редкий, можно сказать, несуществующий ингредиент, но он и в том рецепте, что хранила моя мама, и в том, который составил ты в качестве снадобья противодействия своему проклятию.

— Ты предполагаешь, что мое проклятие как-то связано с твоей семьей? — Фарлаг нахмурился еще сильнее.

Я видела в его глазах сомнение, я слышала его и в голосе, но это меня не остановило.

— Ты предположил в найденном мной рецепте снадобье противодействия, — напомнила я. — Он похож на тот, который вывел ты?

Фарлаг задумался, припоминая рецепт, который я ему показывала, а потом покачал головой.

— Есть еще пара совпадающих ингредиентов, но это очень распространенные ингредиенты, они входят в каждое третье снадобье.

— Тогда почему ты так подумал?

Он пожал плечами.

— Потому что снятие проклятий и излечение болезней — это самое распространенное использование русалочьих слез. Не единственное, конечно, но Лилия Тор была похожа на проклятую. Из-за ее глаз. То, что ты не можешь плакать, лишь подтверждало эту догадку... — он осекся, как-то странно посмотрев на меня. — Но теперь я понимаю, что был неправ.

— Никакой Лилии Тор никогда не существовало. Сара выяснила это через своего отца, — поделилась я с ним новостями, которые недавно узнала. — За нее Блэки выдавали неизвестно кого. И я подумала... Ради родственницы они еще могли все это устроить, но ради посторонней девушки? Вряд ли.

— Что-то мне подсказывает, что у тебя есть версия, кем она была, — насмешливо заметил Фарлаг.

— Поскольку кое-кто две недели меня игнорировал, — едко напомнила я, — у меня была масса времени подумать обо всем. И построить несколько теорий.

— Между прочим, мне тоже о много требовалось подумать, — оправдался он. — И многое сделать. Я готовил тебе сюрприз, который ты, между прочим, сорвала, придя сюда сегодня. Я собирался сделать предложение в более романтической обстановке.

— Но вроде все неплохо получилось, разве нет? — мягко уточнила я, чувствуя почти

непреодолимое желание его поцеловать.

Наверное, он прочел это желание в моих глазах, потому что неожиданно опрокинул на спину и подтянул к себе ближе, нависая надо мной и накрывая мои губы своими. Поцелуй длился так долго, что я почти успела забыть, о чем мы разговаривали.

— Все получилось значительно лучше, чем «неплохо», — поправил меня Фарлаг, отстранившись.

Его взгляд скользил по моему лицу, словно он пытался запомнить каждую его черточку, за взглядом следовали кончики пальцев, едва ощутимо касающиеся моей кожи. На губах его застыла едва заметная, мечтательная улыбка, и я запоздало поняла, что взрыва негодования на почве обсуждения его проклятия так и не произошло. Это заставило меня тоже улыбнуться.

Мысль оставить этот разговор и заняться чем-то более приятным промелькнула в голове, но я отбросила ее. Это было важно не только для меня, но и для него. Мне казалось, что если мы распутаем историю со снадобьем, Лилией и Блэками, то сможем в конце открыть шкатулку и достать оттуда слезы русалки. В том, что там они, я почти не сомневалась. Поэтому я продолжила свою мысль:

— Возможно, Лилия Тор была никем. Какой-нибудь никому не нужной сиротой, которую Блэки приютили... чтобы испытывать снадобье.

— Чтобы что? — переспросил Фарлаг пораженно.

— Я думаю, тот рецепт, часть которого хранила Делла, вывели Блэки. По чьему-то заказу. Понимаешь, я так и не нашла ни одного соответствия ему, а такое бывает только в случае созданного снадобья. Как ты вывел снадобье противодействия для себя, так и они могли создать снадобье по каким-то заданным параметрам. И испытывать его на этой Лилии.

— Это запрещено, — напомнил Фарлаг, скептически покачав головой.

— Девушка была странной, даже не разговаривала, как сказал Арт. Она бы никому не пожаловалась. А потом ее и вовсе заперли в подвале. Ее глаза могли стать такими, как на портрете, из-за побочного действия темной инверсии с русалочьей кровью. И эти побочные эффекты могли сказаться на мне, ее ребенке. Поэтому я не могу плакать.

Он набрал в легкие в воздух и открыл рот, чтобы что-то сказать — вероятно, возразить — но то ли передумал, то ли сам понял, что его возражение можно парировать, поэтому снова его закрыл. Я посчитала это добрым знаком.

— Я думаю, это было что-то очень противозаконное. Не лекарство от болезни, и не снадобье противодействия. Что-то такое, из-за чего заказчик решил разделаться с Блэками, когда они закончили работу. Но в ночь, когда он сам или посланный им человек пришел в их дом, профессора Блэка там не было, а Аманда и Делла смогли сбежать. Они могли нарочно разделить рецепт между собой, чтобы заказчику было сложнее его заполучить. И обе так боялись этого человека, что с тех пор скрывались.

— Но ты нашла вторую часть рецепта в бумагах Блэка, — возразил Найт.

— Да, это странно, но с другой стороны, он же их искал. И Деллу, и Аманду. Какое-то время. А потом перестал. Может быть, он нашел ту часть, что унесла с собой Аманда, о чем догадался и бросил поиски? Чтобы не ставить их под удар.

Я ждала от него мнения, а он смотрел на меня со странной улыбкой, поглаживая и перебирая мои волосы.

— Знаешь, чего я еще никогда не делал в постели с женщиной? — мечтательным тоном

вдруг спросил он.

Столь резкая смена темы меня одновременно и сбила с толку, и смутила. Я не так много знала о том, что можно делать в постели. Кроме того, что недавно делали мы. И определенно не чувствовала себя готовой сейчас постигать что-то еще.

И он, должно быть, опять прочитал все это на моем лице, потому что бессовестно рассмеялся.

— Я еще никогда не пытался раскрыть заговор с убийствами, побегам, незаконными снадобьями и экспериментами на людях. До этой ночи.

Я обиженно стукнула его кулаком по плечу, что, конечно, не произвело на него особого впечатления. Правда, еще один извиняющийся поцелуй я получила, а потому сразу простила его ехидство.

— Как во всю эту историю вписываюсь я? — поинтересовался Фарлаг, снова от меня отстранившись.

— Думаю, ты должен был достать слезы русалки. Или создать замену.

Улыбка исчезла с его лица. Фарлаг заметно напрягся, но спорить почему-то не стал, а спросил совсем другое:

— Но если рецепт этому загадочному неизвестному так и не достался, зачем ему слезы?

— Может быть, он работает и над получением слез, и над возвращением рецепта. Деллу и Блэка убили, но рецепт не нашли. Обе части у меня. Не потому ли и меня хотели убить?

— Что это должно быть за снадобье такое? Чтобы кто-то с таким упорством старался его заполучить, убивая людей?

Я не сдержала торжествующую улыбку.

— А вот это нам и надо выяснить. Узнаем, что делает снадобье, сможем понять и кто за ним охотится.

— Как ты собираешься это узнать?

— Думаю, отталкиваться надо от русалочьих слез. Это самый редкий ингредиент. И ты с ним долго работал. Уже здесь, в Лексе. Значит, у тебя в кабинете должен быть исчерпывающий набор литературы на эту тему. Надо ее изучить, но уже под другим углом.

Я выразительно посмотрела на него. Он понял значение взгляда не сразу, а когда понял — удивленно охнул.

— В смысле — прямо сейчас?

Я закивала, невинно улыбаясь и надеясь, что он не сможет мне отказать.

— Тара, ночь на дворе!

— Еще не так поздно...

Он застонал и перекатился на спину. Какое-то время страдальчески созерцал потолок. Я сверлила его просительным взглядом. И в конце концов он сдался.

— Тебе надо было поступить в Академию Легиона, — проворчал он, поднимаясь с кровати.

Я только улыбнулась.

— И все-таки у меня не сходится, — заявил Найт через какое-то время.

Мы сидели в его личном кабинете, который он использовал больше как библиотеку. Однако стандартный набор мебели — большой письменный стол и рабочее кресло — здесь имелись. Фарлаг уступил кресло мне, а для себя принес стул из гостиной. Довольно большой и до нашего прихода абсолютно пустой стол сейчас был завален книгами, древними свитками, папками с записями и важными копиями, которые Фарлаг собирал целый год.

Я встrepенулась и с интересом уставилась на него.

— Что именно?

— Если кто-то охотится за рецептом, части которого хранились у Блэка и Деллы, то почему их убили, не завладев этими частями? Это не логично. Как не логично убивать тебя, не добравшись до рецепта. Я уж не говорю о том, что если Аманда и Делла спасались от таинственного заказчика, почему Блэк никогда не чувствовал угрозу с его стороны и не бежал? Почему Делла взяла ребенка? Взрослой женщине гораздо логичнее взять его, чем вчерашней девчонке, едва достигшей совершеннолетия. И какова роль Лессандр во всем этом?

— Рогатый демон, — тихо выругалась я, откидываясь на спинку кресла и заодно пытаюсь сменить позу. Ноги, которые я подобрала под себя, давно затекли и теперь их неприятно покалывало. — А не могли ли Аманда и Делла бежать по какой-то причине от профессора Блэка? Ведь получается, что они всю жизнь скрывались именно от него...

— Я не представляю, зачем им от него бежать.

Фарлаг встал и прошелся по кабинету, разминая поясницу и шею. Он выглядел уставшим, что заставило меня испытать приступ угрызений совести: он и так часто нехорошо себя чувствовал, а еще чаще — чувствовал себя совсем плохо, а теперь и я не давала ему спать. Я украдкой посмотрела на часы: шел третий час ночи. И когда время успело улететь?

— Блэк был добряком. У меня в голове не укладывается даже то, что он мог держать кого-то у себя в подвале на цепи. И он всегда говорил о дочери с любовью, а о жене — с обожанием. Мне кажется, он и рассудок начал терять только потому, что сильно тосковал по ним. Такое... Такое не бывает притворством, понимаешь?

Он выжидающе посмотрел на меня, останавливаясь посреди кабинета и как всегда пряча руки в карманы брюк. Только сейчас на нем были мягкие домашние брюки и тонкий свитер вместо рубашки. В этой одежде да к тому же босиком он выглядел так непривычно, что я постоянно сбивалась с мысли, когда смотрела на него. Мое воображение никогда не смогло бы представить ректора Лекса Найта Фарлага таким... домашним. В глубине души я была уверена, что он спит в костюме и рубашке не только во время приступов, а всегда.

— Тара?

Собственное имя выдернуло меня из фантазии, в которой мы с Фарлагом завтракали в маленьком семейном коттедже, и он выглядел так же по-домашнему уютно. Откуда взялась такая фантазия, я не представляла, но мне в ней было хорошо.

— Да, я понимаю, — заверила я его, потирая лоб. А потом вдруг кое-что вспомнила. — Ты ведь говорил, что когда ты здесь учился, Блэк был другим. Не знаешь, когда ему стало

хуже?

Фарлаг покачал головой.

— Точно не знаю. Я отучился и покинул Лекс. Практиковался, экспериментировал, готовился стать Мастером. Я вернулся в Лекс только через шесть лет в качестве преподавателя, и Блэк уже был другим. В эти шесть лет мы лишь иногда обменивались письмами, а по ним трудно было что-то понять. Это имеет значение?

— Просто он искал их, — напомнила я. — И Аманду, и Деллу. Значит, подозревал, что они живы. Но через восемь лет после пожара прекратил. То есть через два года после того, как ты закончил учиться. Просто интересно, что же тогда произошло? Он потерял надежду?

— Может быть, — согласился Фарлаг. — Это объяснило бы, почему сначала он был в порядке, а потом сильно сдал...

Он вдруг нахмурился и замолчал. О чем-то усиленно размышляя, подошел к окну и уставился на ночную черноту за ним.

Я пару раз окликнула его, но Фарлаг не отреагировал, поэтому я встала с кресла и подошла к нему, тронула за плечо. Он вздрогнул, как будто очнулся, и повернулся ко мне.

— Возможно, я снова проецирую свою ситуацию на факты, но мне подумалось: а что, если он не сходил с ума? Что если это было проклятие? Люди часто не осознают, что прокляты. Иногда в жизни просто что-то идет не так. Например, человек постепенно теряет рассудок. Проклятие подтачивает его изнутри, каждый день отбирая по чуть-чуть. И порой только близкие люди могут заподозрить неладное, если изменения начались резко. Но у Блэка не было близких. И этого никто не заметил.

— Но он же всегда был в Лексе, окружен кучей людей, — возразила я, присаживаясь на подоконник и плотнее запахивая халат. — Как же эффект вируса?

— Эффект вируса возникает только тогда, когда проклятие накладывается напрямую. Я ведь тоже особо не прячусь, но еще ни один человек, контактировавший со мной, не подцепил мое проклятие. Иначе бы я давно заперся в одном из своих домов и сидел там.

— То есть Блэк мог быть проклят, как и ты? Через снадобье?

— Не обязательно, — он качнул головой. — Это мог быть обычный проклятый артефакт.

— Да, в нашей истории фигурируют оба этих способа, — проворчала я. — Но кто мог его проклясть? И зачем? Почему через восемь лет?

Фарлаг снова какое-то время молчал и как будто что-то высматривал за окном, хотя я понимала, что он даже самого окна не видит.

— Потому что он нашел ту, которую искал, — в конце концов произнес он. Это прозвучало скорее как вопрос, нежели как утверждение. — Свою жену. Только она не хотела, чтобы он ее нашел. И она избавилась от его преследования легко, непринужденно и жестоко. Возможно, с помощью Лессандр, но она могла быть и достаточно хороша, чтобы создать снадобье, несущее в себе проклятие.

— Но почему?

Его версия не укладывалась у меня в голове. Я привыкла думать об Аманде Блэк как о еще одной жертве этой истории, а не как о злодейке.

— Почему она так сделала или почему я думаю, что это была она? — с кривой усмешкой уточнил Фарлаг.

— И то, и другое, конечно!

— Ее мотивов я пока не могу предположить. То есть... Она явно скрывалась, но почему

и от кого — вот этого я не представляю. Но подозреваю, что все дело в ней. Не было никакого таинственного заказчика, как не было больной или проклятой племянницы. Аманда Блэк создавала какое-то снадобье для себя. И думаю я так именно потому, что Делла забрала тебя. Делла, а не Аманда. Делла бежала не вместе с матерью, а от матери и забрала тебя с собой.

Он снова посмотрел на меня, и у меня от его взгляда холодок побежал по коже, а в груди появилось тревожное чувство.

— Но почему она меня забрала? — губы отчего-то немели, когда я задала этот вопрос.

— Может быть, из-за того, что Аманда сделала с твоей настоящей матерью, — пробормотал он, пряча глаза.

Он вернулся к столу и снова сел в кресло, принялся перебирать книги, до которых у нас пока не дошли руки.

— В смысле, с Лилией Тор? — уточнила я.

— Угу, — невнятно отозвался Фарлаг, наконец останавливаясь на одной из книг. И принялся ее сосредоточенно листать.

Я тоже вернулась на свое место, прожигая его вопросительным взглядом. Он явно догадывался о большем, нежели говорил мне. И я не понимала почему.

— Ты думаешь, Лилия могла погибнуть не во время пожара, а из-за эксперимента? И пожар устроили, чтобы это скрыть?

Он бросил на меня быстрый взгляд, но тут же снова уткнулся в книгу, продолжая что-то в ней искать.

— Я думаю, твою настоящую мать погубила Аманда Блэк, — уклончиво ответил он. — А Делла была с этим не согласна, но ничего не смогла сделать. Кроме как сбежать с тобой.

Я медленно кивнула, пока еще обдумывая это предположение. Такая версия отвечала на вопрос, однажды заданный Сарой: почему Делла взяла с собой только портрет отца? Если она бежала от матери, то это было логично. Кажется, что-то начинало проясняться, и от этого я воспрянула духом.

Правда, ненадолго.

— Все равно непонятно, почему Лессандр пыталась меня убить. Кто убил маму и профессора Блэка? И зачем? Почему сейчас? Кто проклял тебя? Ведь не может все это делать Аманда Блэк! Ей тогда было не меньше сорока, а сейчас должно быть за шестьдесят. И зачем ей убивать собственную дочь после стольких лет? Или Деллу и профессора Блэка убила Лессандр? Тоже непонятно, зачем ей это вдруг понадобилось.

— Возможно, все это происходит из-за содержимого твоей шкатулки.

Фарлаг наконец раскрыл книгу на нужной ему странице и снова поднял на меня взгляд.

— Пожалуй, теперь я верю, что там слезы русалки.

Я удивилась и подалась вперед, пытаясь через стол заглянуть в книгу. Фарлаг сжалился надо мной, сам повернул ее так, чтобы я смогла прочитать текст, и протянул мне.

— Я думаю, что все это из-за этого снадобья. И кому-то очень нужно приготовить еще одну порцию.

— Снадобье истинной молодости? — удивилась я, бегая глазами по строчкам.

В книге упоминалось, что рецепт этого снадобья давно утерян, но по легенде только оно было способно сохранять настоящую молодость тела, а не только млажавый внешний вид. Оно было не способно обратить старение, то есть не возвращало молодость, но могло остановить процесс на том этапе, на котором начинался прием снадобья.

Если Аманде Блэк удалось восстановить рецепт и сварить это снадобье, то она могла остановить свое старение в сорок лет. А если она варила его не из слез русалки, а из крови, то у нее мог образоваться запас, которого хватило бы на несколько лет. Но она понимала, что рано или поздно он кончился бы. Возможно, попыталась призвать еще одну русалку, но ей это уже не удалось. Тогда ей и потребовался талант молодого Мастера, уже заменившего один утерянный ингредиент.

— Твоя бывшая жена должна знать, где Аманда Блэк, — поняла я.

— Причем здесь моя бывшая жена? — он нахмурился, но в этот раз хотя бы не разозлился, как раньше.

— А ты до сих пор веришь в темного тестя? — я не смогла сдержать язвительный тон. — Аманда подослала к тебе Алисию, чтобы потом подсунуть проклятое вино. И твоими руками создать замену русалочьим слезам. Вероятно, сама она с этой задачей просто не смогла справиться.

Я тут же пожалела о сказанном: Фарлаг так помрачнел, что мне стало больно за него. Одно дело знать, что в какой-то момент любовь прошла, возможно, отчасти по твоей вине. И совсем другое вдруг осознать, что тебя с самого начала использовали и никакой любви не было и в помине. Видимо, до этого момента он не задумывался о роли Алисии в истории с проклятием.

— Найт, прости. Мне очень жаль...

Он тряхнул головой и резким движением захлопнул книгу.

— Пойдем спать? — нарочито бодро предложил он, избегая встречаться со мной взглядом. — Я с ног валюсь. И хотя завтра выходной, мне, судя по всему, придется отправиться в Легион. А потом с Мором к бывшей жене, что само по себе неприятно. Поэтому давай спать.

— Конечно, — не стала спорить я, понимая, что ему нужен сейчас не столько отдых, сколько время наедине с собой, чтобы смириться с новым пониманием своего первого брака.

Мне тоже было о чем подумать. Прежде всего о той недосказанности, которая мне почудилась сегодня в нашем разговоре.

Однако ни о чем подумать я не успела, поскольку уснула, едва оказавшись в постели.

Как бы странно это ни звучало, прежде всего, для меня самой, но я не в первый раз просыпалась в постели с мужчиной. В моей жизни это оказалось уже третье подобное утро, но я впервые проснулась не просто рядом с мужчиной, а в его объятиях. Я была плотно прижата спиной к его груди, явственно слышала дыхание над моим ухом. Ощущения были неожиданно приятными. Мне даже стало немного грустно, когда я поняла, что придется возвращаться в свои апартаменты и ждать нового совместного утра, как и совместной ночи, до тех пор, пока Фарлаг не оставит пост ректора. По крайней мере, мне казалось, что так будет правильнее и безопаснее для него.

Я накрыла его руку, лежавшую передо мной, своей, осторожно, стараясь не разбудить, погладила расслабленные пальцы. Тревожная мысль о том, что я буду делать, если нам не удастся обратить его проклятие, на мгновение коснулась сознания, но я усилием воли прогнала ее. Я не хотела, чтобы страх потери отравлял мне такое чудесное утро. И, конечно, собиралась бороться за его жизнь. На чью бы смерть ни была закрыта та шкатулка.

Как Фарлаг проснулся, я не успела заметить. Почувствовала только, как он приподнялся и поцеловал меня в висок.

— Доброе утро.

Я не видела его лица, но по голосу слышала, что он улыбается. И от этого в одно мгновение мои губы тоже растянулись в улыбке.

— Доброе. Я тебя разбудила?

— Нет, я уже не спал, — признался он. — Просто не хотел будить тебя. А когда ты начала шевелиться, понял, что уже можно тебя целовать.

Это заявление меня рассмешило. И немного удивило: мы уснули очень поздно, а сейчас по моим ощущениям, равно как и по освещению спальни, было еще довольно рано. Странно, что он уже проснулся. Я надеялась, что это не из-за болей, но уточнять не стала. Мне не хотелось акцентировать внимание на его состоянии.

— У меня есть шикарная идея, — тем временем сообщил он. — Давай никуда сегодня не пойдем? К демону мою бывшую, к демону Аманду Блэк. Никуда они не денутся, а мы просто проведем весь день вместе. Вряд ли мы сможем повторить это, пока меня не освободят от должности.

Предложение звучало заманчиво, и я была готова согласиться на него, когда Фарлаг, тихо выругавшись, сообщил, что в кабинете его ждет какая-то срочная почта. Он поцеловал меня еще раз и с тяжелым вздохом вылез из-под одеяла.

Когда он вернулся, по его лицу сразу стало понятно, что ленивый совместный выходной отменяется.

— Они задержали Лессандр, — сообщил он. — Если я правильно понимаю, говорит она не желает. Мор приглашает тебя, чтобы вы встретились лицом к лицу, надеется, что это как-то развяжет ей язык. Я могу присутствовать в качестве твоего представителя. Хоть ты и совершеннолетняя теперь, Мор пишет, что из уважения к моей семье Легион не будет возражать

Сказать, что я была удивлена, значит, ничего не сказать. Я думала, что ее даже не ищут, настолько Легион дискредитировал себя в моих глазах. И вдруг эта ниточка снова появилась

в моих руках. Шанс узнать все наверняка вернулся, а потому прежний план сразу был забыт. В рекордно быстрые сроки мы собрались, наспех перехватили чай и бутерброд и отправились к порталам.

— Нехорошо, конечно, мне уходить из Лекса, — проворчал Фарлаг, когда мы уже подходили к пока еще пустой арке. В ответ на мой вопросительный взгляд он пояснил: — Я могу блокировать портал только находясь в Лексе. Когда я вне его, портал остается открытым до моего возвращения. Поэтому мне нежелательно покидать Лекс предсказуемо и надолго...

Он остановился, о чем-то размышляя, а потом извинился и заявил, что должен все же в этот раз оставить кого-то сторожить портал. Пришлось подождать, пока он вытаскивал из постели кого-то из молодых преподавателей и давал ему указание оставаться у порталов до тех пор, пока мы не вернемся.

Конечно, я видела здание Легиона раньше. Оно находилось почти в самом центре Аларии, поэтому, когда мы с мамой бывали в столице, мы так или иначе проходили мимо. К тому же здание было огромным, и его высокие, остроконечные башни из темно-серого камня были видны издалека.

Сегодня я впервые оказалась внутри. Наверное, если бы я не перевелась в Лекс, я была бы поражена и подавлена царившей внутри атмосферой. Но Лекс во многом походил на Легион. И архитектурой, и внутренним убранством. Поэтому строгость и серость уже не так меня шокировали.

Мор спустился за нами к посту охраны и проводил на второй этаж. Мы довольно долго шли по коридорам, пока не добрались до небольшой и довольно плохо освещенной комнаты без окон, в которой под присмотром двух легионеров нас ждала Лессандр. Она сидела за длинным узким столом, на ее руках были надеты серые металлические браслеты, запирающие магический поток внутри тела. Иллюзию с нее уже принудительно сняли, поэтому я тихо охнула от неожиданности, увидев ее. Я привыкла к красивой и утонченной, несколько высокомерной даме. Сейчас же передо мной оказалась изуродованная ожогами и опустошенная внутренне женщина, в которой лишь отдаленно угадывались хорошо знакомые мне черты лица. Правая сторона пострадала особенно сильно, даже волосы на голове здесь почти не росли.

По указанию Мора я села на стул прямо напротив Лессандр. Мне едва удалось скрывать охватившую меня дрожь. К счастью, Фарлаг сел рядом. С другой стороны устроился Мор.

— Госпожа Лессандр, вы узнаете Тару Роук? — обратился к ней Мор. — Может быть, хотя бы ей вы объясните, по какой причине желали ей такой страшной смерти?

Я ожидала увидеть в глазах Лессандр ненависть или злобу, но она посмотрела на меня довольно равнодушно. Даже скорее немного виновато. Но при этом промолчала.

— Позвольте мне? — обратился Фарлаг к Мору.

Тот удивился, но кивнул.

— Давайте я буду рассказывать, как было дело, а вы меня поправите? — предложил Фарлаг уже Лессандр. — Все это началось больше двадцати лет назад, когда вы работали ассистенткой Аманды Блэк, жены профессора Блэка. Она занималась приготовлением косметических снадобий, делающих женщин молодыми и прекрасными, имела обширную клиентскую базу и ей требовалась помощница.

Выражение лица Лессандр перестало быть равнодушным. Теперь в ее взгляде появился

проблеск той злости, что я ожидала увидеть с самого начала.

— Среди прочего Аманда занималась восстановлением рецепта снадобья истинной молодости. Может быть, кто-то из клиентов ее надоумил или она сразу для себя его захотела. Не знаю, как долго она работала над рецептом, но она справилась с этой задачей. Теперь только редчайший ингредиент — русалочьи слезы — отделял ее от успеха. И тогда она призвала русалку. У нее ведь получилось, да?

Лессандр удивленно вздернула единственную уцелевшую бровь и почему-то перевела взгляд на меня. Кивнув, она наконец заговорила, обращаясь именно ко мне:

— Да, она призвала русалку. Вот только это мало чем помогло. Оказалось, что эти твари не плачут. Русалка год прожила с Блэками. Когда оказалось, что она может оборачиваться человеком и ходить на ногах, они стали выпускать ее из подвала. Выдавали за странноватую племянницу.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Руки, лежавшие на коленях, моментально сжались в кулаки, дыхание перехватило. Нет, я не удивилась. Только тому, что не осознавала этого раньше и строила какие-то сложные схемы там, где все было очевидно.

Фарлаг неожиданно накрыл мою руку своей и крепко сжал. Я поняла, что он все знал. Вот что он мне не договаривал: он значительно раньше догадался, кто такая Лилия Тор.

Лессандр тем временем продолжала, и я, закусив губу, решила дослушать ее до конца.

— Поначалу Аманда просто ждала подходящую ситуацию. Пыталась говорить с ней о доме, о ее семье. Надеялась вызвать у нее тоску. Потом ее способы стали более жесткими. Она создавала стрессовые ситуации, кричала, иногда била ее. Конечно, делала это тогда, когда дома никого не было: Саймон преподавал, Делла училась. Только я иногда видела это. И сама ревела порой в три ручья. А русалка... русалка никогда. Только смотрела на нее своими прозрачными глазами. Бесчувственное создание. Ей все было нипочем. Аманда бесилась и теряла терпение. Стала чаще говорить про темную инверсию, но пока не решалась на убийство. Из-за дочери. Делла подружилась с русалкой, они много времени проводили вместе. В таком месте, как Лекс, дочке преподавателя трудно найти друзей. Кроме русалки, она общалась только с придурком Артом.

— А что сам Саймон? — Фарлаг постарался задать этот вопрос спокойно, но я чувствовала, как он напрягся: рука, которой он держал мою, сжалась сильнее.

Его можно было понять. Всего несколько часов назад он осознал, что бывшая жена никогда его не любила, а только использовала. Сейчас же он мог выяснить, что человек, которого он считал добрым, заботливым и открытым, которого он любил почти как отца, когда-то участвовал в истязании беззащитной девушки. Пусть и не человека.

— Он демонстрировал потрясающую слепоту, — усмехнулась Лессандр. — Даже когда русалка попыталась сбежать, и Аманда за это посадила ее в подвале на цепь, он легко принял объяснения Аманды, что это только русалке во благо. К тому времени даже Делла начала понимать, что ее мать творит нечто страшное, а он только злился, когда ему пытались об этом говорить.

Такое я уже видела. Фарлаг тоже злился первые разы, когда я пыталась в чем-то обвинять Алисию. Теперь я еще больше уверилась в том, что бывшая жена Фарлага связана с Амандой Блэк.

— Как она оказалась беременна? — наконец смогла спросить я. — От кого?

Лессандр снова усмехнулась, с каким-то нездоровым предвкушением во взгляде.

— О, это интересная история. Поначалу ведь Аманда ее никак не ограничивала.

Позволяла гулять и вообще вела себя очень снисходительно. Русалка не владела нашей речью, а потому ничего никому не могла рассказать. Она умела только петь, но до чего же прекрасно. Возможно, в одну из таких прогулок она и познакомилась с женщиной, в доме которого Аманда потом нашла ее в ту ночь, когда русалка пыталась сбежать. Глупое создание... Она не понимала, что из Лекса можно выбраться только через портал. А может быть, она искала помощи у того мужчины. Только вот объяснить ничего не могла, а он сам не понял. Только уложил в свою постель. Видимо, истосковался по женской ласке и не устоял перед соблазном. Его беременная жена еще за месяц до этого была вынуждена вернуться в столицу, поскольку беременность протекала нелегко. Ей требовался постоянный присмотр докторов.

— Кто это был? — спросил Фарлаг, поскольку я молчала.

Теперь Лессандр явно наслаждалась разговором, словно открытие чужих старых грязных секретов доставляло ей удовольствие.

— Сет Прайм, — почти пропела она уже знакомое мне имя.

Мне на плечи словно уронили большой тяжелый камень. Вдруг захотелось остановить мир вокруг себя, повернуть время вспять, оказаться в прошлом и сделать так, чтобы моя нога никогда не ступала на территорию Лекса. Меня снова пробила дрожь, и рука Фарлага, которой он продолжал меня держать, уже не помогала.

Мне хотелось уйти. Немедленно. В груди бушевало пламя, которое грозило на этот раз уничтожить меня, сжечь дотла. В этой маленькой темной комнатке без окон мне не хватало воздуха. Но я не могла пошевелиться: меня словно парализовало, поэтому пришлось слушать дальше.

— Когда оказалось, что русалка беременна, Аманда перестала ее истязать. Понадеялась, что беременность скажется на ней так же, как на человеческих женщинах. Но и тогда русалка не плакала, хотя ее заперли в подвале, а жизнь ее стала куда тоскливее. Она заплакала только в ту ночь, когда ребенок родился. Видимо, после родов в ее организме что-то переключилось. Слезы хлынули ручьем. Только пока она держала младенца на руках, Аманда насобирала целый флакон.

Выражение лица Лессандр снова изменилось: наслаждение исчезло. Мне даже показалось, что у нее самой заслезились глаза.

— А потом Аманда забрала ребенка. Унесла наверх и больше никогда не принесла его русалке. Та рыдала каждый день, а Аманда все собирала и собирала ее слезы. Наконец она получила то, чего так жаждала. Сварила снадобье, и у нее еще остался небольшой запас слез. Через пару недель русалка снова перестала плакать, а младенец не плакал с самого рождения. Орал, но слез не было. Не знаю, чем бы кончилось дело, только Делла не выдержала. Однажды забрала все оставшиеся слезы, ребенка, русалку и попыталась сбежать. В ту ночь порталы были открыты, и Делла это знала. Аманда заметила побег. Она была просто вне себя от ярости и бросилась их догонять. Не знаю, что там произошло, я оставалась в доме, но только Аманда вернула русалку. Я была в ужасе, потому что она притащила ее домой уже мертвой. Она словно обезумела. Заставила меня помогать: нужно было слить кровь, пока та не остыла, и сварить еще снадобья. Кровь, в отличие от слез, хранить нельзя, а Аманде нужно было много снадобья. Она это понимала, ведь принимать его надо раз в неделю. Всегда. Как только перестанешь — процесс старения пойдет снова, еще быстрее, чем обычно. Так она говорила.

— И вы помогли? — наконец подал голос Мор.

— Я боялась, что если откажусь, она убьет и меня, — попыталась оправдаться Лессандр. — А русалке уже все равно было не помочь. Вот только я недооценила Аманду. Благодарности за помощь я не дождалась. Она решила скрыть свое преступление в огне, а я была ненужным свидетелем. В какой-то момент я просто потеряла сознание, уж не знаю, что она со мной сделала. А когда пришла в себя, на мне был ее фокусирующий артефакт, а вокруг меня — огонь. Выбраться я смогла, но огонь оставил на мне свой след. Изуродовал меня на всю жизнь.

— Почему вы не рассказали об этом легионерам, которые расследовали это дело? — теперь инициатива допроса принадлежала Мору.

— А я рассказывала, — Лессандр нервно рассмеялась. — Только вот господин легионер, который вел это дело, начал всячески мне намекать, что если я буду рассказывать эту историю, то меня посадят как сообщницу Аманды. А когда я сказала, что это она чудовище, а не я, он взбесился. И я... испугалась. Мне ведь было немногим больше, чем этим девчонкам, я не так давно сама закончила учиться. Я испугалась и уехала, как он мне предложил. Вернулась в Лекс только десять лет спустя, так уж карьера сложилась.

— Почему ты пыталась убить Тару? — задал последний интересовавший его вопрос Фарлаг. — Что она тебе такого сделала?

— Она? Ничего, — Лессандр оскалилась. Отвечала она Фарлагу, но смотрела не на меня. — Я всего лишь не хочу, чтобы она досталась Аманде. Я поняла, кто она, в тот вечер, когда ты уволил Арта. Тот в возмущении рассказал мне все, что произошло. Бедняга, он так боялся оказаться отцом! Но когда я узнала, что Тара считает своей матерью Деллу Блэк, я поняла, кто ее настоящая мать. Ведь Делле с ребенком русалки все-таки удалось сбежать. Рано или поздно Аманда тоже бы узнала об этом. Из крови русалки, конечно, получилось много снадобья, но запас в любом случае исчерпаем. А Аманда не хочет стареть. Рано или поздно ей снова понадобятся слезы русалки. Или ее кровь. Я же хочу, чтобы она выкусила и сдохла наконец, состарившись. Только вот благодаря тебе, — она снова покосилась на Фарлага, — теперь у Аманды есть шанс получить нужный ей ингредиент.

На этих словах я не выдержала: вскочила с места и выбежала в коридор.

К счастью, в коридоре оказалось пусто, и я без всякого стыда и неловкости схватилась руками за противоположную стену и прижалась к холодному серому камню лбом, пытаюсь восстановить дыхание и погасить пожар в груди.

Как говорится, бойся своих желаний: они могут исполниться. Я хотела узнать, кто мой отец, кем была моя мать и как все произошло, я это узнала. И теперь уже не могла забыть, хотя очень хотелось. Как мне с этим жить, я тоже не знала.

Боль давила изнутри. Она сидела внутри колючим комом, который нельзя было ни проглотить, ни выпустить. Я готова была разорвать себе грудь руками, чтобы вытащить ее. Снова непривычно жгло глаза, но они оставались сухи. Как всегда. Теперь я хотя бы знала почему.

За моей спиной открылась и закрылась дверь, кто-то приблизился ко мне, но я не стала оборачиваться. Даже когда почувствовала осторожное прикосновение к плечу, все равно не пошевелилась.

— Тара, — тихо позвал Фарлаг.

Я с трудом втянула в себя воздух: он вошел с громким, сиплым свистом. В тот же момент его руки сильнее сжали мои плечи. Я понимала, что он хочет меня утешить, поддержать, но едва ли он мог что-то сделать. Никто не мог. Уже ничего нельзя было исправить, как невозможно было забыть. Страшная правда о судьбе моей матери — моей настоящей матери — будет преследовать меня до конца жизни. От этого не скрыться, об этом не перестать думать.

Как не перестать думать о том, кто мой отец и как он им стал. Лилия — как бы ни звали русалку на самом деле, для меня она навсегда останется Лилией — пришла к нему за помощью. Была ли она в него влюблена? Был ли он в нее влюблен? Или она после всего пережитого в доме Блэков просто захотела ласки, а он просто приласкал, изменив беременной жене, — и вот она я. Какая бессмысленная глупость.

И кто виноват в том, что Лилии так никто и не помог? Саймон Блэк? Сет Прайм? Лессандр? Делла? Последняя хотя бы попыталась.

Как это, должно быть, ужасно: попасть в чужой мир, оказаться полностью беззащитной перед чужой злой волей, так долго оставаться одной, никому не нужной, а потом погибнуть. От этих мыслей мне становилось тошно, но я не могла перестать прокручивать их у себя в голове. Я представляла себя на месте Лилии, и сердце мое наполнялось тоской, каждый новый его удар отдавался острой болью.

— Тара, пожалуйста, посмотри на меня, — с нотками отчаяния в голосе попросил Фарлаг.

Я все-таки заставила себя обернуться и теперь привалилась к стене спиной. Ноги держали меня с трудом, глаза болели все сильнее. Боль эта переросла в мигрень. Не знаю, как я выглядела в тот момент, но Фарлаг посмотрел на меня с тревогой.

— Когда ты понял это? — спросила я зачем-то. На самом деле это не имело никакого значения.

— Что Лилия Тор была русалкой? Еще во время разговора с Норманом. Был уверен, что ты тоже поймешь, но ты никак не прореагировала.

— Почему ты мне ничего не сказал?

— Во-первых, я был не уверен, — ответил он оправдывающимся тоном. — Это выглядело логично, но вероятность другого объяснения того, что ты не плачешь, оставалась.

Я медленно кивнула, соглашаясь с этим доводом, хотя его легко было оспорить. Пусть он не знал наверняка, что могло помешать ему поделиться догадкой?

— А во-вторых?

— Боялся твоей реакции, — признался он. — После того, как ты ответила на мой вопрос, стал бояться еще больше. Несколько дней даже думал, что безопаснее мне будет исчезнуть из твоей жизни, но... не смог этого сделать.

— Но ты ведь понимал, что Лессандр, скорее всего, подтвердит это? Ты ведь понимал, что я все равно узнаю?

— Конечно, понимал. Но я и не ставил перед собой задачу защитить тебя от правды. Я думаю, ты в состоянии вынести любую правду. Я знаю, что ты справишься с этим.

Я закрыла глаза и прижалась к холодной поверхности стены затылком. В отличие от Фарлага, я не испытывала такой уверенности. Хотя если подумать... Куда я денусь? Да, сейчас мне казалось, что огромный колюще-режущий комок, собирающийся внутри, вот-вот разорвет меня изнутри, но умом я понимала, что это пройдет. Я останусь жива и со временем даже снова смогу спокойно спать, просто на сердце станет одним рубцом больше. Но он прав: я справлюсь с этим. Я всегда справлялась.

— Ты злишься на меня?

Его голос прозвучал так, словно Фарлаг находился где-то далеко, но заставил меня вернуться в реальность. Я открыла глаза, снова посмотрела в его встревоженное лицо и покачала головой.

— Нет, просто я... растерянна. Огорчена. И не все понимаю. Если я русалка наполовину, разве я не должна плакать чаще, чем они? Как же человеческие гены? Почему для меня это так же недостижимо, как и для моей матери?

— Кто знает? — он едва заметно пожал плечами. — Мы и про русалок-то уже почти ничего не знаем. До разговора с Норманом я даже не подозревал, что они редко плачут. Считал, что этот ингредиент редок из-за того, что сами русалки — редкость. Кто может наверняка сказать, какими должны быть дети человеческого мужчины и русалки? Особенно, если речь идет о таком мужчине, как Сет Прайм. Сомневаюсь, что он сам много плакал в этой жизни.

— Древние боги, Алек... — испуганно прошептала я, опять на секунду зажмуриваясь. — Он меня возненавидит.

— Алек Прайм благороден до зубовного скрежета и примерно настолько же умен, — Фарлаг изобразил комичную гримасу, которая вызвала у меня слабую улыбку. — Если он кого и возненавидит, так это своего отца. Я уверен, ему хватит мозгов сообразить, что за поступки своих родителей ты не в ответе. Особенно за те, что они совершили до твоего рождения.

— Буду надеяться, что ты прав.

Он снова коснулся моего плеча, а потом решительно привлек к себе и обнял. Я попыталась вывернуться, но недостаточно активно.

— Если Мор увидит, он все поймет, — объяснила я свои жалкие трепыхания.

— Пусть видит. Плевать мне на это сейчас, — заявил Фарлаг, обнимая меня крепче. — Ты совершеннолетняя, а я увольняюсь. Максимум, что мне грозит, — это еще один скандал в

светской прессе. Неприятно, но не смертельно.

Он коснулся губами мое макушки, погладил по голове, словно ребенка, и горестно вздохнул.

— Тара, я так хотел бы сделать для тебя больше, — его голос прозвучал очень тихо, но в нем отчетливо слышалось сожаление. — Как-то избавиться от этой боли, но я не могу. Боюсь, даже если я тебе спою, тебе станет только хуже.

Это была довольно неуклюжая попытка пошутить, но она сработала: у меня вырвался нервный смешок. Правда, прозвучал он как-то странно. Тем не менее, мне действительно стало немного лучше. Просто от осознания того, что он рядом и готов на все, чтобы мне помочь. Пусть разгадка тайны моего рождения обернулась кошмаром, по крайней мере, я больше не была одна. Только ради этого стоило перевестись в Лекс.

Это помогло немного собраться с мыслями и наконец увидеть светлую сторону последних новостей.

— Зато теперь я могу тебе помочь, — я чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо. — Если мои слезы могут подойти для снадобья истинной молодости, то и для твоего подойдут. Надо просто заставить меня заплакать.

— Просто? — он нервно усмехнулся. — Тара, ты не плакала, когда была ребенком, даже если тебе было больно. Ты не плакала, когда умерла та, кого ты считала родной матерью. Ты даже сейчас не плачешь, хотя я вижу, как тебе плохо. Ни боль, ни горе не вызывают твоих слез. Ты не заплакала ни когда я признался тебе в любви, ни когда предложил стать моей женой. Видимо, моменты счастья тоже не способны заставить тебя расплакаться.

— Всегда есть более сильная боль и более глубокое горе, — возразила я. — Как и счастье. Я испытала в своей жизни далеко не все. Лилия заплакала, когда родила меня. Значит, и я смогу.

Он моего энтузиазма не разделил. Напротив, заметно помрачнел и покачал головой.

— Ты же знаешь, ты не можешь родить от меня ребенка. Проклятие, которое лежит на мне, слишком сильное и слишком жестокое. Оно не убивает меня, но кто знает, как оно проявится в ребенке? Не убьет ли оно новорожденного раньше, чем мы поймем, как его снять? Сможем ли мы вообще это сделать? Это слишком большой риск. Ты мне потом сама не простишь последствий. А если ты и простишь, то я себе не прощу. И не смей меня оскорблять предложением бить тебя или пытаться, — быстро добавил он, когда я открыла рот, чтобы возразить. — Даже если бы моя жизнь напрямую зависела от этого, я бы не стал этого делать. В нашем случае все к тому же не так однозначно. И не забывай, что еще есть шкатулка. Если там действительно слезы твоей матери, то они помогут мне.

— Но мы не знаем, на чью смерть она... — я осеклась, заметив его укоризненный взгляд. И поняла, что мы действительно уже с большой долей вероятности можем предположить, кто должен умереть, чтобы шкатулка открылась.

Делла сбежала, забрав у матери запас полученных от Лилии слез. И она сделала все, чтобы мать не получила их даже в случае ее смерти. Шкатулка не откроется, пока не умрет Аманда Блэк.

— Мне придется сейчас отправиться с Мором к Алисии. Лессандр подтвердила, что та как-то связана с Амандой: именно Алисия предупредила ее о том, что ей нужно бежать из Лекса. На Мора, кажется, произвело впечатление то, как мы разговорили Лессандр. Он считает, что я помогу ему и с Алисией, раз уж мы были женаты. А через нее мы доберемся до Аманды.

— Но если легионеры арестуют Аманду, ее посадят в тюрьму, — напомнила я. — Даже если без снадобья она начнет быстро стареть, сколько она еще проживет? Год? Два? Пять лет? Десять? Ты не продержишься столько.

По выражению, которое промелькнуло в его взгляде, я поняла, что он не думал об этом. Однако растерянность довольно быстро сменилась решимостью. Он быстро поцеловал меня в лоб и странно улыбнулся:

— Пусть сначала ее найдут. А потом будем думать дальше. Проблемы надо решать по мере их поступления.

Мне показалось, что для себя он уже определился, как решит эту проблему, просто не захотел сказать об этом мне. Чтобы не делить со мной ответственность за принятое решение? Я хотела спросить его об этом, но рядом раздалось деликатное покашливание.

— Господин Фарлаг, нам лучше поторопиться. Едва ли ваша жена подозревает неладное, но кто знает, что задумала Аманда Блэк? Госпожа Роук может остаться здесь. Для безопасности.

Фарлаг медленно выпустил меня из объятий, как бы подчеркивая, что не чувствует вины за свое поведение. Впрочем, Мор смотрел на нас так, словно ничего и не видел.

— Останешься здесь? — спросил Фарлаг. — Или вернешься в Лекс?

Мне даже думать не пришлось.

— Вернусь в Лекс, — уверенно заявила я.

В Легионе я совершенно не чувствовала себя в безопасности. Как-то ведь Аманда смогла повлиять на легионера двадцать лет назад. Кто знает, кто еще у нее под каблуком?

— Тогда иди сразу к себе. И оставайся все время с кем-нибудь. Или дождись меня в моих апартаментах.

На этих словах бровь Мора едва заметно дернулась, но и сейчас он ничего не сказал.

Мне не нравилось, что Фарлаг отправился к Алисии вместе с легионерами. Эта женщина казалась мне не менее опасной, чем Аманла Блэк. И я по-прежнему была уверена, что она несколько лет опаивала его каким-то снадобьем. И хотя я подозревала, что она добавляла его в еду, способ мог быть и другим. Что если она сможет на какое-то время вернуть себе контроль над его чувствами? Это заставляло меня нервничать и желать быть рядом с ним, но я понимала, что объективно буду только мешать. В конце концов, он и так будет не один. Взрослые мужчины уж как-нибудь разберутся без меня.

Когда я вернулась в Лекс, преподаватель, которого Фарлаг оставил сторожить портал, сидел на месте. Он где-то раздобыл себе довольно удобное кресло, вероятно, переместил из своего кабинета, и теперь сидел в нем с книгой. Когда я появилась в зале, он посмотрел на меня с надеждой, которая угасла, как только он понял, что я вернулась одна.

— А где ректор? — печально уточнил он.

— Ему пришлось задержаться. В Лекс кто-нибудь приходил?

Преподаватель только мотнул головой и снова уставился в книгу. Мне трудно было его винить за отсутствие энтузиазма при общении со мной: у него, скорее всего, были другие планы на этот выходной.

Я поторопилась в наши с Реджиной апартаменты, посчитав, что самым разумным будет дождаться возвращения Фарлага именно там. Я была уверена, что он пришлет мне записку с феей, как только вернется, а пока я буду совершенно точно не одна. К тому же очень хотелось добраться до запертой шкатулки и теперь держать ее на виду все время. Она стала реальным шансом спасти жизнь моего проклятого ректора, и страх упустить этот шанс рос во мне с каждой минутой, пока я не держала шкатулку в руках.

В нашей общей с Реджиной гостиной пахло чем-то незнакомым, но приятным. Сама Реджина сидела за обеденным столом, листая очередной журнал со светскими сплетнями. Несмотря на довольно поздний час, она еще была в ночной рубашке и пеньюаре, как будто только встала.

— О, ты где пропадала? — она улыбнулась мне. — Дай угадаю: отмечала совершеннолетие в спальне Фарлага? Да не смущайся, слепому было видно, что между вами что-то есть, а настроение Алека после вечеринки очень красноречиво говорило о том, куда ты сбежала. Присоединяйся ко мне, я заказала кофе. Его пьют за Занавесью, когда хотят взбодриться. Говорят, нарушает стабильность потока, но я думаю, что от одного раза ничего ужасного не случится. Я жажду от тебя грязных подробностей, а потом расскажу тебе, как я провела эту ночь.

Она довольно улыбалась, из чего я сделала вывод, что ночь она провела с пользой. Я, конечно, не собиралась ничего рассказывать ей о своей ночи с ректором, но была готова послушать о ее победах, чтобы скоротать время в ожидании. Только не раньше, чем увижу шкатулку.

— Я сейчас приду, — пообещала я, скрываясь за дверью спальни. — Только переоденусь.

Я сразу метнулась к столу и выдвинула нижний ящик... Сердце пропустило удар или даже два: на том месте, где всегда стояла шкатулка, оказалась пустота. Я даже пощупала ее

рукой, проверяя, не стала ли шкатулка снова невидимой. Торопливо проверила другие ящики, пока еще надеясь, что просто по ошибке положила ее в другое место. Однако шкатулки не было нигде, а содержимое остальных ящиков выглядело так, словно в нем кто-то рылся: все лежало совсем не так, как оставляла я.

Теперь сердце забилося сильнее, а руки опять задрожали. Мало мне было проблем сегодня, теперь еще сбывался мой недавний кошмар, в котором я искала шкатулку и никак не могла найти. Кроме того, пропал конверт, который я забрала из кабинета Блэка, а вместе с ним и рецепт снадобья. К счастью, коробка с письмами, обгоревшим портретом, открытками и дешевыми бусами, которые мама хранила, стояла на месте. В последний раз я положила в нее и портрет Лилии и Деллы, поэтому он тоже остался у меня. Остальное пропало, и я не представляла, куда оно могло деться. Кто мог войти в мою спальню и перерыть ящики? Когда?

Вероятно, сегодня ночью, когда меня не было, потому что еще в пятницу днем шкатулка стояла на месте. Кто мог знать, что меня нет и не будет, и так нахально влезть в мою комнату, не боясь, что следящие чары потом укажут на него?

Ответ напрашивался сам собой: моя соседка. Только Реджина могла войти в мою спальню, не боясь последствий. Особенно если она действительно поняла, куда я отправилась после вечеринки, и понимала, что я там останусь как минимум до утра. Не поэтому ли она выглядит такой довольной сегодня?

Мне не хотелось думать на нее, правда не хотелось. Мы все больше общались как подруги, она даже начала мне по-настоящему нравиться. Вот только сейчас память услужливо подсовывала мне воспоминание о том, как она поила меня красным вином, после чего я спала, как убитая. Правда, в ту ночь ничего не произошло... По крайней мере, я ничего такого не заметила, но кто знает, что могло быть в том вине... Почему она вообще решила тогда со мной его выпить?

Материальное положение ее семьи говорило о том, что к ней можно найти подход. Банальный и доступный для человека вроде Аманды Блэк, в этом я не сомневалась. Особенно раз они заодно с Алисией, которая только что очень удачно развелась.

Борясь с приступом паники и гнева, я прижала к груди последнее, что у меня осталось: жестяную коробку с письмами и портретами, а потом убрала ее в сумку, в которой обычно носила учебные книги и тетради. Придется теперь всегда носить свое с собой.

— Что-то ты не переделась, — удивленно заметила Реджина, когда я вернулась в гостиную.

Она так и сидела за столом, листая журнал и попивая ароматный напиток под названием «кофе».

— Где она? — едва сдерживаясь, чтобы не закричать, спросила я.

— Кто? — удивление на лице Реджины выглядело вполне искренне.

— Моя шкатулка. Та, что не открывается.

— Откуда я знаю? — она оскорбленно дернула плечом. — Я не слежу за твоими вещами.

— Перестань! Она лежала у меня в столе, только ты могла ее взять, пока меня не было. Кто еще стал бы вламываться к нам, понимая, что следящие чары запомнят его визит?

— Я тебе еще раз говорю, — голос Реджины прозвучал раздраженно, — я не видела твою шкатулку и не брала ее. Зачем она мне, если она даже не открывается?

— Может быть, кто-то заплатил тебе за нее? — ни на секунду не замямвшись, выпалила

я.

— Ну, знаешь! — Реджина вскочила на ноги. — То, что моя семья с трудом удерживается на прежнем уровне жизни, еще не значит, что меня можно так просто купить! Я думала, ты умнее. Еще раз объясняю: меня самой не было здесь ночью, я выслушивала тоскливые бредни Прайма о том, какая ты хорошая. Мы расстались под утро. Ночью кто угодно мог вскрыть наши апартаменты и войти. Спроси у Фарлага, кто это был. Он контролирует все охранные чары в Лексе. А ко мне не лезь!

С этими словами она с недовольным видом ушла в свою спальню, забыв на столе чашку с недопитым кофе.

Я прижала ладони к горящему лицу и закрыла глаза, пытаясь унять дрожь и прояснить мысли. Я и так была выбита из колеи посещением Легиона, а теперь совсем растерялась и запуталась. Проверить слова Реджины я не могла, пока Фарлаг не вернется в Лекс, а он мог вернуться только через несколько часов.

Я растерянно опустилась на диван, положив сумку себе на колени и не зная, что мне делать. Остаться здесь? Но если сюда так легко войти, а своей соседке я не могу доверять, то не опасно ли это? Пойти в апартаменты ректора и ждать Фарлага там? Обратиться к Алеку? Искать шкатулку, подвергая себя непредсказуемой опасности?

Последний вариант я тут же отмела и остановилась на предпоследнем. Алеку я доверяла целиком и полностью. Совесть, конечно, шептала, что я не могу обращаться к нему за помощью. Мало того, что я фактически отвергла его чувства, я еще оказалась его сестрой и была не готова сейчас с ним об этом говорить. Рано или поздно он все узнает и поймет, что я не торопилась откровенничать. Даже если он не возненавидит меня за то, что произошло между его отцом и моей матерью, он едва ли простит мне молчание. Однако все это меркло на фоне просьбы Фарлага не оставаться одной.

Я тряхнула головой и решительно встала. Апартаменты Алека были не так далеко, стоило поскорее добраться туда и попросить убежища.

Однако мне не повезло: дверь открыл сосед Алека и сообщил, что тот вообще не приходил ночевать.

— Кажется, он до упора был на вечеринке, — он усмехнулся. — Твоей, между прочим, с которой ты куда-то сбежала. А вот куда он потом отправился, не знаю. Раз ты спрашиваешь, значит повезло не Реджине, но его каждая вторая приласкать готова. Хочешь, заходи, подожди его тут.

Я отказалась. Алеку я доверяла, а его соседа знала плохо. У меня оставался последний вариант: апартаменты ректора. Они находились дальше, но я убедила себя, что спокойно доберусь и туда. Сюда же я пришла. И потом, даже если Аманда Блэк как-то подкупила Реджину — или кого-то еще — это не значит, что она бродит по коридорам Лекса в поисках меня. Тот преподаватель сказал, что через портал никто не проходил. Да и кто будет нападать на меня посреди дня в коридорах Лекса? На улицу я точно выходить не собиралась.

Уже добравшись до лестницы, я отчасти пожалела о своем решении: на всем пути я не встретила ни одного студента. Первая половина дня субботы была мертвым временем в Лексе: все в основном сидели в своих апартаментах. Кто-то отсыпался, кто-то просто ленился, кто-то, наоборот, занимался.

Я одернула себя, напомнив, что Аманды Блэк здесь быть не может. Эта женщина была, конечно, монстром, но не древним богом же. Едва ли она рискнула бы приблизиться к Лексу, где еще оставались люди, которые могли узнать ее.

Эта мысль заставила меня остановиться. А могли ли они ее узнать? Если сейчас она выглядела все так же молодо, как тогда, то кто бы заподозрил в ней женщину, которой уже миновало шестьдесят? Мало ли в мире похожих людей?

Я сделала еще один шаг и снова остановилась, вспомнив слова Нормана про темную инверсию: снадобье, изготовленное с ее помощью, меняет внутреннюю суть человека, а со временем внутреннее отражается на внешнем. Аманда Блэк двадцать лет принимает такое снадобье. Она могла за это время измениться как угодно.

Я не узнаю ее, даже если столкнусь лицом к лицу. Я всего-то один раз видела ее портрет, и то больше смотрела на маленькую Деллу, чем на нее.

Интересно, вещи Блэка уже убрали из его комнаты? И если да, то куда? Семьи у него не осталось, никто не мог их забрать.

Разве что Фарлаг. Он очень тепло относился к Блэку, поэтому едва ли у него поднялась рука просто выбросить их, а бесконечно занимать ими апартаменты он не мог, они наверняка были нужны новому преподавателю снадобий. Значит, портрет стоит искать где-то у ректора.

Я ускорила шаг, поскольку была уже в двух шагах от комнат Фарлага. Дверь в гостиную открылась без проблем, и я неуверенно замерла посреди комнаты, гадая, где могут храниться вещи Блэка, и заодно размышляя, имею ли я право рыскать по чужим апартаментам в поисках чужих вещей. Но серьезность ситуации снова успокоила мою совесть.

Сильно хозяйничать мне не пришлось: несколько коробок с вещами обнаружались в лаборатории, которой Фарлаг сейчас редко пользовался. Портрет в рамке лежал в одной из коробок, поверх других вещей.

Я взгляделась в лицо Аманды Блэк. На этом портрете ей было около тридцати. Гармоничные черты, голубые глаза, светлые волосы... Я вспомнила, что в первый раз она показалась мне смутно знакомой. Она и сейчас мне кого-то напоминала, но я не понимала кого.

Впрочем, решить эту задачку оказалось просто. Мой образ жизни не предполагал большого количества знакомых, а память сейчас подсовывала тех, о ком я думала в последнее время.

Я бы ее ни за что не узнала, если бы эти две женщины уже не были связаны в моем сознании. Она действительно изменилась. Даже новый цвет волос и совсем другой макияж уже делали ее мало узнаваемой. Темная инверсия к тому же заострила черты лица и полностью изменила выражение глаз. Добавить к этому то, что она выглядела даже не на двадцать, а на все тридцать лет моложе, чем должна была быть, — и вот в голову даже не приходит подумать, что Алисия Фарлаг — это Аманда Блэк.

Нужно было как-то предупредить об этом Найта. И легионеров.

Я вскочила с места, резко повернулась, еще не зная, куда собираюсь бежать и что делать, и едва не столкнулась с феей. Та недовольно пискнула и швырнула мне записку. Да так, что я с трудом ее поймала. Развернув тетрадный лист бумаги, я прочитала короткое послание:

«Сгоревший дом Блэка, подвал. Если тебя не будет через десять минут, Алек Прайм умрет. А потом можешь попрощаться со своей шкатулкой и ее содержимым. Время пошло».

Мне пришлось бежать. Десяти минут было слишком мало, чтобы остановиться, подумать, выработать план и всех спасти: Алека, Найта, себя, поэтому мне пришлось просто бежать. Подворачивая ноги, врезаясь в ветки деревьев, выбиваясь из сил.

Но я успела. Добралась до сгоревшего коттеджа всего за девять минут. Почерневший остов сегодня не выглядел ни мрачно, ни угрожающе. День выдался погожий: теплый и солнечный, по-настоящему весенний. Беззаботное щебетание птиц показалось мне жестокой насмешкой, когда я шагнула в темный провал входа. Настолько оно не вязалось с тревогой и страхом, которые терзали мое сердце. Я понимала, что иду напрямик в ловушку, из которой не смогу выбраться, но я не могла позволить Алеку пострадать из-за истории, к которой он не имел никакого отношения.

Когда я спускалась в подвал, ноги меня едва слушались. Внизу уже горели шары, заливая помещение с бассейном ровным желтоватым светом, но оставляя по углам тени.

Первым я увидела Алека. Он был то ли без сознания, то ли усыплен. По крайней мере, я надеялась, что он жив. Его неподвижное тело висело над бассейном строго по середине, поддерживаемое заклятием левитации. Глаза были закрыты, я даже не знала наверняка, дышит ли он.

Сначала мне показалось, что в подвале больше никого нет, но потом я заметила Дорна. Он вышел из темного угла, довольно скалясь. Честно говоря, меньше всего я ожидала увидеть тут его, считая, что меня вызвала Аманда Блэк.

— Дорн? Какого демона? — я не смогла скрыть ни удивления, ни досады. — Ты никак не уймешься?

— Молчать, фермерша! — грубо прикрикнул он. — Я же говорил, что ты мне за все ответишь. Час расплаты настал. Сними фокусирующий артефакт и брось его в бассейн. Потом будем разговаривать. Иначе на дно бассейна отправится твой драгоценный Прайм.

Я сжала в кулаке амулет, гадая, смогу ли ударить Дорна заклятием так, чтобы он потерял сознание, и хватит ли мне потом времени и сил вытащить Алека из воды до того, как он захлебнется.

— Даже не думай об этом, — услышала я второй голос.

Аманда-Алисия появилась из маленькой комнатки, в которой она когда-то держала Лилию. В руках она крутила браслет, соединенный, как я знала, цепью со штырем в стене.

— Одна ты с нами не справишься, — добавила она с ядовитой улыбкой. — По крайней мере, пока будешь пытаться, этот славный мальчик умрет. Кстати, ты уже знаешь, что он твой брат?.. Судя по всему, знаешь.

Мне ничего не оставалось, кроме как молча снять цепочку с амулетом. Я стянула ее через голову, понимая, что дрожащими пальцами не смогу расстегнуть маленький замок. Поколебавшись пару секунд, все же шагнула к бассейну и бросила амулет в воду, чувствуя себя теперь еще более незащищенной, чем до этого.

— Довольна? — мой голос прозвучал хрипло, но достаточно твердо, невзирая на бившую меня внутри дрожь.

— Более чем, — продолжая улыбаться, кивнула Аманда. — А теперь надень это.

Она бросила мне браслет на цепи, тот с оглушающим лязгом упал на сырой каменный

пол всего в паре метров от нее и довольно далеко от меня. Видимо, предполагалось, что я должна сама подойти.

Я покосилась на тело Алека, зависшее над водой, а потом перевела взгляд на браслет.

— Зачем? — спросила я, пытаюсь потянуть время. — Разве ты не собираешься меня убить? Ради моей крови?

— О, нет, — она рассмеялась, и от этого смеха у меня мороз побежал по коже. — Я не собираюсь снова совершать эту ошибку. Я и твою мать не хотела убивать, это все Делла виновата. Она решила спасти всех и сбежать с русалкой, тобой, моим запасом русалочьих слез. Заодно прихватила снадобье и его рецепт... Часть рецепта, ей не удалось полностью обмануть охранные чары, поэтому он порвался. Не понимаю, зачем она пыталась его забрать. Я его несколько лет выводила, а потому знаю наизусть до последнего грамма.

— Если ты не собираешься меня убивать, то что собираешься делать? — я продолжала тянуть время, поглядывая на Алека и пытаюсь понять, кто из этих двоих поддерживает заклятие левитации. — Ты же знаешь, что моих слез ты не получишь.

— Это мы еще посмотрим, — ее улыбка превратилась в угрожающий оскал, лицо в одну секунду перестало быть красивым. — За двадцать лет я смогла раскопать несколько интересных теорий. К тому же я точно знаю, что делает русалку ближе к обычной человеческой женщине: рождение ребенка. Ты еще молода, сумеешь родить несколько раз, прежде чем дело дойдет до использования твоей крови. А пока я посмотрю, не подойдет ли мне кровь твоих отпрысков. Они будут русалками только на четверть... Но кто знает, может быть и этого хватит? Как тебе кандидат в отцы твоего первенца? — она манерно махнула рукой в сторону Дорна. Тот мерзко ухмылялся.

Руки сами собой сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Я до боли стиснула зубы, стараясь удержать внутри все, что в этот момент подумала. Я не хотела их лишней раз провоцировать.

— Оно хоть того стоит? — спросила я, не торопясь надевать на ногу браслет. — Ты убила ни в чем неповинную девушку, пыталась убить Лессандр, разрушила собственную семью, убила родную дочь и мужа, который тебя обожал. Ради чего?

Ее лицо перекосило от гнева, оно полностью потеряло человеческий облик. Я никогда не видела демонов, но решила, что выглядят они именно так.

— Я никого не собиралась убивать, меня вынудили! — рявкнула она. — Сначала эти девчонки своей попыткой сбежать и забрать у меня все! Лессандр могла сдать меня Легиону. А Делла... Когда через столько лет я наконец нашла ее, она заявила, что украденные слезы я получу только через ее труп. Солгала, кстати. Даже убив ее, русалочьи слезы я так и не нашла. Они ведь в этой шкатулке, да? — она вытянула перед собой руку, призывая из комнаты за спиной мою шкатулку. — Как она открывается? Что эта мерзавка с ней сделала?

— Сначала скажи, как ты ее забрала, — неожиданно потребовала я. — Тогда я скажу, как она открывается.

— Считаешь, что ты в праве сейчас ставить условия? — удивилась она.

— Я забрал ее! Когда ты побежала к своему любовнику, я проник в ваши апартаменты, — не удержался Дорн. Ему явно захотелось похвастаться. — Алисия просила меня найти флакон со слезами, но его нигде не было. Зато я нашел шкатулку. И конверт.

Аманда недовольно поморщилась: ей не понравилось, что Дорн выступил без ее разрешения. Тем не менее она требовательно напомнила:

— Довольна? Теперь ты говори.

Я была довольна, действительно довольна. Несмотря на общую ситуацию, я испытала облегчение от того, что Реджина меня не предавала. К тому же теперь настал мой черед усмехаться.

— Делла закрыла шкатулку своей смертью на твою, — не без удовольствия сообщила я. — Видишь, в чем злая ирония? Не убей ты свою дочь, могла бы добраться до содержимого. А теперь шкатулка откроется только после твоей смерти.

Аманда зло зарычала и швырнула шкатулку в угол. Я непроизвольно поморщилась, когда та покатила по полу: как бы это ни было глупо, я испугалась за сохранность отделки крышки.

— Хватит заговаривать мне зубы! — прикрикнула Аманда. — Надевай браслет!

Я на мгновение задумалась, что будет, если я откажусь это сделать, но тут же отменила эту мысль. Лучше было разговаривать с ними, а не упираться. Пока они мне отвечали, время шло.

— За что ты убила своего мужа? Он же был безобиден, — задала я еще один вопрос, подходя ближе и опускаясь на одно колено, чтобы застегнуть вокруг лодыжки браслет.

— В смерти Саймона виновата целиком и полностью ты, — фыркнула Аманда. Теперь она снова выглядела довольной, вспышка ярости миновала. — Я задержалась в апартаментах Найта в тот день и услышала, как вы обсуждаете разговор с Саймоном. Я еще не знала толком, кто ты и зачем тебе говорить с ним, но я не могла рисковать. Пришлось убрать его, чтобы он не сболтнул лишнего. Несмотря на проклятие, разрушавшее его разум, он порой бывал адекватен. Недостаточно, чтобы узнать меня, конечно, но мог что-нибудь рассказать. Следовало тогда же убрать и Лессандр, но я не хотела привлекать лишнее внимание Легиона.

— Неужели тебя там никто не прикрывает? Как же тебе все остальное с рук сошло? — спросила я, выпрямляясь и мысленно заклиная Аманду говорить дальше.

— Когда-то мне помогло то, что мой брат работал в отделе расследования смертей, — она пожала плечами. — Через него я вышла на начальника их отдела. Один разговор, пара поцелуев, — на ее губах снова появилась ядовитая улыбка. — И вот он уже достаточно очарован, чтобы выпить со мной чашку чая, а там... — она махнула рукой и выразительно посмотрела на Дорна. — Знаешь, женщине не нужно управлять миром. Достаточно знать, как управлять мужчинами, которые имеют власть, деньги или влияние. К счастью, мужчины примитивны. Они рабы страсти. Все они: Саймон, начальник моего брата и многие после него, Найт и даже этот мальчик, хотя я ему не то что в матери, в бабушки гожусь...

Она послала Дорну воздушный поцелуй, а тот счастливо улыбнулся в ответ. Меня передернуло.

— А я-то думала, он за нанесенное оскорбление мне мстит.

— Конечно, что-то должно лежать в основе, — согласно кивнула Аманда, снова переводя взгляд на меня. — Саймон был в меня влюблен, Найт — тоже, поэтому с помощью снадобья страсти я могла крутить ими, как хотела. С остальными было сложнее, но моя внешность всегда помогала вызвать у мужчины сначала влечение, а потом и краткосрочное помешательство на мне. Они закрывали глаза на мои преступления, шли на преступления ради меня, помогали мне сменить имя, раздобыть деньги, жилье, любые ингредиенты для снадобий. Найт был готов вообще на все, но не смог сделать главного: решить задачку с русалочьими слезами. Жаль, он выглядел очень перспективно.

— Значит, тебя до безумия любил мужчина, у тебя была прекрасная дочь, ты могла

заниматься любимым делом, но ты от всего этого отказалась. Променила на то, чтобы до конца своих дней бежать наперегонки со временем, пытаясь достать себе новые порции снадобья. Молодость ради молодости, потому что времени наслаждаться ею у тебя нет и не будет. Найт обожал тебя. До боли, до безумия. Он был готов носить тебя на руках и умереть за тебя. Молодой, красивый, талантливый, богатый, благородный — он был весь твой, ты могла быть с ним счастлива. Но вместо этого ты прокляла его, превратив его жизнь в ад. Ради чего?

— Поймешь лет через десять, — Аманда зло сощурилась. — Когда начнешь гнить изнутри. Я ведь тоже не сразу это поняла. Поначалу все игралась с косметическими снадобьями. Да, они помогали мне и в тридцать выглядеть на двадцать с небольшим, но это давалось все трудней и результат был все хуже. Что ни делай с внешностью, внутри старость все равно начинает пожирать тебя. И ты знаешь, чем это закончится: уродством, болезнями, слабостью... Смертью.

— И что дальше? Будешь держать меня взаперти, всеми силами выбивать из меня слезы, заставляя рожать детей, которых тыпустишь на снадобья? Тебе самой не противно от всего этого?

— Хочешь меня пристыдить? — она выглядела искренне удивленной. — Знаешь, все сомнения и стыд остались у меня в далеком прошлом. Темная инверсия освобождает. Понимаешь, по-настоящему освобождает. А когда ты свободна, ты непобедима.

— Не в этот раз, — я покачала головой и даже смогла заставить себя улыбнуться. — Они уже вычислили тебя. И скоро найдут тебя. Не знаю, как ты попала в Лекс, но выбраться незамеченной ты не сможешь. Все кончено.

Она не дрогнула, хотя я на это надеялась. Видимо, ничто было не способно стереть ухмылку с ее лица.

— Это ты так думаешь. А я сегодня завтракала со старшим легионером столицы. Ты ведь понимаешь, что это значит? Думаю, он уже отозвал своих людей. Так что никто не придет и не спасет тебя. Найт со временем, конечно, тебя найдет, что будет очень кстати, ведь я планирую убить его. Но сначала я прикончу твоего брата. Говорят, русалки плачут, когда умирают те, кого они любят. И раз уж я не могу достать слезы из шкатулки, придется достать их из тебя. Не могу я ждать еще девять месяцев.

Я почувствовала, как слабеют ноги и холодеют руки. Моя надежда была слабой, но только что она разбилась и превратилась в новый кошмар. Всю дорогу сюда я взывала к чарам, которые Найт наложил на мой амулет. Пыталась подать сигнал бедствия, чтобы он немедленно вернулся в Лекс с легионерами. Но теперь мой призыв превратился в ловушку для него. Один он с ними не справится, использование магического потока для боевых заклятий спровоцирует приступ...

— Отпусти Алека, — онемевшими губами попросила я. — Отпусти, ты ведь обещала.

Я понимала нелепость этих слов. Я ведь с самого начала не рассчитывала на то, что она его отпустит по доброй воле. Но Аманда снова усмехнулась и неожиданно заявила:

— Как скажешь, Тара. Отпусти его, — добавила она, повернувшись к Дорну.

Тот послушно кивнул и... убрал заклятие левитации. Обездвиженный Алек рухнул вниз. Раздался громкий всплеск. Мгновение — и темная вода сомкнулась над его телом.

— Нет!

Я ринулась к бассейну, но цепь не дала мне сделать и трех шагов. Лишь нелепо вытянув ногу и наклонившись вперед, я смогла дотянуться руками до бортика, но Алека увидеть уже

не смогла. Он шел ко дну, а я ничем не могла ему помочь: без фокусирующего артефакта я не могла применить даже простенького заклятия.

Я задохнулась. Мне казалось, что это я иду ко дну, погружаясь в ледяную воду. Глаза вновь пронзила резкая боль и на мгновение окружающий мир скрыла уже знакомая пелена.

Я не знала, сколько прошло времени с того момента, как вода бассейна поглотила Алека. Мне показалось, что целая вечность, но на самом деле она могла длиться не дольше удара сердца. Поверхность воды еще не успела успокоиться, когда была снова потревожена. Невидимая сила подняла Алека вверх, а потом бережно опустила на пол рядом с бассейном.

Первым, как ни странно, среагировал Дорн: он вскинул руку, посыла ударный импульс в сторону лестницы. Только тогда я оторвала взгляд от все еще бессознательного Алека. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как заклятие Дорна было поглощено щитом Мора. Легионер тут же послал ответное заклятие, а потом еще одно и еще. Дорн не удержал щит, и его откинуло к стене, по которой он и сполз, замерев.

В то же время браслет упал с моей ноги, возвращая мне свободу передвижений. Естественно я тут же добралась до Алека, чтобы проверить дыхание и пульс. К счастью, тот не только дышал, но и уже начал шевелиться.

— Тара!

Я не поняла, откуда появился Фарлаг, видимо, спустился по лестнице вслед за Мором. Он мгновенно оказался рядом, опустился на колени и обнял меня за плечи, прижимая к себе.

— Слава древним богам, я боялся, мы не успеем... — едва слышно выдохнул он мне в ухо. — Они ничего тебе не сделали?

Я только помотала головой, не чувствуя в себе сил говорить. Сил вообще не было: после парализующего напряжения, рожденного страхом, я в одно мгновение расслабилась и могла отключиться в любую секунду. Сейчас только рука Фарлага удерживала меня от падения. Я обняла его за шею, утыкаясь лицом в плечо, и почувствовала, как он погладил меня по голове.

Рядом приходил в себя Алек. Свободной от меня рукой Фарлаг помог ему сесть. Все было хорошо. Ректор почувствовал беду через чары, наложенные на мой амулет, и появился вовремя. К счастью, все-таки не один. Если бы могла, я бы, наверное, разревелась от облегчения.

Я не видела, что происходило все это время между Амандой и Мором. Когда Фарлаг спросил, могу ли я встать, и мы с ним медленно выпрямились, Аманда уже была обездвижена, а Мор надевал на нее браслеты, запирающие магический поток внутри.

— Вас не должно здесь быть, — заявила она в этот момент легионеру. — Ваш начальник должен был вас отозвать.

— Он отозвал, — согласился Мор, оставляя ее обездвиженной и переходя к Дорну, чтобы надеть браслеты и на него. — Но я решил проводить господина ректора. Вы же понимаете, что, когда я становлюсь свидетелем преступления, я обязан вмешаться, какими бы ни были ранее отданные мне приказы.

— Я вас раздавлю, — пообещала она, злясь все больше, но не имея возможности пошевелиться. — Можете попрощаться с карьерой в Легионе.

Мор, уже надевший браслеты на Дорна, обернулся к ней и едва заметно приподнял бровь, ничуть не испугавшись.

— Это мы еще посмотрим... — он заставил Дорна встать и выпрямился сам. — А пока

вы арестованы за похищение и попытку убийства Алека Прайма. Для начала. В Легионе разберемся, какие еще обвинения будут вам предъявлены. Ректор Фарлаг, откроете мне портал?

Он вопросительно посмотрел на Фарлага, но тот не торопился отвечать. Я сразу поняла причину и, мягко высвободившись из его объятий, нашла шкатулку, которую Аманда швырнула в угол. Та оказалась в целости и сохранности и по-прежнему заперта. Я прижала ее к груди и посмотрела сначала на чуть ли не дымящуюся от гнева Аманду, которая, заметив мои действия, насторожилась, а потом на ректора.

— Прайм, вы как? — спросил тот у Алека, помогая подняться и ему. — Идти можете?

— Да, конечно, сэр.

Алек выглядел дезориентированным. Он удивленно озирался по сторонам, растерянно смотрел на собственную промокшую до нитки одежду и опасно косился на легионера, который сейчас тоже выглядел сбитым с толку. Ведь ответа от ректора он так и не дождался.

— Тогда будьте добры, выведите Дорна наверх и присмотрите за ним, — попросил Фарлаг.

— Господин Фарлаг, я не совсем понимаю... — начал Мор, но Найт его перебил:

— Сейчас я вам все объясню. Прайм, вы слышали мою просьбу?

Алек кивнул, бросил на меня взгляд, в котором озадаченность тесно переплелась с озабоченностью, но просьбу ректора все же выполнил.

Когда Алек с Дорном поднялись по лестнице и их шаги смолкли, Фарлаг наконец ответил Морю:

— Вы можете забрать Дорна, но ее, — он кивнул на совсем притихшую за это время Аманду, — я не могу отпустить.

— Это еще почему? — Мор заметно напрягся.

— Вам этого знать не надо, — Фарлаг покачал головой. — Просто оставьте ее здесь и уходите.

— Я все еще не понимаю...

— Демон вас заberi, Мор! — ректор вышел из себя. От его крика даже я вздрогнула. — Вас здесь действительно не должно быть! Она уже обещала вам проблемы за это. Я уверен, она их обеспечит. Я уж не говорю о том, что она найдет способ вывернуться из рук нашего неспешного и чересчур мягкого правосудия. Оставьте ее здесь и уходите, я сам о ней позабочусь. У вас не будет проблем, обещаю. Больше того, я сделаю вас достаточно богатым человеком, — добавил он после небольшой паузы. — Богаче, чем вы когда-либо станете на службе в Легионе.

Мор приподнял подбородок, стиснул зубы и недовольно сверкнул глазами. Он был явно оскорблен, а еще больше — разочарован словами Фарлага.

— Взятка должностному лицу — это тоже преступление, — напомнил он. — Я могу арестовать и вас.

— Попробуйте, рискните карьерой, — недовольно прошипел Фарлаг.

Я положила руку ему на плечо, останавливая. Не хватало только, чтобы он сейчас наговорил лишнего.

— Господин Мор, послушайте меня, — обратилась я к легионеру, не давая Фарлагу вставить слово. — В этой шкатулке находится ингредиент, который может спасти ректору жизнь. Моя мать... та, что меня вырастила, оберегала его от этой женщины, — я кивнула на Аманду. — Потому что ради него та удерживала и истязала мою настоящую мать. Моя

приемная мать закрыла эту шкатулку ценой своей жизни. Убила ее, кстати, Аманда Блэк, которую вы собираетесь арестовать, она только что мне в этом призналась. Но дело в том, что только смерть Аманды теперь способна открыть шкатулку. Только ее смерть может спасти ректору Фарлагу жизнь. Кстати, прокляла его тоже Аманда. Даже если правосудие над ней свершится, в чем я сомневаюсь, она проживет еще несколько лет, а жизнь ректора в ближайшие месяцы станет настолько невыносима, что прекратить ее будет большим благом, чем сохранять.

Выражение лица Мора отчасти смягчилось. Я поняла, что он простил Фарлагу непристойное предложение, но решимость из его взгляда никуда не делась.

— Мне очень жаль, — с чувством сказал он мне, а потом перевел взгляд на ректора. — Мне правда жаль, господин Фарлаг, но я представитель закона. Не я решаю, кого казнить, а кого миловать. Легион разберется с этим, судьи разберутся. А я на своем месте и не могу допустить расправу. Кем бы ни была эта женщина, она имеет право на справедливый суд.

Я увидела, как Аманда расслабилась, а по ее губам скользнула торжествующая улыбка с небольшой примесью презрения в адрес Мора. Справедливый суд, как же. Старший легионер столицы уже очарован ею. Он отпустит ее сразу, как только Мор приведет ее в Легион...

От злости и бессилия в груди снова загорелся огонь, в глазах появилась режущая боль, которая, судя по всему, собиралась стать моим постоянным спутником в такие моменты.

— Справедливый суд? — переспросила я, едва сдерживая вспыхнувшую ярость. Мой голос дрожал, но мне было наплевать. — Скажите, господин Мор, а где была ваша справедливость, когда эта женщина мучила и убивала мою мать? Ни она, ни ее сообщница не понесли никакого наказания. Где был ваш закон? Где был ваш Легион? Вы могли остановить все это еще двадцать лет назад, но она обвела ваших коллег вокруг пальца. Ей все сошло с рук. Одна девушка погибла, вторая была вынуждена всю жизнь скрываться. Но Аманда все равно нашла ее и тоже убила. Кто-то ее за это наказал? Нет, ваш Легион даже расследование не стал затевать. Потому что вас так легко обмануть! Лично вас она тоже обманула, когда убила профессора Блэка. Она мучила, убивала, калечила жизни, проклинала людей, но справедливость, закон и Легион молчали. Зато теперь вы готовы ее защищать. Она снова вывернется, понимаете? Как и пообещала, разрушит вашу карьеру. А когда Найт уже не сможет меня защитить, она доберется до меня. Рассказать вам, что она только что обещала со мной делать? Как она собиралась убивать тех, кто мне дорог, чтобы вызвать мои слезы? Как она планировала подсылать ко мне мужчин, чтобы те насильовали меня и делали матерью? Потому что кровь моих детей тоже может согдиться для ее снадобья. Вы хотите для нее справедливости? Тогда сверните ей шею собственными руками здесь и сейчас. Это будет справедливо!

Не знаю, откуда во мне в тот момент взялось столько злости. Наверное, вся боль последних месяцев, все потери и угнетающие открытия, которые я была не в состоянии выплакать, весь пережитый несколько минут назад ужас выплеснулись в этой речи.

Они молча смотрели на меня. Все трое: Мор, Найт и даже Аманда. Последняя — почти испуганно. Найт — просто удивленно, а в глазах Мора я видела внутренний конфликт. Легионер в нем боролся с человеком.

— Я не могу просто казнить ее, — в конце концов повторил он.

— Я могу, — заверил Фарлаг, но я знала, что это не так. И словно в подтверждение моих мыслей он добавил: — Но если вас так беспокоит факт расправы, пусть это будет честный магический поединок. Представим, что вас и правда не было тут. Она похитила

моих студентов, пыталась их убить, мне пришлось вмешаться... Такой вариант больше устроит вашу совесть?

Такой вариант совершенно не устраивал меня, однако это, судя по всему, никого не волновало. На лице Мора отразилось облегчение. Аманда тоже выглядела довольной: она чувствовала в себе силы победить Найта. Последний тоже казался уверенным в своей победе, но у меня от одной мысли об этом поединок вспотели ладони.

— Но как же... проклятие... Твой магический поток... — попыталась возразить я, но Фарлаг жестом остановил меня.

— Я справлюсь, Тара. Обещаю. Береги шкатулку.

Мор тем временем снял с Аманды браслеты и как-то слишком спокойно произнес:

— Мы будем ждать наверху. Если выйдете вы, — он обратился к Фарлагу, — я просто уйду, а вы вызовете других легионеров. Если же выйдете вы, — теперь он посмотрел на Аманду, — я заберу вас в Легион. Вы будете вольны рассказать моему руководству о том, что я допустил здесь. Это понятно?

Аманда кивнула, а Мор взял меня под локоть и потянул к лестнице. Я попыталась протестовать, но довольно вяло. В конце концов, что я могла сделать? Без амулета я была бесполезна, а Фарлаг уже все решил. Не мне было оспаривать это решение.

Мор вывел меня из коттеджа. Хмурый Дорн и уже высушивший себя и свои вещи Алек ждали в паре метров от входа. Конечно, они оба заметили, что мы вышли только вдвоем. На лице Дорна отразилась тревога, но... не такая сильная, какую я ожидала увидеть. Кажется, снадобье Аманды действовало тем слабее, чем меньше было изначальное влечение. А Дорна она, судя по всему, возбуждала только обещанием шанса поквитаться со мной. Как только шанс этот испарился, его сознание прояснилось.

Алек выглядел более озабоченным. Он прямо спросил, где ректор и его бывшая жена, на что получил сдержанный ответ Мора:

— Я разрешил им поговорить наедине.

Этот ответ явно не обрадовал Алека, он перевел вопросительный взгляд на меня. Мне оставалось только пожать плечами.

— Им нужно... кое с чем разобраться, — внезапно осипшим голосом объяснила я.

Наверное, он подумал, что я ревную и из-за этого волнуюсь, потому что ободряюще улыбнулся мне и приобнял за плечи. Я с трудом слотнула, чувствуя себя неловко по очень многим причинам.

Птицы продолжали беззаботно щебетать, а солнце — ярко светить, но меня трясло от холода, словно я оказалась на улице в одном платье посреди зимы. Время тянулось невыносимо долго. Казалось, прошла еще одна вечность, хотя обычно магический поединок не длился дольше трех минут. Возможно, легионеры и темные могли продержаться дольше, но у обычных людей со средним собственным потоком не хватало сил.

Я так сильно сжимала шкатулку в руках, что ее острые края и выпирающие элементы отделки болезненно впивались в кожу. Я ослабила хватку только тогда, когда наконец услышала приближающиеся шаги. Тяжелые, шаркающие, но смутно знакомые. Это совершенно точно была не Аманда.

Я бросилась к входу в коттедж и едва не столкнулась с Найтом в дверном проеме, что оказалось весьма кстати: он едва держался на ногах и был ужасно бледен. Мне удалось поддержать его, но ровно настолько, чтобы он не упал на землю, а медленно осел на нее, привалившись спиной к стене коттеджа. Судя по тому, с каким трудом он дышал и как время

от времени содрогалось его тело, у него начинался приступ.

Но это не имело никакого значения. Главное — он победил. Еще один приступ он переживет, он их уже столько пережил! А потом мы сварим снадобье, и он поправится. Эта мысль настолько меня вдохновила, что я улыбнулась, несмотря на его бедственное состояние сейчас.

Фарлаг посмотрел на меня мутным взглядом. В любой момент его сознание могло угаснуть, но ему хватило сил сообщить мне:

— С ней покончено...

И после этого его глаза закрылись, а дыхание превратилось в ужасающий хрип.

Я погладила его по щекам, по волосам, несколько раз поцеловала, просто потому что уже не могла не целовать. Мои судорожные бессмысленные действия перемежались не менее бессмысленным шепотом. Я обещала ему, что все будет хорошо и скоро он поправится. Просила еще немножко потерпеть, а потом поняла, что он меня не слышит.

— Помогите же мне! Его надо отвести в его апартаменты, там есть снадобья... Только не левитируйте! Он этого не любит.

Мор понимающе кивнул, и они вместе с Алеком подхватили Найта под руки и потащили на себе в сторону замка. Немного растерянный Дорн, не зная, что ему делать, пошел рядом. Бежать ему все равно было некуда. Я схватила с земли шкатулку, собираясь последовать за ними, но не удержалась, подняла крышку и заглянула внутрь.

Там лежали замысловатый браслет, небольшой конверт и флакон с жидкостью. Я конечно в первую очередь вытащила его, сразу понимая, что что-то не так. Жидкость внутри была не прозрачная, а мутно-ржавого цвета.

Это были не русалочьи слезы, а уже готовое снадобье. Вероятнее всего, снадобье истинной молодости.

В этот раз приступ продлился долго, до утра следующего дня, но протекал при этом как-то вяло. Судороги и спазмы довольно быстро снимались снадобьями, и большую часть ночи и Найт, и я спали, но время от времени ему становилось хуже, начинались жар и бред.

Мне казалось, что его состояние вызвано не столько проклятием, сколько случившимся в подвале сгоревшего коттеджа. Кем бы ни оказалась Алисия, какой бы она сама ни оказалась, он прожил с ней три относительно счастливых года. И пусть его чувства к ней были усилены снадобьем страсти, они все равно были. Он прожил с ними пять лет, и пары часов едва ли могло хватить, чтобы полностью перестроиться. И тем не менее, ему пришлось убить ее. Ему, человеку, который никогда в жизни не совершал ничего подобного. Честно говоря, я не понимала, как он вообще смог. И почему-то мне казалось, что он сделал это не столько для себя и открытия шкатулки, сколько из-за меня.

Наверное, потому что в бреде он часто повторял, что мне больше нечего бояться и Аманда больше не причинит мне зла. А еще он говорил о русалке, которая помогла ему победить. Якобы он только отбросил Аманду заклятием в бассейн, а там появилась русалка и утащила ее на дно. Найт утверждал, что видел ее хвост. Оставалось только догадываться, откуда взялась такая странная фантазия. Вероятно, его сознанию было слишком сложно принять факт убийства. Откуда взялся образ русалки, я тоже догадывался. Мне оставалось только держать его за руку, делать холодные компрессы, со всем соглашаться и думать, как я расскажу ему о том, что в шкатулке не было слез.

Поскольку Найт надолго выпал из реальности, Мор сам вызвал своих коллег. Они действительно нашли Аманду в бассейне, как и рассказывал мне Найт. Официальная версия звучала так: Аманда с помощью Дорна похитила Алека Прайма и меня, планировала убить обоих, но Мор и Фарлаг успели вмешаться. Позже Мор позволил бывшим супругам объясниться наедине, но Аманде как-то удалось освободиться от браслетов. Она напала на Фарлага, и он был вынужден защищаться. Поначалу сам Мор и вел это дело, но через пару дней его сменил другой легионер и количество вопросов к Найту возросло.

Однако его это, как мне казалось, не слишком пугало. От приступа он оправился, но в свое привычное состояние не вернулся. Даже новость о том, что в шкатулке оказалась жидкость, не похожая на слезы, воспринял довольно равнодушно. Я очень надеялась, что со временем эта апатия пройдет. Пока же она была ему на руку, потому что на все допросы он реагировал достаточно спокойно, а спокойствие свидетельствовало в его пользу.

Пока Найт разбирался с легионерами и боролся с внутренними демонами, я провела исследование найденного в шкатулке снадобья. Новый преподаватель научил меня во время нашего индивидуального занятия. Мне не удалось определить все ингредиенты, но те, что проявили себя, совпали с рецептом снадобья истинной молодости, каким я его запомнила. Запомнила — потому что найденный мною у Блэка конверт вместе со всем содержимым, которое я туда сложила, Аманда уничтожила. От него осталась только горстка пепла в углу комнаты, где когда-то держали Лилию Тор.

А еще я каждый день читала письмо и рассматривала найденный в шкатулке браслет.

Письмо было написано мамой. Деллой. На нескольких листах убористым почерком она рассказывала мне всю правду. О Лилии, о своей матери, обо всем, что произошло двадцать

лет назад. И хотя большую часть этой истории я уже знала, было несколько моментов, которые я читала, затаив дыхание.

Прежде всего это были строчки о моей настоящей матери. Делла рассказывала о том, какой была Лилия: милой, доброй, боязливой, но любопытной.

«Она не могла пожаловаться мне на то, что моя мать с ней делала. Или не хотела, понимая, что я все равно ничего не смогу для нее сделать. Нашей речью она так и не смогла овладеть, но мы с ней общались и понимали друг друга. Мы разговаривали жестами, картинками, смехом. Она задавала мне безмолвные вопросы о нашем мире, пела мне о своем. И хотя в этой песне не было слов, я все равно понимала. Я словно погружалась в сон, и мне являлись картины, которые она хотела мне показать. Не знаю, как она это делала.

Она всегда была добра ко мне. Даже лечила головную боль, когда она случалась. Это то немногое, что я смогла тебе передать от нее. Мне кажется, она любила меня. Я-то точно привязалась к ней, как к младшей сестре. Мы много времени проводили вместе, когда я не училась. И хотя я видела, что она тоскует по привычной жизни, тогда мне казалось, что призвать ее к нам было не таким уж злодейством.

Злодейства открылись мне позже...»

Делла рассказывала о том, что узнала, без прикрас. Рассказывала она и о том, как пыталась добиться каких-то действий от отца, но тот ее не слушал. Даже в этих строчках, написанных годы спустя, еще чувствовалась горечь и обида на него. И мне было вдвойне больно все это читать, потому что я помнила лицо профессора Блэка в тот вечер, когда он подумал, что я и есть Делла. Я помнила отчаяние в его голосе, когда он просил прощения и когда потом спрашивал, где же его дочь и когда вернется. И мне было горько от осознания того, что они так и не нашли друг друга, чтобы объясниться.

«Наверное, мне стоило предпринять что-то другое, — писала Делла. — Подумать еще, обратиться в Легион или к ректору Лекса. Рассказать обо всем, что происходило у нас дома. Но я была молода и глупа. Я задумала побег, но не продумала его до конца. Вероятно, это я погубила Лилию, хотя хотела ее спасти. Моя мать заметила наше исчезновение слишком рано и попыталась догнать. Это происходило ночью, в темноте мы сбились с пути и заплутали в лесу, который отделял наш коттедж от замка, поэтому у нее были все шансы нас обнаружить. Я была в ужасе, потому что моя мать к тому времени совсем обезумела. А ты была совсем крошечной, не понимала, что происходит, а потому то и дело начинала плакать.

Лилия была слаба и едва могла идти, поэтому тебя и вещи несла я. Когда она поняла, что нам не оторваться от Аманды, она заставила меня спрятаться и затаиться. Потом сняла с себя ожерелье, которое я ей подарила, и поцеловала меня в щеку, прощаясь. Я должна была ее остановить, но я слишком испугалась. Наверное, я боялась свою мать даже сильнее, чем она. Потому что Лилии хватило смелости отвлечь ее внимание на себя, а я смогла только бежать дальше. Я бросила ее. И никогда не смогу простить себе этого.

Я не умела толком пользоваться порталом, поскольку всегда проходила через него только с родителями. Смогла включить, а место назначения осталось от того, кто проходил через него последним. Так я оказалась Леросе — городе, где я встретила своего будущего мужа. Если бы не он, мы бы с тобой совсем пропали. Я знаю, что отношения между вами так и не сложились. Он влюбился в меня, но так и не смог принять тебя. Но как бы ни было, каким бы он ни был, он заботился о нас. Без него я бы не справилась. Мне искренне жаль, что я так и не смогла полюбить его так, как он того заслуживал, ведь он сделал для меня — для нас — все. Помог с документами, приютил в своем доме, женился на мне.

Я надеялась, что после побега все же смогу достучаться до сознания отца, но через пару дней прочитала в газетах о пожаре в нашем доме. И о том, что я погибла. Конечно, я сразу поняла, кто на самом деле погиб и похоронен в моей могиле. Я плакала несколько дней, разъедаемая изнутри чувством вины. Я едва не сожгла портрет отца, который взяла с собой на крайний случай. В последний момент передумала. И с тех пор я перестала плакать.

Я посвятила свою жизнь тебе. Не думаю, что мне удалось стать для тебя хорошей матерью. И, наверное, я могла найти для тебя отца лучше. Но я сделала, что могла. Ради нее. Если ты читаешь это, значит, и я, и моя мать мертвы. И мне остается только надеяться, что однажды ты простишь все то зло, что моя семья причинила тебе и Лилии. Помни ее. Она держала тебя на руках всего раз в жизни, но я знаю, что она тебя любила.

У меня не осталось ее портрета, только браслет, с которым она пришла в наш мир. У русалок своя магия, но как нам нужен фокусирующий артефакт, чтобы направлять поток, так и им нужно то, что помогает им превращаться из русалки в человека и обратно. Я наблюдала несколько раз, как она это делает: она просто меняла руку, на которую надевала браслет. Когда она надевала его на правую, она становилась той, кем родилась. Надевала на левую — снова возвращалась в человеческий облик. Не знаю, сможешь ли так ты, ведь ты русалка только наполовину, но все равно передаю этот браслет тебе.

А еще мой случайный приятель хранит у себя коробку с ожерельем. Господин Кобал, ты его знаешь. Вероятно, он уже вернул тебе то, что я ему оставила, но если нет, найди его и возьми сама. Пусть это всего лишь безделушка, сбереги ее как память о русалке, чьи слезы стоили ей жизни. И не забывай меня, потому что я тоже люблю тебя. Твоя мама Делла».

И ни слова о русалочьих слезах, которые она забрала с собой. Как будто их и не было.

Через пару недель после моего дня рождения все наконец улеглось. Легионеры перестали навещать Найту, а он снова начал улыбаться. По крайней мере, мне. Виделись мы нечасто, предпочитая не подкармливать слухи, которые и так витали в воздухе. Конечно, все считали, что бывшая жена ректора пыталась меня убить из ревности. Истинные причины еще не просочились в прессу. Я надеялась, что настоящая история так и останется тайной для большинства. Мне не хотелось, чтобы весь мир знал о том, кто я такая. Не хватало мне только новых охотников за русалочьими слезами.

Я так и не заставила себя рассказать Алеку правду о нашем родстве. Эту тайну я бы тоже предпочла навсегда похоронить. Я не видела для себя никакой пользы от того, что Сет Прайм мой отец. Он едва ли даже помнил Лилию, какое ему могло быть дело до меня?

Так я думала до тех пор, пока Сет Прайм не появился на пороге нашей с Реджиной гостиной. Моя бедная соседка, с которой мне с трудом, но удалось помириться, едва не выронила из рук чашку чая, когда увидела его. А когда она поняла, что Прайм-старший пришел ко мне, ей стало совсем нехорошо.

Меня тоже била нервная дрожь, когда мы, по его просьбе, прошли в мою спальню. Я не знала, ни что делать, ни как себя вести. По тому, как он смотрел на меня, я догадывалась, что он все узнал, но пока не представляла откуда. Впрочем, мое неведение растворилось, едва он заговорил:

— Я получил письмо от ректора Фарлага, — спокойно сообщил он, разглядывая мое лицо с гораздо большим интересом, чем в нашу первую встречу. — Он рассказал мне о... том, кто ты.

— Ректор Фарлаг зря это сделал, — заметила я, скрещивая руки на груди и пытаюсь

унять дрожь.

— Едва ли, — мягко возразил он. — Я благодарен ему.

Наверное, на моем лице слишком явно отразились удивление и сомнение, потому что он вдруг смутился. Видеть смущение на лице такого человека, как Сет Прайм, было очень неожиданно. Он шагнул ко мне ближе, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не попятиться.

— Послушай, Тара, я не буду врать, что всю жизнь тебя искал и теперь очень рад тому, что нашел. Я даже не знал о тебе. Я и твою мать видел всего несколько раз в жизни, не могу даже сказать, что знал ее. Она долгое время была для меня... мифом. Лесной нимфой, голосом где-то вдалеке. Но голос этот околдовывал.

— Можете рассказать подробнее? — попросила я.

Раз уж он был здесь, я решила, что было бы неплохо получить последнюю доступную мне деталь этой мозаики, чтобы сложить полную картину.

Он тяжело сглотнул, неловко потер лоб и откашлялся, прочищая горло. Ему явно было некомфортно и вспоминать об этом, и говорить, но он честно выполнил мою просьбу.

— Когда я жил здесь, то каждый день гулял. По парку, по лесу. Сначала жена меня вытаскивала на прогулки, но с каждым месяцем ей было все труднее это делать, а потом мне и вовсе пришлось отправить ее в столицу под присмотр докторов. А привычка гулять осталась. Сначала я слышал только пение, где-то далеко, даже точно не понимал, где оно. Однажды нашел источник: на берегу пруда сидели две девушки и одна пела другой. Завораживающий голос, погружающий то ли в сон, то ли в видение. Потом я несколько раз встречал эту девушку одну. Пару раз пытался заговорить, но она всегда только улыбалась мне, а потом сбегала. Она была загадкой, ответ на которую я узнал только вчера из письма Найта. А тогда я не знал ни имени, ни кто она.

Он замолчал, о чем-то задумавшись. Наверное, слишком глубоко погрузился в воспоминания, как в сон. Лишь через какое-то время опомнился, стряхнул с себя наваждение и продолжил:

— В ту ночь я просто задержался в Лексе. Моей жены тут уже не было, зато шла ревизия, мы засиживались допоздна, сводя балансы. Шел дождь, давно стемнело, я столкнулся с ней случайно почти у двери своего коттеджа. Она вся промокла, дрожала от холода, выглядела испуганной. У меня в мыслях не было ничего дурного, я только хотел ей помочь. На вопросы она не отвечала, куда ее надо отвести, я не знал. Поэтому отвел к себе. Дал сухую одежду, напоил горячим чаем. Я пытался расспрашивать ее, что случилось и что я могу для нее сделать. А она только смотрела на меня своими нереальными глазами... А потом запела.

Он прикрыл глаза и улыбнулся своим воспоминаниям, а у меня с каждым его словом сердце билось все сильнее. Даже сейчас, двадцать с лишним лет спустя, он выглядел... околдованным.

— Я не собираюсь оправдываться, — сказал он, открывая глаза. — Я мог бы сказать, что она меня соблазнила, а я просто не устоял, поскольку давно не был близок даже с собственной женой. Но я осознаю, что ответственность за все, что произошло в ту ночь, лежит на мне. И только на мне. Да, я не устоял. Не знаю почему. Поверь, я любил свою жену. Я и сейчас ее люблю. Она и Алек — самое дорогое, что у меня есть. Но та девушка... Твоя мать... Я до сих пор иногда слышу ее голос. Я не знал ни о чем, что с ней случилось. Утром ко мне явилась жена профессора. Я тогда даже не знал, как ее зовут. Начала угрожать.

Сказала, что ее племянница несовершеннолетняя и недееспособная. Обещала обо всем рассказать моей жене, если я еще хоть раз подойду к ней близко. Я считал, что она имеет право злиться. И мне было стыдно, а моя лесная нимфа... то есть русалка, как я теперь знаю, так ничего мне и не объяснила. Меньше чем через месяц я покинул Лекс. Ревизия прошла, мой контракт закончился, а моя жена была готова родить. Вот и вся история.

Он замолчал, и какое-то время мы стояли с ним посреди комнаты в абсолютной тишине, думая каждый о своем. Я посматривала на него, пытаюсь почувствовать хоть что-то. Ведь вот он, мой родной отец, из-за которого я во многом и начала свои поиски, стоял передо мной. Даже немного лучше, чем я его себе представляла: моложавый, красивый, высокородный, влиятельный, богатый. Он бы наверняка смог добиться того, о чем я хотела его попросить: расследования смерти моей матери. Только оно уже было не нужно. О смерти своей матери я узнала больше, чем хотела. И виновный уже даже понес наказание. Я смотрела на Сета Прайма и совсем ничего не испытывала. Ни радости, ни тепла. Любви тоже не чувствовала. Я не злилась на него, нет. Мне не за что было на него злиться. Просто я уже не знала, что мы будем делать с нашим родством.

— Она пришла ко мне за помощью, — вдруг сказал Прайм, снова посмотрев на меня с виноватой улыбкой. — А я ничего для нее не сделал. Просто провел с ней ночь.

— Вы же не знали, — я пожалала плечами. — Может быть, она и не за помощью к вам приходила, а именно за этим? За лаской, теплом... За тем, что можно принять за любовь. Если постараться. И, возможно, эта ночь, которую вы с ней провели, было лучшим из того, что произошло с ней после того, как она здесь оказалась. Не вините себя. Вы ничего не знали. И она по сути была для вас никем. Но в этом нет вашей вины.

— Знаешь, ты можешь обращаться ко мне на «ты», — он улыбнулся. — Ты ведь все-таки моя дочь.

Я покачала головой.

— Нет, я... Только биологически. Это не считается. Лучше нам вообще об этом забыть.

Он нахмурился, как будто даже обиделся, но это выражение лишь промелькнуло на его лице. Потом он снова едва заметно улыбнулся.

— Не отказывайся от меня, Тара. Я не собираюсь от тебя отказываться. Я не могу сделать вид, что ничего не знаю, и отвернуться от тебя. Хватит и того, что я отвернулся от твоей матери, когда был нужен ей. Ты не обязана, конечно, кидаться мне на шею и называть «папой», но я собираюсь признать тебя и дать свою фамилию. Если, конечно, ты согласишься ее принять.

— Знаете, я вроде как замуж выхожу, — неуверенном пробормотала я. — Поэтому все равно возьму фамилию мужа. Так что нет смысла из-за меня ссориться с женой и сыном. Такие истории... Знаете, они способны навсегда убить доверие.

Он кивнул, помрачнев. Конечно, он понимал, какие последствия будут иметь такие действия, прежде всего, для его семьи. Но выглядел он при этом решительно.

— Своей семье я точно все расскажу. С женой я уже поговорил, как только получил письмо. Полагаю, она имела право узнать первой. С Алеком поговорю сразу после того, как мы закончим с тобой. Я не хочу, чтобы это висело над нами. Любая тайна рано или поздно выходит наружу, особенно когда о ней знают многие. И лучше я сам об этом расскажу, чем они узнают от кого-то еще.

С этим я не могла поспорить. Мы снова замолчали, неловко переминаясь с ноги на ногу. Я полагала, что эта неловкость будет преследовать нас еще долго, если мы продолжим

общаться.

— Я хотел бы как-нибудь с тобой увидеться. Если ты не против. Может быть, во время каникул ты наведишь меня вместе с Алеком? Если, конечно, он все еще захочет видеть меня после нашего сегодняшнего разговора.

— И меня заодно...

— Не думаю, что он будет иметь что-то против тебя, — Прайм улыбнулся. — Что ж, я думаю, для первого раза с нас обоих хватит. Ты пока подумай над моим приглашением. И моим предложением. Знаешь, в этом мире не так уж плохо носить фамилию Прайм.

Он на мгновение коснулся моего плеча и уже почти повернулся, чтобы уйти, но задержался и добавил:

— По-моему, ты очень на нее похожа. На меня тоже, но на нее больше. Мне так кажется, потому что... Знаешь, я ведь почти не помню ее лица.

В его взгляде было что-то непонятное. Похожее на озвученный вопрос или невысказанную просьбу. Я скорее почувствовала, чем поняла ее. Подошла к своему столу, достала жестяную коробку со своими «сокровищами», открыла ее.

— У меня есть только один ее портрет, — пояснила я, когда он подошел ближе. — Вот, это моя мама. Точнее, они обе мои мамы. Родная и приемная.

Сет Прайм смотрел на портрет гораздо дольше, чем я ожидала. Все это время я гадала, что же это было за чувство, которое пробудила в нем Лилия. Можно ли было назвать его любовью? Или это была просто магия русалок?

— Спасибо.

Голос Прайма, когда тот возвращал мне портрет, прозвучал очень эмоционально, но кроме этого «спасибо», он больше ничего мне не сказал. Просто еще раз улыбнулся и вышел из комнаты.

Я тоже какое-то время смотрела на портрет, только теперь разглядев тонкую ниточку прозрачных бусин на шее Лилии. Потом бережно положила портрет на место и достала ожерелье.

Прозрачные бусинки заблестели на солнце, проникавшем в комнату через окно. Может быть, украшение было простым и дешевым, но по-своему милым. Я надела его и прижала рукой, прикрыв на несколько секунд глаза.

В этот момент мне показалось, что они обе — и Лилия, и Делла — где-то рядом со мной. И будут рядом всегда.

Теперь я достигла всего: имела перед глазами всю историю своего происхождения, поговорила с родным отцом. Может быть, однажды мне даже удастся почувствовать себя частью его семьи, сейчас я не хотела загадывать.

Но несмотря на то, что мои цели были достигнуты, я не испытывала настоящего удовлетворения. Ведь главное я так и не смогла сделать: освободить Найта от проклятия. Теперь я чувствовала, что для нас настало время снова об этом поговорить.

В рабочем кабинете его не оказалось, в личных комнатах тоже, поэтому я спустилась и вышла из замка. На улице весна уже всюду пыталась вообразить, что она лето. Сначала я отправилась к берегам местного пруда, чтобы, как в прошлый раз, нарвать диких цветов. С тех пор, как по-настоящему потеплело, их стало еще больше.

Несмотря на все пережитое в коттедже, несмотря на все события, которые произошли в нем без моего участия, я приближалась к нему со спокойным сердцем. Мое дыхание было ровным, колени не слабели, руки не мерзли.

Как я и предполагала, Найт оказался там. Стоял у могилы профессора Блэка. Его волосы как всегда были взъерошены, костюм казался слегка помятым. Он стоял, засунув руки в карманы брюк и низко опустив голову. Даже не услышал моего приближения, наверное, слишком глубоко ушел в мысли.

— Так и думала, что найду тебя здесь.

Я постаралась сказать это тихо, но он все равно вздрогнул, как от окрика, и полуобернулся ко мне, смущенно улыбнувшись. Я улынулась ему в ответ. Проходя мимо, поцеловала в щеку, а потом дошла до могильных плит. С помощью магии отчистила ту, что накрывала могилу Лилии, и положила на нее свой простенький букет.

— Надо бы сменить здесь надписи, — заметила я, пробегая взглядом по имени и датам жизни. — И на могиле Деллы тоже.

— Мы займемся этим, — пообещал Найт. — Легион почти завершил расследование. Как только они его закроют, для всего этого будут официальные основания.

Мне неожиданно приятно было слышать «мы» из его уст. Я выпрямилась, подошла к нему и встала рядом. Он обнял меня за плечи и быстро поцеловал в макушку, после чего мы какое-то время просто молча стояли, обнявшись, глядя на могильные плиты и думая каждый о своем.

— Они хоть оставили тебя в покое? — наконец спросила я, имея в виду легионеров.

— Конечно, а какие у них были варианты? — фыркнул он. — Чтобы обвинить в чем-то Фарлага, требуются железные доказательства. В противном случае ни один обвинитель не решится связываться. С показаниями Прайма я вообще выгляжу как герой, а не как злодей.

— Ты и есть герой, — я улынулась, повернулась к нему, чтобы еще раз поцеловать в щеку. — Мой герой.

Он криво усмехнулся, но ни спорить, ни соглашаться не стал. Лишь после продолжительного молчания добавил:

— Мора жалко. Старший легионер столицы отыгрался на нем: они его уволили, представляешь?

— За что?

— Формально за физическое несоответствие, — Найт покачал головой. — Ты же замечала, что он прихрамывает? После темного заклятия до конца не оправился, но какое-то время на это закрывали глаза. А тут вдруг оказалось принципиальным, что он не может сдать норматив по бегу.

— Неужели ничего нельзя сделать? — не могу сказать, что меня удивила несправедливость Легиона, ничего хорошего я от них и не ждала, но она меня возмутила.

— Я уже говорил с отцом на эту тему, но он ведь министр образования. Поэтому из структур Легиона ему подвластна разве что их академия. Кстати, я пригласил его на обед в эти выходные, — добавил Найт. — Хочу, чтобы вы познакомились, а он посмотрел на меня и убедился, что я не планирую выпить яд в тот же момент, как он подпишет мое увольнение.

Вот теперь я занервничала. Как будто мало мне было знакомства с родным отцом — потомком древних королей, одним из богатейших людей нашего мира. Теперь Найт хотел, чтобы я познакомилась с членом Правительства.

Я внезапно осознала, что такой и будет моя жизнь, если Прайм меня признает, а я после этого выйду замуж за Фарлага. Придется знакомиться и даже, наверное, дружить с богатыми и знаменитыми, политиками и прочей элитой. Обо мне станет писать светская пресса и каждый мой шаг будет определяться моим положением в обществе. Эта перспектива казалась мне... кошмарной.

— Ты что, боишься? — удивился Найт, заметив перемену в моем настроении. — Ты ему понравишься. Он только кажется холодным и жестким, на самом деле он другой. К тому же, вы все равно не будете видеться часто. Даже я его редко вижу.

— И как ты меня представишь? — напряженно уточнила я.

— Как мою невесту, — его голос прозвучал удивленно. — Ты ведь все еще собираешься выйти за меня замуж?

Я промолчала, вспоминая разговор с Праймом-старшим. Как он говорил о Лилии и ее пении. Эта мысль не давала мне покоя еще с того момента, как Аманда подтвердила, что опаивала Найта снадобьем страсти. Как сказал сам Найт, воздействие снадобья страсти может перебить только другая магия. Тогда я искренне считала, что ничего такого не делала, но после разговора с родным отцом поняла, что это не совсем так.

Найт Фарлаг внезапно воспылал ко мне страстью, когда я начала лечить его головные боли пением. Возможно, сама того не желая, я приворожила его. Точно так же, как это сделала Аманда.

— Тара? — он напряженно позвал меня, вырывая из этих невеселых мыслей.

— Конечно, — тихо ответила я, не находя в себе сил сказать ему правду.

Я не знала, реальны его чувства ко мне или это всего лишь приворот, но с его слов знала, что именно они дали ему сил и желание жить. Он был счастлив со мной сейчас. Я чувствовала это в каждом его поцелуе, каждом прикосновении, слышала в его голосе и видела во взглядах и улыбках. Я не хотела отнимать у него это. По крайней мере, до тех пор, пока мы не найдем способ снять с него проклятие. Мне хотелось, чтобы он был счастлив, потому что это могло дать ему дополнительное время.

Он повернулся и прижал меня к себе. Так крепко, словно хотел соединиться в единое существо. Мы стояли так довольно долго, казалось, он не собирается меня отпускать, но Найт все-таки отстранился, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Знаешь, я сейчас скажу ужасную вещь, постарайся не возненавидеть меня за нее.

После такого вступления я, конечно, напряглась и успела перебрать в голове несколько

ужасающих вариантов, пока он не продолжил сам:

— Какими бы страшными ни были преступления Аманды Блэк, отчасти я ей благодарен. Потому что стою сейчас здесь с тобой только благодаря ей. Если бы не ее погоня за молодостью и за русалочьими слезами, ты бы даже не появилась на свет. А если бы она не убила свою дочь, которую ты считала матерью, ты бы никогда не появилась в моей жизни. Не знаю, как работает этот мир, что из чего-то столь отвратительного получается нечто настолько прекрасное. Наверное, это своего рода магия. Я знаю, что это неправильно, но я рад, что ты родилась и что наши пути пересеклись. Это придает моей жизни хоть какой-то смысл.

— Но если бы не Аманда, ты не был бы проклят, — напомнила я ему. — Вероятнее всего, уже давно стал бы счастливым мужем и отцом. Не думаю, что я настолько прекрасна, чтобы одним своим существованием оправдать зло, которое она причинила.

Он покачал головой, улыбаясь и глядя на меня с такой нежностью, с какой еще никто и никогда на меня не смотрел.

— Ты еще прекраснее. Поверь мне. Я знаю, что говорю.

Я хотела снова возразить, но он поцеловал меня, лишая сначала возможности, а потом и желаний. Если он так считал, я не хотела его переубеждать. Все равно уже ничего нельзя было исправить, оставалось только жить дальше.

Поэтому я просто наслаждалась ласкающими прикосновениями губ, зарываясь пальцами в слишком отросшие волосы и почти не чувствуя того, как колется жесткая щетина. На этом же месте он поцеловал меня в первый раз. Чуть больше месяца назад. В тот день было прохладно и хмуро, а его действия напугали меня и даже повергли в отчаяние. Сегодня же ярко светило солнце, ветер был слабым и теплым, воздух пах цветами, а окружающий коттедж лес наполнял пение птиц. Я наслаждалась каждой секундой, отчаянно желая, чтобы этот поцелуй не заканчивался, но в глубине души понимая, что все это промелькнет в моей жизни, как одно мгновение, и закончится раньше, чем я окажусь к этому готова. И это снова добавляло толику горечи.

— Останься сегодня со мной, — едва слышно попросил Найт, все-таки прерывая поцелуй.

— Не боишься еще одного скандала? — поддела его я, отчаянно желая согласиться, но понимая, что каждая такая ночь — определенный риск для него. Его имя и так достаточно трепали в прессе последнее время.

— Одним больше, одним меньше, — он улыбнулся, пожимая плечами. — Когда я на тебе женюсь, скандал все равно разразится.

Найт отстранился сильнее и только теперь заметил стеклянное ожерелье на моей шее. Мне пришлось объяснить его истинное происхождение, чтобы он понял, почему я вдруг решила его надеть.

— Оно как бы принадлежало им обоим, — закончила я, немного смутившись. — И напоминает о них.

Найт понимающе кивнул и взял в руки одну бусинку, покрутил ее руках, глядя на то, как она блестит на солнце.

— Что-то в этом украшении определенно есть, — заметил он. — Особенно когда знаешь, что это не Арт его подарил. Вроде бы обычное стекло, а красиво смотрится.

— Да, как капельки росы, — добавила я, вспоминая свое первое впечатление.

— Или слез, — с улыбкой добавил он.

Я замерла, как и его рука. Мы оба затаили дыхание, пораженные внезапной догадкой.

Мне вспомнился тот день, в который Найт вел практическое занятие по снадобьям. Словно наяву я увидела, как он подходит к застывшему в состоянии стазиса снадобью, берет повисшую в воздухе каплю и перекачивает ее между пальцами, как бусинку. В тот же момент я заново услышала его слова, сказанные совсем в другой день: «Ваша мать этим очень дорожила: я чувствую следы заклęcia стазиса...»

Заклęcie стазиса, которое не развеялось даже после смерти Деллы. Подпитанное из стороннего источника. Как сильно нужно дорожить стеклянными бусами, чтобы так сделать? И при этом оставить их в коробке у постороннего человека?

«Пусть это всего лишь безделушка, сбереги ее как память о русалке, чьи слезы стоили ей жизни».

— Не может быть, — шепотом выдохнула я. — Не может же все быть так просто?

Однако судя по выражению лица Найта и тому, что он тоже боялся дышать, его посетили те же самые мысли.

— Ничего не просто, — возразил он. — Мы как ненормальные пытались открыть шкатулку, думая, что слезы там, и ни разу не подумали на ожерелье. Даже когда Дорн искал слезы в твоём столе, он не обратил на него внимания. Уверен, и сама Аманда не догадалась бы... Так, аккуратно, только без резких движений. Снимай его.

Пока я растегивала замочек дрожащими пальцами, он сквозь пространство достал стакан из своей лаборатории. Мы положили ожерелье в него, и Найт отменил заклęcie стазиса.

Бусинки в одно мгновение превратились в прозрачную жидкость, которой оказалось достаточно много.

Не веря собственным глазам, я посмотрела на Найта. Тот выглядел шокированным, но уже широко улыбался. На этот раз ошибки быть не могло.

Это был лучший подарок из тех, что мои мамы могли для меня сделать: они подарили мне жизнь любимого мужчины.

У нас все получилось, и даже остался небольшой запас русалочьих слез. К тому дню, когда Лекс навестил Раст Фарлаг, проклятие Найта было уже снято. Во что его отец не мог поверить долгие пять минут и все выпрашивал, как так получилось и почему сын раньше ему ничего не сказал. Когда Найт объяснил, что необходимый ингредиент получил буквально за два дня до его визита и что получил он его от меня, будущий свекор неожиданно порывисто обнял меня. Так крепко, что я едва не задохнулась. Даже не знаю, кто был больше шокирован этим: я, Найт или сам министр Фарлаг. Отчасти я его понимала. Если он действительно думал, что сын собрался принять яд и они встречаются, чтобы попрощаться, то такая новость вполне могла вызвать у него даже помутнение рассудка, не то что излишнюю эмоциональность. Но я считала такую благодарность незаслуженной. Ведь я ничего не сделала, просто получила нужный ингредиент по наследству. Вот если бы я заплакала, и снадобье было сварено из моих слез, тогда другое дело.

Тем не менее, как и предсказывал Найт, его отцу я понравилась. В результате нашего совместного обеда приказ об увольнении сына с поста ректора Лекса Раст Фарлаг подписал уже в понедельник утром. В течение дня Найт передал дела временно исполняющему обязанности ректора преподавателю, а к вечеру полностью переехал в свой новый коттедж. Целую неделю мы радостно отмечали это событие, так что Реджина получила все общие

места наших апартаментов в свое безраздельное пользование.

Сбылось и другое предсказание Найта: Алек Прайм и не думал на меня злиться. Уж не знаю, как сложился его разговор с отцом, но когда он пригласил меня в кафе на чашку чая, выглядел он скорее немного удивленным, чем огорченным. Алек попросил рассказать известные мне подробности той истории, и я посчитала, что он имеет право знать все. Мы проговорили долгих два часа, и к концу этого разговора все мои страхи развеялись без остатка. Уже провожая меня к коттеджу Найта, Алек признался:

— Всегда хотел иметь брата или сестру. Расти одному было ужасно скучно, — он улыбнулся. — Но мама и со мной намучилась, доктора не рекомендовали ей заводить еще детей, поэтому я так и остался единственным ребенком в семье.

— Надеюсь, она не слишком сильно злится на твоего... на нашего отца, — осторожно ответила на это я. — Я видела его всего два раза в жизни, но он показалась мне очень достойным человеком. Не хотелось бы, чтобы из-за одной ошибки в далеком прошлом у него были проблемы в настоящем.

Алекс вздохнул и пожал плечами.

— Думаю, у них все будет хорошо. Со временем. Они прожили вместе целую жизнь, и я всегда был уверен, что они обожают друг друга. Думаю, она простит.

Он неожиданно наклонился и поцеловал меня в щеку. По-братски. И с широкой улыбкой попрощался:

— До завтра, сестренка. Скажи своему парню, что если будет тебя обижать, будет иметь дело со мной... Рогатый демон, всегда мечтал сказать что-то такое!

Это прозвучало смешно, но приятно. Всю жизнь я чувствовала себя очень одиноко, а теперь вокруг меня образовывалась огромная семья: отец, брат, жених, его отец. У меня голова шла кругом от свалившегося на меня счастья. Ничто не могло его омрачить: ни скандальные статьи в прессе, ни пристальные взгляды и шепотки студентов Лекса.

Даже не знаю, какая из новостей произвела большой фурор: то, что я оказалась дочерью Прайма, или то, что Фарлаг ради меня оставил пост ректора и собрался жениться. Одно я почувствовала очень быстро: носить фамилию Прайм в этом мире действительно оказалось очень полезно. Отношение ко мне изменилось мгновенно как среди преподавателей, так и среди студентов. То, что я собиралась сменить ее на Фарлаг, тоже добавляло мне «веса» в глазах окружающих.

— Дело даже не в фамилиях, — объяснял мне Найт как-то ночью, когда мы лежали в его постели и разговаривали вместо того, чтобы спать. — А в том, что за ними стоят определенные люди. С деньгами, связями, высокими должностями, влиянием. Каждый понимает, что любая обида, нанесенная тебе, будет воспринята как оскорбление как минимум мной и Сетом Праймом, а как максимум — обеими нашими семьями. А такие семьи, как наши, не прощают оскорблений.

И это было еще одно незнакомое мне чувство — чувство полной защищенности. Понимание того, что какая бы проблема ни возникла в моей жизни, ее возьмутся решать очень могущественные во всех смыслах люди. Это ощущение дарило уверенность в завтрашнем дне. Мне больше нечего было бояться.

Со своим неродным отцом, который меня вырастил, я тоже смогла примириться. Мы встретились в первый день моих каникул. К тому времени он уже, конечно, все знал обо мне и о том, чьей дочерью я на самом деле оказалась. Я рассказала ему настоящую историю Деллы и передала ее слова из письма о том, как она была ему благодарна. Мне показалось,

что ему стало немного легче. Наверное, он ее все-таки очень любил. А новость о том, что я не ее дочь, он воспринял с неожиданной радостью, а потом признался:

— Знаешь, я все время злился. На нее и на тебя. За то, что от меня она детей так и не родила. Я все думал, что она продолжала любить того, другого, твоего отца. А оказывается, все было совсем иначе. Жаль, что я этого не знал.

Конечно, это не значило, что теперь мы станем настоящей семьей и с ним, но я надеялась, что мы останемся хотя бы друзьями. В конце концов, у нас было кое-что общее: мы оба любили мою приемную мать Деллу. Он был не против того, чтобы на ее могильной плите появилось и настоящее имя тоже.

После встречи с ним я с легким сердцем наконец отправилась туда, куда Найт давно обещал меня отвести: в его дом на берегу моря.

Солнце давно село, но песок пляжа был еще теплым. Мне нравилось проваливаться в него босыми ногами и слегка загребать его при каждом шаге.

Мы шли, держась за руки и переплетя пальцы, все еще в вечерних нарядах. Свежий ночной воздух охлаждал мои обнаженные плечи, ветер, дувший с моря, трепал распущенные волосы. Волны накатывались на берег с мягким шорохом, миллионы звезд висели на ночном небе, и я почти задыхалась от восторга.

Найт впервые рассказывал мне о том, что его отец женат во второй раз и младший брат родной ему только наполовину, как и Алек мне.

— Моя мать погибла, когда мне было десять лет. Здесь. Она утонула, купаясь в море. Не стоило заходить в воду в тот день: была большая волна. Мне она купаться запретила, а в своих силах была уверена. Не рассчитала. Ее накрыло волной и, что гораздо хуже, она обронила фокусирующий артефакт. Он у нее был в виде перстня, просто соскользнул с пальца. Мы становимся поразительно уязвимы, когда лишаемся артефакта. Ее тело потом вынесло на берег. Вот с тех пор я к воде близко не подхожу. Ну, не считая той, что в раковине и в душе, разумеется.

— Мне очень жаль, — я сжала его руку и погладила по плечу, наконец понимая, почему он так переменялся, когда узнал о смерти моей матери.

А еще мне стало понятно, почему в подвале дома Блэка он старался не приближаться к бассейну, предпочитая обходить его стороной: вода пугала его. Видимо по той же причине он почти никогда не бывал в своем доме на берегу моря, который после смерти матери перешел ему по наследству.

Мы провели здесь почти неделю. Конечно, «дом» превзошел самые смелые мои фантазии. Огромный трехэтажный особняк из светлого камня с большими окнами и просторными террасами для девочки, выросшей на маленькой ферме, больше походил на замок. Я не очень понимала, как в таком месте можно жить вдвоем. Для чего людям вообще такие огромные дома?! Но через пару дней я почувствовала, как привязалась к этому месту. Много солнца, много воздуха, ленивое шуршание волн и запах моря повсюду — что могло быть лучше?

А когда Найт решил устроить вечер для семьи и друзей, чтобы наконец официально отпраздновать нашу помолвку, я поняла, зачем нам столько свободных спален. Он пригласил всю свою семью, Праймов полным составом, в том числе госпожу Прайм, с которой я побаивалась встречаться, а заодно ректора Нормана с Таней, Реджину и Сару. И все они остались у нас на ночь.

Как бы ни была я напряжена поначалу, вечер прошел прекрасно. Госпожа Прайм вела себя со мной очень вежливо, впрочем, с мужем она тоже общалась спокойно. Я не знала, чего в ее спокойствии больше: происхождения или воспитания, но была вынуждена отчасти признать, что в крови старой аристократии и потомков древних королей есть что-то такое, что отличает их от других людей.

Как ни странно, только жена Раста Фарлага и его младший сын не разделяли общего восторга по поводу моей скромной персоны. Не скажу, что они демонстрировали неприязнь, но определенный холодок между нами чувствовался.

Позже, когда вечер закончился и гости разошлись по своим комнатам, мы с Найтом отправились на небольшую прогулку по пляжу, где он и рассказал мне о своей матери.

— Да, мне тоже жаль, — пробормотал он мрачно, а потом добавил уже с большей страстью: — Но теперь ты понимаешь, почему я не мог утопить Аманду в том бассейне: я не мог к нему даже подойти.

Я закатила глаза. Найт по-прежнему время от времени настаивал на том, что Аманду утянула под воду русалка, но объяснить, откуда она взялась, не мог. Я не спорила, но и не верила. Хотя мне тоже было приятно думать, что моя мать могла иметь некоторую форму посмертного существования, вроде Развоплощения. В конце концов, она была существом из другого мира. Кто знает, что происходит с русалками, когда они умирают?

Я и сейчас не стала спорить. Только посмотрела на браслет, который теперь носила на левой руке, практически не снимая, и провела по нему пальцами, глубоко погружаясь в свои мысли. Настолько глубоко, что Найту пришлось дважды повторить свой вопрос.

— Так на какую дату мы назначим нашу свадьбу?

— Может быть, мы не будем торопиться? — осторожно предложила я. — Подождем, пока я доучусь?

Он остановился и удивленно посмотрел на меня.

— Только не говори, что ты передумала. Это потому что я больше не умираю? Или потому что ты теперь Прайм и какой-то там Фарлаг недостаточно хорош для тебя?

Он, конечно, дурачился, но тревога в его тоне чувствовалась. Тревога и непонимание. А я всего лишь хотела, чтобы прошло больше времени с того момента, как я в последний раз пела, чтобы унять его головную боль. Я по-прежнему боялась, что его чувство ко мне — искусственное, что я его случайно приворожила, используя магию русалок.

Мне не хотелось делиться с ним этими опасениями, но когда я поняла, что мой ответ его огорчил и напугал, мне пришлось все рассказать. Этот невозможный человек только рассмеялся, когда я закончила сбивчивое объяснение.

— Тара, даже не волнуйся на этот счет. Я никогда не испытывал ничего более настоящего, чем то, что чувствую к тебе. И да, в этом есть магия, потому что любовь — сама по себе чистая магия. И дело тут не в пении русалки. Ты невероятный человек. Если ты еще этого не поняла, ты уникальное создание. Для нашего мира так точно. И создание прекрасное: русалка с примесью королевской крови. Ты волшебна, как твоя мать, и благородна, как твой отец. Меня завораживало твое пение, но помимо этого меня восхищают твои сила духа и чувство собственного достоинства, мужество и умение держать себя, бороться за себя и за других. Ты прекрасна во всем: и внешне, и внутренне. Я не вижу ни одной причины, по которой я мог бы не любить тебя. Возможно, твое пение просто помогло мне избавиться от чар Алисии... То есть, Аманды. Снадобье страсти воздействует в первую очередь на мозг, дурманя его. Вероятно, избавляя меня от мигрени, ты постепенно избавляла меня и от этого дурмана.

— Хорошо, если так, — кивнула я. — А если нет?

Он остановился и повернулся ко мне. Скользнул руками по обнаженным плечам, запустил пальцы в мои волосы и прижался лбом к моему лбу.

— Если нет, то я хочу жить в твоём дурмане. Серьезно. Если это русалочий приворот, то пусть он длится вечно. Я никогда не был так счастлив. И никогда не буду так счастлив ни с кем другим.

Он отстранился на мгновение, но только для того, чтобы поцеловать меня. Так сильно и

с такой страстью, что у меня закружилась голова. В одном я была уверена: я любила его искренне, очень сильно и без всяких приворотов.

— Ты не просто лучшее, что случилось в моей жизни, — прошептал Найт, прерывая поцелуй. — Ты и есть моя жизнь. И даже не думай сбежать от меня из-за глупых страхов. У меня впервые за последние два года появилась возможность мечтать. Я уже намечтал нам долгое светлое будущее и даже придумал имена для первых четверых детей.

— Первых? — рассмеялась я. — Мне страшно спросить, сколько всего ты их намечтал...

— М-м-м, я и не скажу, пока ты не выйдешь за меня замуж, а то еще испугаешься.

В его голосе было столько восхищения и нежности, что я решила отодвинуть свои сомнения по поводу происхождения его чувств в тень. Это не было похоже на безумие. Найт выглядел действительно спокойным и счастливым. А разве не этого я хотела: чтобы он был счастлив? И я могла ему это дать. В этот момент мне показалось, что это самое главное.

— Если хочешь, поженимся хоть завтра, — предложила я.

— Хочу, — просто ответил он.

— Договорились.

Прекрасный день завершился прекрасным вечером и вместе они завершали прекрасную неделю. Впереди меня ждала счастливая жизнь рядом с любимым человеком, с большой семьей и возможностью заниматься любимым делом. От мысли об этом меня переполняли эмоции, сердце билось как сумасшедшее, и мне становилось все труднее дышать. Я снова покосилась на свой браслет.

— Ты не против, если я поплаваю? — спросила я, чувствуя пока еще малознакомый, но почти непреодолимый зуд.

Он появился несколько дней назад, когда мне наконец удалось обратиться в русалку. Едва оказавшись первый раз в море, я сразу попробовала это сделать. Я пробовала это и раньше в бассейне Лекса, но тогда ничего не получилось. Здесь тоже получилось не сразу, но теперь я превращалась регулярно, порой несколько раз в день.

Становясь русалкой, я испытывала непривычное умиротворение и полную гармонию с собой и окружающим миром. Я погружалась в воду, уходила на немыслимые глубины, слушала песню океана — песню невероятной красоты. Мне не нужен был воздух, мне не нужен был свет. Вода заменяла мне все. Эти заплывы наполняли меня энергией и обостряли чувства, когда я снова превращалась в человека после них.

Я попятилась в сторону кромки воды, но Найт, оставаясь на месте, сжал мою. На лице его отразилась тревога.

— Чем чаще ты это делаешь, тем больше я боюсь, что однажды ты не вернешься ко мне, — признался он.

Я улыбнулась, крепко обняла его и прошептала на ухо:

— К тебе я буду возвращаться всегда, обещаю.

Я поцеловала его в щеку, и он с тяжелым вздохом все же выпустил мою руку. Я повернулась и направилась к воде, на ходу расстегивая платье и стягивая сначала его, а потом и нижнее белье, пока не осталась полностью обнаженной.

Как и всегда, вода сначала казалась мне слишком холодной, но я, не останавливаясь, заходила все глубже и глубже, пока не погрузилась в нее по грудь. Только тогда я сняла браслет с левой руки и надела на правую.

Чем-то это было похоже на фокусирование магического потока, но вместо тепла по

моему телу прокатывался холод, изменяя меня внешне и внутренне. Но холод этот был мне очень приятен.

Мгновения — и вот я уже нырнула, ударив по поверхности воды мощным хвостом, и стремительно ушла на глубину, вслушиваясь в изменившееся пение волн.

Я понимала тревогу Найта. В воде — именно в море — мне становилось так хорошо, как почти никогда не было на суше. Только здесь я чувствовала себя по-настоящему свободной, по-настоящему собой. Здесь не было преград, не было условностей. Только вода, гармония и покой. И каждый раз, когда я возвращалась, я не могла скрыть от Найта этот восторг. Поэтому он боялся, что однажды я не вернусь.

Но я знала, что всегда буду возвращаться. Потому что на берегу оставался он, и вместе с ним на берегу оставалось мое сердце.

Без абсолютной свободы прожить можно, но разве может кто-то прожить без сердца?

Больше книг на сайте — Knigolub.net